

СИБИРСКИЙ

детектив

С. Панч

БРАКОВАННЫЕ

Каждый семейный человек, хоть раз в жизни желал смерти своему супругу. Кто-то гонялся по кухне с ножом. Кто-то в сердцах кричал: “Да провались же ты сквозь землю”. Кто-то мирно спал, представляя себя свободным от уз Гименея.

Денис Сибирский (30 лет) автор фильмов о самых громких преступлениях в России, приезжает снимать программу в свой родной сибирский город Томск. Вместе со следователем полиции он расследует серию убийств, в котором жертвы — токсичные супруги. После каждого убийства преступник через соцсети призывает супружеские пары: «если не любишь, разведись или смерть разлучит вас». Сибирский и сам без пяти минут женатик, но каждое убийство, каждая история скандалов, измен и предательств заставляет его задуматься, стоит ли вообще начинать семейную жизнь.

Первая серия. Заражение

Автор: Сергей Панч

Редактор: Татьяна Чернецкая

Трейлер

Каждый семейный человек хоть раз в жизни желал смерти своему супругу. Кто-то гонялся по кухне с ножом. Кто-то в сердцах кричал: “Да, провались же ты сквозь землю”. Кто-то мирно спал, представляя себя свободным от уз Гименея.

Первая серия. Заражение.

Разработка/День 0/Москва. 21 декабря/Начало/ файл 10001.

Раз-два-три — пры-ы-ы-ы-ы-жок. Денис, как будто ему было 10 лет, спускался по ступеням многоэтажки, преодолевая один пролет в три шага. Раз-два-три — пры-ы-ы-ы-ы-жок. Проверено еще в детстве — так на пару секунд быстрее, чем на лифте. Раз-два-три — пры-ы-ы-ы-ы-жок. Бежать было привычно.

Денис не хотел ехать в командировку накануне свадьбы. Не хотел ехать в глушь, в Сибирь, не хотел двигаться с места. Но. «Сделаю все по-быстрому и вернусь», — обещал он себе и пяти минутами ранее невесте.

Билеты в Томск ему прислали еще утром. Денис тут же позвонил в редакцию напомнил о том, что он предупредил о предстоящей свадьбе. Руководитель программы и по совместительству напарник по настольному теннису, напомнил о долге, о дружбе и выручке.

О командировке будущей жене Ольге Денис рассказал по телефону, уже из редакции, когда вся командировка была сверстана. Он сразу предупредил невесту, что никакой угрозы отмены свадьбы, которую наметили на 28 декабря, не существует. Все пройдет по плану. Ольга расстроилась, но что-то в ее интонации было успокаивающее. Денис слушал дикторский, как и подобает ведущей новостей, голос невесты, и его внутренний переводчик эмоций интерпретировал речь как тишину.

Ехать не хотелось. Особенно в Томск. Задание редакции он слушал вполуха, просил все выслать «портянкой» — длинным файлом-документом, который продюсеры называли разработкой, но он был именно портянкой, не красивой, вонючей, но необходимой временной бумагой. Пока не дадут вместо кирзачей удобные берцы, в которых можно носить носки. Не хотелось ехать, совсем. В редакции назревала революция. Директор программы высокий, лобастый и хваткий тролль Игорь Караванов собирался на повышение, руководить всем отделом доккино. Его пост оставался свободен и Денис, как шеф-редактор и лучший автор-корреспондент, был одним из претендентов. Как и сексуальная продюсерша Маша, как и Витя «без базара» Городов — начальник отдела криминальных новостей, который жил в редакции, и готов был на все.

Были и сторонние претенденты, но о них лишь ходили слухи. Уезжать в самый разгар внутрикорпоративной борьбы было сродни поражению. Но Игорь, положив руку на плечо товарища, с издевательством просифонил: «Старичок, считай это творческим вызовом. Абы кто не справится. Да и премия к свадьбе не помешает. Я бы и сам поехал, но, ты понимаешь, новые дела, новые проблемы. Я нужен людям здесь».

Денис не сдавался и решил найти себе замену. Игорь утвердил только двоих. Вадик вернулся утром из мордовской командировки и прибыл в редакцию, чтобы выпить с коллегами на сэкономленные командировочные. Денису нечего было ему обещать взамен,

поэтому он принялся торговать фьючерсами. В случае успеха в кампании за директорское кресло, он обещал Вадике заменить мордовские командировки на лондонские. Они договорились пойти к Игорю после обеда, и кандидат на командировку улетел в чебуречную. А Денис поехал на 9-этаж в останкинскую столовую, там он собирался встретить замдиректора Ингу Алексеевну, чей голос в корпоративной войне учитывался, хоть и весил не много. Борщ остыл, Денис так и не стал его есть, выловив лишь пару кусков черной говядины. Чай он растягивал медленно. Инга Алексеевна появилась.

Вадик вернулся в редакцию из чебуречной. От него пахло жиром, водкой и предательством. Точнее, какой-то другой более для него ценной выгодой. Вадик не сказал с кем пил, но было понятно, что сексуальная продюсерша Маша уже пригласила его на вечеринку.

Серую мышку Надю Денис рассматривал как крайний вариант. Трудилась она в редакции всего три месяца, но удивляла качественным материалом. Работа в криминальной редакции, которая выпускала документальные фильмы-расследования об убийствах, ей совсем не шла. Было трудно представить ее интервьюирующую Чикатило. Слишком скромная. Может поэтому, думал Денис, не откажет.

Отказала. Резко, больно и немного обидно. Аргументы ее были настолько зубодробительные: визит к стоматологу, одинокая мать в клинике и необходимость сдать материал, что и в этом случае Денис увидел мягкую работу сексуальной Маши. Она опережала его в борьбе за кресло руководителя программы. Более того, ее победа грозила последующим увольнением. Маша должна была понимать, что без «карманного» шеф-редактора ей программу не вывезти, а Денис уживаться с ней точно не собирался. «Премия. Командировочные. Деньги, которые нужны будут пока не найдется новая работа». С этим и поехал. Быстро стовнякать материал и обратно. Оставалась надежда, что Денис вернется в амбициозный серпентарий в тот момент, когда одна змея сожрет всех остальных. И вот тут будет шанс победить самого сильного. Главное — вернуться до новогоднего корпоратива, там все решится.

У него была всего неделя, чтобы успеть снять документальный фильм, вернуться домой, сыграть свадьбу и уделать всех коллег, заняв должность, которую он заслуживал.

Инга Алексеевна позвонила сама. 45-летняя элегантная с крючковатым как у колдуньи носом, завела витиеватую беседу о последнем фильме Дениса. Перехваливала. Гиперболизировала. Эпатировала. Денис отложил поездку домой и встретился с ней уже под ужин. Разговор предстоял выгодный, поэтому он подстраховался и попросил невесту собрать ему командировочную сумку. Он собирался заехать домой перед самым вылетом.

Крючковатый нос не мешал пить Инге Алексеевне шампанское из узкого бокала в кафе у вечно закрытого главного входа. Она называла это место «бассейном»: «Здесь столько звездных рыбок плавают, только и остается что разглядывать, да заглядываться». Денис отказался от сладкого итальянского и заказал дрянного баночного пива.

— Инга, — на телеке принято общаться, не вкручивая отчество, но Денис все равно мысленно добавил Алексеевна, — вы как всегда очаровательны. — Денис почти не врал, она ему нравилась. Интонация была лживой, впрочем, и этого собеседница не заметила. — Поговаривают, Игорь из подвала к вам на полвторого переезжает?

— Хочешь остаться за главного в подвале?

— Кто ж не хочет большой и светлой любви?

Подошел солидный мужик, ведущий какой-то шоу-программы, о которой Денис только

слышал. Он поцеловал в щеку Ингу Алексеевну и, обменявшись любезностями, убежал. Денис посмотрел на смартфон, у него есть час, что уломать ее быть на его стороне.

— Меня Стрельцова уже подмазывала, но это на мужиков, да и то не на всех, ее третий размер действует.

Денис удивился, что сексуальная Маша окучивала всех подряд. Значит, дело о переводе Игоря решено окончательно.

— И когда приказ на Игоря выйдет?

— 28 декабря.

В день свадьбы. Повышение было бы отличным подарком, но Инге Алексеевне он не сказал о свадьбе. Девочкам о других девочках не говорят, так его еще первая любовь научила. Он и молчал.

— Быстро.

— Медленно. Ты действуешь медленно. Стрельцова уже три дня трясет сиськами. Сегодня в караоке будут Мясников и Голубовский, я приглашена и могу тебя захватить с собой. Ко мне заедем. Только я переоденусь и махнем. Если с ними договоришься, понравишься им, дело, считай, сделано.

Денис взял бокал с пивом и медленно всасывал баночное светлое гадкое. Последние слова были четкими и не предполагали какой-то другой интерпретации. Заедем ко мне — обозначало, что пропуском на вечеринку к директорам компании лежит через ее уютное гнездышко. Второе, «если договоришься». Она была готова предоставить допуск к телам директоров, но результат не гарантировала. И третье, надо было конфликтовать с Игорем, отказавшись ехать в командировку.

— У меня самолет через 4 часа. Командировка. На вечеринку не успеваю, — Денис намеренно не отказывал в интрижке Инге, хотя было понятно, что он ее все равно отшивает. — Весь день искал замену, не получилось. Видимо, Стрельцова трясла сиськами и перед моими коллегами. Я могу отказаться, но тогда подставлю Игоря, а ссора с ним делает мое повышение бессмысленным.

Инга Алексеевна отпила шампанское.

— Жаль. Ты хороший, — она встала и пошла в дамскую комнату.

Голову словно зажали в тисках. Перепад давления, неудачи одна за другой и дерьмовое пиво, которое закончилось. Он вызвал такси, и когда Инга Алексеевна вернулась, лишь чмокнул ее в щеку и ретировался, признавая поражение. Поражение на работе, победу в семейной жизни. Так, наверное, всегда. Свадьба, любимая женщина важнее всех этих амбиций. Надо по-быстрому сделать фильм и вернуться к ней.

Раз-два-три прыжок. Денис бежал по лестнице с пятого этажа, преодолевая пролет в три шага. Надо сделать все по-быстрому и вернуться. Шансы еще есть.

— Опаздываем, — по привычке соврал таксисту Денис.

Водитель кивнул, поверив на слово, глянул маршрут на навигаторе и медленно отпустил сцепление. В стареньком Солярисе за рулем сидел теплолюбивый человек из среднеазиатской республики. Несмотря на небольшой минус за бортом, печка работала на всю катушку. Через 15 минут Денис взмок в своем синем пуховике с ярко-голубой подкладкой. Крупный нос и широкий открытый по-сибирски лоб покрылись испариной, но затевать разговор не хотелось, и журналист достал ноутбук. На черном мониторе отразилась глупая и довольная физиономия. Короткий ежик на голове с небольшими залысинами, недельная небритость и самодовольные большие голубые глаза с двумя черными четкими

прямыми бровями над ними. Широкий шнобель как у Джима Харди или Тома Хэнкса добавлял образу брутальности и воинственности. Возможно, поэтому ехали молча — водитель опасался болтнуть лишнего.

Денис давно не был в командировках, но привычка работать в пути никуда не делась. Синенькая лампочка ноута замигала, сообщая, что скоро пойдет процесс загрузки. Мозг разогревался вместе с компьютером. Денис старался угадать, какую головоломку ему предстоит разгадывать в этот раз. В голове промелькнула мысль, что вот так в пути он работает, возможно, последний раз. Тем символичнее будут съемки.

Командировки он любил: «можно отлично поработать и за это отлично побухать». И даже разработал систему командировочного питания: прокапаться в аэропорту, но по чуть-чуть. Взбодриться после первой съемки, но так чтобы выспаться. И ударно завершить “пьянкой после точки” — так он называл вечер, когда отсылал сценарный план руководителю программы и гулял на все оставшиеся командировочные. В этот раз вечерника совпадет еще и с мальчишником.

Экран ноутбука проморгался, Денис открыл почту, скачал файл “разработка” в папку “расследования” и нажал Enter. Документ заблестел сверху синим, а жирные буквы расплзлись по листу. Предложения были написаны разным кеглем, отчего глаза пришлось зажмурить. После нехитрых комбинаций ему удалось привести буквы в читабельный формат. Продюсеры не уважали текст, им важно было набросать на белый лист фактуры, из которой автору приходилось лепить сценарий, поэтому ссылки и важные абзацы копировали в общий документ, не заботясь о красоте, цвете и размере шрифта.

Настроив текст «под себя» Денис принялся читать сводки. Через слово заморосило фактами кровавого убийства, но за годы работы в криминальной программе он привык к такой лексике и не обращал внимания. Палец пополз к стрелкам, чтобы перепрыгнуть на абзац, но случайно нажал пейдждаун. Курсор скаканул на следующую страницу. С большого фото на него смотрела Иринка. Красивые чернявые глазки, покрытые небольшим глянцем блестели в оцепенении. На щеке застыла тонкая багровая струйка. Из сердца торчал предмет похожий на рог, из которого пьют вино на Кавказе. Дениса слегка заколотило.

Он встречался с Иринкой несколько месяцев на третьем курсе. Их роман был бурным, но скоротечным. Однако она, как говорят в народе, навсегда осталась в его сердце. После разлуки, привыкший романтизировать отношения, Денис даже думал, что никого никогда больше не полюбит. Полюбил и многих, но об Иринке почему-то помнил. То ли от жары в салоне, то ли от воспоминаний журналиста замутило. Он захлопнул ноутбук и положил его в сумку.

— Брат, тормозни на остановке, чёт фигово.

— Опаздываем же? — буркнул водила, но пачкать салон не хотелось.

Ответа не последовало, и недовольный таксист пересек 5 линий МКАД и притормозил на автобусной остановке. Журналист вышел, вдохнул влажный свинцовый воздух и медленно пошел в сторону пролеска. Он зашел по колено в сугроб и так, высоко поднимая ноги, прошел вглубь метров десять. Остановившись, взял нетронутый МКАДской грязью снег в ладонь и медленно обтер лицо. Стало легче. Захотелось уволиться и бросить к чертям эту ужасную работу, где каждый день трупы, педофилы, маньяки и потерявшие человеческий облик упыри. «Лучше бы я писал про спорт или тачки», — подумал он. Тошнота постепенно спала. Постояв чуток в сугробе, Денис побрел к старенькому желтому Солярису. По дороге он машинально облизнул губы и съел пару нерастаявших снежинок: “Нет, дома снег

вкуснее”.

В аэропорту журналист заказал бокал пива. Привычные виски сегодня не хотелось, мысли крутились в омуте воспоминаний. Невысокий, квадратный как Спанчбоб оператор Мишаня допивал текилу и вместе с ней суточные за несколько дней.

— Очередной кровавый трупняк. Покажешь? — проспиртованным голосом с краснодарским акцентом заявил размякший Мишаня. Денис услышал вызов в его речи, но поддаваться не стал.

— А то у нас бывает по-другому? В этой передаче только по праздникам финансовые аферы позволяют снимать?

— И кого в этот раз?

— Дочь местного чиновника.

— Фотки есть?

— И даже подозреваемый... муж.

Мишаня мотнул лысой головой словно вытряхивая из нее соль, которую он слизывал с запястья перед употреблением текилы.

— Пижня. Нас бы тогда не послали в эту глушь, — лицо оператора скисло, как будто лимон он употребил вне текилы. — Хотя, если жертва перепахивалась с каждым встречным-поперечным, или с мэром, тогда... сюжет бы сложился.

Денис сжал стакан со злостью, так что пальцы покраснели. Бокал уцелел. Он пихнул его Мише едва не расплескав.

— За аппаратурой следи.

Репортер пошел подышать дымом. В туалете пахло вишневыми. Настоящие сигареты он не курил полгода, вейп — неделю. Сорваться сегодня было бы логично, но пока Денис держался. Захотелось поскорее забраться в самолетное кресло и там уснуть. 4 часа по его расчетам вполне хватило бы, чтобы прийти в форму.

Выспаться не удалось. Воспоминания об Иринке крутили все тело, мешая заснуть. Шасси ударились о землю, когда журналист едва закрыл глаза. Четыре часа мучений прошли и надо было бодриться. Пилот объявил, что в Томске за бортом минус 32 и многие, явно местные, крикнули от удовольствия. Денис автоматически посмотрел на Мишу. Квадратный, невысокий, с большой лысой головой оператор спал словно вмонтированный в кресло. «Либо богат здоровьем, либо обделен умом. Кто же в первый день нажирается», — он толкнул коллегу в бок, и тот зашаркал белесыми глазами.

Корреспондент, укутавшись в капюшон, вышел из самолета. Сухой морозный обжигающий воздух будто заново раскрыл легкие. Такие же чувства, наверное, испытывает новорожденный, когда делает первый вдох. Но кричать не хотелось. Денис вдохнул еще раз и улыбнулся, на глазах появилась слезинка. На мгновение он забыл, с какой целью сюда приехал, сердце приятно постукивало, отбивая какой-то знакомый ритм.

Денис медленно спустился по трапу. Лучи холодного солнца уже появились на здании аэровокзала и слегка покрасили стены в разбеленный желтый. Вход находился в 100 метрах. Привычного автобуса не подогнали и все гуськом поплелись за багажом. Совсем рядом прошмыгнула женщина в черной шали, и журналист сразу узнал в ней всегда огненную хохотушку Лисовскую.

— Бабун-колотун, надеюсь, без натуры, на улице снимать как-то совсем не хочется — прошипел Миша, когда капюшон слетел с его лысой головы. В руках он нес штатив и сумку со светом.

Денис по-дружески помог ему натянуть капюшон и помог с техникой.

— Погода отличная, работа фиговая. Сначала пожрать, а потом в гостинку заселимся, все равно до двух не пустят.

— Там и пожрем.

— Я знаю отличную забегаловку для студентов. Круглосуточная. И ценник вменяемый.

Денис потерял из виду Марину Лисовскую, поэтому прибавил шаг. Нашел в пункте выдачи багажа. Там он с минуту стоял рядом в надежде быть опознанным, но Лисовская зомбировано смотрела на пустое полотно. Чемоданы пустили, лента зашумела.

— Привет!

Лисовская обернулась. Обычно она одаривала всех теплой улыбкой, ее лицо рдело как у всех рыжих, а изо рта вырывался маленьких хохоток. Но не сегодня, да, в общем-то, и понятно.

— На похороны?

— Ты уже слышал, да?

Лисовская разревелась. Денис приобнял Марину.

— Багаж, — произнес Денис, и Лисовская отодвинулась от него.

— Багаж, да, багаж, меня Пашка собирал, я даже не знаю, что у меня в чемодане, — Лисовская наконец-то улыбнулась.

— Когда похороны? Я может приду.

— Не знаю. Напиши мне.

Лисовская быстро взяла желтый чемодан. Мишаня подошел к Денису, намекая, что им пора идти. Журналист махнул Марине на прощание и поспешил ретироваться. Ему абсолютно не хотелось рассказывать Лисовской, что он приехал снимать фильм-репортаж об Иринке. В какой-то степени он и сам пока отгонял от себя эту мысль.

Таксист лихо обгонял машины и притормаживал возле камер видеофиксации. Вдоль узкой трассы тянулись железнодорожные пути. В какой-то момент они поравнялись с товарным составом и Денис ненадолго залип, засматриваясь на бесконечную цепочку грузовых вагонов, цистерн и пустых платформ. На мгновение он даже почувствовал себя локомотивом этого состава, который тащит за собой все свое разнообразно-печальное прошлое, связанное с сибирским отрезком жизни. Воспоминания потянулись хвостом и Денис был рад, когда они наконец-то въехали в город. Южка за последние годы разрослась новыми зданиями из красного кирпича. В отличие от московских серых спальных, которые называли «панелево», в Томске застраивали некоторые новые районы многоэтажками из красного кирпича, эту моду ввел печально известный мэр. Однако после того как он сменил кресло главы города на отдельную камеру в тюрьме, вкусы градостроителей к счастью не поменялись. Площадь Южная выглядела по провинциальному презентабельной.

Пицца “Рио” работала круглосуточно и приняла журналистов как студенческое утро, немного отрешенно. Несколько любителей автопати ютились в углу, давно прикончив свой поздний ранний ужин. Миша оценил зачетность места, когда расплачивался за набитый фастфудом поднос. Не дойдя до столика, оператор опрокинул стакан местного пива и обещал Денису до съемок не употреблять. Вранье, конечно. Впрочем, первый рабочий день всегда был непредсказуем. Разработка, которую делал продюсер по телефону, редко соответствовала реальности и вначале надо было просто “поливать с рук”, то есть снимать все подряд без штатива, без разбора. Стиль расследования допускал и трясущуюся камеру, и

видео с телефона, но профессионал умел делать красивую картинку и на бегу, и на скаку, и под шофе. Трезвость оператора Дениса не беспокоила, скорее его заботило, то что он может так поддать вечером, что не остановится к утру. А ведь второй день съемок был самым важным, начинается работа по сценарному плану, и сбой приведет к отсутствию необходимого видеоряда. А Денис спешил вернуться.

— Зачетно. Откуда знаешь место? И телочку, с которой вел беседу в аэропорту? Был здесь?

— Я местный. Родился, учился...

— То-то я смотрю, шефа в командировку послали. Обычно в такую глушь новичков тыркают. К родокам поедешь?

— Сначала работа.

— Понял. А телки знакомые?

— Работа.

Оператора не смущали односложные ответы и допрос он прервал, только чтобы прочитать сообщение. Писала продюсерша Маша, которая просила Мишаню не спрашивать шефа о родителях. «У него там все сложно», — поясняла она. — «И не забудь наш уговор, мне нужны только факты».

Мишаня задумался о послании и, пребывая в тяжёлых мыслях, поверх плотного завтрака хлопнул молочный коктейль. Денис с ужасом представил, как в желудке коллеги пшеничная река сталкивается с молочной, и предложил двинуть в гостиницу.

Окна номера выходили на белую пустыню. Русло реки, покрытое снегом, уходило зигзагами вдаль. За рекой тянулись пуховые поля и хвойный лес — заледеневший, застывший, бесконечный. Денис смотрел на эту красоту, обдумывая детали дела. «Если не муж, то кто?» — голова, привыкшая разгадывать преступные загадки, заработала. Версии стали проклевываться, как ростки. Но пока было рано мыслить логически, слишком мало фактов. Журналист прочел все материалы, загрузил данные в голову и доверил искать решение системам мозга.

Патрульная машина пулей неслась по заснеженной дороге. За рулем сидел полицейский боров. Он с заносами вписывался в повороты и, наконец, съехал с трассы. Машина очутилась на ровном, вычищенном асфальте поселка Апрель и поехала вдоль дворцов из красного кирпича. Все как на подбор стремились превзойти шиком своих рублевских коллег, но вкуса хватало далеко не всем. Они въехали во двор большого трехэтажного дома. Встать было негде.

— Похоже, все в сборе, — просипел боров.

— Вот и хорошо. Миша, заряжай аппарат. Картинку надо набрать по максимуму. Фасадные не забудь.

— Ага, поливаем без разбору, флешек полно. А можете отъехать назад, открыть окно и по команде еще раз подъехать к дому, — обратился он к полицейскому.

Стекло опустилось. Миша достал камеру и начал снимать.

Архив /Эльвира и Василий/Конфликт/Файл 10002

Слеза с трудом стекала с щеки Эльвиры. Бугорки-трещинки от псориаза создавали препятствия, и каплям приходилось преодолевать витиеватый путь, прежде чем упасть. Слезинки слетали на голубой пуховик и оставались на нем мокрым пятнышком. Застеленные стеклянной пеленой глаза глядели куда-то далеко в конец аллеи, которая тянулась вдоль всей улицы Кирова. Ноги еле волочились. Сумка болталась где-то возле сапог, а руки

повисли словно у орангутанга. Эльвира добрела до ближайшей лавочки и плюхнулась на нее. Сумка упала между ног и освободила руки. Локти она положила на колени, а ладони подставила под лоб. Почти полчаса она тупила в замерзший тротуар. Трещинки во льду под ногами засасывали ее вглубь своих переживаний. «Позвонить, — промелькнуло в ее голове. Она достала телефон из сумки и начала листать записную книгу. Остановилась на абоненте “Ма” и нажала на кнопку. — Нет, только не матери, — отбой. Абонент Катька даже загудел, но Эльвира сбросила и этот вызов. — Эта всем растрезвонит, — мысли продолжали искать спасательный круг, но разум подсказывал, что смысла сопротивляться больше нет. Выдохнув глубоко три раза, как учили на курсах йоги, она поднялась, но задницу предательски вновь прибило к лавке. — Да что же это за такое, за что мне все это», — плотину прорвало.

Она еще раз попыталась скомкаться внутрь, но слезы по-прежнему вытекали наружу. Волевым усилием девушка подскочила вместе с сумкой. Через три шага нога подвернулась, и Эльвира завалилась набок. Она кое-как оторвала сломанный болтающийся каблук, поднялась и заковыляла домой.

Муж сидел посредине квартиры-студии в большом как кокон кресле в трусах и майке алкоголичке и качал новомодный рэп. Эльвира прошла незаметно на кухню, взяла поочереди ложку, скалку, кастрюлю. Нашупав кружку с водой, сделала глоток, посмотрела на голожопую девку, изображенную на белой керамике, и запустила чашку в монитор. Рэп потух и на душе стало чуток легче.

Вася повернулся и увидел растрепанную жену. В одном сапоге со сломанным каблуком. С потекшей тушью. Ее рука как будто отдельно от тела самостоятельно шарилась по столешнице в поисках ножа.

— Че, с ума сошла?

— Кто она? Кто эта тварь, — нервно, согнувшись пополам и притопнув сломанным сапогом, прокричала Эльвира

— Элечка, ты чего объелась?

Рука Элечки нащупала еще одну кружку, теперь обычную белую, из которой пила она. Вася был готов к броску. Вслед за монитором накрылась рамка со свадебным фото.

— Последний шанс, с кем ты мне изменял, — быстро, уже холодно и опасно сказала Эльвира.

— У тебя на работе все плохо?

— У тебя зато все хорошо — хрен безработный. Здесь трахаешься или ходишь куда?

— Уволили, суки! У, ты мое солнце.

Вася предпринял попытку сблизиться, но тарелка, летящая в голову, вынудила его остановиться. Он потер висок, куда угодил снаряд, оценил ситуацию, быстро в два шага приблизился к жене и схватил за руки. Эльвира отчаянно царапалась и била ногами. Вася повалил ее и прижал к полу.

— Ненавижу тебя, ненавижу.

— Успокойся, дура. Успокоилась, быстро, — Вася покраснелся. — У тебя две секунды, чтобы все рассказать.

Эльвира еще кусалась и пыталась вырваться, но, как будто что-то вспомнив обмякла и засмеялась.

— В сумке, — сказала она и не узнала свой больной, злой и обреченный голос.

Вася осторожно отпустил жену. Подошел к двери и выпотрошил сумку на пол. Листок с анализами, теми что дают в лабораториях шаговой доступности, выпал последним. Больше

ничего нового не было. Вася развернул лист и медленно стал читать. Внизу приостановился: «тест на ВИЧ — положительный». Еще раз пробежался по тексту. Эти три буквы пульсом отдались в голове. Было только два варианта, откуда он мог принести эту заразу в дом.

«Вотжишь», — про себя выругался Вася.

В голове же были иные мысли: «Теперь точно не даст денег». Вася аккуратно зашарил по тумбочке в поисках фиолетового кошелька.

— Теперь ты не сможешь отпираться как раньше. Уходи лучше. Я не смогу больше тебя видеть.

Вася выхватил кредитку из портмоне и картинно упал в обморок. Он распластался рядом с Эльвирой и закатил глаза.

— Боже, за что мне такое наказание, — прохрипела Эльвира голосом высохших слез.

Аудиозапись/ Минутка с Ксенией Крапивиной/Измены/ трэк 10003

— И, как всегда, утром в 7:50, пока вы не успели забуриться с головой в работу или учебу, мы проведем учет ваших семейных ценностей с кандидатом психологических наук, семейным психологом Ксенией Крапивиной.

Зазвучала рекламная отбивка и радиоведущий подпсевдонимом Лирик подмигнул симпатичной 50-летней даме. Если честно, он побаивался Крапивину, что-то в ней было такое странное и необъяснимое. Как будто вместо глаз у нее рентген, сканирующий всех вдоль и поперек. Магии добавляла внешность: «сексапильность с огромным шрамом на лице». Лирик утешал себя, что схожие чувства были у всех его коллег. Партнер по утреннему эфиру Маша Машкина страх переводила в агрессию, и все время пыталась сдобрить высказывания психолога саркастическими и пошлыми ремарками.

Красная лампа с надписью “Эфир” подсветила затылок Лирика красным, и он вновь запел в микрофон:

— Тема сегодняшней десятиминутки — измены. С мужиками мне все понятно. Гормоны, полигамия в генах, стремление оплодотворить все что движется. А также вечный поиск маминой нежности и маминой строгости.

— Или возведение сексуальных побед до Абсолюта, — бойко подхватила Машкина. — Как в шутерах, в компьютерных игрушках, где необходимо как можно больше убить ботов, набить фрагов.

— Вот, мне кажется, некоторые мужчины играют в эту игру. Коллекционируют вагины. Да уж, раньше марки собирали. Но сегодня не о нас мужиках. Что с женщинами? Они тоже, как бы это сказать, коллекционерки. Нет. Такой тип работает в сексуальной индустрии, там можно набить столько фрагов, что соревнование потеряет всякий смысл, — Крапивина попыталась вставить свои 5 копеек в современный быстрый юмористический разговор. Она старалась говорить популярными образами, но далеко не отдаляясь от мировой практики психотерапии. Тонко и умело. За это ее любили слушатели, и недолюбливала взбалмошная, неустроенная Машкина. — Если составлять список причин, по которым изменяют женщины, то одной из них может быть просто желание секса. Любит девушка секс, чего уж там. Раньше это обществом осуждалось, теперь же мы просто говорим: женщина с высокой сексуальной активностью. Секс — это биологическая потребность, пора уже сбросить в утиль миф о том, что секс нужен только мужикам. Нет. Женщине он не менее важен. И, конечно, в браке сексуально активная женщина не всегда может увидеть, как реализовать свою энергию без адюльтера. Но не видит, не значит — невозможно.

— У них высокий уровень тестостерона как правило, — поддержал Лирик.

— Да-да, женщина с яйцами, — встала Машкина. — Вот только такие редко жеребцов находят, чаще к ним подкаблучники пристраиваются. И что такой женщине делать?

— Или искать другого партнёра или договариваться уже с имеющимся. Говорить, с мужем о сексе, и проблемах в сексе, и о своих желаниях. Ведь может получиться. И тогда сексуальное удовлетворение не будет мешать семейному счастью. В доверительных, честных отношениях, где каждый ценит и себя и партнёра, измены случаются редко. А если и происходят, то тут же решаются. Или простили — живем дальше, или разошлись, но без военных действий.

— Понятно. Какие есть еще причины измен?

— Самооценка. Ценить себя и партнера получается не у всех. Иногда женщины пытаются поднять самооценку с помощью флирта, измены. И связь на стороне на самом деле повысит самооценку.

— Востребованная киска. Меня хотят, значит, я красивая, — манерно и протяжно добавила Машкина.

— Да-да. Но только это временно. Чтобы самооценку приподнять, надо провести внутреннюю работу, с психологом возможно. Это сложно. Сходить налево гораздо проще.

— Хороший левак не только укрепляет брак, но и самооценку поднимает! — Машкина дунула вверх на локон. — Взбодрилась и месяц женщиной себя ощущаешь. Но долго так продолжаться не может, когда-то воздействие внешнего фактора — измены, перестанет менять самооценку, потому что станет обыденным, и...

— ПффИ... это далеко не все причины, — подхватила Машкина. — Но о них в следующем выпуске.

Лампочка замигала, Лирик затараторил рекламные спичи. В конце попрощался с радиослушателями и гостьей, нажал кнопку отключения микрофона и снял наушники.

— Спасибо, Ксения, как всегда — до следующей пятницы. Запишем сразу куском на всю неделю и проведем прямой.

— Да, Кирилл. Спасибо, что приглашаете.

Лирик постарался как можно быстрее завершить разговор, протянул кисть и почувствовал совсем неженское рукопожатие. «Теперь я еще больше буду ее опасаться», — подумал ди-джей и немедленно вышел. По привычке он сразу включил телефон, там было пару сообщений из групп в соцсетях и один пропущенный. Это был старый друг, перебравшийся в Москву.

Исходники/День 1/Томск. 22 декабря/Нож в сердце/ файл 10004

— Привет физиками и Лирикам. Это Дэн. Я тут на родину приехал. Надо организовать тусу вечером.

— Фигасе. Амм....

— Все. Пока. Работа. Пришли адрес и время смс-кой.

Денис подошел к двери, возле которой стоял огромный охранник, быстро достал из кармана удостоверение и показал его так, что нельзя рассмотреть. Охранник выставил шлагбаум, и журналист больно ударился горлом об руку.

— Мишаня, ты снимаешь?

В камеру полетела огромная лапа и едва не открутила объектив. Мишаня увернулся и отошел на пару шагов назад.

— Я не снимаю. Красная кнопка горит, значит, все выключено.

Камера, конечно, работала. Остолоп закивал, а значит — поверил. Впрочем, все ведутся на эту уловку.

— Давай еще разок, только теперь медленно попробуем, — сказал Денис и раскрыл корочки Союза журналистов прямо возле лба охранника.

Для надежности он начал читать по слогам:

— Де-нис Си-бир-ский. Журналист. — Не дочитав он вновь рванул в дом и вновь уперся в руку-шлагбаум.

В «поле», это когда репортер выходит из-за рабочего стола, Денису всегда было сложно, казалось бы, простых ситуациях. Дело в его особенной мимике. Каждый раз, когда он честно признавался, что является журналистом центрального телеканала, и говорил прочую сопутствующую правду, ему отказывались верить. Мышцы лица так выстраивали пантомиму, что очевидные вещи казались людям ложью. Действовало правило и в обратную сторону — любая ложь произносилась с ангельским выражением лица. Гримаса на инстинктивном уровне говорила собеседнику: он говорит правду.

Позже Денис прочитал, что дело в зеркальных нейронах мозга: в детстве он подсмотрел как достоверно лгать и говорить правду с маской лжи. Такая мимика вскоре вошла в привычку, сроднилась с личностью.

Сибирский списывал свою особенность на дружбу с болгарским мальчишкой, который жил в его подъезде. У них, как известно, жесты кардинально отличаются от русских. С ним Денис ходил в садик. И там он был свидетелем совершенно странного поведения. На все детсадовские гадости, будь то какао с пенкой или зеленые щи, мальчик по фамилии Левчев утвердительно кивал, садился за стол, делал вид, что ест с удовольствием. Но тайком от усталых воспитателей выливал все варево в раковину. Объяснив свою особенность болгарскими хитростями Денис успокоился и научился жить с неестественной мимикой. Хотя в глубине души он знал, что Левчев, возможно, тут не причем.

— Босс, Геннадий Михайлович, нам сам позвонил и попросил приехать. Московские журналисты. Ну?

Охранник опустил руку и первым вошел в дом, огляделся и пустил гостей. Телевизионщики оказались в богатой гостиной. Спиной к ним сидел министр области по культуре и связям со СМИ — отец Иринки. Сибирский его сразу узнал. Остальных идентифицировал по описанию: кудрявый — адвокат обвиняемого Пучков, приютился, словно синичка на веточке на подлокотнике кресла у пианино, а майор Кузнецова важно и устало сидела на крутящемся стуле за инструментом. Журналист демонстративно прикрыл объектив рукой и попросил остановить съемку. Миша сделал несколько манипуляций, но камеру не выключил.

— Геннадий Михайлович, мои соболезнования.

— А, Сибирский. Это журналист из Москвы. Я вам говорил, — последнюю фразу министр метнул майорше.

— Я думал, вы меня не узнаете.

— Видишь ли, пришлось выдернуть тебя из столицы, но сам понимаешь, — чиновник растягивал слова словно подражая Дону Корлеоне в исполнении Марло, — доверие к правоохранительным органам на нуле. Особенно, когда убийца — сын прокурора города.

— Подозреваемый, — вякнул Пучков.

— Губернатор дал добро, чтобы СМИ участвовали в расследовании, — причмокнул Геннадий Михайлович, проглотил остатки валидола и заговорил уже более человечно. —

Будешь делать фильм о самых честных ментах на свете, — кажется, ему хотелось расхохотаться, но сил не было, — о томских стражах порядка, которые прессуют сына прокурора, а он им только спасибо говорит.

Кузнецова встала из-за инструмента и недовольно посмотрела на журналиста. На него глядело злое птичье лицо с носиком-клювиком, которым она готова была выклевывать глаза любому, кто ей не подчинится. Волосы собраны были в пучок с помощью китайских палочек. Денис сразу понял, что этой даме даже повода не нужно, чтобы воткнуть эти острые спицы кому-нибудь в глаз.

— Вы не расследуете, вы даже не думаете расследовать, — заготовленной подсмотренной в голливудском боевике фразой начала Кузнецова. — Вы даже ни на секунду не представляете себя важным элементом команды следствия. Любой ППС-ник важнее вас.

— Ваша задача снимать свой фильм.

— И контролировать, — перебил ее чиновник и толстым перстом указал на Кузнецову, — контролировать вот ее. И каждый ее шаг должна зафиксировать ваша камера, а я все увижу, — властно подытожил Геннадий Михайлович.

Намечалась крайне мутная вещь. Трахать Дениса собирались с двух сторон. Журналист, конечно, уже участвовал в порнографиях подобного рода, снимая заказуху, но в таком извращенном виде работать предстояло впервые.

Кузнецова бодро зашагала по лестнице, она подала знак рукой и Пучков засеменял следом. Чиновник остался сидеть на месте. Денис дернул Мишу, который пытался поднять портрет убитого горем отца. Откуда-то из-за шторы вынырнул худощавый веснушчатый старлей, который все это время присутствовал при разговоре. Он замкнул процессию, тянущуюся на допрос к главному подозреваемому.

Муж погибшей Иринки сидел за компьютером и как ни в чем не бывало стрелял в компьютерных людей. Пучков тронул его за плечо. Худощавый, высоченный как клюшка Андрей Снегирёв резко оглянулся, быстро что-то напечатал длинными пальцами в чат игры и выключил монитор.

— Соболезнуем, — язвительно произнес Денис и поймал на себе испепеляющий взгляд Кузнецовой.

— Пуч, а это кто такой?

— Твой отец был бессилён, губер приказал освещать расследование, это журналист из Москвы.

— А, за честное расследование, ну так я не против.

Совсем неубитый горем муж окончательно развернулся. Хоккейная джерси Вашингтона с 92 номером сообщала о том, что подозреваемый основательно подготовился к допросу[1]. За эту дерзость одетая в деловой костюм майорша, мысленно трижды пристрелила его. Оглядев комнату она нашла стул, поставила его напротив Андрея и присела. Денис ущипнул Мишу, чтобы тот поймал в объектив лицо подозреваемого. Нужен был крупняк с эмоциями.

— Майор Кузнецова, начнем, — сообщила следователь, и Пучков закивал вместо Андрея. — Когда вы последний раз видели свою жену Ирину Снегиреву?

— Мы поссорились утром, я заигрался, — Пучков кивал в такт каждому слову Андрея. — Она, знаете, бежит по утрам, и не могла найти термобелье. Я ей предложил бежать голой. Она сняла все и пошла вниз. Все.

— Голая, — эта фраза вырвалась у Дениса машинально. Он прекрасно представлял нагую Иринку, даже спустя 10 лет.

— Я хотел спать, я рубился в комп всю ночь. Я даже точно не помню.

— Кто вам сообщил об убийстве? — будто героиня плохого детектива продолжала Кузнецова. По все вероятности она тщательно репетировала роль, поэтому все получалось «картонно».

— Баба Маша, — сказал Андрей и поглядел на адвоката, — в 10:27 Баба Маша меня растолкала, я же спал, она сказал, что Иринку убили. Все.

— Вы знали ее маршрут пробежки?

— Да все знали, тут одна тропа. По ней все сумасшедшие бегают. Только моя совсем чокнутая ЗОЖ-ница, минус 30, похрен — бежим.

Пучков самодовольно улыбался, как будто его дитяти без запинки рассказал стихотворение на утреннике.

— По данным криминальной экспертизы, — начала Кузнецова, чем серьезно озадачила адвоката, — вашу жену убили не рогом для вина, а ножом, предположительно кухонным. Ваша кухарка Мария Бугаева, Баба Маша, сказала нам, что по утрам вы часто готовите себе мясо.

— Ты можешь не отвечать, Андрюша, — затрепетал Пучков.

— Не в то утро, — коротко отрезал муж Иринки.

— Мы получили разрешение на обыск и обследуем ножи в вашей столовой. А сейчас проведем эксперимент и установим: могли ли вы убить свою жену и вернуться обратно в постель, — на камеру сработала Кузнецова.

Мишаня заулыбался, эксперимент — это 5 минут эфира и всегда отлично смотрится.

— Мне кажется, ты ее совсем не любил. И сейчас врешь, — Сибирский искусно исполнил лживую маску ненависти. Впрочем, притворяться было легко, частичка гнева в отношении этого павлина была искренней. Далее, чтобы последовала обратная реакция, нужно перейти на личности. — Ты совсем не горюешь по Иринке, да?

Напряжение, подвешенное журналистом, сработало слишком быстро.

— Она мне изменяла.

— Андрей, — попытался приструнить подопечного Пучков, но провокационный вопрос уже завел мужа, он включился в борьбу, увидев в глазах Сибирского настоящую ненависть к себе. Так он обычно защищался от тестя.

— Она трахалась чуть ли с каждым встречным, развестись мы не могли, сами понимаете, тут все очень сложно. Последние полгода мы спали отдельно, — Пучков ударил себя по лбу. — Если честно, она мне опротивела, но убивать ее не было ни единого смысла. В финансовом плане я очень многое потерял.

В этот момент за спиной подозреваемого ожил монитор и гнусавый голос сообщил, что команда террористов победила. Андрей довольно улыбнулся.

Денис припас оскорбление, чтобы продолжить вытягивать из респондента эмоции, но его опередил Геннадий Михайлович. Министр с полным ртом брани залетел в комнату настолько неожиданно, что остановить его никто не смог. Длинный как шпала муж успел сложиться пополам. Все удары обезумевшего отца приходились по костлявым рукам и почти не наносили никакого ущерба. Вскоре чиновник заплакал и колотил уже по инерции. Прибежал охранник-остолоп и вытащил плачущего министра в коридор. Дверь громко хлопнула. Все замолчали.

Воцарившуюся тишину прервал кудахчущий голос кухарки бабы Маши, которая причитала и просила охранника вызвать скорую. Кузнецова и Сибирский одновременно

выбежали в коридор. Чиновник распластался на полу. Правая сторона лица обвисла. Над ним склонился охранник. Журналист сориентировался быстрее остальных. Он перевернул тяжелую тушу набок.

— Инсульт, звони в скорую, дуболом. Быстрой. И обувь снимай.

Денис начал быстро массировать место между большим и указательным пальцем на левой руке министра. Достал зажигалку из кармана и перевернул ее набок, чтобы нагрелась металлическая часть. Спустя несколько секунд он прижег министру руку.

— Китайская медицина. Массаж и огонь помогут сохранить нейронные связи. Ноги тоже надо массировать.

Кузнецова не без доли брезгливости скинула с чиновника ботинки и начала разминать стопы. Вскоре ее сменила Баба Маша.

— Надо везти навстречу скорой, так быстрее будет. Серов, организуй все, — отдала приказ веснушчатому старлею, пришедшая в себя Кузнецова.

Она посмотрела на журналиста, который прижигал вторую кисть и массировал ее. Вся холеность и московитость сошла с лица Дениса. За душой казалось было что-то простое и честное. Охранник расстелил плед. Вместе с Серовым они перекатали министра и поволокли в машину.

— Главное, продолжайте массаж, — напутствовал журналист.

— Спускайтесь вниз через пару минут, — сказала Кузнецова Денису и Мише. — А Вы господин Снегирёв, пока отсюда ни ногой. Серов вернется и проследит.

Когда телевизионщики спустились, майорша вышла из гардеробной в новом облиии: черный спортивный костюм и желтые зимние модные кроссовки. Начальство предупредило, что за ней будут присматривать журналисты и порекомендовало развлекать их ерундой, а основную работу делать как можно тише. Конечно, можно было рассчитать весь маршрут, не высывая нос на мороз, но Кузнецовой было выгодно все сделать самой. Устроить забег и отправить уставших в гостиницу спать, чтобы не мешались под ногами. Она достала механический секундомер и нажала на кнопку. Рысью пронеслась по кухне, взяла ложку и сунула в карман. В том же темпе она пошла в гардероб, надела легкую куртку и повязку на уши и побежала во двор. Достигнув калитки, она остановилась и нажала кнопку секундомера.

Сибирский и запыхавшийся Миша догнали резвую майоршу. Оператор остановился, поднял воротник куртки и неровно задышал в него, отчего на щеках и ресницах образовался иней.

— Куда дальше побежите? Мише нужно встать на точку, чтобы Вас поднять.

— Поднять, — Кузнецова впервые улыбнулась. — Вон калитка, и не дышите в воротник, так заболаете, лучше короткие вдохи носом.

— А может потом доснимем, — жалобно прохрипел Мишаня и откашлялся холодным воздухом.

— По прогнозам за 30 будет еще неделю стоять, так что, давай, дуй к калитке.

Мишаня засеменял к выходу из коттеджного поселка в лес, произвел с камерой какие-то манипуляции и махнул рукой. Майорша хотела остановиться возле оператора, но он ее погнал дальше к калитке, чтобы завершить план. Кузнецова притормозила возле металлической двери с ключ-кодом и огляделась.

— Снимите, пожалуйста, те следы под камерой, пока снегом не запорошило. — Следователь указала на глубокие вмятины, тянущиеся вдоль огромного кирпичного забора.

Мишаня нехотя потопал в снег, проваливаясь почти по колена, сделал пару планов, — А теперь оставьте рядом свой след, 46 размера, если не ошибаюсь.

Оператор кивнул и наступил рядом. Его отпечаток оказался на порядок больше. Тем временем Кузнецова открыла железную дверь и указала на дорожку.

— Мишаня, доставай Осмо, сделаем пробежечку.

Оператор заледеневшими руками отдал камеру коллеге, а сам снял рюкзак и достал небольшую палку с минифотиком со стабилизацией изображения.

— Надеюсь, она не марафон бегала, — прогудел Мишаня и заскрипел ботинками за Кузнецовой, которая уже семенила по дорожке.

Секундомер отсчитал 15 минут, когда они увидели небольшое кровавое пятно. Красно-белые ленточки, привязанные к деревьям, обозначали место преступления. Кузнецова остановилась возле места преступления и выключила секундомер. Мишаня попросил ее присесть и сымитировать изучение поверхности.

— Товарищ майор, давайте обратно мелкими перебежками чтобы нам еще раз путь проследить, как выразился господин чиновник, — запыхавшись сказал журналист.

— Как выразился Геннадий Михайлович — снимайте, а не суйте свой нос не в свои дела, просто снимайте, а то...

— А то что? — нахально по-московски встав в позу приготовился к конфликту Денис.

— Отморозите нос свой журналистский, нюх пропадет.

Кузнецова сняла шерстяную варежку, в которой держала секундомер, подошла к Мишане и принялась тереть ему побелевший немного нос. Опешивший оператор стоял как вкопанный.

— Периодически проверяйте нос и мочки ушей, если побелели, растирайте, желательно шерстью. Прошу вас, снимите как можно четче тут все. Наши операторы, сами понимаете, не алё, искусством не владеют, — хулиганский говорок майорши был призван растопить лед между ней и журналисткой бригадой. Она сама понимала им еще несколько дней работать рука об руку.

Майорша достала из своих спортивных штанов визитку и протянула Мишане, взяв с него обещание, что он вышлет ей фото и видео, как только доберется до компьютера. Денис стоял, прислонившись к большой березе. Задумавшись, замерзнув в пейзаже.

Она училась на год старше, на 3 курсе. По традиции всем журналистским скопищем они отправились на турбазу в конце сентября. В это время в Томске бабье лето, температура порой доходила до +25. Желаящих отпраздновать начало учебного года было 3 автобуса. Рыжая хохотушка Маринка Лисовская и одноклассник Дениса решили замутить в этом веселье небольшой однодневный роман. Сибирский и Иринка оказались сопутствующим грузом для влюбленных. Однако сами того не зная, вляпались в историю, бурно отпраздновав день знакомства. В мыслях появилось фото с застывшим выражением лица Иринки. Снимки делали где-то спустя 3–4 часа после убийства, поэтому лицо успело заледенеть и покрыться невозмутимостью.

— А в морг вы нас возьмете?

— Боюсь, семья будет против съемок вскрытия, — Кузнецова все еще была стержовна.

— Мы заблюрим все, ну в смысле замажем лицо, и покажем планы с ассоциативными рядами: руки, щиколотки, волосы.

— Тогда вам любой труп подойдет.

— Нет, это важно — правдиво соврал Сибирский. Майорша поверила, а вот оператор

удивился. Кузнецова была права: подошел бы любой похожий труп.

— Что там со временем, мог убить? — Сибирский перевел разговор в другое русло.

— Я очень сомневаюсь в этом, но исключать нельзя, — ответила Кузнецова. — Плюс он могу использовать лыжи. Следы от них тут тоже были.

Еще около двадцати минут провозился Мишаня, снимая место преступления, и за это время успел продрогнуть до костей. Когда они вернулись к дому Снегиревых, то увидели, что у входа припарковался странный малиновый “Порше Каен”. Еще более причудливо на его крыше красовался баннер с буквой “У”.

Денис пропустил вперед Кузнецову. У входа сидел охранник. Баба Маша прикладывала ему к глазу ледышку. Похоже, остолоп вновь не справился с работой.

В гостиной на полу лежал молодой кавказец. С разгоряченным, ржавым от вспыхнувших веснушек лицом, старлей Серов, прижав подозреваемого к паркету коленом, застегивал наручники. С большого носа водителя учебного “Порше” стекала кровь, а на щеках явно были слезы. Денис и Кузнецова сразу же посмотрели на его ботинки. На подошве отчетливо был виден круг, в котором стояла цифра 39.

Архив/ Василий/Доверие/файл 10005

Вася сидел в окружении пяти пустых пивных кружек. Пухленький, небритый с баками друг Никита всасывал в себя ягодный морс. Официант сгреб тару и поинтересовался о дальнейшем заказе.

— Еще, — коротко приказал Василий.

— И счет, — прибавил Никита и повернулся к Васе. — Это же не конец света, с ВИЧ люди живут десятилетиями, — глаза Никиты заблестели, голос казался неестественным. — В новостях читал уже вылечили полностью одного. Недавно. В Британии. И в Новосибире вроде как разработали.

— Да знаю я это! Гуглить умею. Ты, бро, пойми, я не об этом переживаю. Мне без Эльки теперь хана. У меня долгов во, — и он показал, что кредитов у него гораздо больше чем до хрена, примерно по шею. — Ты думаешь, я свои деньги в обанкротившуюся фирму вложил? Нет. Занял три ляма у людей..., в общем у тех, которые долги не прощают, Стартап прогорел. А долги остались.

— Хм. И что ты намерен делать? Элька деньги теперь не даст, за такой косяк, наверное, не прощают, — грустно сказал Никита. — Я бы не простил, — он немного хрюкнул, трубочкой собирая пузырьки на дне.

— А Эля, что? Ты с ней говорил?

— Не сейчас. Надо козыри в рукаве иметь. Поможешь?

— Угостить пивом могу, денег не проси, — четко заготовленной фразой ответил друг.

— Я про другое. У тебя и суммы нет, по крайней мере такой, которая меня спасла бы, — он прикоснулся губами к стакану, но пить не стал. — Надо бабу спидоносную найти. Она скажет, что я в беспамятстве был. Бухой в жопу, что почти правда. А это уже не измена. Понимаешь? Когда найдем, принесем ее на блюдечке, она меня перед Элькой оправдает, и вот тогда мосты заново строить можно — уже мечтательно пропел Вася и сделал большой глоток пенного.

— И сколько их было?

— Да всего две, — Вася вытер пену. — Мелкую я возьму на себя. А ты узнай, каких шлюх вызывают в сауну на Мюнixa. — Вася сделал еще глоток. — Никита, я понимаю ты глубоко женатый человек, но друг у тебя всего один. И, если он не выплатит долг, то у тебя

друзей не останется совсем.

— Мудак, ты все-таки, Василич, — Никита достал пятисотку положил на стол, встал и направился к выходу. — Хорошо, я съезжу, — кинул он, не оборачиваясь.

Незадачливый стартапер Вася ходил по комнате, всматриваясь в старый сервант. Медленно он крутил сиротливый брелок без ключей с эмблемой KIA. Щенячьими глазами на него смотрела молоденькая 18-летняя рыжеволосая Соня, которая расположилась на стареньком протертом красном ковре у выцветшего оранжевого кресла. Маленький розовый шелковый халатик почти развязался. Грудь оголились, но Вася на них не смотрел. Он пытался быть серьезным и смотрел за стеклами шкафа, в котором стоял хрусталь.

— Я бесперспективняк, а тебе нужен нормальный мужик, неженатый, поищи какого-нибудь студента. Помучаешься с ним пару лет, а потом заживете: ипотека, кредит на машину, дети, сопля. Я тебе этого не дам.

— Вася не уходи, — проревела Соня.

— Я больше не могу платить за квартиру. Я банкрот, теперь даже без колес — Вася показал девушке брелок без ключей, свидетельствующий о том, что машина продана. — У тебя полторы недели, чтобы найти новую съемную хату.

— Это же неважно. Как ты не понимаешь, я люблю тебя, — не успокаивалась Соня.

— Так сильно любишь, что никогда ни с кем кроме меня не спала? Если ты признаешься в измене, я тебя прощу, честно, — Вася подошел к полке, где стояли книги. Соня подняла зареванные глаза.

— Клянусь, Васечка, я только твоя, я только тебя люблю. Я даже не целовалась ни с кем, после того как мы встретились, — залепетала Соня.

— Вот он, — Вася довольно улыбнулся. Между книгами серии «Черная кошка» он нашел нужный ему листочек. — Ты просто не хочешь возвращаться в свои Ложки или Вилки, как там твоя деревня называется, — Вася ловко подхватил листок, засунул в карман брюк и уже в другом настроении повернулся к любовнице.

— Витаминка.

— Вот именно. Я бы тоже не захотел. Так что звони подружкам, пусть тебя приютят и ищи другого мужика, — Вася двинулся к двери, но Соня перегородила путь. — С твоей-то фигурой, — Вася взял Соню за грудь, приценился, но одумавшись вновь стал серьезным. — Всё.

Вася опять двинулся по направлению к выходу, но девушка крепко схватила его за ногу, халат совсем развязался. Всем пухлым голым телом она прижалась к своему покровителю, быстро-хитро взглянула на него исподлобья и прилипла к ноге, выказывая свое кошачье желание. Вася улыбнулся снисходительно, показывая любовнице, что сегодня секса не будет. Женщина отказ не приняла и вцепилась в ногу зубами. Сильно и больно. В ответ любовник бухнул ей ладонью в ухо, и Соня отлетела в сторону. Вася быстро вышел из комнаты в прихожую, подошел к входной двери и стал обуваться. Девушка заплакала навзрыд.

— И это..., — прокричал из коридора Вася. — У жены какие-то мандовошки наши, обязательно сдай анализы.

Он оставил 500 рублей на тумбочке и потирая место укуса вышел из квартиры.

— Значит, шлюха, — уверенный в своей победе Вася захлопнул дверь.

Мои документы/ День 1/ Томск. 22 декабря/Сестра/ файл 10006

Дверь открыл десятилетний наглый пацан. Он с прищуром посмотрел на Дениса и крикнул вглубь квартиры, что пришел человек похожий на его дядю из Москвы. Послышался

топот, на пороге показалась молодая девчушка лет 16–17.

— Поц, делаешь вид, что меня не узнал? Или по ВатСапп я выгляжу лучше. А вы нянечка, соседка.

— Точно, — сказала девчушка. — Вы брат Ангелины Вячеславовны.

Денис слегка опешил, когда Гелю назвали по имени и отчеству. Хотя, теперь ей под 40 и, наверно, уже полагалось. Пацан отступил и пригласил дядю в квартиру.

— Я твоей маме писал, что приеду. Не сказала?

В комнате послышался плач, и девушка пулей помчалась в спальню. Денис зашел в коридор. Все было, как и 10 лет назад, когда он уехал в Москву. Только маленькая этажерка для книг вдоль стены теперь была полностью занята игрушками. Даже обои стального серого цвета сестра не сменила. Он разулся. Племянник окопался, скрестил руки и внимательно изучал дядю, которого он вживую, кажется, видел в первый раз. Денис достал из сумки плитку шоколада и майку Месси бело-голубой расцветки.

— Я же говорил, что за КриРо.

— Вырастешь, станешь умнее, — пошутил Денис, другой футболки в аэропорту он просто не нашел.

Мальчишка забрал подарок и пригласил дядю пройти в зал. Как будто он тут хозяин, а не Денис, проживший в этой квартире добрые 20 лет. Ну, пусть будет так. Денис бухнулся в старое советское кресло, обтянутое материей, которая вошла в моду в 90-ые со странными цветами разных коричневых оттенков. Это было его любимое место в отеческом доме, в котором провел тысячи часов перед телеком. Мальчишка включил ящик — транслировали английский футбол. Расспрашивать племянника об оценках не хотелось, и дядя Денис принялся следить за мячом. Наконец, соседка вышла из спальни, на ее руках сидел толстенький полуторагодовалый малыш. А рядом будто привязанная к ноге нянечки шла девочка 5 лет.

— А это ваш дядя Денис», — произнесла искусственно-радостным голосом девушка. Малыш отчаянно замахал ручкой в знак приветствия. А девочка зыркнула на неизвестного гостя и скучила брови так как это делала ее мать.

Денис достал из сумки машинку с плюшевым медведем и протянул племянникам, но те и не думали брать. Помог старший брат, который тут же принялся играть в чужие подарки. Заскрипел замок и на пороге засуетилась Геля.

— О! Явление Христа народу.

Денис улыбнулся, это была та самая родная сестричка, которую он любил почти как мать. Да что уж там, она и была его второй мамой. Захотелось сморозить какую-нибудь глупость, но на ум пришла лишь песенка.

— А самолет летит, и крылья стерлися, — начал журналист, а допевали все хором, — А мы не ждали вас, а вы приперлися.

Геля перед его приходом по-матерински ушла в магазин, чтобы накормить блудного сына. И опоздала, уже как сестра. Денис успел только приобнять Гелю, как зазвонил телефон. По-хозяйски он пошел на кухню и закрыл за собой тонкую дверь.

— Кароч, Игорь. Там вырисовывается пока только кровавая любовная драма. Муж, любовник — все как надо. Кто виноват пока неизвестно. Но нас любой вариант устраивает, — Денис докладывал по привычке и по творческой необходимости. Да и Игорь, несмотря на повышения, ни один проект не пускал на самотек.

— Лучше, чтобы это был муж. Ну ты понимаешь, — цинично произнес руководитель

программы.

— Лучше, чтобы этого вообще не было. Кароч, пока материал есть, и можно даже нормальный фильм сделать.

— Ну и отлично. Держи в курсе. У нас тут сезон корпоративов, могу не ответить. Лучше пиши.

Следом Денис прочитал смс. Скинули адрес морга. Нужно быть через полчаса. Журналист вышел из кухни. Сестра возилась с детьми. Денис взял пакеты, которые Геля принесла из магазина и перенес на кухню. Вернувшись, он подошел к сестре и еще раз обнял.

— Я еще наверно дней 5 буду здесь. По работе приехал. Помнишь Иринку, ты ее ненавидела. Про нее фильм.

— Ни фига, — сестра искренне удивилась.

— Потом все расскажу.

— Ночевать приедешь?

— Нет, сегодня с Лириком гуляем. Завтра может приеду, да и гостиница есть.

— Лучше дома оставайся.

— Потом... Чуть не забыл.

Журналист достал из своей сумки коробку духов — все что он смог найти в аэропорту. Позвонил таксист и Денис, не успев узнать реакцию сестры, выбежал из квартиры.

Исходники/день 1/Томск. 22 декабря/Морг/ файл 10007

В томском морге было старо, грязно, вонюче, впрочем, как и в других российских городских моргах, в коих Сибирский бывал не раз. Снимать надо было изподвыподверта, умудряясь соблюсти гармонию кадра и отсутствие расчлененки в эфире. Журналисты переоделись в медицинские халаты. Грузный улыбающийся кореец подошел к ним и указал на двери, где лежал труп.

Судмедэксперт представился совсем не корейским именем Паша и говорил на чистейшем пушкинском. Он разрешил курить, понимая, что так будет проще журналистам переносить неприятный запах. Миша задымил. Денис же в очередной раз пожалел, что бросил. Кореец протянул коробочку с драже — кофейные зерна в шоколаде, и пояснил, что это для тех, кто временно избавился от дурной привычки. Денис взял всю пачку и запихал в рот драже. Вкус был наипротивнейшим, с привкусом окурка, но желание курить почему-то подавлял. Денис закинул еще одно кофейное зерно и пошел за корейцем. Вскоре они очутились в большой аудитории медицинского университета. Денис сразу узнал выдолбленную надпись на стене, ее не стирали уже лет 15 лет. Тогда забравшись сюда вместе со студентками медицинского, они нацарапали на стене перефразированные слова Декарта: *coitusergosum*. В те времена действительно лишь секс помогал почувствовать свое существование.

На столе была та девушка, которая была частью студенческого существования Дениса. Паша бесцеремонно скинул простынь, оголив знакомое тело. В районе груди синел шрам. Глаза покоились под закрытыми веками.

— Я уже все сделал, только заключение не написал, — голос судмедэксперта вывел из ступора Дениса. — Знакомая?

Миша удивленно глянул на шефа.

— Видел фотки с места преступления, как вообще возможно рогом. Впрочем, одного горячего парня уже задержали. Он заточенный был? — Денис, зная, что убили ножом,

намеренно и убедительно соврал про рог. Все также надеясь на свою исключительную мимику. Сработало.

— Рог? Нет. Вообще бутафорский, из него, наверное, даже ни разу не пили.

— В смысле?

— К Кавказу отношения не имеет. Купили где-нибудь в киоске или на барахолке.

— Значит, все-таки муж, — отозвался Мишаня, — узнал, что жена с волосатым на заднем сиденье Каена утешается, вот и решил его подставить. Засунул в сердце свой рог. Ты видел мужа, — обратился он к судмедэксперту. — У него лапы, во! Я их крупно снял. Он запросто и тупым мог проткнуть грудь, — Мишаня тянул время, чтобы выбрать точку и настроить фокус.

— Рогом никто никого не убивал, его аккуратно вставили в рану.

— Да ладно, — артистично удивился Денис. Эта фраза часто помогала ему вытащить всю информацию из спикера.

— Точный удар в грудь ножом.

— Этого достаточно, — хищный голос Кузнецовой прокатился по аудитории и напугал Дениса до смерти. — Павел Олегович, это журналисты. Им много знать необязательно. Они назвались Вашими помощниками.

— Это правда, — запротестовал Денис.

— Вы — журналисты — всегда врете. Вот это — правда. Ваша время истекло. Прощу, — Кузнецова указала Денису на дверь.

— Когда похороны, не знаете? — Денис взглянул на застывшее лицо убиенной, подумав о том, что, возможно, не получится ее больше увидеть.

— Стервятник, — кинула молнию майорша.

Денис и Мишаня скинули халаты в прихожей и вышли на улицу. Мороз хрустом под башмаками напоминал о себе. Оператор зажег сигарету и накинул капюшон.

— Иногда мне кажется, что она все-таки толковая баба. Даже несмотря на то, что носит шишку на голове, — оба засмеялись, но быстро смолкли от усталости.

Оператор выпустил дым, который смешался с туманом от дыхания Сибирского. Большое белое облако, подгоняемое ветерком, улетало от них. Крупными ноздрями Денис вдыхал сигаретный дым, восполняя потребность в никотине. Борьба с зависимостью было непросто. Мороз не позволял полностью насладиться папироской и, забычковав недокуренную, Мишаня быстро шмыгнул обратно в морг. Денис поежился с минуту и последовал за ним. Репортер ждал возле выхода и через минуту увидел коллегу, который победоносно показал пальцем на камеру. Оказалось, он специально оставил ее рядом с Кузнецовой, чтобы подслушать частную беседу. Журналист с трудом скрывал улыбку, когда появилась майорша и остановилась возле него.

— Подстава да. А так все красиво было и кавказец-любовник, и рог в сердце. И маленький размер ноги. Но нескладушки, — зачем-то напал Денис.

Кузнецова мрачно улыбнулась и зашагала к выходу. Она просчиталась, журналисты хоть и были уставшими, но работать не бросили. Дотошные.

— Завтра в 7 утра выезд. Опрос соседей. От конторы. УВД на Нахимова. Опоздаете будете добираться на такси.

— Тебе не кажется, что от нас что-то скрывают? — явно с издевкой сказал Денис.

Казавшийся провальным тяжелый фильм пока получался весьма легкой работенкой.

Подключив наушники к камере Сибирский слушал разговор Кузнецовой с

патологоанатомом и судмедэкспертом Кимом.

— Это была славная охота, — так охарактеризовал кореец убийство Иринки. — Удар был очень точный и сильный. Такое ощущение, что работал хороший боец, владеющий искусством убивать ножом. Я не специалист, но по видеосвязи проконсультировался с новосибирским коллегой. Случайно так попасть почти невозможно. 1 %, что это не так.

Кузнецова предположила, что заказали профессионала и кореец с ней согласился.

Денис начал размышлять: нанять киллера вполне мог муж, но следствию такой вариант был не выгоден и копать под него майорша не собиралась. «Тогда как они будут выкручиваться?» — мозг Сибирского закрутил жернова и выдал рабочую версию будущих событий. «Начальство Кузнецовой может разыграть карту чиновника и контратаковать политика. Например, следствие ищет политический след в убийстве, допустим, мотивом была угроза министру. Затем майорша и ее команда тщательно изучают биографию чинуши и находят компромат. Далее контроль за следствием ослабевает и дело остается нераскрытым. И сын цел и прокурор сыт». Внутри Денис порадовался, что голова заработала, однако реализация такого сценария ничего хорошего не несла.

При подобном раскладе после окончания расследования злобного следователя просят на выход, компенсируя это какой-то наградой, а Дениса, как марионетку, заставляют написать, что скажут или вообще материал пойдет в корзину. Но главное — преступник, убийца Иринки — не будет наказан. Это тяготило Сибирского, мучило и крутило.

Денис поставил запись на паузу и полез в интернет. В Томске оказалось всего два клуба, где обучали бою на ножах. Журналист позвонил в оба. Рабочим оказался один. В нем занимались всего 15 человек. Еще столько же прошли недавно годовой курс. Репортер занес адрес в телефон и пометил, что необходимо съездить туда завтра.

Мишаня уже успел заснуть на кресле в морге, а Денис продолжил подслушивать. Далее разговор патологоанатома и Кузнецовой прервал телефонный звонок. Майорша несколько раз произнесла слово алиби. А спустя пару секунд перезвонила кому-то из своего отдела и что-то выясняла насчет компьютерных игр. Трэк закончился, Денис отправил оператора в гостиницу, а сам побрел через университетскую рошу к улице Ленина.

Кафе “Белград” было забито до отказа — пятничный вечер. За столиком уже сидела старая банда. Лирик, Брагин и Митяй. Увидев старого товарища, они принялись наперебой соединять-крутить-вертеть два слова: Москва и жопа. Каждый успел подметить, что Денис располнел, хотя со времени последнего приезда он не поправился ни на грамм. Зато появившиеся залысины никто не отметил. Сибирский предупредил, что ему завтра работать, заказали всего две и по пиву. Каждый принялся рассказывать о своей жизни, детях, соплях, море и суровой зиме, которая в нынешнем году была особенно холодной. Подвыпив журналист бегло пробубнил про свою работу и замолчал. Иринку помнил только Митяй. Кроме того, он целых три курса отучился на юридическом и считал себя почти следователем, хотя работал в тюрьме. Он потребовал детали убийства и после полного рассказа в красках просопел, что дело пахнет каким-то маньяком. Сибирский и не думал в эту сторону, но, если рассуждать по-журналистски — это было бы большой удачей. Можно было бы ярую джину превратить в хороший фильм о сумасшедшем убийце. Размышления прервали появившиеся жены Митяя и Брагина, которые уволокли мужей в свои норы. Холостяки Денис и Лирик взяли еще по одной разливного нефильтрованного портера. Этот местный напиток продавали только под новый год. Гордость местного пивзавода, сорт, который выпускали только в конце декабря. Крепость напитка заставила

Денис слегка зажмуриться, но вкус был отменный. То и дело их разговор о буднях журналиста прерывали знакомые. Лирик восторженно и категорично приветствовал каждого и перекидывался парой фраз. Будь они в Останкино было бы точно, да наоборот. Денис уже стал клевать носом, когда женские руки закрыли его глаза и попросили угадать, чей образ стоит за ними. Белые, нежные, с запахом чистого мыла — что-то из студенческой молодости. Без духов, но с чистотой. Мозг искал варианты. Можно было просто повернуться, но хотелось угадать. Незнакомка скрежетом хохотнула, и что-то противное кольнуло в груди. Денис сдался, и руки освободили взор. Стройная сексапильная Вика, бывшая из той же вселенной, что и Иринка. Прошное пронеслось ураганом оставив колкие воспоминания.

Денис полгода жил с ней в студенчестве и даже знакомился с ее родителями. В отличие от Иринки, которая запала в сердце журналиста на долгие годы, Вика была той девушкой связь с которой хотелось поскорее забыть — было что-то в ней липкое и неприятное. Ему все время казалось, что это не он снял Вику, а она его. Но самое главное, он чувствовал, что она распознает его странную мимику — врать ей не получалось. После того как они расстались Денис почувствовал сразу облегчение и постарался вычеркнуть бывшую из жизни насовсем. Каждое ее появление вызывало в нем протест и животный страх.

Сибирский нехотя согласился принять Вику за стол, а вот датый холостяк Лирик приободрился. Девушка была со спортивной сумкой — она преподавала аквааэробику в местном фитнес-центре. Тело ее было прокачано, лицо — с бегающими немного дурными симпатичными зелеными глазами, светлые волосы собраны в пучок. Сиськи были небольшими, но пушап делал свое дело, и пьяненький Лирик, кажется, запал на нее. Его голос зафонил радиопостановкой, но Вика не велась.

— Тебя сегодня окружают только бывшие, — немного с досадой сказал Лирик, когда Вика пошла в курилку.

— И холодные, и горячие, — грустно подметил Денис.

— Она, кажется, тебя не забыла, — задумчиво протянул ди-джей и залил в себя остатки пенного.

Взяли еще. Вика вернулась. Лирик в красках рассказал, с каким заданием приехал Денис на родину. Девушка уже допивала пиво Лирика и чертовски быстро хмелела. Время подходило к полуночи, когда они вывалились на мороз. Трезвость наполнила легкие, взгляд вновь стал контрастным. Вика вцепилась в рукав Дениса, чтобы тот ни за что не ускользнул. Оказалось, ей по пути, и она нырнула в такси журналиста.

— Ты один в номере? — без раскачки сказала Вика, прижалась к рукаву и игриво посмотрела исподлобья.

— С оператором, — улыбнулся Денис.

— Но он же нам не помешает, — чуть подождав Вика добавила, — выпить бутылку martini.

— О, я думаю он даже будет рад, но завтра нам в 6 утра вставать.

— Мне тоже. Можно, я у вас останусь. Так не хочется ехать на Иркутский. Мне в 8 утра опять здесь возле университета надо быть.

Как Денис и предполагал, Мишаня не спал. Он расплылся на кресле, тупя в телевизор. Бутылка виски была наполовину пуста. Войдя в номер, Денис полез в ноутбук, чтобы отправить необходимые запросы продюсеру. А Вика и Мишаня мешали горячее с колой. Три пропущенных от невесты крутили Сибирского изнутри, надо было ответить, но перезванивать сейчас совсем не хотелось. Денис ушел в ванную. Включил душ и принялся в

телефон петь баллады. Он прокладывал невидимую нить любви по маршруту Москва-Томск и, кажется, невеста ему верила. Верил ли Денис своим словам? Трудный вопрос.

К 22:00 по Москве и 2 часам ночи по-местному Денис протрубил отбой. Вика ушла в душ. Мишаня почти мгновенно заснул. Репортер стоял перед кроватью и не знал, что делать: мысль о предстоящем сексе заставила его пошевелить мозгами. Вика была совсем не та девушка, ради которой стоило врать невесте. Да и вообще он не планировал изменять будущей жене. Ну может быть только в крайних случаях. Какие это были случаи мозг не знал, но объяснений, почему сегодня трахаться не надо, было предостаточно. Возможно, на решение повлиял и длинный день, доминанта сна переборола похоть. Сибирский еще постоял, подумал и поплелся вон из номера. Девушка на стойке регистрации после уговоров выдала спальное место. Когда Вика в одном полотенце вышла из ванной комнаты, Денис уже спал на раскладушке.

[1] *под № 92 играет однофамилец майора Кузнецовой — хоккеист Евгений Кузнецов.*

Серия вторая. Алиби

Серия вторая. Алиби.

Исходники/день 2/Томск. 23 декабря/Рыбы/ файл 20001

Кажется, он только сомкнул глаза, когда предательски затрещивнул будильник. В голове еще был вчерашний бузёж. Денис приоткрыл один глаз и сквозь длинные ресницы рассматривал в полутьме зарождающийся новый день. Ничего хорошего он не сулил — опять будут трупы, менты и слезы. Мишаня подскочил с кровати и выключил телефон. Свет от экрана упал на бутылку с водой. Даже в темноте было видно, как на лице оператора появилась блаженная улыбка. Он залпом осушил 0,33 и глянул на коллегу. В голове у Дениса дневальный прокричал: «Рота, подъем». Он медленно встал со скрипучей раскладушки, добрал до ванной и включил свет. Луч упал на кровать, на которой лежала Вика. Мишаня кинул похотливый взгляд на округлости танцорши и, с присущей укоризной краснодарского акцента, шепотом обозвал товарища полным идиотом.

На смартфоне высветилось 6:59, когда машина подъехала к УВД. Сибирский, как и обещал, заплатил сверху за два штрафа, а таксист отдал пустые бланки для отчета. Мишаня в этот момент изловчился и незаметно сфоткал шефа. К утру подморозило еще крепче до минус 37, голые руки едва не примерзли к двери, когда они выходили из машины. Ледяной воздух слабой анестезией пролетел в похмельной голове. Ровно в 7:00 из здания вышла свежая подтянутая Кузнецова. Подошла к черному джипу и открыла багажник, приглашая Мишаню сложить туда весь свой операторский скарб.

— Ты не рассматривала другие версии? — спросил Сибирский так, как будто они с Кузнецовой пили весь вечер.

— Лучше молчите, окна потеют. И давайте соблюдать субординацию.

— Простите, у нас в журналистской среде все на «ты». Даже с начальством.

— А у нас по имени отчеству.

— И как Вас?

— Майор Кузнецова, товарищ майор.

— Товарищ Кузнецова. Мне вчера звонил помощник Геннадия Михайловича, — начал врать Сибирский, зная, мимические морщинки расположатся в такой ряд, что Кузнецова поверит. — Я ему передал, что вы активно цепляетесь за каждую версию, которая бы оправдывала мужа. Помощник, конечно, расстроился, он уверен в виновности Снегирева, — для убедительности Денис приподнял брови. — У меня такой уверенности нет, более того — и ваш главный подозреваемый кавказец точно не выглядит хладнокровным убийцей. Аккуратно и точно в сердце... Пффф. Если бы этот инструктор решился на убийство, то сделал бы это спонтанно, нанес сотню ран, заплакал возле трупа и пришел с повинной.

— Вы слишком красиво, киношно мыслите, жизнь проще.

— Может быть. И все-таки. Есть другие версии?

Раздался храп Мишани, Кузнецова ухмыльнулась.

— Как насчет маньяка? — как бы впроброс произнес Денис. Еще вчера, когда во время пьянки старый дружище обронил эту мысль, Сибирский загорелся ее проверить. Слишком уж хотелось поучаствовать в ловле грандиозного убийцы.

— Как насчет профдеформации? — отшутилась Кузнецова. — Других версий не алё?

— А в финансовом плане кому выгодно?

— Никому.

— Вы за что-то не любите журналистов, да? — на правдивый вопрос он не ждал честного ответа.

— Вас мне навязали, этого достаточно для..., — Кузнецова подбирала слова. — Для неприятия. И еще ваш псевдоним. Сибирский. Хм. Он вам не идет.

Они подъехали к въезду в поселок. Шлагбаум пополз вверх, и машина плавно покатила по ровному очищенному асфальту.

— Может быть вы и правы.

Сибирский разбудил коллегу и тот принялся собирать Osmo и настраивать телефон под камеру. Кузнецова не доехала до дома Иринки, а остановилась у соседей. Из багажника она достала две желтые жилетки с надписью МВД и выдала журналистам, пояснив, что свидетелям лучше не знать, что их снимают для фильма. По крайней мере в самом начале допроса. Мишаня всех задержал перекурком, Денису тоже хотелось с похмелья хватануть пару «хапок», но он вспомнил о спасительном, но противном драже. Приторный шоколад, горькое пережаренное кофейное зерно. Терпел, жевал и слушал майоршу.

Кузнецова быстро ввела в курс дела. Во дворце напротив дома Снегирёвых ничего не видели и не слышали, справа соседи отсутствуют уже неделю. Остальные жители поселка тоже, как выражалась майорша, «не алё». Не опрошенными оставались лишь соседи слева. К ним и направилась группа.

Дверь открыл лысый холеный мужик, его глаза блестели от недосыпа. Он провел гостей в холл, который был стилизован под отдел “Рыбы” в зоологическом музее. С потолка свисало чучело большого марлина. Сосед Снегиревых — Аркадий — оказался сообразительным мужиком и начал первый.

— Что тут говорить, я с ними не общался. Жена — да, она словоохотливая. Даже бегала иногда с соседкой по утрам, хотя ей не особо помогало.

— И погибшую Ирину Снегиреву лично вы не знали?

— Так, здоровались, конечно.

— Да-да, я поняла.

Аркадий перестал улыбаться. Сибирский замер в ожидании чего-то интересного. Кузнецова же почему-то вдруг подошла к старому сазану.

— Почему рыбы?

— Они, в отличие от моей жены, молчат, — нервно пошутил Аркадий.

— Вы тоже немногословны, — Кузнецова взяла паузу, чтобы насадить наживку. — Будете врать и молчать как рыба — поедем в участок, в обезьяннике посидите. Хотя нет, для вас найдем аквариум.

Аркадий артистично показал, что он изумлен столь неприкрытой угрозе со стороны следователя.

— Когда я вчера разговаривала с охранниками на КПП, они рассказали удивительную вещь. Оказывается, погибшая не водила машину, а лишь училась. Но в поселок она чаще приезжала не с мужем и даже не на такси, а с Вами. И я размышляю, как так, столько раз подвозил человека, а познакомиться не решился. Вы, наверное, не понимаете, о чем я говорю? И мне у Вашей жены лучше обо всем спросить? — Денис чуть не пискнул от восторга и с надеждой посмотрел на Мишаню. Тот мигнул — все записано. — А, эта как рыба называется? — продолжила играть на камеру Кузнецова. Аркадий протер глаза и окончательно проснулся, в голове его закрутились жернова, просчитывающие последствия

сказанных слов.

— Отпираться, видимо, бесполезно. Признаю, спали мы с Снегиревой. А что? Ей муже не хватало, она сама так говорила. Но мы потрахались и разбежались, зарядились энергией и все. Только жене не рассказывайте.

— Все зависит от Вас.

Сибирский чуть потускнел — он понял, что версия у Кузнецовой была. И весь спектакль был разыгран исключительно для журналистов и чиновников. Аркадий же пошел в атаку, он взял Кузнецову под локоть и повернул к чучелу сазана.

— Очень интересная рыба. Молодые особи всегда стаей плавают. Все друг с другом, бок о бок, трутся плавниками. А вот старые сазаны выживают редко, но после бурной молодости живут исключительно парами, понимаете. Чтобы поймать вот такого великана нужна удача. Слушайте, пойдёмте, я вам кофе сварю.

Аркадий явно не хотел продолжать разговор с полицией, но Кузнецова уже надела на него невидимый строгий ошейник и взглядом натянула поводок.

— Неделю назад она была у меня, — с хрипотцой сказал Аркадий, словно почувствовал, что не убежать. — Оксанка тогда в городе осталась. Ира хотела побыть еще часок, но черт ее дернул сразу домой идти. Бабы! У Вас же интуиция. Пришла к мужу без предупреждения, а там, он со шлюхами. Хороша семейка, да?

— Да вы, Аркадий, тоже с женой не парочка влюбленных сазанов, — съязвила Кузнецова.

— У нас с Оксаной все отлично.

Лысый кинул взгляд на руки Кузнецовой и увидел обручальное кольцо.

— Вы своего просто еще не застукали.

Майорша отвернулась, подняла руку и сделал несколько медленных движений кистью, создавая водоворот в воздухе.

— После этого Ира два раза приходила. Дзынь в полвосьмого утра, мне ни слова, а с Оксанкой дыр-дыр-дыр. Вжик и на пробежку. Я думал, она ей все расскажет. А видите, как вышло.

Вчера в 7:30 утра она здесь была.

— Да. Оксана прибежала через полчаса где-то. Говорит, психованная эта Марина, бегаёт как косуля в такой-то мороз. Темпа моя толстуха не выдержала, вернулась.

— Значит, она ее видела последней?

— Наверное.

— И где сейчас ваша жена?

— Позавчера уехала после пробежки на работу. Вечером позвонила, сказала, что останется в городе в квартире на Фрунзе. Сегодня еще не беспокоила, хотя я уже волнуюсь.

— А где вы были с 7:30 до 9 утра в день убийства?

— Хороший вопрос! Но у меня алиби. Видеоконференция с китайцами. Разница во времени, две недели с 6 утра на ногах.

— Напишите, пожалуйста, имена с кем конкретно вы беседовали.

Аркадий быстро набросал на листке несколько китайских фамилий и протянул Кузнецовой стикер, но отдал не сразу.

— Помните, Вы мне обещали. Жене ни слова.

Кузнецова быстро зашагала в сторону машины так, что Денис и Мишаня еле за ней поспевали. Жена Аркадия была теперь главным кандидатом в убийцы.

Никита нервничал, когда они с другом вошли в сауну, где предполагалось найти больную ВИЧ-проститутку. Хлипковатый Вася же вел себя как завсегдатай. Он распушился, расправил плечи и нахально даже по-хамски велел администраторше вызвать шлях. Девочки, видимо, были неподалеку и через 10 минут стояли в шеренгу. Вася опознал «мамку» и попросил повторить девку, которую брал в прошлый раз. Манерная Инна сидела в машине и после короткого спора вышла на сверхурочные. Никита никого себе не взял, зато парился до тошноты и головокружения, отгоняя свои мысли о похоти. Вася пытался строить из себя веселого парня, но выходило худо. Сексом с Инной он не занимался, чем удивил девушку. Все объяснилось, когда он заплатил за всю ночь и погрузил ее вместе с бутылкой мартини в машину. Велел другу везти их на завод. Так назывался пустырь возле заброшенного склада, где они в детстве играли в прятки. Машина остановилась недалеко от фонаря.

— Я думала, мы поедem в квартиру. В машине холодно.

— На улице еще холоднее. Вылезай, — злобно прошипел Вася.

Инна, хихикая и покачиваясь, вылезла и выкинула в сугроб пустую бутылку. Она подняла воротник. Шапки не было. Вася был разгорячен ненавистью, поэтому даже не застегнул пуховик. Он обошел машину и как только оказался напротив шляхи, то с выдохом втащил ей прямо в нос. Девушку откинуло на несколько метров. Никита в два шага оказался рядом с другом и схватил его за руки.

— Убью, тварь, спидушница, шляха, — Вася завопил как ненормальный, но с долей артистизма.

Инна на четвереньках как собака поползла по снегу. Вася вырвался из клещей друга и ударил ногой в живот. Девушка вылетела на обочину и оказалась в сугробе, лежа на спине. Боль растеклась по всему телу, стало трудно дышать. Она попыталась привстать, но еще больше зарылась. Кровь вытекала из носа, и девушка машинально взяла снег. Поднесла его к переносице. Никита держал Васю.

— Псих, Муслим тебя на пику посадить, ублюдок, — воинственно произнесла проститутка и тут же пожалела.

Вася как-то уже выскользнул из больших лап Никиты и отоварил шляху ногой в челюсть. Девушка уткнулась в сугроб.

— Давай убей ее еще, придурок, если она помрет, я вызову ментов, — страх разбудил в Никите громкий и сильный голос.

Он откинул товарища назад и подошел к девушке, взял ее за плечо и повернул лицом к убывающей луне. В снегу осталась кровавая маска. Никита взял платок, убрал замерзшие снежинки возле рта и заткнул нос льдом. Инна вернулась в сознание, быстро ногой оттолкнула Никиту, встала на колени и выбралась из сугроба. Она со всех ног побежала к фонарю. Отличной подсечкой Вася снес девушку, и та больно ударилось спиной и головой о дорогу. Он взял ее за волосы и поднял лицо. В другой руке у злобного хляка заблестел нож.

— Признавайся, тварь спидушная, зачем меня заразила?

Инна, видимо привыкшая к побоям, до этого опасалась, но не боялась. Теперь ее жизни реально грозила опасность. Она заплакала.

— Василич, кончай хренью страдать.

— Говори, ты меня заразила? — прошипел Вася и замахнулся.

— Телефон, там ватсап, медик, а нет — в почте, в почте, пароль 2402 — затараторила

шпюшка, прикрывая лицо руками, опомнилась. — Не надо, пожалуйста, — это уже было ненатурально.

— Ладно, убивать тебя не буду. Мы сейчас поедem к моей жене, и ты скажешь... Слушай, — Вася больно намотал на кулак волосы, и Инна подняла глаза и тихонько взвыла. — Вызвал тебя мой друг Лысый, поняла? Но мы перебрали и заснули. А ты намеренно меня напоила и заразила СПИДом. Вкуриваешь?

Инна кивнула.

— Вася, кажется, она невиновна, — Никита держал в руке телефон со стразами.

— Нас неделю назад проверяли, я чистая, я чистая, Вася, — пролепетала Инна и приподнялась.

— Это результаты. Она права.

Никитос так честно посмотрел на весь мир, что Вася поверил даже свету противного тусклого фонаря.

— Это ничего не значит, — затухая, подхрипывая, надорвавшимся голосом отреагировал взбесившийся Вася.

— Это очень даже много значит, отпусти ее.

Вася ослабил хватку, проститутка вырвалась и побежала. Все еще с ножом в руке Вася стоял как вкопанный. Теперь уже Никита успел схватить беглянку, но аккуратно за талию. Укротив ее, он долго успокаивал девушку, рассказывая о непростой жизненной ситуации Василия. Под конец он взял с нее обещание, что она никому не пожалуется, всучил ей деньги вдвое больше оговоренного. Инна на все кивала, взяла гонорар и, как только ее отпустили, быстро ушла в сторону такси.

Вася стоял на пустыре, он опустил на колени и смотрел на еле освещенную дорогу с колеями от большегрузов.

— Никитос, а кто, если не она?

Эльвира лежала на кровати и смотрела на красивое голое тело своего любовника. Он только вышел из душа и символически прикрылся полотенцем. Эля привстала, подняла голову и спросила:

— А ты когда-нибудь мне изменял?

— Эль, ну что ты? Мы же сами, как бы не ангелы?

— Я не про жену.

— Мы об этом говорили. Нам хорошо с тобой и пока так, мы вместе. А там посмотрим.

Он скинул полотенце.

Видеоархив/запись ток-шоу “Давай поговорим”/ выпуск «измены»/ файл 20003

— Вечер добрый, разговорчивый! И мы продолжаем наши посиделки. Напомню, мы здесь не просто сплетничаем о делах разного калибра, но и стараемся оценить их с научной точки зрения. Благо, ученых людей разных специальностей и направленности в наших Сибирских Афинах предостаточно. И сегодня обсуждаем супругов знаменитостей! Итак, мы уже перемыли косточки женам. На очереди мужья. Вот меня всегда интересовало, кто такой, например, муж канцлера Германии Ангелы Меркель. В нашей стране о нем вообще почти не разговаривают. Как ему живется вот с такой женой. Как уйти в тень? И какие скандалы происходят у них на кухне?

Бородатый прилизанный с большими очками ведущий ТВ-2 Бойцов стоял в центре студии. Гости программы, коих было много, еле уместились на полукруглом красном диване напротив, а эксперты сидели отдельно по краям в желтых креслах. На одном из них

разместилась семейный психолог Ксения Крапивина. Именно ей адресовался вопрос. Более того, ведущий подготовил и второй. Ему непременно хотелось узнать, почему Ксения сама не замужем.

— Нас с детства воспитывают: «Женщина хранительница очага» — «мужчина — добытчик», «Не плачь тыжешь мужик», «а девочки у нас все принцески». И, постепенно воспитываясь в этих постулатах, мы складываем мнение о себе, о мужчинах и женщинах в целом. Так ли это на самом деле? Если честно, разница между нашими представлениями и реальностью, как показывают исследования, огромна. И всему, если можно так сказать, виной, наша культура. А ведь женщина может быть и борцом, и строгим директором, и убийцей. Жестокости некоторых дам позавидовали бы самые отпетые убийцы. И с другой стороны есть мягкие, ранимые, эмпатичные мужчины. Знаете, порой, водки выпьют, обнимутся, песню душевную споют и обязательно заплачут. НО не на людях! И тут есть два момента. Первый, все это, не совпадающее с культурным стереотипом поведением, люди скрывают как нижнее белье не в цвет, и второй — боятся быть разоблаченными. Например, девушка бьется с рецептом блинов один на один и каждый раз проигрывает, а на следующий день с борщом схватка. Ну не ее это, а она испытывает фрустрацию. Зато мужчина, который прекрасно готовит обед, чувствует неловкость. И никому не признается. Через полгода совместного бытия они быстро сменяют дежурного по кухне и будут жить счастливо. Задаем вопрос, они плохие супруги, если делают, то к чему больше приспособлены? Нет. Так в чем проблема? Они бы жили весело да счастливо. Душа в душу, но общество блюдет. И чуть что вы покажете наружу, тут же прилет от свекрухи, подруги, братана. Женщину можно обвинять, что она плохая хозяйка, мать — ребенок в дырявых носках пришел. Мужика назовут подкаблучником, не амбициозным лохом, потому что он, дескать, не соответствует культурному представлению, что мужчина должен быть главой семьи. И вот муж с женой договорились как жить. Я на работе впахиваю, ты детей воспитываешь, диссертацию пишешь. НО тут появляются друзья, коллеги, родители и начинают пихать мужика в бок — мол, соберись, тряпка, давай, пойдя уже, сделай карьеру. А у него от этого только огромный такой стресс величиной со шрам от инфаркта.

Аплодисменты.

— Ерунда эта ваша вшивая психология. Ранимые мужики, тьфу, поразвели кого не попадая, — жирный политик Подколзин, похоже, не слушал Крапивину и готовил свою реплику, вслушиваясь в реакцию публики. — Да, они лентяи и альфонсы, спрятались за юбку, живут прислугой своей амбициозной бизнес-вумен. Они как тень. И ничуть не отличаются от тех самых карманных жен олигархов.

— Но есть и другие, правда, Алексей Анатольевич? — ведущий обратился к пожилому мужчине, который был мужем самой известной в городе женщины — владелицы огромного ТЦ.

— Я не карманный муж, и меня не гложет, что я не соответствую представлениям общества о мужчинах. Просто я, как любящий супруг, помогаю жене. И, если бы она стала продавщицей на рынке, я бы, наверное, помогал таскать ей ящики с яблоками и помидорами.

— Все правильно, не слушайте вы этих пустобрехов, — профессиональную скандалистку Митрохину похожую на маленького задиристого пергидрольного Йорка, понесло, пошел срач, и эфир надо было спасать. — Опять ты свою волынку затянула, Крапивина? Установки, стереотипы, идеалы? Ты сама кто, баба со шрамом? Как ты можешь судить о людях, если ничего в жизни не повидала? Ты сама замужем? Или никто не берет,

бояться не соответствовать твоим социальным идеалам?

— Алла, не заводись. Мы все интеллигентные люди. Только с аргументами и без оскорблений, — Бойцов безуспешно пытался утихомирить отчаянно-лающего Йорка.

— Да она сама всех тут оскорбляет. Да Алексей Анатольевич выше этой мозгоедки в сто раз.

Начался настоящий научный базар. И как только объявили рекламу, Крапивина вышла. Ее слова исковеркали и блеванули ими в лицо. Выдохнув и отбросив эмоции, она вновь вошла в студию, обдав окружающих укоризненным взглядом. Помощник объявил, что осталось 5 секунд до эфира и все замолчали.

— Алексей Анатольевич, — передал слово ведущий, но тут вмешалась Крапивина.

— Мы все знаем его заслуги, я не договорила. Вы только представьте, что такими стереотипами пользовались несколько тысяч лет. Женщина была третьей рукой мужчины, за ее убийство можно было откупиться серебром. Только сейчас мир меняется. Появились Вумены, которые могут добиваться успеха, зарабатывать, реализовываться. И мать, воспитывая дочку, рассказывает: «Посмотри, Ангела— наш канцлер. И ты можешь быть такой». Этот стереотип мышления сложился в последние 50 лет. Не везде. Мы к нему не привыкли, а меняемся мы медленно и неспешно. Поэтому сейчас и сидим, задаем вопросы про Ангелу Меркель. Да все нормально и у нее, и у мужа. Просто нам видеть такую картину, исходя из собственных искажений, непривычно. И спрашивать надо себя, если нас это задевает как-то. Что касается вопроса — о чем спорят канцлер Германии и ее муж на кухне? Да о разном. Тут дело в саморазвитии обоих партнёров. Им, если честно, должно быть пофиг на мнение окружающих. Они между собой договорились и все.

— А если же мужчина не саморазовьётся, не сможет взять и отрешиться от общества? И будет мучиться, что не соответствует нашим представлениям? Что с ним будет? — спросил ведущий.

— Шлюхи, алкоголь и азартные игры, — подхватила Митрохина.

— Вижу, опыт у вас есть, — съязвила Крапивина. — Но порой все хуже: пустота заставляет его жить чужой жизнью, чужими целями. Возникает зависть, ненависть к жене. И выходом, который кажется единственным из этого семейного капкана, для мужа становится убийство.

Исходники/день 2/Томск. 23 декабря/Алиби/ файл 20004

В машине долго стояла тишина.

— Это не может быть муж, — уверенно заявила Кузнецова.

— Пижня! Жена ему изменяла чуть ли не с каждым встречным, — добавил Мишаня тем краснодарским тембром, который говорил о полном понимании ситуации.

— Он тоже не святой.

— Ну, знаешь. Когда мы... — это нормально, а вот когда нас..., это другое дело, — оператор не решился передать дословно матерную присказку.

— Давайте без пошлостей, и еще раз — мы с вами не близкие родственники, а вынужденные соседи.

— Лысый гораздо больше похож на хладнокровного убийцу, — вмешался Сибирский, стараясь саму Кузнецову вывести на разговор о настоящем подозреваемом — Оксане.

— Жертва была, как говорят, слаба на передок. Убийцей может быть кто угодно, мотив есть у всех. И у любовника с мужем, и у жены любовника, и даже у отца, репутацию которого порочит дочь, — кажется, Кузнецова нарочно пикировала Сибирского. — Вот

постепенно будем отсеивать тех, у кого алиби есть, так до убийцы и доберемся.

Сибирский сглотнул, ему не хотелось слышать о распущенности Иринки, которая в его памяти и сердце оставалась светлым образом. Он закрыл глаза, и разговор как-то сам собой затух.

Машина выехала на трассу. Березки за окном замелькали, образуя сплошную стену, постепенно уводя сознание в транс. Пять лет назад, когда Денис последний раз был в Томске, они встречались с Иринкой. Тогда она с сожалением смотрела на него и жаловалась на собственную жизнь. Хотя со стороны казалось, у нее все прекрасно. Богатые родители, муж из известной семьи. И даже работа. Однако если бы тогда он мог посмотреть глубже — картина была бы не такая радужная. Снегирев думал только о деньгах. На работе держали из-за отца. А детей Иринка не завела и, похоже, не собиралась. Предаваться разврату один из путей, который ее ждал, второй — наркота. Как оказалось, не только героин, но и беспорядочные связи вели в могилу.

Консьержка сказала, что Оксаны — соседки Снегиревых — в квартире нет и не было уже несколько дней. В банке заявили, что их замдиректор не появлялась два дня, но, по их словам, это нормально. Кузнецова дала распоряжение оперативникам найти главного свидетеля и высадила журналистов около гостиницы. Новичок техник и видеоассистент Виктор из убойного доложил, что проверил все камеры поселка. Ничего и никого подозрительного не обнаружил. Ледяной туман. Оставалось ждать. 12 часов, а целый день, по сути, испорчен, но с другой стороны — можно наконец-то выспаться.

Джонни, как звала майорша своего мужа, встретил ее в столь ранний час с изумлением. Впрочем, Кузнецова этого не заметила, махом проскочила в ванную, сняла всю одежду, распустила кокон и настроила душ почти на кипятик. Раскрасневшаяся, голая, с замотанной в полотенце головой она проскочила мимо мужа и быстро занырнула под одеяло. Джонни быстро захлопнул ноутбук и через несколько секунд уже пристально изучал жену.

— Ты же знаешь. Мне пока неприятно, — стесняясь самой себя сказала Кузнецова.

— Уже месяц прошел, можно. Ну или по-другому.

Они курили прямо в постели, хотя Кузнецова этого не одобряла.

— Надеюсь, ты сегодня на работу не уйдешь?

— Я очень надеюсь, что уйду: глухарь какой-то недобрый подкрадывается, — Кузнецова засмеялась и стала наматывать волос на палец.

— Жена, блин. Плюнь ты на этот ваш вшивый ментовский участок. Устройся адвокатом или юристом в контору. Деньги у нас есть, зачем тебе эти трупки.

— Знаешь, я хочу служить родине, коли ты оказался не годеи, — она ткнула мужу в грудь, но тот уже видимо привык и не обижался на подобные провокации.

— С тобой как со стеной, а для себя когда мы будем жить? В Тай съездить, Эльфовую башню глянуть.

— Эльфовую? — закрывая глаза переспросила Кузнецова.

— Я специально.

Джонни еще что-то вещал про отпуск, море и музеи. Кузнецова же провалилась в сон. Заметив спящую жену, муж аккуратно вытащил из-под ее головы руку и вновь ушел к компьютеру. Телефон жены сообщил о том, что батарея на нуле. Джонни медленно встал и выключил его. Он ненавидел работу жены и радовался своей мелкой пакости. Довольный, он сел за комп и продолжил общение, которое тянулось уже пару месяцев. Семейный психолог давно предлагала прийти на онлайн консультацию, но Джонни пока считал это шагом

слабака: ни к чему не обязывающего онлайн общения было достаточно. Достаточно, чтобы позже сказать жене, что ее работа следователя разрушила их любовь, а он сделал все что мог, чтобы спасти их брак.

Старлей Серов раз 8 нажал на кнопку звонка, прежде чем Джонни открыл дверь. Кузнецова вылетела в коридор в полотенце, махнула Серову и забежала в ванную.

— Телефоны оба два не алё, сели. Что случилось? — прокричала майорша из ванной.

— Срочно, муж хочет во всем признаться.

— Сука, голову морочил, — буркнула она себе под нос. — Откуда знаешь? Джонни, почему ты меня не разбудил?

— Так сказал журналист московский. Или Сибирский.

— Они что, с вами? — майорша вышла в коридор, натягивая теплый свитер, несколько не стесняясь Серова.

— Так Снегирев на них сначала вышел, ты-то не абонент, — Серов влюбленно смотрел на начальницу.

— Джонни, меня рано не жди.

— Как всегда, — донеслось из кухни.

Кузнецова собрала в кучу свои длиннющие волосы, проткнула пучок двумя китайскими палочками и вскочила в высокие на меху берцы.

Майорша зло смотрела на Снегирева, лоб которого оператор обтирал сухой салфеткой, чтобы не блестел в кадре. Серов стоял с наручниками наготове. Сибирский сидел рядом с камерой, по привычке взяв блокнот и ручку. Адвоката Пучкова почему-то не было. Наконец, Мишаня убрал пот со лба подозреваемого и встал за камеру.

— Можно, — скомандовал он и хлопнул перед камерой.

— Сегодня я хочу признаться. Признаться, в том, как я сильно скорблю в связи с гибелью моей жены. Мы не всегда жили душа в душу, что уж там, мы изменяли друг другу, но все же оставались супругами, мы хотели спасти наш брак, бросить все увлечения на стороне, и стать счастливой парой, может даже завести детей. Я не знаю кто смог совершить такое, но только не я. И вот мои доказательства.

Мишаня закачал головой: ему казалось, что после чистосердечного признания, можно будет брать билеты домой. Кузнецова же криво победно улыбнулась слегка ошарашенному Денису, хотя ей явно не по душе был этот цирк.

— Вы же снимаете? — спросила она с издевкой.

Андрей Снегирев повернулся, включил монитор и принялся рассказывать о том, что во время предполагаемого убийства он проходил миссию в игре, дата, время и действия отображены на серверах и могут быть предоставлены по запросу полиции или адвоката. Сибирский кинул взгляд на Мишаню, тот переставил камеру на монитор, забрал мышь у Андрея и начал заглядывать на разные странички.

— Похоже, правда. Не отсиживался, активно атаковал врагов и в принципе на хорошем уровне играл примерно полтора часа.

— Ваш папа будет счастлив, — зло пробубнил Денис. Играть эмоцию гнева ему давалось куда хуже, чем фальшь.

— Я справился о здоровье Геннадия Михайловича, — холодно и мерзко начал говорить Андрей. — Он слаб после инсульта и весть о моем алиби может его добить. Так что постарайтесь как-нибудь аккуратнее. А сейчас забирайте приставку и идите вон. Я дико устал от присутствия чужих людей в доме. Скоро похороны и мне нужно все устроить.

Серов аккуратно сложил вещдоки. Мишаня собирал аппаратуру. Андрей поднялся.

— Значит, будете прессовать любовника и искать соседку? — спросил Сибирский у майорши.

Кузнецова молча кивнула. В это время в дом залетел лысый сосед Аркадий в дубленке, натянутой на майку. Быстро кивнул всем собравшимся и рыбьими глазами посмотрел на майоршу.

— Я тут машину вашу увидел, странное дело, — он чуток отдышался. — Оксанку я так и не нашел, вы, так понимаю, тоже. Вот что она прислала 5 минут назад.

Он протянул Кузнецовой телефон. Та лишь мельком взглянула и мгновенно скомандовала мчаться в город.

Майорша тапнула на педаль. Джип рванул с места так, что Мишаня, сидевший посередине заднего кресла, едва не двинул лысому камерой в челюсть. Вскоре Кузнецова дозвонилась до начальника и попросила срочно проверить ЗАГС на наличие заложников, а также пробить, где находится телефон Оксаны.

— Что я должен делать? — лысый захлопал глазами.

— «Вам срочно нужно развестись, иначе я Вам помогу. ЗАГС работает до 22.00» — эта смска — требование, которое вы должны выполнить, чтобы спасти жену.

— Требование?

— Развестись. И у нас осталось всего минут 20 на это. Иначе...

— Он что — ее убьет?

— Будем надеяться, что это просто шутка, — Сибирский попытался как-то приободрить Аркадия, с которого словно капустный лист слетела вся спесь.

— Вы в каком ЗАГСе регистрировались? — спросила Кузнецова

— Так он один у нас, в смысле, тогда был один, в старом.

Машина выехала на трассу: оставалось еще 16 минут.

«Душно. Как же здесь душно», — подумала Оксана. Она только очнулась в маленьком темном кабинете или подсобке и попыталась встать, но не смогла, тело отказывалось слушаться. Руки совсем затекли. Заложница проморгалась. Почти ничего не видно. Она мотнула головой, окончательно придя в себя. «Итак, я сижу. Ноги, — она попыталась их отсоединить от стула, но щиколотки были надежно привязаны скотчем к ножкам. — Руки за спиной, — продолжала мыслить Оксана. — Где же я?» Где-то вдалеке зазвучал марш Мендельсона. «ЗАГС?!» — хотела сказать заложница, но чьи-то руки ловко засунули в открытый рот шарик и заклеили его липкой лентой. Оксана продолжала мычать. Яркий свет от вспышки телефона ослепил банкиршу. Вскоре щелкнула селфи камера и Оксана увидела себя со стороны. Она сидела связанная на стуле, под которым была бомба. Горела красная лампочка и бегали циферки.

Архив/Василий и Эльвира/ Зачеркни лишнего/ файл 20005

Пьяный Василий и трезвый Никита сидели за столиком в пивбаре. Рогоносец держал в руках нож и ел стейк средней прожарки. Друг, как всегда,пил морс.

— Пипец, просто пипец. Моя Элька — шлюха. Она с другими... А я рогатый олень. Я, Никитос, большой рогатый олень.

— Может жена не изменяла? А малолетка твоя СПИД принесла, зря ты ей на слов веришь, она молодая, все чешется у нее там.

— Я точно знаю. Не она. Две недели назад аборт сделала, там все проверяли, я нашел справку в ее квартире. Она чистая. И нечего так на меня смотреть. Да, я говно последнее. А

что мне делать? Спиногрыза от 19-летней писюхи заиметь? А на что мне их содержать? У меня долгов... да ты знаешь...

— Ты debil, Вася. Нет у тебя царя в голове, да и не появится уже, видимо, никогда. Иди проспись, завтра начнешь новую жизнь, без денег, без удовольствий, без семьи. Трудно будет, но, судя по всему, по-другому тебя не исправить.

— Знаешь, друг, проваливай-ка ты на... фалософ[1] фигов, иди подтирай своим спиногрызам жопки.

Никита достал из кармана куртки портмоне, вытащил тысячу и кинул купюру на стол.

— И жене подтирай, языком.

Никита — святой человек, ну почти. Хороший боковой в челюсть отправил дружбана под стол. Когда Вася встал, друга детства уже и след простыл. Для пафоса и официантки он еще раз послал очень далеко своего товарища и выпил до дна. Чтобы закусить отчаянно заерзал ножом по куску мяса, на мгновение остановился и оскалился. Так мерзко, что если бы его видел Никита, то обязательно врезал еще раз. Вася достал телефон.

— Привет, Эль. Мне кажется, нам надо поговорить, — с той стороны телефона послышались явные сомнения, но Вася был тверд. — Нет, поговорить никогда не поздно. Я трезвый, почти. Давай на нашем месте.

Вася взял салфетку, вытер нож и положил его во внутренний карман куртки.

Эльвира не ожидала, что согласится так просто. Любовник был в душе и не слышал ее разговора. Она быстро оделась, взяла из сумки листочек с диагнозом и открыла мужской портфель. С явным удовольствием положила туда бланк и уже хотела закрыть сумку, но увидела блеск. Чуток подумав надела перчатки, взяла нож и улетела.

Зимой в Лагерном мало людей, поэтому Эля и Вася любили здесь гулять. Часто муж поднимал ее и кидал в огромный сугроб. Утопая в нем словно на перине, она желала его, и он не заставлял себя ждать. Они жадно целовались, а в теплую погоду пару раз даже занимались любовью. Сейчас ей хотелось одного — убить изменника. Она свернула с дорожки, прислонилась к дереву и трясущимися руками достала нож. Тело, мысли, вся жизнь задрожала. Послышался скрип. Чьи-то ботинки сильно втапывали хрустящий снег в дорожку.

Исходники/День 2/ Томск. 23 декабря/разговор с бомбой/ файл 20006

Оставалось 11 минут до предполагаемого взрыва. Все молчали. Серов включил радио. Шел повтор пятиминутки с Крапивиной. Из радиоприемника она вновь несла обжигающие уши фразы.

— Измена — это не про секс, это про обман. Не сам факт соития с другим человеком важен, а попытка скрыть измену. И все эти «я не хочу разрушать нашу семью», «я не могу причинить ему/ей боль» — это все лицемерие. Нет. Страх. Быть пойманным, разоблаченным, наказанным, страх остаться в одиночестве — вот в чем суть измены. И вы знаете, возможно, этот симптом — показатель, что отношения изначально были ущербны.

— Хрень вся эта популярная психология, — нервно буркнула Кузнецова и выключила радио. Она одной рукой держала руль, а другой сжимала смартфон в ожидании звонка. Пришла смс: “В старом ЗАГСе чисто, новый уже проверяют”.

— И куда едем? — спросил Серов.

— Пока в старый, вдруг что-то упустили, Аркадий, вспоминайте детали. Как прошла свадьба?

— Расписались, пошли в Лиру, это напротив универа. Нажрались — разошлись.

— Давай заедем в кафе, по дороге, — предложил Серов.

— Тогда в ЗАГС не успеем.

— А Пушкин тогда стоял? — спросил Денис, чем заставил обернуться Кузнецову. — В каком году поженились?

— В восьмом.

— «Это будет долгий раунд», — подумал Денис. — Зимой?

— Почему? В августе, как все нормальные люди, — Кузнецова усмехнулась, она с мужем расписалась в мае. Как говорили родственники: «Плохая примета, всю жизнь маяться будешь».

— А на лестнице фоткались? — продолжал бомбить Сибирский, дурацкими вопросами пытаясь разговорить лысого.

— Вроде.

Сибирский помолчал, искрой мелькнула мысль о том, что могло разговорить этого немногословного от стресса персонажа: «Деньги».

— А сколько фотограф стоил?

Мишаня крутивший Осмо оживился и кажется изловчился так, чтобы Аркадий попал в кадр.

— О! Это отдельная песня, мы же 08.08.08 женились. Цены на все были космические. Лиру я, еще не зная ответа Оксанки, за год застолбил. А вот с фотографом засада вышла. Чувак, который нас должен был снимать, уехал в столицу, будь она неладна, и прислал замену. А тот попросил втридорога. В общем, аванс ему дал, а он паскуда забухал. Нам бы все распланировать, а он никакой. Говорит, что там планировать: лестница, Пушкин, фотолаборатория.

— Та что рядом с ЗАГСом?

— А когда приехали, оказалось все вверх дном. Лестница забита. Перед нами свадьба на 200 человек и все приперлись в ЗАГС. Пока мы их ждали, все сроки сместились. И этот фотограф говорит, что мы опаздываем в лабораторию.

Машина въехала в город, и Серов включил люстру, пока без звука.

— Фотограф говорит, давайте пока в студию, чего ждать. Оксанка тогда кричала что-то на него. У нее такое платье длинное, а он нас подвалом повел, чтобы быстрее. Там, оказывается, ход есть, не знаю, где он ключи достал.

В районе Лагерного сада дорога была свободна, поэтому Кузнецова вошла в поворот с дрифтом. Как только джип оказался на прямой, она тыкнула в экран смартфон. Эхо гудков разнеслось по всему салону авто.

— Михалыч, срочно в старый ЗАГС, там подвал, соединяющий зал с фотолабораторией, его надо проверить, — затараторила Кузнецова.

— Уже не получится, группа уехала.

— Как не получится?

Оставалось 5 минут. Кузнецова ускорила, но возле политеха почти встала как вкопанная. Два пазика-маршрутки перегородили двухполосную улицу, водители разговаривали друг с другом, не обращая внимание на полицию. Пришлось ждать, когда пройдет поток и обходить по встречке. Новособорную пролетели лихо. Чуть не доехав до ЗАГСа, машина перемахнула через небольшой сугроб и заскочила на тротуар, едва не врезавшись в беседку, сделанную из льда. Джип замер перед входом. Секундомер начал отсчитывать последнюю минуту. Послышался щелчок. Аркадий и Денис, сидевшие возле

дверей, задержали ручки.

— Все не алё. Поздно, ждем взрыва. Через две минуты придут саперы, — хладнокровно произнесла майорша. Аркадий побагровел.

— Откройте двери, — заколотил лысый по стеклу бронированной машины, — Оксана, — он метнулся на другую сторону, но Сибирский его задержал.

— Блин, народ, — Серов указал пальцем на группу студентов.

Загудела и заблестела мигалка. Студенты посмотрели друг на друга и быстро побежали в обратную сторону.

— 10 секунд, — прокуковал Мишаня.

Аркадий попытался открыть дверь, но блокировка в машине у Кузнецовой стояла не обычная. Только водитель мог открыть дверь. Аркадий безнадежно прилип к стеклу и рыбьими глазами смотрел на здание.

— Помогите, — Оксана уже осипла и вопль получился не слишком сильный.

Она часто с мужем забавлялась в постели со скотчем и наручниками, знала как высвободиться, и еще минуту назад частично содрала кляп со рта. Но на крики никто не пришел. Мелкими прыжками девушка сумела на стуле развернуться к двери. Ручка была простая, надо всего лишь нажать вниз. Но это никак не удавалось, ни зубами, ни щекой. Наконец получилось подбородком. Исцарапанное лицо осветил тусклый свет коридора. Пахнуло изморозью и плесенью. Оксана посмотрела на бомбу. Секундомер отсчитывал последние секунды. По стулу потекла моча и стала стекать на бомбу, капли отсчитывали последние вздохи.

В машине все зажмурились. Две точки на электронных часах синхронно отбивали стук сердец пассажиров. Аркадий первым радостно открыл глаза. Он вновь забарабанил в стекло, но Кузнецова и не думала открывать дверь.

— Да, мы у старого. Мы предполагаем. Ждем здесь саперов. 3 минуты. Да, не выходим, — Кузнецова уже рапортовала начальству.

Прибыл бронированный автомобильчик. Из него выскочили несколько мужиков в бронежилетах, лабрадор и его хозяин. К ним подлетел охранник, который все это время ютился в ледяной беседке и ключом открыл им двери.

Саперы нашли вход в тоннель, который был спрятан за большим зеркалом в гардеробе, о чем доложили по рации Кузнецовой, и все пассажиры джипа облегченно вздохнули. На торпедо замигала желтая колонка — сигнализирующая о том, что пора заправить машину. Майорша машинально выключила зажигание и автоматически нажала кнопку разблокировки дверей. Аркадий кометой вылетел на улицу. Мишаня не растерялся и последовал за ним. Другим не оставалось ничего кроме как идти в ЗАГС. Лишь репортер Сибирский сидел, не шелохнувшись — там была работа для оператора. Журналист погрузился в мысли, рассуждал, кому же понадобился такой перфоманс. Мысли бежали также быстро как Аркадий к своей жене. Инструктор-Кавказец был совершенно не причем, тем более что находился в СИЗО. Муж Андрей был под присмотром все это время и физически не смог бы взять заложницу. Геннадий Михайлович был в силах это проверить, но инсульт приковал его к кровати. Оставался только Аркадий или/и его жена. Возможно, но тогда артистизм бы зашкаливал, так сыграть трагедию, кажется, было не реально, но Сибирский знал — можно.

Оксана смеялась, когда ее нашли саперы. Бомба замерла, отсчитывая последнюю секунду. Цифра подрагивала на мониторе, но не менялась. Освободив девушку, саперы

накинули на нее плед и повели к выходу. Они поднялись по лестнице ЗАГСа, когда Аркадий и Кузнецова влетели в здание.

— Быстро отсюда, — скомандовал сапер.

Серов воспользовался паузой и схватил Аркадия.

— Оксаночка, — завопил муж, — родненькая. Жива.

Серов за ворот тащил Аркадия ко входу.

— Я не видела, я его не видела, — холодно проговорила Оксана, когда поравнялась с Кузнецовой.

— Какие-нибудь детали, мелкие.

— Я его не видела, — замотала головой Оксана.

Серов отпустил Аркадия только на улице. Тридцатиградусный мороз мгновенно прихватил уши лысого, но сейчас ему было все нипочем. Он дождался жену и бросился к ее ногам, но та не отреагировала. Подоспевший врач накинул на Оксану еще один плед. Джинсы покрылись коркой в районе ширинки. Два санитары уже подкатили носилки. Оксана погладила мужа по голове.

— Аркаш, я тут поговорила с бомбой... Знаешь, нам и правда нужно развестись.

В это время Сибирский достал кофейное драже, раскусил и глянул в окно. Оксана улеглась на носилки и ее покатали к карете скорой помощи.

Аркадий смотрел на уезжающую жену. Холод замораживал вытекающие слезы. Взгляд затуманился, картинка стала какой-то нереальной, и он провалился в пугающую обморочную пустоту.

[1] *Фалософ* — так едко называют студентов философского факультета.

Третья серия. Наследственность

Исходники/день 2/Томск. 23 декабря/подозреваемый/ файл 30001

Не выспавшаяся Кузнецова сидела в длинном как кишка кабинете начальника. Большой тучный полковник Тамакин расположился во главе стола и ловко крутил паркер жирной ручищей. Зажав тонкую авторучку вторыми фалангами указательного и среднего пальцев, он подбивал ее безмянным так, что ручка, сделав оборот, оказывалась уже зажатой фалангами среднего и безмянного. Еще одно вращательное движение и паркер ускользал в пространство между безмянным и мизинцем. Продолжая автоматически манипулировать пальцами, авторучка следовала по обратному маршруту, к фалангам указательного и среднего пальца. Натренированные жирные пальцы заставляли ручку вращаться вновь и вновь, не давая ей ни малейшего шанса выпасть, отчего движение было похоже на завораживающую мельницу. Взгляд майорши невольно следил за перемещениями авторучки. Ей и правда хотелось забыться в гипнотическом сне. В такт словам и нравоучениям она наматывала на указательный палец кончик своих длинных волос.

— Государственный канал я прикрою, но ТВ-2 никому не подчиняется, точнее принадлежит тем людям, на которых не надавишь. Они уже роют. Делай что хочешь, но московский журналист должен молчать.

— Он сибирский. В смысле раньше был местным, уехал 10 лет назад. Здешних коллег знает не хуже нас.

— А ты найди на него управу. Что, мне тебя учить? Только как можно раньше. Эта бомба не должна выйти за пределы здания.

— Поняла. Все участники еще здесь, я поговорю.

— С сына прокурора обвинения снимаем. Правильно же?

— Не совсем, формально — отсутствие связи между преступлениями тоже необходимо доказать.

— Вот и доказывай.

Тамакин жестом показал, что аудиенция закончена. Кузнецова вышла, плотно прижимая папку с документами и мысленно репетируя слова, которые скажет назойливому журналисту. Денис ждал майоршу в ее кабинете в напряжении на крае стула, барабанив пальцами по столу — ему не терпелось узнать, какие дальнейшие шаги следствия. В его мысленном расследовании история про героев-любовников, изменщиц и ревнивцев, и рассказ про бомбу были в параллельных мирах, в разных фильмах. Единый сюжет пока получался рыхлый. Нужен был новый взгляд на структуру сценария.

— Это может быть смешно, но как насчет маньяка? — Денис зашел с шестерок без надежды на выигрыш.

— Сериалы любите? В жизни все по-другому. Психов обычно ловят после первого, максимум второго эпизода, сериальными, а точнее серийными убийцами они просто не успевают стать. Умные и кровожадные — редкая смесь. Был насильник в Стрежевом, почти 15 лет ловили, потом мальчишки под Ганнибала-лектора из фильма косили, но их быстро поймали. А настоящий психопат, заточенный на насилие и убийство, с 9 эпизодами был у нас, когда я в школу ходила в конце 90-ых. Вы тоже, наверное, помните?

— Да, девчонка потеряла сознание, а маньяк подумал, что она умерла. На этом и прокололся. Но в нашем случае все куда интереснее, не просто изнасиловал и убил. Тут и

бомба в ЗАГС, и рог в сердце как ритуал. Разве это нормальный человек действовал?

— Вполне мог и вменяемый, тем более, взрыва не было, следовательно, заранее был расчет никого не убивать. Получается не очень-то кровожадный маньяк?

— Тогда Аркадий, — это был тот вопрос, который он готовил, ему казалась эта версия очень правдоподобной. Сосед Снегирева так защищал свой брак от измены, что мог пойти и на убийство, и на бомбу. — Этот Лысый мог сам все устроить.

— Где ваши доказательства, кроме мотива ничего нет? То-то. К тому же Вы забываете о друзьях нашего заключенного Малоюна. Вот видите — уже 2 подозреваемых. С кого начнем? — Кузнецова улыбнулась и добавила. — Не уезжайте, вас тоже надо допросить. И расписаться в документах о неразглашении. Вы теперь свидетель и в СМИ ни одной соринки без моего ведома...

Денис закивал — эксклюзивом про бомбу он и не собирался ни с кем делиться. Ему больше досаждала мысль о том, что Кузнецова была права и в расследовании совсем ничего неясно. Игра с мотивом Аркадия потерпела крах от отсутствия доказательств. Мозг еще посопротивлялся, выискивая пункты для самобичевания, и все-таки свернул в сторону работы. Необходимо было сделать корректировки в сценплан фильма.

«Как минимум — сделать подсьем, чтобы повести зрителя по ложному пути. Пусть думает, что виноват ревнивый сосед. И маньяка в сценарии надо развивать, а под конец увести расследование опять в кроваво-сердечные дела». В голове возник винегрет из обрывков версий. Структурность, которая была еще недавно, исчезла. Денис почувствовал нехватку какого-то важного элемента, словно системообразующий пазл потерялся где-то под столом. Сибирский открыл ежедневник и составил план. Когда график дел был готов, он созвонился со старым приятелем, ему нужен был выход на криминальные сводки. Товарищ направил его в редакцию самой старой еженедельной газеты города. Туда уже в полночь с оператором они и отправились.

Мишаня делал фотографии старых газет. А Денис влип в телефон, переписываясь с Ольгой. Невеста ревниво и участливо спрашивала, не нашел ли он ей замену в родном городе, стоит ли отменять свадьбу и на какой спектакль ей сегодня пойти. Денис принял стойку верного пса и одаривал любимую комплиментами и уверениями в своей собачьей преданности. Но для пущей убедительности сделал видеозвонок. Конечно, Ольга бы не поверила в историю о том, как голая бывшая подружка спала в его кровати, поэтому Сибирский и выложил всю правду. Голос был тверд и беспощаден, невеста слушала, затаив дыхание, особенно ей понравился момент с раскладушкой, но она ничуть не поверила и просто рассмеялась во весь дивный голосок. Денис оказался прав. Как всегда, ври, чтобы создать явь, руби правду-матку, чтобы реальность превратилась в фантазию!

Следом позвонила продюсерша, она делала вид, что ей действительно интересно по каким лекалам Денис собирается выкраивать историю. После того как Сибирский рассказал про бомбу, она подытожила, что материал будет огненным и перестала слушать. Денис же красиво расписывал, как призрак маньяка будет бороздить по просторам всего фильма, а убийцей окажется муж или сосед. В итоге договорились, что Сибирский свои пожелания пришлет письменно.

Рабочий разговор в итоге расстроил. Электрический свет длинной люминесцентной лампы раздражал. Денис опустил руку и некоторое время просто сжимал смартфон. Гнев лечим присутствием, вспомнил он совет какого-то психолога и набрал номер Инги Алексеевны, которая знала больше всех о подковёрной борьбе за место директора

программы. Она тянула слова без энтузиазма, сыпала фактами, которые говорили о том, что Дениса практически вычеркнули из претендентов на место директора программы. Вывернув разговор на себя, она выпросила у Сибирской благодарности за то, что внесла его в список кандидатов на обсуждение. Подытожила тем, что у Дениса есть пара дней, чтобы заручиться чьей-то поддержкой. Видимо, только по телефону. "Не только, — подумал Денис. — Эпистолярный жанр еще жив!" Он поставил напоминание написать e-mail всем участникам процесса. В письменном формате он чувствовал себя уверенней, чем в презентационном.

Мысленный процесс составления письма прервал 70-летний обитатель газетной редакции. Он ахнул на стол огромную пачку газет, достал сверху одну и пролистал до последнего разворота. Ткнул пальцем в нижний правый угол и сказал, что заметки об убийствах, пожарах и прочей чернушности всегда печатают здесь, еще со времен НКВД. Денис пропустил старческую шутку и принялся вгрызаться в материал. Необходимо было пролистать сотню газет, чтобы найти хоть какой-то экстраординарный глухарь и подтянуть его к мифическому серийному убийце.

Денис на листочке выписал параметры поиска: замужняя, точный удар ножом прямо в сердце, 30–40 лет. Кузнецова была права: странных убийств почти не было. Вся кровавая бойня происходила в основном на кухнях неблагополучных семей под бульканье дешевой водки. Интересных случаев оказалось всего 4, но нож фигурировал только в одном. Заметка гласила, что два года назад убитую Эльвиру Юрову нашли в сугробе в Лагерном саду с ножевым ранением в сердце. Арестован муж погибшей.

Кузнецова тоже работала сверхурочно и сразу же ответила на звонок. Она с явным скепсисом встретила желание Дениса покопаться в архивах. Тем более — это были все глухари, что выставляло работу полиции не в лучшем свете. Сибирский искренне удивился отказу, но следом пришла новость, объясняющая негатив со стороны майорши. Министр впал в кому, из которой, как говорят врачи, уже не выберется. Главный покровитель теперь не сможет его прикрыть, а это значит, фильм нужно сворачивать и лепить из того, что снято.

Денис дозвонился до продюсерши и попросил срочно решить вопрос со съемками в больнице и на кладбище. В голове крутилось: «Надо набрать слезливой и леденящей картинки». Где-то в мозгу раной закровоточила мысль об этике и ужасе похорон. Предстоял самый сложный съемочный день, поминальная процессия, вопросы ради слез близких в кадре и встреча с хохотушкой Лисовской, которая явно не оценит профессионализм Дениса. Оператор усталый и злой быстро сфотографировал отложенные газеты, собрался и уехал в гостиницу. Сибирский отправился к сестре. Давно обещал.

Архив / Ричард и Анна/ Красное/ Файл 30002

Черные как смоль волосы свисали из-под черной вязаной шапочки. А черные глаза 14-летней Алисы с черной подводкой со смертельной скукой разглядывали холодильник. Наконец, рука дернулась, Алиса схватила бидон с вареньем и переставила его на пустое место. На пальцах с черным лаком появилась тертая малина. Красное на черном. Алиса облизала яркую сладкую смесь, достала банку с мутно-зеленой жижой, в которой одиноко дрейфовал корншон, и поставила на стол. Погнутая жестяная крышка с серой резинкой легко отсоединилась, и девушка налила рассол в пивной бокал.

Они жили в потайном кармане города, в старых закоулках. Улица Шишкова располагалась недалеко от исторического центра, буквально в 10 минутах ходьбы, но вдалеке от популярных маршрутов горожан — в районе, куда даже автобусы заезжали редко — Болото. По всей улице тянулись сырые и убогие деревянные двухэтажки, построенные в

девятнадцатом столетии с условиями жизни того же века. Однако на этой неказистой улице стояли два шедевра деревянного зодчества. В одном был музей Шишкова, во втором жил известный томский художник Ричард Артамонов. Отреставрированный терем выглядел сказочно и элегантно — витиеватая кружевная резьба по дереву на ставнях и карнизах была покрашена в ярко-белый цвет и ярко контрастировала с черным-черным бревенчатым фасадом. Но помойки на фоне напрочь убивали все очарование. Эту двухэтажную усадьбу город временно отдал под нужды художника. Впрочем, нет ничего более постоянного, чем временное.

На первом этаже у Артамоновых была огромная кухня и комната Алисы, мастерская с видом на заброшенный сарай располагалась на 2-ом этаже. Туда кружку с рассолом и понесла уже большая маленькая Алиса. Аккуратно, чтобы не задеть мольберт, она прошла мимо белого как горячка полотна. Сам художник спал на медвежьей шкуре в одних трусах. Широкие семейники в зеленый горох плотно не прилегали, поэтому когда вошла Алиса она увидела часть естества своего отца. Щеки стали пунцовыми, и она второй раз за день превратилась в красно-черную фурию. Поставив стакан на стол, девушка собиралась уйти, но отец ухватил ее за ногу. Взвизгнув Алиса замерла. Еле слышно, с дефектами речи Ричард в красках благодарил дочь, которая, не в пример жене, ухаживает за ним как подобает благородной леди. Выслушав пьяный монолог художника, Алиса наклонилась, искренне и любя поцеловала в щеку папеньку и побежала вниз. Спустившись она включила плеер. Зазвучал трек группы Крематорий. Музыка, к которой пристрастил ее отец. Солист громко растягивал слова: «никто не любит тебя, никтооооо не любит тебя».

Маленькие беспроводные наушники легко скрывались в черных прямых волосах, поэтому только когда закончился трек девушка отчетливо услышала слово “дрянь”. «Видимо, мать ругает отца», — решила Алиса и быстрым шагом направилась в свою комнату, но чья-то рука схватила ее за плечо. Это была мать. Слегка постаревшая классическая блондинка, потерявшая свой шарм вместе с улетевшей модой начесывать челку, развернула дочь к себе и начала трясти перед лицом девушки смятую банку “ягуара”. Армен Григорян в это время очень кстати затянул про безобразную Эльзу и ее банку спирта.

«Было бы здорово сдохнуть не завтра, как советовал автор песни, а сегодня, — подумала девушка. — Очередного выноса мозга я не переживу».

Алиса уже догнала мать по росту, поэтому смело смотрела ей в глаза, в ушах по-прежнему тянулась музыка. Родительница еще что-то говорила, а когда замолкла, девушка стянула наушник и поинтересовалась, о чем так бурно жестикулирует и вещает ее мать. Вместо ответа получила наотмашь внешней стороной ладони по губам. Алиса отдернула голову и прижалась к косяку. Красная кровь появилась на черной помаде.

— Ты что не видишь, до чего это доводит. Ты не видишь, да? Тебе 14, а ты уже пьешь, как твой ненормальный отец. Ты понимаешь до чего это доводит. Дрянь! — мать еще раз замахнулась, но не ударила, заскрипели ступеньки. Ричард, пошатываясь, спускался. На нем теперь красовалась тельняшка.

— Ты что буянишь? — хрипло, будто Джигурда проснулся в нем, просипел художник и показал пустой стакан, — Спасибо, дочь, за рассол, но лучше бы пиваса.

— Лучше бы ты свои краски выпил и сдох, честное слово, — зло, яростно выстрелила Анна.

Ричард перевел взгляд на дочь. В этот момент Алиса отодвинула руку, чтобы отец смог разглядеть кровь на ее губе.

— Ты что, мать, с лестницы башкой вниз съехала? Ребенка бьешь.

— Вот смотри что нашла, — Анна вытянула банку.

— Так это я пил.

— Пап, не надо, ты такое не пьешь.

— Семья алкоголиков — у каждого свой напиток! Вы сведете меня в могилу, — Анна опустилась на табурет и картинно зарыдала.

Ричард подошел к ней, положил свою тяжелую кисть на плечо и пригнулся к уху.

— Не мешало бы извиниться перед дочерью.

Анна вспыхнула, откинула руку и полезла в драку. Она выкидывала ногти в сторону Ричарда, но тот ловко справлялся со своей львицей. Впрочем, жена быстро перевоплотилась в пони и лягнула мужа в самое «оно». Боль синхронизировалась с похмельной-головной, и Ричард отшвырнул жену. Он завопил красочно и богато, как и полагается художнику, в ответ же получал крепкими бытовыми словами, менее изящными, но более точными. Алиса уже не раз это слышала, поэтому предпочла «Крематорий», который пел о маленькой девочке со взглядом волчицы. Она накинула капюшон черного худи и заперлась в своей комнате. Зазвонил телефон.

— Славик, ты в следующий раз уноси за собой тару, хорошо? А то меня тут чуть не четвертовали!

Большой лысый Славик — переросток из 11 класса — снова пришел вечером. Из кармана он достал банку «Ягуара» и почти залпом выпил ее, даже не предложив Алисе, впрочем, она и не пила. Девушка забрала тару и смяла. Она хотела положить ее в карман кружки, но Славик был уже навеселе, в той пьяной агрессии, которая пахнет сексом. Он схватил свою добычу и уже не отпускал. Пустая банка сама собой как-то закатилась под кровать.

Полежав после бури еще полчаса Славик засобирался домой. Алиса проверила выход и заторопила парня. Тот быстро прошмыгнул к двери, обулся, девушка оставила черный след на красной щеке бойфренда и выставила его за порог. Замок прокрутился — запах секса облетел ее плечи и закутал в шаль. Захотелось музыки. Алиса машинально ударила себя по карману.

— Вот блин, — плеер остался в комнате.

Она еще раз чертыхнулась, когда услышала, что на кухне началась очередная война и еще раз пожалела, что все это слышит. Отец отчаянно звал дочь на помощь, потому что она была единственным человеком на планете, который его понимал. Алиса пошла на выручку, в это же время спустился ее 5-летний брат. Он тоже прибежал на крики. Когда дети вошли на кухню, то увидели, как мать отчаянно лупит Ричарда. Художник сопротивлялся, но, кажется, сил у него не было. Помощь подоспела вовремя. Мальчишка завизжал и бросился к матери, та взяла его на руки. Побой прекратились. Жена еще долго бранила и унижала мужа, но глаза художника уже расплылись как озера, руки не слушались, рот устало улыбался. Он попытался встать и свалился с табурета.

— Нормальный он! — она кинула взгляд упрека на Алису и обратилась к мужу. — Как ты нас повезешь завтра в поликлинику? Трепло, — Анна бросила последний ненавистнический взгляд на дочь и ушла, унося маленького сынишку.

Алиса начала поднимать отца. Как санитарка она тащила его с поля боя. На своем плече дотянула бойца до второго этажа. Ричард повалился на шкуру и захрапел. Алиса стянула с него носки, джинсы и укрыла пледом. Холст белым пятном стоял посреди темной

мастерской. Девушка подошла к нему и еще долго смотрела в пустоту. Ей казалось, на нем нарисована какая-то бесконечная зима, пустыня, покрытая снегом. Она взяла две кисточки, что попались под руку, опустила одну в черную, другую в красную краску и разом мазнула по холсту. «Утром подумает, что начал картину, — подумала Алиса и бросила кисточки на палитру».

Аудиозапись/ Минутка с Ксенией Крапивиной/ трэк 30003

— Давайте еще разок. Про алкоголиков, пожалуйста, мы потом из двух записей вырежем лучшие высказывания, — сказал Лирик. Сегодня они с Крапивиной записывали пятиминутки на всю неделю.

— Хорошо. Давайте еще раз.

— Сегодня говорим об одном из самых разрушительных для семей факторе — алкоголизме. У нас в стране пьющих нет, только выпивающие. И многим с этими «выпивающими» жить невыносимо, но они терпят, потому что не признают, что их супруг алкоголик.

— Ксения, скажите, как понять алкоголизм близко или нет. Я, например, выпиваю раз в неделю с друзьями — это уже зависимость?

— Дело не в количестве, а в причинах. Если стресс, усталость, ссора какая-то, и снимаете вы этот нервяк не с любимым человеком в постели, а в обнимку с бутылкой водки или пива, то можно говорить о первых признаках зависимости. Формируется привычка. Мозг — ленивая штука. Перенервничал, устал как собака — зачем искать сложные способы восстановить силы, зачем организовывать и планировать досуг, тормошить партнера, друзей. Зачем, когда есть чудо-напиток? Глоток, шот другой и стресс как рукой сняло, тут стоит сказать, что алкоголь и правда «снимает напряжение», но в этом все коварство. Мозг быстро улавливает кайф и устанавливает связь: стресс-выпил-расслабон. И когда снятие стресса с помощью спиртного происходит на регулярной основе, тогда можно говорить об алкоголизме.

— Думаю, на этой стадии никто алкоголиком себя не считает и ни к психологу, ни к наркологу не обращается.

— В том-то и проблема, мы эти стрессы, проблемы внутренние прячем, сами хотим решить, и особенно это касается мужчин. У нас два варианта недоверия к психологам: первое, «я что ненормальный к психологу ходить?», — говорит он жене, хотя психологи работают только со здоровыми людьми. Когда к нему идешь, то ты как раз нормальный, а не наоборот, а второе называется «Сам себе психолог», когда подумал, почитал что-то в интернете, понял проблему и говоришь себе: «У меня депрессия, потому что я работаю на нелюбимой работе». Ок. Уходи, ищи другое место, конфликтуй с начальством, одним словом действуй. А человек просто дальше пьет от усталости и стресса. Работает и пьет. В общем, сам справляется. Привет алкоголизму.

— А следующая стадия, когда уже «без вариантов» и пора обращаться за помощью? Чего надо бояться?

— Бояться нужно, когда перестает, как говорят, «вставляться». Раньше выпил три рюмки и захмелел, а сейчас бутылку и ни в одном глазу.

— Для некоторых это повод для гордости.

— А должен быть повод для страха? Потому что прежняя доза уже не помогает ни расслабиться, ни снять стресс. Физиологические процессы запустились, ферменты, расщепляющие алкоголь, вырабатываются в таком количестве, что и бутылку переваривают.

Все! Каюк организму. Тут не идти, бежать надо к наркологам и психологам.

— Значит, алкоголь только по праздникам и в умеренных количествах.

— Я бы не стала так говорить, тоже своего рода привычка получается. Помните, как в фильме «Любовь и голуби»: «День взятия Бастилии прошел зря». Привычку поддавать по праздникам высмеяли. Лучше вообще не пить, тогда точно об алкоголизме говорить не придется.

Ди-джей выждал паузу, чтобы на монтаже было легче отпилить звуковую дорожку и повернулся к звукорежиссеру.

— Есть? — получив одобрительный кивок, Лирик повернулся к госте.

— А вы занимаетесь алкоголиками? — снимая наушники спросил радиоведущий.

— Нет, я же семейный психолог, я занимаюсь реанимацией семей, которых едва не разрушила водка.

— Кедровый бальзам.

— Он самый, но у меня есть знакомая, которая успешно работает в этой области. Там же не все так просто, совсем пропащих только медикаментозно можно вылечить. Но тех, кто на первой-второй стадии она вытаскивает. И потом они приходят ко мне с семьей, и мы пытаемся заново построить это хрупкое здание.

Лирик не ожидал, что Крапивина тут же напишет телефон нарколога на бумажке и протянет ему. Нет, алкоголизм был не его проблемой, но дружан Благин стал все чаще закидываться до умопомрачения. Пить становилось с ним неприятно.

Мои документы/ День 3/ Томск. 24 декабря/ Хмурое утро/ файл 30004

Сибирский проснулся рано. Племянники еще спали. Геля уже была на маленькой кухоньке в 7 квадратов. Она заварила чай. Черный байховый как любила мама. В квартире было холодно, отопление с морозами справлялось плохо. Денис накинул на себя плед, обхватил кружку двумя руками и начал выпытывать информацию у сестры. Профессиональных навыков не понадобилось. Разговаривать Геля любила, да и тема требовала выплеска наружу. Ее муж, отец детей, не появлялся уже два месяца. Работал он геологом на вахте на нефтяных месторождениях. Сестра, подув на горячий утренний чай, легко и оптимистично заявила, что у него на севере любовница: «Он иногда тупо не приезжает. Да в общем-то и хорошо. Раньше пока сидел дома между вахтами, только и делал, что бухал по-черному. Пропивал все, что зарабатывал и уматывал опять. Я в декрете. Без денег. Побиралась. Да ты помнишь, у тебя занимала».

Еще немного пофилософствовав Геля остановилась. Денис не сразу, выдохнув, очень искренне выразил сочувствие. Как всегда, мимика сыграла с ним злую шутку, и сестра не поверила.

— Не надо, братец, постных мин, я счастливая баба. Вон у меня их целых три — любви. Впрочем, тебе этого не понять. Только дети могут любить искренне и навсегда. А с вас мужиков чего взять, — Геля взглянула на брата и остановила взор. — Не собираетесь со своей подружкой-то малышкой завести?

Сибирский долго мялся, но все же сказал, что свадьба намечена на 28 декабря.

— Ну как свадьба, чисто расписаться, даже без платьев, — смущенно произнес Денис. Сестра грустно посмотрела на брата.

— Лучше тогда вообще не жениться, проще будет.

Денис ничего не ответил. Родители Ольги с самого начала были против их союза. И когда Сибирский сделал предложение, то девушка занервничала и предложила подождать.

Ждали больше года. Обсуждали как устроить свадьбу. Денис искренне считал, что надо либо закатывать пир горой, либо расписываться по-быстрому, в джинсах. На большую пьянку родители Ольги явно не собирались. А устраивать свадьбу, на которой нет ни одного предка, почему-то не хотелось. В общем, решили без праздника. В Москве к этому относились вполне нормально. В Сибири не понимали и не принимали.

Денис еще раз подул на чай, который уже давно остыл.

— Я завтра на кладбище поеду. Нарисуй мне, пожалуйста, как к маме пройти.

— Я уже там полгода не была. Приберись, если будет время.

Проснулся малыш и Геля убежала.

Исходники/День 3/Томск. 24 декабря/Подрывник/ файл 30005

Зазвонил телефон. Сибирский выполз из паутины мыслей о предстоящих похоронах. Лирик зашел издалека, появилась витиеватость в мыслях, но долго петлять он не смог и выдал просьбу. Коллеги с ТВ-2 просили продать видеосъемку со вчерашнего происшествия возле ЗАГСа. По их информации там обнаружили самодельную бомбу, которая не взорвалась. Отказывать другу не хотелось, поэтому разговор предстоял липкий. В помощь заорал маленький племянник и, пообещав перезвонить, Сибирский положил трубку. Как только малыш уgomонился, журналист набрал Кузнецовой.

— Мне местные друзья-журналисты звонили, хотят материалы про бомбу. Как думаете — давать?

— Шантаж — уголовно-наказуемое деяние.

— Товарищ майор, дайте мне доступ к делу Юровой.

— Позже. Вечером, — легко согласилась майорша, — только оно вам не понадобится.

Алиби Андрея оказалось подделкой, едем его брать.

— Ого, — присвистнул Денис, — подождите, а как же бомба?

— Посмотрим, может он в этих играх научился бомбы делать.

— Нет-нет, там этого не найдешь, специально в описание ставят ошибочное действие.

— Тогда сообщник.

Кузнецова что-то заорала водителю и положила трубку. Денис открыл рабочий ноутбук и принялся рыть соцсети Снегирева. Журналист скролил страничку, на которой мелькали фото друзей. Их оказалось более 500. Фильтры не помогали искать подрывника и пришлось начать с алфавита. Pushkofff выскочил почти первым. Адвоката смотреть смысла не было и Денис просто перекинул его в соседнюю вкладку.

Сестра бросила запасные ключи от квартиры на стол рядом с компьютером и, несмотря на мороз, пошла гулять с малышами, а журналист забылся в фотографиях друзей Андрея Снегирева. Мишаня звонком оторвал от монитора и сообщил, что славно потрудился. Министра в палате снял и даже записал синхрон лечащего врача. Оператор напомнил, что они хотели снять бойцовский клуб, и что сегодня как раз тренировка у тех, кто специализируется на боях на ножах. Договорились на 6 вечера. Мишаня начал рассказывать о том, как не хватает командировочных, но Сибирский его не слушал. Он монотонно двигал курсор, просматривая странички одну за другой. Ничего не было. Чуть ли не последней он открыл страничку адвоката и проскроллил ее. В основном был самопиар. Реклама своих услуг и поздравления с праздниками. Денис уже собирался нажать на крестик в правом верхнем, когда долистал до записи от 23 февраля. 10 поздравлений от военных, обычное дело. Интуитивно Денис глянул на шеврон одного из друзей адвоката. Любопытство взяло вверх. Сибирский начал гуглить.

— Твою дивизию, — вслух в пустой квартире выругался Сибирский. Знак отличия инженерных войск выдал интернет, в том числе и саперы.

Сделав 3 холодных звонка, он наконец-то наткнулся на друга, который в подробностях описал боевые заслуги сапера Пучкова. За неполные 4 года службы он сумел не единожды отличиться, но сторел на работе. Ушел в более тихую адвокатскую гавань. Ну-ну.

Кузнецова позвонила сама и сообщила, что Андрей сбежал.

— А адвоката рядом нет, случайно? — осторожно шепотом спросил Денис.

— Рядом.

— Мне нужны архивы и видео неудачной облавы.

— Вы шантажируете меня уже во второй раз.

— Жди фото.

Денис быстро кликал по кнопкам и фотосообщения улетали на смартфон Кузнецовой. Теперь Сибирский знал в какую сторону рыть. Опытному интернет-серферу не составило труда даже найти фото Пучкова в саперском обмундировании. «Адвокат легко мог бы соорудить бомбу и заставить этим идти следствие по ложному следу — Денис рисовал в мыслях картину преступления. — Однако, сам факт службы в сапёрных войсках еще ничего не доказывает».

Денис перезвонил.

— Так что, как насчет дела об убийстве 2-летней давности и полноценной съемки допроса подозреваемых?

— Допрос адвоката начнется через полчаса. Отснятое видео показать мне и никому на сторону, особенно ТВ-2. Это же понятно? Я вас терплю пока вы честно выполняете наши договоренности, как только сделаете ошибку, пойдете лесом. Министр болен, и вы участвуете в расследованиях на птичьих правах.

— Как утка, — попытался пошутить Денис. Не прокатило, поэтому журналист решил уравнивать уровень взаимной нелюбви. — Успехов на допросах. Прокурор будет счастлив.

Кузнецовой предстояла нелегкая задача идти против всех. Арест адвоката Андрея и розыск сына прокурора ставили под угрозу всю ее карьеру. Объективно Кузнецова была права: отвлекающий маневр с бомбой, липовое алиби, косвенных доказательств полно, но... это дело было под особым контролем, и в случае перегиба, майорше, несмотря на все прошлые заслуги и службу в горячих точках, могли дать пинок под зад из органов. Шансы на это были огромные.

Майорша и сама это прекрасно понимала, но поступить иначе не могла. «В случае чего, поеду смотреть с мужем Эльфовую башню. Заведу детей, собаку и буду жить спокойно, как хочет Джонни», — успокаивала себя майорша по пути в контору.

Оператор выставил камеру на подозреваемого, мотнул головой Кузнецовой, нажал на кнопку и впал в транс, периодически поглядывая в окошечко камеры, чтобы не исчез фокус. Денис сидел за зеркальной стеной, слушал молчание Пучкова и монотонный бубнеж Кузнецовой.

Алиби на время бомбической истории у адвоката не было. Или по крайней мере адвокат не спешил им делиться. Майорша же тыкала подозреваемому в нос фото его военного прошлого, объясняла какой срок предусмотрен за введение следствия в заблуждение и какой за организацию умышленного убийства. В определенный момент адвокат затараторил. Уже позже, пересматривая видео, Сибирский заметил: на часах стукнет ровно 15:00. Он не признает вины, лишь выдаст следствию сообщника.

Снегирёв был в гостинице под именем своего клиента в 322 номере. Адвокат поведал, что можно воспользоваться черным ходом через ресторан, чтобы не спугнуть своего подзащитного. Группа быстрого реагирования сработала оперативно. Андрея взяли прямо в постели с соседкой Оксаной, которую он видимо утешал после происшествия с бомбой. Но чего ждал адвокат оставалось непонятным.

Когда Снегирева привезли, прокурор уже находился в УВД. Журналистов выгнали взащей. Впрочем, надо знать операторов криминальных программ, они готовы к любым поворотам. Но даже у здоровяка Мишани прорваться в управление шансов было мало. Соппротивление продолжалось до удара по голове. Дальше могла пострадать камера, а этого Мишаня допустить не мог. Позже Кузнецова прислала кучу смайликов и пояснила, что пропуски московских журналистов в УВД по приказу начальства аннулированы.

Сибирский вновь принялся за шантаж и написал, что бомбический сюжет они продадут в 6 вечера в кафе у спорткомплекса. Подействовало.

В 17:45 Кузнецова прибыла на встречу с журналистами. Официант принес им черный-черный кофе. Майорша сегодня была с двумя жидкими и длинными косами, на концах которых были прикреплены звезды похожие на сюрикены. Сибирский провел ладонью над кружкой и вдохнул аромат. Грудь наполнилась запахом крепкого эфиопского солнца. Где-то в журнале Денис прочитал, что так знакомятся с кофе. Это знакомство было чертовски приятным. Эфиопский кофе чуть кислил и это бодрило. Энергия к третьему дню командировки уже заканчивалась.

— Здесь отличный кофе. Пару дней назад пила, когда допрашивала тренера по фитнесу. Здесь же погибшая Снегирева занималась.

— Вику что ли допрашивали? — Мишанины глазки забегали.

— Знаете ее? — Кузнецова заулыбалась, а мужчины стеснительно закивали. — Полмиллиона жителей, а все равно деревня. Все друг друга знают. По делу она конечно, не алё, но поболтать было интересно, знала бы — про вас спросила. Итак, с чем пришли?

— Хотим видео допроса Снегирева.

— Жирно. Я поделюсь информацией, а вы забудете про свои договоренности с коллегами из ТВ-2 и опубликуете фильм после..., — Кузнецова хотела сказать суда, но осеклась — после завершения расследования.

— Мы же не газета, в «тиливизере» надо что-то показывать. Желательно что-то яркое и эксклюзивное.

— А у меня есть эксклюзив. Нам поступила информация, что в отеле, где вы остановились, заложена бомба. Сейчас туда ворвутся саперы и перешерстят на наличие взрывчатых веществ все номера, — Кузнецова давила.

— Согласен, наш материал — это бомба! — Сибирский был весел и дерзок.

— Там могут случайно и наркоту найти, например.

— Не честно играете, Кузнецова, — Денис впервые фамильярничал и понял, что сделал это зря.

— Зато вы все в белом. Строите из себя Бондарчука: киношечки, видеоряд, а я в реальной жопе. Я же сейчас против Снегирёва иду, понимаете? Прокурор не оставит меня в покое. Это мое последнее дело, — Кузнецова была на взводе, и со стороны могло показаться, что она сейчас по-женски завоет, но сильная майорша играла на публику. — Хотя... Воротите что хотите. Снимайте, если сможете. Но все согласовать со мной. Если вы меня подставите, тогда вам уже совсем никого не поможет.

— Значит, прокурорский сын все сделал? — смягчился Денис, раунд был за Кузнецовой.

— Факты говорят об этом, но надо быть дураком, чтобы писать явку с повинной. Да и допроса-то не было. Они помолчали вместе с адвокатом полчаса, и мы их отпустили под подписку о невыезде. То, что они ей подотрутся, это понятно.

— А дальше?

— Я буду медленно и долго собирать какие-то факты и вести расследование, и в итоге, может быть даже добьюсь постановления на арест.

— Но в это время подозреваемый улетит в страну откуда преступников не выдают.

— Вы все правильно понимаете. Так что делайте, что вам нужно и постарайтесь завтра улететь.

— Послезавтра. У нас кладбище по планам утром. В принципе, хотелось бы твое интервью записать, про вашего начальника я не спрашиваю.

— Нет. И моего интервью не будет. Мне еще жить здесь, работу искать.

— А синхрон с мужем, ну этой, которую в сугробе нашли, — вмешался Мишаня.

— Вы на полном серьезе будете писать про маньяка? — ухмыльнулась Кузнецова, — мне бы тоже этой версией заняться. Прокурор обрадуется.

— Тогда вам надо с нами, мы как раз бои на ножах снимаем, а потом к Киму, которого заставим найти общее у жертв. Он проводил оба вскрытия.

Кузнецова достала из сумки ноутбук.

— Кофе здесь отличный. В спорткомплекс не пойду, у меня бумажной волокиты... писать не меньше вашего. А вот к трупам загляну. Закончите, заходите за мной поедем в морг.

Кузнецова почувствовала дружеское волнение, как будто поговорила со старыми приятелями. Эти два чудика с телевидения располагали к себе, почти не подводили, и были чуть наивны в своем желании сделать хороший фильм. Их она могла спокойно позвать к себе праздновать Новый год, например, но по статусу они по-прежнему числились врагами, с которыми предстояло все еще держать дистанцию.

Денис и Мишаня зашли в небольшое двухэтажное здание и столкнулись с Викой. Та набросилась на них в улыбках и объятиях. Занятия закончились, и ей пора было в ночной клуб, сегодня она еще как танцовщица гоу-гоу собиралась возбуждать тех кому за 25. Мишаня поинтересовался, что за странный возрастной ценз на дискотеку — 25 лет.

— Студентов отсеять, — почти одновременно сказали томичи. — Эти нищелюбы бухают на улице, а тусуются в клубе. Кассы не приносят, а места занимают, — разъяснила Вика — поэтому 25 лет в Томске глубокая старость.

— В молодости Вика была моим флаером на эти дискотеки! — сказал Денис и потербил щечку танцовщицы.

Разговор стал напоминать песню Макаревича «А помнишь, как все начиналось?». Вика то и дело брала Дениса за плечо, улыбалась, слушая его рассказы. Мишаня немного ревностно наблюдал за ними под конец, воспользовавшись фразой «классно было» пригласил Вику в их номер. Танцовщица радостно согласилась и обещала приехать пораньше — часика в 3 ночи.

Архив / Ричард. Анна. Алиса/ Черное/Файл 30006

Художник стоял с кистью. Трезвый. Рядом сидел друг. Пьяный. Ричард уже вырисовал что-то похожее на исколотую руку наркомана. Красно-черную, неприятную и болтающуюся

пока еще в белой пустоте.

— Ты понимаешь, иногда я хочу ее убить, схватить нож и махнуть по горлу, чтобы ее голос больше не отдавался в моей голове. И мне страшно. Я даже раз взялся за дело, но рука опустилась. Однако мне страшно, сильно страшно, потому что теоретически могу не остановиться, к тому же пью до беспамятства, меня зашвыривает в другую реальность. Вот я, например, совершенно не помню, как сделал мазки этой картины. Представляешь, просыпаюсь и вижу, что они уже здесь. И я судорожно вспоминаю как, когда, где, — Ричард прервался потому что услышал знакомые звуки падающего кубика льда в бокал с виски и сглотнул слюну. — Я сидел и смотрел в эти две линии пока не вспомнил, что мне снилась отрезанная рука наркомана, оторванная от него, как отрывается зависимый человек от общества. Страшно, — Ричард продолжил рисовать, но вскоре остановился и медленно задумчиво произнес. — Знаешь, я могу ее убить.

— Не бойся, мы тебя отмажем, у меня есть отличный адвокат. Пучков — мировой парень, все сделает как надо. Мы с ним служили вместе. В конце концов кто на кого нападает.

— Мне детей жалко. Да и жену я вроде люблю.

— Очень странную любовь, тебе не кажется? Пошли уже ко мне. А то опять твоя Анька придет и будет вискарь в раковину выливать. Ты можешь сколько угодно это терпеть, а вот я не намерен.

Ричард сделал последний мазок и отложил кисти.

— Очень даже. Очень даже.

В его голове возникла целая композиция из оторванных рук зависимых людей. Толстая жирная с картами, костлявая тянущая рычаг однорукого бандита, детская с джойстиком, прикованная к телефону девчачья, морщинистая пожилая с кучей сумок в руке, желтая с сигаретой. Художник посмотрел на свою венозную руку. В мгновение в фантазии он отрубил ее и вложил в кисть стакан с виски. Да, пожалуй — эта была главная картина его будущей выставки.

Друг жил в подсобке аптеки, в которой служил провизором. Там и пили. Иногда друзья распивающие виски слышали, как колокольчик возвещал о пришествии очередного клиента. В комнате, где они пьянствовали, стояло кресло для стоматолога и гинеколога, которые никто не покупал. Ричард решил, что ему пора рожать картины одну за другой и устроился в женском. Рука опустилась вниз, и он стал размышлять о сексуальной зависимости и абортах. Например, стоит ли рисовать оторванную руку с оторванным же членом. Друг почти не слушал и восхищался современным достижением фармацевтики. Одно из лекарств крайне заинтересовало Ричарда. Товарищ говорил о том, как с помощью средства для разжижения крови, которое прописывают от тромбозов, можно запросто убить человека. Внутреннее кровотечение возникнет по неизвестным причинам и ни один судмедэксперт не догадается, что погибшему кто-то подсыпал такой медленно действующий яд. Конечно, если на это не будут указывать еще какие-то вещи. Ричард осушил уже третий стакан и его воображение начало вновь рисовать скандал на кухне, кисть со стаканом мутировала в руку с ножом.

Бессознательно он запустил свою большую лапу в коробку, где лежал препарат от тромбоза и запихал несколько упаковок в карман. Когда провизор вернулся из туалета, то ничего не заметил и вновь затянул волюнку о сильнодействующих ядах, которые отпускаются без рецепта. Точнее, по липовым квиткам.

Анна раз в неделю приезжала к матери, чтобы просто отдохнуть от суеты дома. Она вот

уже 5 лет не работала. Когда забеременела второй раз Ричард сказал, что жена теперь будет его менеджером и должна организовывать выставки. После рождения сына была только одна — неуспешная, плохо обустроенная молодой мамашей и в общем-то слабой с художественной точки зрения. Тогда-то Ричард и запил.

Сегодня 5-летнего мальчишку она повесила на старшую дочь Алису и спокойно сидела под пледом, глядя в экран телевизора. Мать Анны не любила Ричарда за его львиную аристократическую гриву и такой же характер. Деревенской коммунистке графья были вразрез души, но вмешиваться в личную жизнь дочери она не хотела. Ну почти.

Первый раз Анна прилетела к матери еще в молодости, чтобы та помогла ей отвадить поклонниц художника. Девушка знала, что ее мать и бабка были травницами и могли заколдовать, приворожить или того хлеще — убить. Тогда еще до супружества мать выдала какой-то грибной чай и велела Аннушке насыпать травушки в носки или ботинки самой ярой домогательнице Ричарда. Так она и поступила. Пригласила на фуршет одухотворенных поклонниц художника и сотворила ритуал. Ричард напился и при всех схватил жену за ягодицы, поднял на себя и понес в кровать на втором этаже. Секс был бурным, медвежья шкура почти вся взмокла. Шум стоял на квартал. Когда Анна спустилась вниз за столом в слезах сидела та самая страстная поклонница, ничего не сказав она надела башмаки с чайниками внутри и удалилась из жизни навсегда.

После этого секса появилась Алиска. И жизнь встала в колею, но дочка заболела менингитом. Врачи давали не больше 30 процентов. Анна выла возле палаты. Ричард пил. Тогда бабушка решилась на кардинальные меры, она принесла травку вроде полыни и стала втирать ее едва живой Алисе в тело. Зелье помогло и в этот раз. После этого чуть ли не с каждой проблемой Анна прибегала к матери, но травница отправляла дочь обратно в семью. «С ерундой сама справишься», — говаривала мать.

В этот раз Анна была на себя не похожа, она не просила избавить ее от пьяницы мужа, она просто хотела быть одной. В кресле перед телевизором. Без единой мысли в голове, точнее с одной: «Все осточертело». Кажется, ничего не осталось в жизни.

Мать принесла ей пакетик и положила на коленки. Анна взбодрилась и приподнялась.

— Я не знаю, как твой это вытерпит и будет ли он дальше художником... скорее всего — нет. Но трава эта избавит его от пьянства навсегда.

Анна прижала пакетик к себе.

— Навсегда, — прошептала она.

— На че жить-то потом будете? Он же трезвый не рисует.

— Он и пьяный не рисует, он вообще уже давно ничего путного не пишет. Что делать?

— Смотри. Трезвый мужик тоже, та еще забота. Без снятия стрессу, злобный может стать или занудной.

— Хуже, чем сейчас, не будет. Что делать?

— Смотри, подумай все и взвесь.

— Что делать? — прокричала Анна.

— Щепотку или во время пьянки, когда не заметит. Или с похмелья. Его тошнить начнет и колотить. Придётся потерпеть некоторое время. Тело свяжет процессы и откажется от водки. От одного вида алкоголя противно ему станет.

— И сколько по времени?

— За месяц должен выздороветь.

— Спасибо, мама.

— Только не больше щепотки, не перебарщивай, а то инфаркт или инсульт прибьет, чего доброго. А две щепотки и в могилу могут свести.

— Хуже уже не будет.

Анна схватила пакетик и побежала домой.

Алиса лет с 6 рылась в карманах и сумках взрослых, в компьютерах и тайниках. Ничего в доме не хранилось без ее ведома. Она изсмотрела все порно на компьютере отца. Она знала, что мать мечтает о Таиланде. Она видела выписки из абортария, которые в виде упрека хранила мать. Она знала, что брат прячет шоколадки под матрасом. Она считала количество презервативов в пачке, которую носил Славик. Она спокойно могла вести бухгалтерию семьи и знала, что отец пропивает за год машину. А в новый год она как актриса выражала искреннее изумление, когда видела подарки.

Пять пачек лекарств в сейфе с красками насторожили девушку. Гугл подсказал, что это средство после инсульта или тромбоза. «Значит у кого-то проблемы» — решила Алиса и успокоилась. Смерти она не боялась ничьей.

А вот травку в потайном кармане матери она нашла не сразу. Но быстро связала это с отравлением отца, которого три часа выворачивало после попойки. «Бабушка решила вылечить от алкоголизма», — догадалась Алиса и застыла с пакетиком травы. Она впервые не знала, что ей делать с находкой.

Исходники/День 3/Томск. 24 декабря/Ножи и сюррикэны/30007

Денис и Мишаня поднялись на второй этаж в фитнес-зал с зеркалами и станком. Мускулистые парни в спортивных костюмах работали в парах с деревянными ножами. В центре с голым торсом и штанах цвета хаки стояла груда мускулатуры — мастер. На его теле и руках оказалось полно татуировок. Каждая в отдельности смотрелась красиво, но вся композиция напоминала хаотичные рисунки ребенка, лишь присмотревшись можно было разглядеть, что таким образом забиты шрамы. В зале из старенького бумбокса вещало «Радио Сибирь».

«Лирик в эфире, — подумал Денис и улыбнулся, — надо бы увидеться, а то послезавтра улетать». Ди-джей рассказывал о важности науки в психологии и включил повтор разговора с Крапивиной.

— Алкоголизм — очень большая тема для многих семей, и частая причина развода.

— Я слышала от психологов, что он передается по наследству, — соведущая Машкина поддержала беседу заранее подготовленным тезисом.

— От отца к сыну?

— Нет-нет. По женской линии. Если у мамы муж алкоголик, то и у дочери скорее всего супруг будет пьяницей.

— В этом есть доля правды, — Крапивина, как всегда, была осторожна в высказываниях. — Дочка бессознательно копирует модели поведения матери. Это факт. Теперь рассмотрим — какое поведение. Очень часто нам стыдно признаться, что муж болен, что он алкоголик и вместо лечения, женщина или мужчина, женский алкоголизм тоже не редкий случай, супруг продолжает терпеть. А пора лечить! А она терпит. Но как терпит?

— Скандалит постоянно, — Машкина поддержала разговор, прекрасно представляя, о чем идет речь. Ее родители часто устраивали склоки из-за лишней рюмки.

— Оскорбления и манипуляции, вместо лечения. Супруг начинает ненавидеть больного, и есть за что. Насколько омерзительны бывают алкоголики многие знают. Но женщина забывает об одном. Алкоголизм — это болезнь. Муж болен. А когда она не видит, не

признает, что муж болен, а относится к нему как к здоровому, то у нее пропадает и сексуальное влечение, и уважение. А ведь на этих вещах стоит счастливый брак.

— Сначала муж плюет на жену и пропивает деньги, потом она перестает его уважать и оскорбляет будь здоров.

— Был у меня сосед, так его жена так поливала, такие обороты использовала. И самое страшное, крик всегда был с такой внутренней болью. До истошных воплей доходило, до отчаяния, — Машкина была эмоциональна. — А дочь все видит. И что она также строит свои отношения со своим мужем?

— По-разному, но, главное, девочка видит отсутствие тепла в отношениях супругов и считает это нормой. Считает обыденным, когда мать материт отца на чем свет стоит. Считает, что муж может позволить себе пропить все семейные деньги. Считает нормой выйти замуж без любви, нормой до последнего сохранять семью. Вот эта картина, когда алкоголик терроризирует семью, для девушки становится нормой, она не знает, что можно как-то по-другому, не видит выхода, не думает, что надо или разводиться, или лечить мужа.

— И ищет она таких же козлов, которые на папашу алкоголика похожи?

— А откуда у нее другие образы? Все мы родом из детства. Хотя говорю, каждый случай индивидуален, то что мы описываем, частая проблема, нельзя утверждать, что у дочери алкоголика, муж будет злоупотреблять. Да, такой вариант вероятен, но есть еще множество обстоятельств, которые могут изменить поведение девушки, и она может встретить другого молодого человека и жить счастливо. Здесь я бы отметила другой момент, если симптомы алкоголизма очевидны, не стоит с этим мириться, надо действовать.

— Или лечить мужа, или разводиться, — резюмировал Лирик.

— Пока это до греха не довело и смертоубийства, — подытожила Машкина.

Лирик увел радиослушателей на рекламу. Мишаня всю снимал тренировку. Спецназовец-мастер дал задание оттачивать прием и подошел к Денису. Журналист сразу показал фото со следами от ножа на теле жертвы и краткое заключение криминалиста. Тренер сразу прояснил, он никого не учит убивать, его занятия исключительно для самообороны. Сибирский закивал, поверил. Почти. Мастер продолжил и рассказал, что такой удар прост в исполнении, но его, как и многие другие, надо оттачивать, работать с манекеном, изучать конституцию тела разных людей. В принципе это может сделать любой, кто будет заниматься год-два у него либо у подобного специалиста, которых в интернете тоже предостаточно. Сибирский, возмнив себя детективом, спросил мастера про алиби. Тот усмехнулся, уточнил день недели и уверенно ответил, что тем утром, как обычно, работал в качалке. Мастер увидел недочет кого-то из подопечных и поспешил к нему исправлять огрехи в технике удара. Денис пошел за ним и уточнил, можно ли снимать лица учеников, хотя Мишаня уже давно всех сфотографировал. Тренеру пришлось остановить занятие и обратиться к бойцам напрямую. Все отмалчивались, сверкать лицами перед камерой им не хотелось. Тогда Сибирский опять самоуверенно забросил ложь в массы: сказал, что здесь и сейчас в зале убийца. Все засмеялись.

— Вы с полицией пришли или по собственному желанию, — прогнусавил по-гопнически коренастый низенький бородатый мужик и подошел к Денису вплотную.

— Внизу ждут, — надменно сказал Сибирский.

Коренастый в мгновение ударил ногой в солнечное сплетение Денису, отчего журналист сложился пополам. Боец оттолкнул журналиста и двинулся по направлению к выходу. На пути вырос Мишаня, но беглец чуть присел на ходу и выпрямился как пружина в

нужный момент. Плечом он ударил в грудь оператору и сшиб того с ног. Боец отпрыгнул в сторону, перекувырнулся, схватил пару боевых ножей и выбежал в дверь. Мишаня кинулся за ним. Сибирский пару раз выдохнул и устремился следом. По пути он вытащил телефон и набрал Кузнецову, которая находилась рядом в кафе.

Денис нагнал их уже на парковке. Холодная сталь была приставлена к горлу оператора. Все трое были раздеты, мороз быстро прихватил уши. Остальное тело не замечало холода. Адреналин качал кровь. За спиной журналиста появился Мастер по боям на ножах. Он притащил куртки.

Мишаня вытащил флэшку из камеры и медленно протянул ее бойцу. Сломал носитель одним движением, коренастый пнул в зад заложника и тот полетел. Это кошки всегда приземляются на ноги. Подскользнувшийся Мишаня бухнулся на спину плашмя, ударился лысой головой о замерший испуганный снег, но так и не выронил камеру из рук. Забрав куртку из рук мастера, боец побежал к выходу, но уйти не успел.

Кузнецова стояла у припаркованных машин и уже успела достать пистолет. Когда она громко рявкнула «стоять», коренастый был на мушке. Он дернулся, но выстрел в воздух его окончательно успокоил. Майорша подошла ближе, оказалось, боец лишь изображал послушного кролика перед удавом. В мгновения ока он развернулся и молниеносно ударил ножом. Лезвие глухо ударилось о железо. Ствол улетел в снег. Майорша отскочила и приняла боевую стойку. Шапка слетела с нее, косички звякнули и выпрямились к самому заду. Майорша задышала чаще и пар большими клубками вырывался изо рта. Денис бросился вперед, но Мишаня его остановил.

— Одного трупа будет достаточно. Жаль, флэшку этот гандон сломал. Вся съемка в зале коту под хвост.

— Зато реальный бой в кадре.

Оператор достал телефон и начал снимать. Кузнецова отлично уворачивалась от ударов ножа. Уличив момент, она резко сделала шаг назад и остановилась. Косички от спины сделали полукруг и прилетели к ней в руки. Она сдернула звёздочки с кос. Следующий выпад ножа она остановила одним сюрикеном, а вторым махнула по запястью. Клинок выпал из окровавленной руки коренастого, и Кузнецова, воспользовавшись замешательством, повалила бойца на землю. Денис выбежал из укрытия и пнул нож подальше от преступника. Он уже собирался победоносно улыбнуться, когда заметил еще одно лезвие в руке бойца. Оружие было спрятано в носке и придерживалось резинкой тренировочных штанов. Со всего маха Сибирский ударил тяжелым ботинком по руке. Металл лязгнул, ударившись о железный забор, который находился в 5 метрах от схватки. Кузнецова оценила, что чудом спаслась от ранения и разозлившись резко левой выключила коренастого.

Подоспел наряд и увез поверженного соперника. Денис и Мишаня сидели в спортивном центре, на голове у оператора расположился ледяной бульжник — на этом лечение врачей скорой помощи ограничилось. Ах, да, еще таблетка анальгина. Сибирский стоял рядом и раскусывал противное драже «кофе в шоколаде», все еще справляясь с курением.

— Главное, камера цела.

— Весь материал про маньяка в корзину.

— Драка есть. Круто. Может к лучшему.

— Конечно, к лучшему, послезавтра улетать, а у меня треть фильма не снята. Голой жопой перекрывать текст будем?

— Да найдем какой-нибудь архив в Москве, переснимем все. Не бзди, шеф. Главное — камера цела.

Кузнецова на ходу влажной салфеткой очищала от крови сюррикен, который был вновь вплетен в косичку.

— Вы что, совсем долбанулись?

— Не парься, только Мишаня головой, но ему писать ничего не надо, так что материал будет огонь. Схватку сняли, — быстро, стрессово тараторил Сибирский, от чего сарказм казался чересчур надменным. — Как у вас? Взяли исполнителя с нашей помощью?

— Телефон, — скомандовала майорша. — Быстро, — она протянула руку Мишане. Оператор дал косяка на шефа и понял, что сейчас лучше не шутить. Кузнецова несколькими манипуляциями удалила видео драки. — И без копий. Понятно? У вас самолет послезавтра. Чтобы я вас не видела в городе. Закройтесь в номере и сидите пока такси до аэропорта не приедет. Поняли? — Кузнецова развернулась, отпустила косичку и два сюррикенадзынькнули друг об друга.

— Так вы с нами к Киму не пойдете? Привет ему передавать? — Денис говорил это уже в спину широко шагающей следачке.

Майорша сидела напротив начальника с поднятой головой. Перед ней лежали фотографии дела.

— Я понимаю, что все факты указывают на сына прокурора, но давай будем профессионалами. Мы должны рассмотреть все версии. Какие еще есть?

— Арсений Палыч, товарищ полковник, тут все сходится как дважды два.

— Это для тебя сходится, а вот прокурор будет добиваться дорасследования. И имеет на это право. Улики у тебя не убедительные. Признаний нет.

— Пока нет.

— Ты даже исполнителя не расколола.

— Так он не алё. Давайте ему пообещаем поблажки за другие преступления.

— Давайте ваши славные дознаватели ему сначала по почкам постучат, может без послаблений достучимся до черствого сердца. Понасмотрелись сериалов... А кавказец? — полковник Тамакин раскраснелся — коньяк, выпитый с прокурором, выветрился и пошел наружу.

— Там совсем глухо, на него ничто не указывает. Держим его, потому что адвокат с него бабки тянет.

— И это все? Полторы версии такого громкого преступления, у журналистов, наверное, больше. Может, спросите?

— Они про маньяка копают.

— Вот, — полковник хлопнул по столу. — То, что нужно, помогите им. А я сам допрошу исполнителя. Как его зовут? Кепка. Ну-ну.

— На сколько нам необходимо перенести арест сына прокурора?

— Наташенька, ну, о чем ты спрашиваешь?

— Ни о чем.

— 5 дней просил.

Майорша вышла из кабинета, набрала патологоанатома и попросила его задержать журналистов.

Когда Кузнецова пришла в морг Ким стоял перед камерой и самодовольно рассуждал о вероятностях и совпадениях.

— А можно резюмировать, — попросил Сибирский.

— Если кратко, характер повреждений в двух этих случаях и угол удара совпадают примерно на 80 %. То есть с вероятностью в 80 % можно говорить, что убийство совершил один и тот же человек.

— Значит, это не Кепка, такое погоняло у того, кто по голове вам приложил, — вмешалась Кузнецова. — Кстати, получил его от поклонника сериала «Острые козырьки». Он еще до появления сериала, как главный герой бритву в восьмиклинке своей носил. Так вот, два года назад, во время убийства Юровой Эльвиры, он на киче чалился. Специально для вас, Сибирский, узнала.

— Они уговорили меня сказать про 80 %, — боясь обструкций со стороны следачки забубнил Ким. — Ты же понимаешь, такое утверждать нельзя, но чем ярче слово, тем...

— Шире кадр, — подхватил Мишаня и загоготал с южным акцентом.

— И сколько процентов на самом деле? — поинтересовалась Кузнецова.

— Думаю, все 100, — бабахнул Ким. — Очень похожи удары. И, самое интересное, убийца — непрофессионал.

— Не киллер?

— Я специалист по вскрытиям, но у меня есть криминалист, который специализируется по ножевым ранениям. По скайпу все не определишь точно, конечно, но он уверен, а я ему доверяю. Итак, по словам очень авторитетного специалиста, убийца, скорее всего человек с самоучителем. Профессионал точно знает, что убьет человека и не боится быть опознанным. Удар со спины говорит об обратном — жертва не видит лица преступника. Оба случая похожи, лезвие вошло под одним углом, рост убийцы примерно метр 60–70. Плюс разрез и сила удара схожи. Конечно, это не говорит о полном совпадении, но мой коллега уверяет, что по теории вероятности это 100 % один и тот же человек. Правда есть одно НО: я и мой коллега судим обо всем по старым архивным отчетам.

— Поэтому чтобы все это подтвердить..., — вмешался Денис.

— Поэтому чтобы все это подтвердить нужна эксгумация, — на камеру четко отработал патологоанатом.

Кузнецова отвела Кима в сторонку и устроила тому допрос с пристрастием. Ким четко стоял на своем. Он профессионал. И никто его не просил рассказывать про маньяка и подыгрывать журналистам. Кузнецова не ответила, а быстрым шагом вошла в каморку Кима и открыла холодильник, там стоял маленький тортик, съеденный наполовину. Фирменный знак прокурорских. Они здесь были и просили найти хоть какие-то признаки, помогающие снять обвинение с Андрея Снегирева.

— Паша, за торт даже шлюхи не продаются, — крикнула Кузнецова и ушла.

— Это не подкуп — просьба сошлась с реальностью, — пофилософствовал Ким.

До следующей съемки шли пешком. Ресторан находился рядом со входом в городской сад у белой причесанной церквушки. Журналисты спустились в подвальчик. На стенах хозяин разместил знаменитых посетителей от КВН-щиков до президента. Москвичей провели за VIP-столик, за которым сидел Вася Юров. Поза возвещала, что мужчина был весь на пафосе.

— Поздно уже. Мы за 10 минут управимся? — спросил он басом.

— Нет, за 20, — Денис как опытный профессионал быстро перехватил инициативу. — Можно нам кофе, тяжелый день выдался.

Василий Игоревич, как назвал его официант, посмотрел на пластырь на лысине

Мишани и решил, что лучше с ними не спорить.

— Мне Ваша девушка сказала, что вы делаете зарисовки о лучших людях города.

— О молодых, талантливых и перспективных. Именно поэтому свет должен стоять правильно, чтобы получилась отличная картинка.

Мишаня достал «дэдик» и намеренно направил свет в лицо Васе. Опытные товарищи быстро взяли под контроль пафосного упряма и теперь готовы были выуживать из него информацию. Самое главное было перейти к эксгумации. Подготовить его к этому.

— Ваш бизнес начал расцветать два года назад?

— Да, тогда в моей жизни произошла трагедия, у меня умерла... убили жену, Элечку. Я не знал, как прийти в себя и как-то само собой закрутилось. Мне тогда предложили интересные инвестиции.

— Убили? — лживое удивление, у Дениса получилось очень натуральным.

— Да-да.

— Ничего себе!

— Сейчас смешно вспоминать, но тогда я чуть не признался в убийстве, хотя не совершал его. Но, если взглянуть на ситуацию, то, конечно, я виновник. Нет, я ее не убивал, но я этому способствовал. Мы же с ней жили как кошка с собакой, а у нее представляете обнаружили ВИЧ. Понимаете?

— ВИЧ? Я смотрю на вас и не могу поверить, что супруга была наркоманкой — Денис показал мизинцем на вену изображая шприц. — Миша, останови съемку.

— Нет. Измена. Только удали все это.

— Я сделал стоп, — Мишаня отошел от камеры.

— Я тогда хотел ее убить, честно. Я даже спер нож в кафе.

— Какой нож?

— Столовый, ну стейки резать такой как пила. Ужас, да? Измена — это очень гнусно. Но мы же не об этом да?

— Да, мы все вырежем, это не войдет в программу. И как вы стали успешным? — Сибирский кивнул Мишане и тот снова встал за камеру.

— Моя жена была обеспеченной, а у меня долги. Я продал квартиру, расплатился и у меня осталась еще небольшая сумма, несколько миллионов. На меня вышли парни-студенты, которым я поверил. Вложил в разработку их приложения все бабки и вот теперь я богатый человек. Но хочу отметить, мы пахали и пашем с ребятами каждый день.

— Хотелось забыться после смерти жены? — мастерски вновь вернул Денис разговор в нужное русло.

— Наверное. Мне было так легче.

— А убийцу не нашли?

— Не-а. Сказали, что залетный ограбил. Только вот ничего не украл.

— Скучаете по ней?

— Вася картинно поднял голову вверх. На самом деле, он о ней вспоминал очень редко.

— Думаю, она помогает мне. Оберегает.

— У меня есть знакомые в полиции, хотите узнаю, на какой стадии расследования находится?

Вася махнул рукой и начал заливать про бизнес. Мишаня получив немой сигнал выключил камеру. И стал ждать, когда вдовец выговорится. Как будто упомнив о чем-то Денис несколько раз похлопал Мишаню по плечу и тот включил запись.

— Подождите. У вашей жены нашли ВИЧ, а у Вас? Это не на камеру, мы вырежем.

— Нет. Я несколько раз проверялся, сказали, что такое возможно. У меня нет этой заразы.

— Что ж, спасибо и успехов в бизнесе.

— Всегда.

Денис встал, пожал Васе руку и медленно побрел. Про эксгумацию Денис спрашивать не стал, в голове появился новый план.

Было уже за полночь, но Арсений Палыч домой не спешил. Сибирский с краснющими глазами сидел напротив полковника и макал пакетиком чая, окрашивая кипяток в коричневый.

— «Кто вам мешал — тот вам поможет», — изменив слова героя фильма «Кавказская пленница» в исполнении Владимира Этуша пропел Денис.

— След сумасшедшего, пока не будем его маньяком называть, все-таки есть.

Денис изложил все имеющиеся факты, плавно подводя к необходимой эксгумации. Он сам не верил своим словам, но ситуация заставляла его искать и выдумывать ради хорошего репортажа. Арсений Палыч согласился со всем и обещал завтра же выкопать труп.

В третьем часу ночи Сибирский вышел на улицу. Даже мороз не бодрил, усталость обнимала за плечи и нависала большим грузом. Виски был бы кстати, но завтра предстоял очень трудный день: похороны и эксгумация. Пожалуй, лучше выспаться. Такси быстро проскочило по пустынным замерзшим улицам. Сибирский поднялся на лифте и подошел к двери. Чтобы не разбудить коллегу он тихо приоткрыл дверь в номер и увидел знакомые сапоги. Танцовщица Вика, как и обещала, приехала в гости. Денис пошарил по карманам, нашел ключи от квартиры сестры, закрыл дверь и быстро зашагал вниз. Кажется, он опять удачно сбежал.

Серия четвертая. На площади любви

Мои документы/ Ночь 3. День 4/ Томск. 25 декабря/ Баг/файл 40001

Комнату, в которой в детстве жили Денис и Геля, теперь занимал старший племянник. В бывшей родительской спальне на большой кровати сопели младшие и Геля. Как в молодости Денис тихо-тихо открыл дверь ключом и попытался незаметно уснуть на гостевом диванчике в зале. Сестра проснулась и, накинув большой теплый мужской халат, вышла к брату. Она забубнила нотации, которые положены человеку, пришедшему в 4 утра, и ушла на кухню. Вернулась с бутылкой белого полусухого и двумя бокалами. Прошел тот момент, когда Дениса вырубало, и теперь его мозг вновь был способен генерировать беседы. Речь зашла о завтрашних похоронах.

Сибирский знал, что такое настоящая боль утраты, поэтому его мимика на поминках была смесью искренности и заботы, хотя на похоронах неизвестных ему людей в душе он был несколько отстранен. Возможно поэтому он, и справлялся со своей работой лучше всех. Но завтра предстояло хоронить некогда, а может быть все еще, любимую девушку. Отстранённым быть не получится. Чтобы сгладить тревожность, Денис под вино распинался о сложностях фильма, а Геля вставляла лишь редкие комментарии и все время спрашивала брата, зачем он занимается такой работой. Ответа у журналиста не было. Он и сам не мог понять — почему он делает фильмы о громких, жутких невыносимых убийствах.

— Я телек не смотрю, — заявила Геля. — Даже в самом обычном сериале всегда кого-то убивают и насилуют.

— Да с тобой все норм. Другое дело, что в Останкино ты, наверно, и не найдешь журналистов, которые смотрят ящик. В лучшем случае мастер перед выпуском глянет. А некоторые и этого не делают. Написал, сдал, а как сняли, смонтировали ... автору наплевать.

— Делают, а сами не смотрят?

— Да почти каждый журналист с гордостью произносит: «А я не смотрю телек!» — Денис, накидавшись вина, уже переигрывал. — Ну и нафиг ты нужен, если телек не смотришь, если делаешь, то за что самому стыдно. Представляешь автослесаря без машины и без прав. С трудом? Или сантехника, у которого удобства на улице. А на телеке это нынче норма.

— Зачем тебе это?

— Пипл хавает. Что еще надо? Хотелось бы разобраться, что стало с нашим человеком, почему он целый час со страхом в глазах, не отрываясь от экрана, рассматривает расчлененку во всех подробностях.

— Зачем тебе это?

— Я делаю детектив, пытаюсь понять почему люди убивают друг друга. Почему они не могут друг друга простить? — Денис сделал большой глоток, помолчал и добавил. — Может кого-нибудь остановлю.

Денис заплакал. Выпитое вино заслезилось в уголках глаз: «еще один близкий его душе человек уходил навсегда». Геля подошла к нему и прижала его голову к себе.

— Отец через год выйдет из тюрьмы.

Сибирский плохо спал на старом диване, шея затекла, голова болела, сны были полны кладбищенских червей. Малыши вовремя проснулись и разбудили репортера в 8 утра. Наспех позавтракав, журналист побежал в гостиницу. На ресепшен его пожурили за неоплаченную

ГОСТЬЮ.

— Она вместо меня ночевала, — отшутился Сибирский.

Вика еще была в номере. С Мишаней, как показалось Денису, у них ничего не было. Спали на разных кроватях. Оператор принимал контрастный душ, а Вика все еще валялась в постели. Увидев Дениса, она встала и в одних трусиках подошла к нему. Поцеловала в щеку и поинтересовалась, где Сибирский провел ночь. Денис смущенно проблеял про сестру. Узнав о трех детях и пропадающем на вахте муже танцовщица о чем-то задумалась и рассказала, что пробовала жить с нефтяником. По ее словам, ничего, кроме недостатка, в таких отношениях нет.

— С журналистами куда интересней, — сказала Вика, подошла к своей спортивной сумке, ничуть не смущаясь сняла трусики, достала новые. Денис с возбуждением наблюдал как его гостя одевается. И кажется, Вика это чувствовала.

— Миша сказал, что вы улетаеете завтра утром. Может вечером устроим пьянку? Заезжайте все ко мне на Иркутский. Если хочешь — приезжай один. Если нет, я возьму подружку с собой — одинокую и красивую, может и у Миши все сложится. Мальчишник забабахаем. А, Сибирский, хорош меня динамить?

— Конечно, не вопрос, — врал Денис превосходно.

Когда 12 лет назад он в клубе познакомился с Викой, то враками и неправдами о своем богатстве и уме завлек ее к себе домой. Они сразу переспали. А на утро истина о бедном студенте вскрылась, но девушка уже была побеждена. Она не могла поверить, что можно так превосходно водить людей за нос, и осталась с ним. Они протусовались три месяца и разбежались, но лишь годы спустя Сибирский понял: это Вика его сняла, а не наоборот. Ее слова обволакивали, утягивали за собой и затягивали петлю на шею. От душной Вики он тогда сбежал чем в душе гордился, до сегодняшнего дня. Понял, что она его сама отпустила. До поры до времени.

Звук падающей воды стих. Танцовщица приставила ладонь к ширинке Дениса и шепнула:

— Жаль, что Мишаня уже помылся.

Когда оператор вышел, Сибирский устроил ему истерику и попросил собраться как можно быстрее, объяснив это тем, что надо было успеть снять отпевание. Церковная сусальная картинка всегда трогает зрителя.

Исходники/ День 4/ Томск. 25 декабря/сПокойный мир/ файл 40002

В Петропавловский собор на Алтайской приехало много людей, весь пригорок от Красноармейской с двух сторон был забит машинами. Угрюмое темно-красное старое здание было окутано холодом, купола заиндевели на морозе и почти не сияли. Пар из теплотрассы возле старых двухэтажен, находившихся в 100 метрах от церкви, затуманил окрестности. Бродячие собаки скучились возле коллектора и иногда жалобно повизгивали. На пустыре напротив собора расположились три съемочных бригады, поджидавшие окончание службы. Мишаня затесался к ним, поставил камеру на штатив и остался ждать у храма.

Денис вошел внутрь. Золотые убранства светили тускло и грустно. Под мышкой у Сибирского была барсетка со скрытой камерой. Вещь в профессии незаменимая, но в современном мире аксессуар казался явным рудиментом стиля. Хотя в провинции... Рядом с гробом на стуле сидела, поникнув головой, мать Иринки. Сестры с мужьями стояли поодаль с мокрыми красными глазами. Снегирева не было, как и Геннадия Михайловича. Священник

читал за упокой. Молодой совсем студент грохнулся в обморок и ударился о каменный пол. Дамы устало ахнули, но не все. Крови не было. Мальчишку вывели на свежий воздух. Местная злоликая старушка принялась раздавать гостям церкви свечи и бумажки. Денис со знанием дела проткнул квадратный листочек, воткнул свечу и взял ее снизу. Он покрутился и походил, дабы набрать планы. Действовал осторожно, чтобы не нарваться на знакомых. К гробу пока не подходил, боялся своих эмоций. Люди встали в очередь и начали прощаться с убиенной рабой божьей. Сзади подошла Лисовская.

— Ты сволочь.

— Давай на улице поговорим.

— Да пошел ты. Я еще в аэропорту что-то почувствовала. Откуда он узнал, а я как дура расплакалась, а ты... Мне противно.

— Да, наверное.

Денис пропустил Лисовскую вперед. Она зарыдала у гроба, поцеловала подругу в лоб и ушла. Денис не решился касаться покойницы губами, он лишь тронул холодную кисть. Дрогнув. Последний раз взглянул на лицо, закрытые навсегда глаза и быстро убежал прочь.

Сибирский влюбился в ее взгляд. Такой слегка исподлобья, заигрывающий, призывающий, завораживающий как слова цыганки. Весь первый день, точнее вечер, их бурного знакомства они провели на лавочках сквера. Шли, останавливались, усаживались и целовались до приятного пощипывания в стертых нагубных полосках. Они даже пару раз были готовы заняться сексом в парке, но удержались, еле-еле. На гостиницу у бедных студентов денег не было. Иринка жила с родителями. У Дениса в комнате ночевали родители мужа Гели, готовилась их свадьба. Догулялись до глубокой ночи, когда кнопочный Нокиа позвал ее домой. Иринка вызвала такси, поцеловала и сказала, что у них ничего не получится. Ее волнистые кудри упали ему на лицо, он улыбнулся и предложил судьбе определить их будущее. Она не оглядываясь побежала к прибывшему автомобилю и села в него. Такси проехало пару метров и остановилось. Иринка выскочила из салона и метнулась к Денису, с разбега она запрыгнула на него, обвив руками его шею, а ногами талию. Кажется, во время этого поцелуя она украдала его сердце, забрала душу и заключила в рабство. Сегодня его отпустили, но эмоциональная связь все еще нить пролегла между ними.

Вереница машин поплелась на кладбище. Мишаня и Денис подсели к коллегам из ВГТРК и всю дорогу отбивались от назойливых вопросов. К тому времени все знали, что москвичи плотно работают со следствием. Приехав они остановились у грязно-желтых ворот старого кладбища. Мишаня закурил, а Денис вновь закинулся кофейным драже. Ко вкусу он уже привык и поэтому перемалывал конфетку без каких-либо особых органолептических восприятий.

Когда все собрались, процессия молча вошла на кладбище. Мужики, это были дядья и двоюродные братья, достали гроб из большого микроавтобуса и понесли его на плечах на территорию кладбища. Здоровые парни были одеты в теплые черные пальто, но шли без шапок и рукавиц. Пальцы примерзали к ручкам гроба, но они совсем не чувствовали холода. Вскоре подъехал открытый катафалк и гроб опустили на него. За машиной выстроилась толпа и побрела к намеченному участку. Прошли И-12, дальше дорога раздваивалась. Катафалк притормозил, чтобы собрать людей в кучу. Лисовская отошла от матери Иринки и устремилась к Денису.

— Ты и сейчас снимаешь.

— Я нет. Оператор. Вон там вместе с другими, — Денис указал на кучку людей с

камерами. — Я здесь исключительно по просьбе Геннадия Михайловича. Он просил контролировать ментов.

— Ты здесь по своей воле, ты это знаешь, — было трудно согласиться с Лисовской, но и отрицать было глупо.

— Да уж, — они молчали несколько секунд. — Знаешь, чем закончилась наша первая с ней встреча?

— Денис, да брось ты эти свои штучки, — Лисовская опять завелась, и чтобы сбить ярость Денис соврал.

— Лисовская, скажи, я до сих пор не знаю, почему она меня бросила?

— Ты сам сделал все для этого.

— Я не пара ей, и никогда не был. С моим-то тогда достатком и биографией.

— Испугался. Так я ей и говорила. Ты сволочь и трус, хотя Снегирев оказался еще хуже.

Процессия вновь двинулась, и Лисовская ушла. Денис побрел следом, выискивая глазами мужа Иринки, но его не было. Вскоре толпа немного загудела, операторы оживились и стали бороться за самые близкие места к гробу. Машина губернатора остановилась возле матери. Большой лобастый помощник выскочил из машины и быстро устремился к журналистам, он просил не забывать об этике. Ага. Все засуетились, кто-то стал отступать, а Мишаня вышел на первый план. После ритуальных соболезнований губернатор взял под руку мать погибшей. Толпа двинулась вслед за ними.

Денис подобрался к главе области на бестактно близкое расстояние. Губернатор обещал матери Иринки, что изверг-исчадье ада будет пойман, кем бы он ни был. Далее он начал наезжать на следствие, которое всячески пыталось обелить мужа, и даже имея доказательства, отпустило того на волю. Нахохлившись губернатор стал описывать как после инсульта Геннадия Михайловича он активно включился, взял под контроль дело и надавил на нужных людей. Расследование сдвинулось с мертвой точки и по его личному приказу Снегирева должны были арестовать и допросить с пристрастием, но тот пропал. Сестра Иринки вставила, что только виновный не пришел бы к жене на кладбище. «К любимой жене бы пришел, но Снегирев..., — подумал Денис. — Все, кто ее любил были здесь»

Катафалк доехал до вырытой могилы. Поодаль стояли сильно разгоряченные в 30-градусный мороз могильщики. Промозглая земля лежала большой светло-коричневой кучей. Снег слегка припорошил ее и казалось, что песочно-глинистые камни ёжатся от мороза. Денис почувствовал, как холод сковал его губы, хотелось закурить. Вспомнил о драже и достал из кармана пару конфеток. Подошел Мишаня, он чиркал зажигалкой в надежде зажечь замерзший газ. Кроме искры ничего не было. Денис пошарил по карманам и достал «дрова»: спички с логотипом гостиницы и зеленой головкой. Репортер чиркнул и пламя на секунду согрело его руки. Оператор задымил, важно и с наслаждением. Вскоре подошел поп в шапке-ушанке и тоже попросил огня. Мишаня отдал ему свою сигарету, и священник подкурил от нее. Не добив и до половины, он затушил папиросу, убрал куда-то в рясу и поспешил к месту захоронения. Могильщики засуетились. Спустили гроб с машины, поставили к яме. После молитвы они кинули еловые ветки на дно. По команде занесли коричневый дубовый ящик над могилой и постепенно стали опускать его в землю. Всхлипы раздавались уже со всех сторон. Денис стоял и мысленно провожал свою первую настоящую любовь. Она была той, кому он посвятил свои первые стихи, от которой сносило крышу. Богиня, которой он не соответствовал, которой был недостоин.

Первая гроздь земли гулко ударилась о крышку гроба. Глаза заглянцевели. Мысленно Денис еще цеплялся за уплывающий образ. Многие ночи и дни он думал, что когда-нибудь они еще будут вместе, и обойдут все преграды. Еще один комок мерзлой земли разбился и раскатился по деревянной доске. Только теперь ему стало ясно, что все безвозвратно потеряно. Что прошлое уходило под землю и никогда не вернется. Стало немного легче. Денис нагнулся и голой рукой взял небольшой кусок глинистой земли, размолот его в кулаке и бросил в большую огромную черную яму. Крохи улетели из руки в небытие. Ужас приоткрыл край, где кончается вселенная. Пережил, кажется, и этот момент. Дальше. Денис, пошатываясь, плелся все дальше от могилы. Смотреть как закапывают не стал, пошел искать К-15. Мама, мамочка, где-то была рядом, хотелось побежать к ее могиле, но ноги двигались еле-еле. Погружаясь в свои мысли и воспоминания, он медленно шагал, в конце концов позабыв о фильме, о работе, о своей невесте — обо всем.

Руки были грязные и Денис всей пятерней загреб снег с ближайшего сугроба. Растер кисти жутко заоченели, но убрать их в карманы не решился. Пальцы покраснелись и стали ломить. Сибирский подышал на них, обтер последние темные следы и спрятал в рукава, которые соединил как муфту.

Он свернул на заброшенную тропинку, покрытую снегом. Здесь, наверное, никто не был пару недель. Денис пробирался дальше и увидел необходимые буквы. Через 20 метров появился зеленый облупленный крест. Могилу давно никто не убирал. На ней был большой сугроб. Надо было расчистить, но кроме замерзших кистей делать это было нечем. Денис постоял минутку и яро принялся убирать красными руками заледеневший снег. Появилась карточка и имя мамы. Денис сел на белую заснеженную лавочку и посмотрел безжизненной фотографии в глаза. Трудно все это. Он встал, стряхнул снег с креста и вновь убрал руки в тепло. Пальцы покалывали.

— У меня скоро свадьба, мамочка. Так, решили расписаться. Она хорошая, ведущая новостей. Я с ней счастлив, — он слегка прикусил язык. — У Гели отличные ребяташки. И еще Иринку убили, ты там..., — перед глазами опять появился гроб, а в ушах появился звук падающих комков земли. — Зима у вас нынче суровая. И снегу намело, и холод собачий. А у нас? У нас как обычно слякоть. Ты не переживай, все у меня будет хорошо, — Денис еще помолчал и ответил. — Не беспокойся, не заболею.

Он потихоньку пошел к выходу и в этот момент понял, что насквозь промерз. До дрожи, стука зубов.

Архив/Олег и Дина/Любовь на квадратный метр/ файл 40003

Щелк. Дверной замок прокрутился. Олег вслушивался в музыку шестеренок и как только сигнал о том, что дверь закрыта поступил в его мозг, тут же засуетился. Он быстро подкинулся к ногам Дины, которая сидела за кухонным столом и допивала утренний кофе. Ладони мужа заскользили по бедрам жены, губы касались нежной кожи. Но Дина сопротивлялась и даже не думала отвлекаться от завтрака. Она жевала ореховое печенье и позволяла мужу дойти почти до всего, но дальше ноги скрещивала с такой силой, что не подступишься.

— Ну, пока мама ушла, — жалобно прогундел Олег.

— Я кофе пью.

— Она в магазин, всего на полчаса.

— Давай ночью.

— Давай сейчас, а потом еще ночью?

Олег решил взять жену нахрапом и это у него почти получилось. Он уже стянул трусы, но жена выхватила их и стала отчаянно хлестать стрингами по лицу. На лбу появились жилки — злобные вздутые вены. Олег приостановил свою победоносную игру.

— Я так не хочу, наспех, на бегу. Ты даже не запер дверь на защелку.

Олег быстро смотался к двери и исправил косяк. Но Дина уже надела трусики.

— Я так не могу, я не студентка, а преподаватель. Я не могу трахаться только когда уйдет твоя мама.

— Да что тебе ма..., — Олег сопел как паровоз. — А я тебе говорил. Давай детей заведем. Двух. Материнский капитал получим, будет первый взнос на ипотеку. Ты же сама отказываешься.

— Двое детей и ипотека. Так только мудаки живут. Лучше сразу застрелиться, чем в петле 20 лет барахтаться.

— В съемной квартире ты тоже не хочешь детей растить. Мне что, мать пристрелить что ли, — Олег ударил грубою ладонью об стену, и рамка со свадебным фото чуть затрещала.

— А я не знаю, Олег. Я не знаю. Можешь меня грохнуть, так тебе проще будет. Заживешь опять счастливо со своей мамочкой.

— Так и сделаю. Так и сделаю, — Олег вышел из кухни.

— Дверь открой, а то мама подумает, что мы трахались.

Через пару минут Дина услышала, как Олег поднял собачку, чтобы свекровь могла отворить дверь ключом. На третий год брака это уже было не смешно. Дина допила кофе, сняла синие стринги и засунула их под любимую цветную подушку свекрухи, которая лежала на маленьком диванчике. В приподнятом настроении она быстро оделась и побежала в университет.

Галина Степановна встретила Дину на лестнице, проводила ее парой ненужных фраз и заскочила домой. Раздевшись прошла на кухню, поставила чайник. Аккуратно мизинцем извлекла из-под подушки трусики снохи и демонстративно понесла их сыну. Она быстро пересекла маленький коридор обычной панельной двушки и вошла в спальню Олега и Дины.

— Твоя жена неряха. Я тебе это говорила еще до свадьбы. Как можно забыть трусы на кухне. Она, конечно, воспитанная дама, не глупая, но абсолютно не хозяйственная. Детей она не потянет и все скинет на твою больную мать. Вот увидишь. Так что пока я не померла вы ..., — она бросила синие стринги на кровать.

— Мама, где ты это нашла?

— На диване под подушкой. Для этого есть спальня. Неужто трудно себя сдержат.

— Да ничего у нас не было. Это она меня специально доводит.

— Она не тебя доводит. Она просто хочет моей смерти. Вот так найду еще что-нибудь под подушкой и упаду в обморок.

— Давай не будем, — Олег повысил голос, — мама я тебя предупреждал, не надо на Дину гнать. Она моя жена и точка.

— Твоя, но живете вы у меня дома.

— Нам уехать? Легко, завтра же съедем в съемную хату. И не увидишь ты нас никогда. Никогда.

— Я так и думала. Ты меня абсолютно не любишь. Ты неблагодарный, променял меня на учительку. Меня, родную мать.

Олег встал, взял за плечо Галину Степановну и вытолкнул ее за дверь.

— Правильно, выгоняй родную мать, коли не нужна. Убей меня, тогда и квартира будет

пуста.

Голос Галины Степановны смолк и вскоре грохнула входная дверь. Олег был на взводе. Он отодвинул стол, открыл сейф, достал ружье и принялся его чистить. На новогодние праздники намечалась охота. Руки тряслись, а дуло указывало на фоторамки. На одной была мать, на другой жена. Он замахнулся, чтобы прикладом снести их, но остановился. Застыл.

Аудиозаписи/ Минутка с Ксенией Крапивиной/ С кем жить? / Трек 40004

— Раньше, простите меня, вся коммуналка знала, кто и когда детей делает, — Машкина как всегда активно жестикулировала в радиоэфире. — Смушались, прятали глаза выходя на кухню. Но когда люди любят они в этом порыве страсти вообще ни о чем не думают. Какой стыд? Любовь.

— Как думаешь? А не было ли в этом стремления показать соседям, что мы ого-го какие, — Лирик поднял руку с зажатым кулаком имитируя большой член.

— Ой, не знаю. Стыдно — не стыдно. Взрослые. Все всё понимать должны. Другое дело, когда за стенкой или в соседней кровати родственник. Что тут доказывать? Им до твоих сексуальных подвигов глубоко. Им с тобой надо выживать.

— Или тебя выживать из квартиры, Ксения — Лирик обратился к гостье.

— Выживать. Хорошее определение. Знаете, я считаю должен существовать принцип: одна квартира — одна семья. Муж. Жена. Дети, если есть. Когда в эту ячейку или точнее систему вмещивается еще кто-то, чаще всего это бабушка, то система начинает кого-то отвергать. Либо бабушку, либо кого-то из супругов. Я понимаю, что финансовый вопрос не всем позволяет легко решить квартирный вопрос, но если есть возможно, лучше съехать от родителей. Ипотека, съемная квартира, размен — это тоже тяжелый и трудный выбор, но он лучше, чем жить с родителями. Некоторые мои коллеги более категоричны, они считают, что лучше на теплотрассе, на улице, нежели с родственниками в соседней комнате. И в этом есть логика.

— То есть надо гнать родителей поганой метлой из своей жизни? — Машкина провоцировала. — А как же благодарность?

— Так надо желать детям счастья, а не требовать от них благодарности! А то ребенок живет с ощущением, что он маме и папе должен и обязан по гроб жизни. И дальше возникают мысли: «Если я уеду, мама останется одна, она этого не переживет, ее хватит инфаркт и я буду виноват в этом». Боятся родителей обидеть, расстроить. Но на самом деле это мысли инфантильного человека, который боится брать ответственность на себя. Вы спрашиваете про благодарность? Но воспитание детей, это совсем не про благодарность. Тут надо про счастье. Всегда спрашивать: «А что сделает моего ребенка счастливым?» Но спрашивать желательно не себя, а его. И тогда он скажет: «Мама, я тебя очень люблю, но, пожалуйста, не лезь в мою жизнь, в мою постель, и звони мне два-три раза в неделю. Этого достаточно.»

— Так мамочка же обидится и вообще перестанет звонить.

— Жизнь — сложная штука, поэтому приходится делать такие выборы, либо ты печешься о своей семье, либо о матери. Разрыв — болезненная тема. И я считаю, что мать, как взрослый человек, может о себе позаботиться, сходить к психологу, если ей трудно построить отношения с детьми, пережить его уход.

— Синдром опустевшего гнезда.

— Верно. Приходите с этой проблемой ко мне и моим коллегам психологам, это лучше, чем мучить своих же детей. А взрослым, которые живут с родителями, надо хорошенько

подумать, взвесить все за и против. Главное, не надо жертвовать своим счастьем. Родителей надо уважать, но свою семью уважать больше.

— А если все-таки они живут вместе, чем это грозит? — Лирик задал свой личный вопрос.

— Ну а чем это грозит, когда один из супругов ведет себя как ребенок?

— Все решает мама!

— Верно. А второму, не родному супругу будет доставаться по полной. Придирки вечные, науськивание. «Жена у тебя неряха, посуду за собой не помыла», «только мне в этом доме нужен порядок». А если зять с тещей живут, то речи будут такие: «у тебя муж мало зарабатывает, вон твой бывший уже БМВ купил», «на работе он задерживается, у него там любовница». За этим стоит привычка контролировать жизнь ребенка от и до. И навязать ему свою волю. А когда дети появятся: «Вы не так шапочку надеваете», «и воспитываете не так». Некоторые вообще настраивают детей против их же родителей.

— А потом семья получается: Бабушка, одинокая, мать одинокая, и дочь, которую контролируют и говорят, что все мужики козлы, — вмешался Лирик.

— Которая со большой долей вероятностей, тоже окажется разведенкой, — печально подытожила Машкина.

— Поэтому жить нужно отдельно от родителей, выстраивать отношения с ними, когда вы разговариваете друг с другом как взрослый со взрослым. И не винить себя, если такие отношения не получаются. Может я скажу крамольную вещь, но вы не обязаны любить своих родителей, и они не обязаны любить вас. Если этого чувства нет, то не надо его высасывать из пальца. Уважение — вот основа отношений. Взаимов уважение!

— Какое точное замечание. На этом все. Пока. Между вами обязательно возникнет химия, если вы будет слушать наши эфиры с психологом Ксенией Крапивиной. Мы обсуждали сегодня тему «С кем жить? Отдельно или с родителями». Завтра продолжим. Всем спасибо, с вами был ди-джей Лирик. Не переворачивайте пластинку.

Заиграла завывающая песня о любви. Лирик встал с кресла и вышел из студии. Его первый студенческий брак разрушила теща. С тех пор он накопил денег на квартиру, перевез маму в Томск. Вот только новой женой не обзавелся.

Это был студенческий брак, на первом курсе, сразу после зимней сессии. Романтика, гуляли всей общагой. Кирилл только оторвался от родителей, которые жили в шахтерской Юрге, поступил на филологический, учился среди бабского коллектива, но выбрал себе в товарки по жизни девушку с физфака. Так и приклеилось про физиков и лириков. Первая любовь, первый продолжительный секс каждую ночь, и свадьба с обещанием вечной любви. Жизнь в браке оказалась менее романтической штукой. После бракосочетания съехали они к теще. И пошло-поехало. Лирику и шагу не давали, а уж ревность к многочисленным девушкам с филфака не имела границ. Контролировали с двух сторон. Так Кирилл прожил до летней сессии и сбежал. От давления, от контроля, от нелюбви. Жить «на всем готовеньком» не захотелось, в отличие от жены, которая во всем слушалась маму.

Исходники/ День4/ Томск. 25 декабря/ Запах/ Файл 40005

Денис проснулся в такси. Тело ломило, морда покраснелась и слиплась. Щеку возле стекла сводило от холода. Пожилой водитель сообщил, что Сибирский проспал в машине 1,5 часа. Предложенные за ночлег деньги таксист взял не сразу. Отнекивался: «будить человека грех, когда сам проснется, тогда и время вставать». Голова была как в тумане, мысли разбрелись по разным отделам мозга и в общую линию поведения складывались неохотно.

Сибирский еще точно не понимал, проснулся ли он или дремал в невротичном сне.

Как бы печка в машине не топила, по ногам шел холод. Пальцы успели практически примерзнуть друг к другу. Отогревался Денис в уютном кафе глинтвейном. За полчаса на ноутбуке он набросал план фильма в виде таблицы. Зарисовка: успешные и известные семьи породнились, ничто не предвещало беды, красавица-зожница — Ирина и высоченный кипарис — Андрей. В столбике напротив была пометка о том, чем перекрывать этот кусок текста. По плану Дениса необходимо было использовать свадебное видео, которое Миша скопировал с изъятых флешек. Плюс то, что он подснял дома.

Первый акт: убийство. Ссора-пробежка-труп-сосед-заложница. Середину фильма занимало расследование. Зрителю необходимо было подать 3 версии. Подозреваемыми должны стать муж, невидимый маньяк и любовник-сосед. В табличку напротив каждой версии он внес, какие съемки и к какому куску относятся. Историю мужа можно было перекрыть его допросом и экспериментом. Соседа Снегиревых, Аркадия, надо показывать в рыбном замке, и добавить историю с бомбой. Видеоматериалов о маньяке было предостаточно, не хватало тренировки бойцов на ножах — флешку со съемками сломал уголовник по прозвищу Кепка. Но и без этого картинки было валом. Не хватало только добавить пару планов про горячего кавказского инструктора на учебном Порше.

Завершать фильм планировалось съемкой с похорон с выходом на то, что муж так и не пришел к жене проводить в последний путь. Заканчивать кладбищем, считалось клише, годное только для 3 минутных репортажей. Но когда убийца не взят с поличным и до суда куча времени, другого выхода не было. Файл с подробным описанием сценарного плана Сибирский отправил руководителю программы на почту. Ответ пришел в мессенджер незамедлительно и состоял он из пяти положительных смайликов. Это означало, что все хорошо, но длительного разговора не будет. НО Сибирскому кровь из носа надо было выяснить ситуацию с борьбой за место руководителя программы. Денис пошел в обход и спросил, когда Игорь перейдет на новый уровень. Фотку в новом кабинете Игорь видимо держал наготове и всем интересующимся пулял в одно мгновение. Подписал, что пока сидит на двух стульях. Это означало, если Сибирский прилетит завтра, то успеет вступить в бой за кресло руководителя программы. Шансов победить было немного, но помахать шашкой получится в любом случае. Надо только поскорее вернуться в Москву. Приятно защекотало в носу, хищнический нос почуял запах крови, добыча еще не съедена другими удавами. И в этом журналистском серпентарии еще можно оказаться наверху.

Сибирский позвонил Мишане и сообщил, что предстоит три микросъемки. Еще раз архив, эксгумация и небольшой синхрон-интервью кавказца, если выпустят. Оператор отрапортовал, что выкапывать Эльвиру, точнее ее труп, начнут через 10 минут — ждут пафосного мужа Василия. После оператор обязательно поедет отобедать и только потом в редакцию газеты, переснимать архив. Там и планировалось встретиться. Под конец Мишаня напомнил Сибирскому, что вечером их ждет Вика.

Зазвонил телефон — Ольга.

— Все в силе, — ответил Денис вместо приветствия. — Я по-прежнему желаю взять тебя замуж.

— Когда уже ты приедешь, Сибирский?

— Завтра утром. Возьмешь выходной? Встретишь меня отличным завтраком? И не забудь купить побольше сока. Похмелье обещает быть знатным.

— Ты алкоголик. Надеюсь, до свадьбы протрезвешь?

— Я пьян от любви, — пафосно забренчал Сибирский.

— А я тоже устрою сегодня девичник. Напьюсь с Медведевой и пойду по дискотекам.

Зажгу танцпол.

— Я приеду где-то в 9 утра. Успеешь вернуться?

— Не обещаю.

Денис рассказал о жутком морозе и глинтвейне в руках, мило попрощался и отключил видеосвязь. Телефон он зажал между ладоней, в голове пронеслись кадры будущей свадебной церемонии. «Так тому и быть», — подумал он и собирался отключить мобильный, чтобы никто его не тревожил. Денису совсем не хотелось устраивать «пьянку после точки». Да и вообще кого-либо видеть. Может быть последние дни дались как-то особенно трудно. Денис где-то прочитал, что наш мозг отказывается признавать смерть на нейрофизиологическом уровне. Связи в нашей голове не выстраиваются в цепочку, которая бы сообщала: «смерть есть». Чтобы забыть человека, недостаточно его просто похоронить, надо выкинуть его из своих мыслей. Но как? Мозг помнит все: запах, голос, тело, гормональную бомбардировку во время первых свиданий. И время не лечит, просто воспоминания все реже и реже будут появляться в сознании. Денис продрог от омута мыслей, глинтвейн согревал лишь кишки.

Сибирский пришел в архив на полчаса раньше. Стопка со старыми газетами была уже подобрана. Газетчики оказались педантичными. Те пять штук, которые он отобрал еще в прошлый раз, оказались сверху. На первой полосе газеты двухгодичной давности был подробный рассказ о трудностях футбольного клуба «Томь», который был гордостью и горем всего города. В очередной раз клуб завяз в долгах, а губернатор обещал все погасить и уладить. Футболисты разбежались по другим командам, а пионеротряд из молодежи возглавил защитник, игравший еще в 90-х. За два следующих года так ничего и не изменилось.

Вторая полоса была посвящена реконструкциям дорог. По планам центральную улицу Ленина собрались покрыть инновационным асфальтом. На страницах описывалась чудодорога, служившая несколько лет без ремонта. То ли дело не дошло до инноваций, то ли дороги, как и футбольный клуб, погрязли в долгах. В общем, рытвины и колдобины никуда не исчезли. Денис подумал о том, как же губернатор и мэр ездят по таким дорогам? Может у них вертолеты, и они просто не знают куда закапываются выделяемые деньги. Скорее всего им просто насрать. На развороте молодая журналистка сделала очерк о современном виде города. Она банальными метафорами и википедийными знаниями пыталась сделать воздушный текст о прекрасном. Получилось, что за вывеской исчез реальный город с его проблемами и кризисом. Денис больше 10 лет назад уехал из Томска. Но за это время ничего не изменилось. Ничего. Еще десятилетие стагнации и обаятельный провинциальный закоулок начнет разрушаться и превратиться в депрессивный областной центр, в коих Денис побывал предостаточно за свою журналистскую карьеру. На последней странице Сибирский еще раз прочитал о загадочном убийстве жены известного художника Ричарда Артамонова. Денис полез в интернет, чтобы узнать подробности из жизни местного живописца. Оказалось, его выставка была совсем рядом в областном художественном музее. Денис посмотрел на часы и решил, что посмотреть на современное искусство будет не лишним.

Кузнецова и ее муж Джонни сидели в разных комнатах, когда раздался звонок в дверь. Протрезвонили еще дважды и стало ясно, что пришел кто-то свой. Иван Андреевич — отец Джонни — был при наряде. Из-под светло-коричневой дубленки был виден черный костюм

тройка, ботинки были начищены до блеска, а на весь коридор разносился запах жуткого одеколона, каким мужчины пользовались еще в советские годы. Джонни без энтузиазма встретил отца. Чай пришлось предлагать Кузнецовой. Она выхватила коробку с эклерами из рук гостя и удалилась на кухню. Иван Андреевич остался один на один с сыном, теребя в руках красный конвертик.

— Мы не придем, — послышался голос мужа.

Не надо работать в полиции, чтобы сложить все факты. Иван Андреевич давно жил со своей молодой практиканткой, которую обучал премудростям работы инженера АЭС. Видимо, летом после получения диплома они намеревались обручиться. Красочный конвертик в руках — приглашение.

— Это предательство, и я не хочу в этом участвовать, — послышался голос Джонни. Кузнецова включила чайник и подошла к двери, чтобы знать все нюансы.

— Я с ней поговорю, — Иван Андреевич говорил медленно. Он был расстроен. — Мы не живем с ней уже 10 лет. Какое предательство, Женя? Тем более она живет в Павлодаре.

— Предлагаешь, как всегда, всё скрыть?

— Не передергивай факты, не заводись. Аня — хорошая, порядочная девушка, предлагаю тебе хотя бы познакомиться с ней. Она католичка. Приходите хоть сегодня, хоть завтра рождество отметим их, ее семья тоже не в восторге от нашего брака, но от знакомства не отказались. В конце концов — это наш с ней выбор.

— А мой выбор ее не знает, — Джонни был до омерзения педантичен в вопросе отца. Прощать развод с матерью он не собирался.

Чайник забурлил. Кузнецова вынырнула из кухни и попыталась спасти беседу, но Иван Андреевич уже принял поражение, нахлобучил мохнатую шапку и собирался покинуть квартиру. Он по-отечески погладил по плечу сноху, поблагодарил за предложенное чаепитие и ушел. Майорша закрыла дверь и недовольно придиричиво посмотрела мужу в глаза. Она еще раз проговорила, что не хочет вмешиваться, но, если Джонни согласится, то она будет не против знакомства. Муж подметил, что из-за работы Кузнецова сбежит и сидеть в столь неуютной компании ему придется одному. А этого он точно не вытерпит. Кузнецова пообещала быть с мужем до конца. Джонни кажется смягчился и заявил, что сначала отец должен позвонить матери, объявить ей о свадьбе. Кузнецова пошла в туалет и быстро настроила информацию Ивану Андреевичу. Тот, оказывается, научился ставить улыбочивые смайлики.

Позвонил Серов. Обнаружили Снегирева. На летней заимке, которая закрывается на зиму. Как оказалось, не полностью. Один домик всегда отапливался, для особых гостей. «Все-таки губернатор не дал уйти», — подумала Кузнецова и засобиравалась. Майорша перезвонила Серову и предупредила, чтобы тот не сообщал москвичам. Мало ли Андрей вооружен и придется брать его с боем.

Эльвиру, точнее все что от нее осталось, выкопали. Грязный гроб вытащили из земли и поставили на белый снег. Могильщики утомились и молча стояли рядом. Мишаня охотно угостил их сигаретами и выслушал рассказ с матерком о трудностях кладбищенской работы. Они были недовольны начальником, который не доплачивал за мерзлую землю. Гроб очистили от прилипших кусков глины. Полицейский, который отвечал за эксгумацию, все время сидел в машине и в телефоне. Собирал цветные шарики. Прибыл муж покойной — Василий, быстро подписал бумаги и уехал, оставляя за собой след из чувства вины и презрения к мертвой жене. Надо было поднять, как гроб вскрывают, точнее сделать

видимость этого процесса. Мишаня всем рассказал, что делать, но никто не брал на себя ответственности. Прибыл судмедэксперт и дело пошло. Он выполнил все указания Мишани, отлично отыграв свою роль. Гроб наконец-то загрузили в машину и отправили во владения Кима. Оператор уже должен был быть в редакции газеты, но все затягивалось. Наконец-то удалось дозвониться до Сибирского. Выслушав отчет, Денис попросил передать трубку корейцу Киму.

— Здравствуйте, Павел. У меня просьба небольшая. Записать интервью. Сначала вы скажете, что после проведенных анализов у жертвы обнаружен ВИЧ, а потом, что не обнаружен. А когда результаты будут известны мы вставим нужный кусок в фильм. Просто завтра улетаем и...

— Я не буду делать анализы, это дорого и бессмысленно, как, впрочем, и вся эта затея с маньяком.

— В смысле? — Денис удивился, потому что Ким любил свое дело и до таких профессиональных вызовов был охоч.

— Так они сейчас берут мужа, Снегирева. Он где-то за городом забаррикадировался в домике. Ясно, что это его рук дело, хотя ваша версия мне нравилась. Но я проведу анализ удара ножом, во внерабочее время, разумеется. А вот анализы на ВИЧ под сомнением, боюсь, бухгалтерия не одобрит, — Ким заулыбался.

Денис дозвонился до помощника губернатора и тот через 5 минут прислал смс с адресом заимки, где схоронился Снегирев. Мишаня отправился на такси снимать захват убийцы. А Денис зашел в галерею художника. Смысла в этом не было, только общеобразовательный. Не сидеть же в соцсеточках. Сибирский открыл дверь и вошел в темную прихожую. Посетителей днем явно было мало — вешалка пустовала. Однорукий гардеробщик ловко справился с верхней одеждой и выдал номерок. Денис вошел в залу, где по периметру располагались картины. На каждой изображалась некрасивая будто только что оторванная рука, а предмет, который она держала символизировал зависимости. Денис заинтересовала сексуальная аддикция. Рука располагалась в центре композиции, фон был белоснежным. Там, где был локоть, конечность обрывалась, вена, нервные окончания и кости торчали из нее. Предплечье насквозь проходило сквозь влажную вагину. В кулаке был зажат огромный оторванный фалос. Картина вызвала смесь порнографического возбуждения, отвратительной похоти и стыда. В голове Дениса всплыла утренняя сцена с Викой, когда она абсолютно голая стояла перед ним и светила своим задом.

— Нашли свою, — послышался дерзкий молоденький девчачий голос. — А мне нравится вон та, с бутылкой водки, внутри которой нарисованы грезы. Эта первая картина из серии.

Денис обернулся и увидел молодую брюнетку-нимфетку полностью в красном. Туфли, помада, лак, платье с вырезом на спине, в котором можно было разглядеть красные кружевные трусики. Все красное. Только пальцы были исписаны черной пастой, как будто она только-только что-то быстро и волнительно записывала. Второй рукой она держала блокнот, на котором были нарисованы какие-то непонятные лица. Она указала на картину «Грезы алкоголика». На ней оторванная рука держала бутылку водки, внутри которой плавал корабль с алыми парусами.

— Ричард сам был на дне бутылки. Он это не скрывает. И всегда рассказывает журналистам. Вы же журналист?

— Хорошо разбирается в людях. Вы правы, — получив негласно право на съемку, он

достал смартфон и направил камеру на девушку.

— Ой, только не меня. Сейчас Ричард придет. Вот кого надо снимать — гений.

— Скажите что вы думаете о выставке, — наигранно спросил Денис и подставил смартфон под ярко-красные губы девушки.

Зашел Ричард и молоденькая быстро подбежала к нему, поцеловала в щеку и взяла под руку. Говорить о бывшей жене в присутствии молодой девушки Сибирскому не хотелось, надо было что-то выдумывать. Врать.

— Ричард, — художник протянул руку, но после рукопожатия не отпустил, а внимательно посмотрел на пальцы. Перевел взгляд на лицо, словно что-то изучая. — Вам близки три картины. Алкоголизм, тщеславие и, — Ричард резко задрал рукав Дениса и посмотрел на чистые вены, — и секс.

Спутница непристойно хохотнула.

— Алиса, — наставнически промурлыкал Ричард.

— Ричард, я его там и нашла, он так смотрел на нее, — Денис слегка зарделся.

Не смущай нашего гостя. У нас у всех зависимости, просто мы не всегда их видим. Я часто общался с психологом, когда писал эту серию. Чего уж там — я ходил к нему, чтобы побороть свои грезы, — Ричард махнул в сторону картины с бутылкой. — Сейчас я не пью. Я убежден, что у нас есть тяга к той или иной зависимости. А вот ее реализация в мире, так сказать, зависит от развития личности и степени зависимости. В вашем случае не обязательно погрязать в притонах, чтобы иметь тягу к сексу. Но самое главное — причина. Если касаться секса — то часто это отсутствие доверия к партнеру — используем его как резиновую куклу для утех. А вот рассказать о чувствах, о боли не можем, отсюда больше секса — меньше чувств, — Денис мысленно добавил в этот список, то что ему сложно отказывать девушкам, да он почти никогда этого и не делал. Опять замаячила встреча с Викой. Денис поймал себя на том, что его «психологически окучивают» и, как профессионал, решил перехватить инициативу, пока его личность не подверглась проработке.

— А вы нашли свою причину? — Денис плавно переводил разговор на собеседника.

— Конечно. Сейчас тяжело это признавать, но факт того, что я больше не пью, говорит, что многое мне стало понятно, — зашли еще посетители и направились к однорукому гардеробщику. Ричард пихнул свою спутницу навстречу к ним. Голая спина притянула взгляд мужчин. Красные кружевные колыхнули внутренности.

— Это моя дочь, и вашу зависимость прошу на нее не распространять, — мужчины засмеялись.

Денис отвел Ричарда в сторонку.

— Кто вам помог справиться с алкоголизмом? — журналисту надо было вывести художника на убийство жены. И он обрадовался, что Алиса ушла.

— Ее зовут Кораблева. Отличный профессионал — хороший психолог или психотерапевт, у них, знаете ли, есть различия, — он опять засмеялся. А Денис достал блокнот и записал фамилию.

— У нас в стране не принято ходить к психологам, — затягивал в свои сети Сибирский.

— Я тоже не собирался, но случилось несчастье, мою жену убили. Отравили. Когда мне сообщили я был весь в ... В народе говорят «пьян в говно», но мы художники употребляем «нажрался в красках». Так вот я три месяца как радуга буянил. Похороны не помню. Дети переехали к бабушке. Мастерскую чуть не спалил. Но картина, вот это она, с каждым днем

писалась и становилась ясной. Я себя увидел. Тут моя знакомая и посоветовала специалиста.

— Кораблеву.

— Да. Она меня вытащила.

— А убийцу нашли?

— Нет. Хотя думали, что это я. Впрочем, я сам думал, что порешил жену. Моего друга провизора таскали по допросам. Все как в тумане тогда было. Следователи лучше знают, — Ричард уже стал недоверчиво поглядывать на собеседника. Надо было закруглять разговор.

— А сексуальную зависимость Кораблева вылечит?

— Если вы спрашиваете, значит, справитесь сами.

Алиса направилась к ним, поверх красного на ней была черная меховая накидка. Она как фурия подлетела и забрала Ричарда. Народ требовал художника. Дениса не покидало ощущение, что дочь быстро и бесповоротно заняла место покойной жены, и неплохо справлялась с этой ролью. Какую зависимость имела Алиса? Денис начал размышлять, но в это время зажужжал телефон. Прислали два фото. Труп Андрея Снегирева и его предсмертная записка.

Подъехав на такси Мишаня увидел скорую и 4 полицейских машины. Поодаль стоял знакомый черный джип Кузнецовой. Оператор достал из рюкзака припрятанную желтую жилетку с надписью МВД и надел ее поверх пуховика. Он подошел к водителю и поинтересовался, можно ли снимать. Оказалось, все тихо. Труп. Мишаня подошел к домику, у входа которого стоял Серов. По-приятельски поздоровались и закурили. Старлей пообещал Мишане дать на съемку 5 минут, но как только закончит майорша. На последних словах Кузнецова вынырнула из домика и зыркнула на оператора. Хотела что-то сказать, видимо, обидное, но удержалась. Серов кивнул журналисту, и они зашли. Криминалисты раскрыли свои чемоданчики и погрузились в работу. Главный из них кивал старлею, а тот разрешал Мишане вести съемку. Голый Андрей Снегирев лежал в красной ванной со вскрытыми венами. Рядом на тумбочке лежали два пакета. В один криминалисты убрали нож, во второй записку. Мишаня расправил пленку и навел на буквы. Убрал блеск и стал водить по строчкам. Гигантским размашистым почерком было написано: «В смерти жены прошу винить меня. Это я ее убил ножом. Это я нанял людей, чтобы сделать бомбу и обеспечить себе алиби. Это я вел следствие по ложному следу и не смог признаться во всем. Потому что я трус. И вы в этом еще раз убедились. PS: в моей смерти прошу винить отца». Мишаня еще раз навел камеру на нож, лезвие которого было в крови. Вот и все.

Кузнецова сидела в машине. Она строчила на телефоне отчет для начальства. Кажется, карьера ее была спасена. Прокурору слишком сложно будет что-то предъявить следствию. Да и не до Кузнецовой будет чиновнику. Ему надо будет обеспечивать старость. Сын-убийца: с таким бэкграундом, ни одну должность не дадут. Уйдет в почетные президенты, но там тоже места заняты. Все вновь складывалось хорошо и можно опять забыть про увольнение из органов, отдых в Таиланде, детей и собаку. Возможно, даже направят на обучение, а там и полковника лет через 5 получить можно. Впрочем, с другой стороны Кузнецова жалела, что все так вышло. Интуиция ее подвела, и муж оказался убийцей. Майорша выдохнула как учил инструктор по рукопашному бою и переключила рычаг коробки передач. В стекло забарабанил назойливый оператор.

— Я к вам. В смысле и в участок тоже. Кавказца же отпустите. Мне бы поднять его. А то завтра уезжаем. Если хотите, с вами тоже интервью сделаем. Запишем.

Кузнецова лишь моргнула. Оператор сел в машину. Мотор зарычал и по снежной

укатанной дороге мягко покатали колеса, оставляя крупные следы от протектора.

Архив/Олег, Дина, мама/Вторжение/ файл 40006

Олег и Дина сидели поперек кровати. Каждый прижался спиной к стене и перелистывал телефонные страницы.

— Ты слышал про убийство? Вот у них не было проблем ни с деньгами, ни с жильем, а все равно муж взял и убил жену. За что, про что? — Дина, не открываясь от экрана, продолжала размышлять, но остановилась и посмотрела на мужа. — Может ты и прав, поживем пока здесь, появятся деньги переберемся куда-нибудь, — жена легла на грудь мужу и обняла его.

— Все равно ссоримся, и деньги тут ни причём.

— Это точно. Но с деньгами ссориться легче. На душе спокойнее.

Они хохотали, шутили, добавляли радости и целовались. Дина напомнила о презервативе. Олег встал, достал из ящика стола резинку. На секунду ему показалось, что плюшевый мишка сидевший на подоконнике подмигнул Олегу.

Бывший инженер Галина Степановна выключила телефон. Она всегда гасила экран, убедившись, что сын достал противозачаточные средства. Главное, чтобы эта сучка не забеременела. Если дошло до того что она намеренно подкидывает свои трусы, значит, война началась. Это как перчатку бросить.

Разведку Галина Степановна вела уже год. Благо, комнат всего две. В спальне камера была встроена в глаз медведю. В ее комнате — в стеклянные часы. А на кухне — в старый видеомаягнитофон. Каждый раз, когда она покидала дом, осуществлялся контроль за любыми телодвижениями сына. Не успела она утром выйти из дома как тут же подключилась к камерам и через смартфон просматривала, о чем шушукуются детки. Было ясно, что секс перенесли на вечер. И Галина Степановна, как всегда, всё проконтролировала: презерватив взят, а значит, можно укладываться.

Динка застонала как проститутка, Галина Степановна надела наушники. Пианист грустно заиграл Рахманинова. Мысли покатались по клавишам: «Главное, чтобы Динка не забеременела. Господи, назвали как собаку. Она и ведет себя как сучка».

На улице стоял мороз. Батарея не справлялась, согревал комнату масляный калорифер, сжирая непомерно много электричества. Дина откинула одеяло, голова болела от сухого воздуха. Перевернулась на живот, обняла подушку, выпятила голый зад, раскинула шире ноги. Кажется, опять заснула — еще часок до будильника. Глоток свежего воздуха. Хорошо. По спине пробежал холодок. Кто-то прошел в комнату и включил настольную лампу. Дина повернула голову и увидела, как Галина Степановна активно подводила глаза розовым карандашом. Настольная лампа светила в маленькое зеркало. Дина стянула одеяло с мужа. Злость разбудила ее окончательно.

— Мама, что ты здесь делаешь? — сонно спросил Олег.

— Ты же знаешь я не могу краситься при плохом свете, у меня зрение от старости испортилось. А у вас такая яркая лампа. Ты спи, я скоро уйду.

Дина продолжала следить за свекровью, ее распирало от гнева, но встать голой и устроить скандал не могла. Стыдилась своего несовершенного тела, и птичьих прав в этой квартире. Подмазав физиономию в старческий красный Галина Степановна встала из-за стола. Аккуратно переступила через валяющийся презерватив и вышла из комнаты.

— Я сегодня не приду ночевать. Новый год отмечаем. Останусь на кафедре или у Марченко, — сказала Дина после того, как зазвенел будильник.

— Прости, ты же ее знаешь, — ответил муж. Дине стало до того обидно, что она еле сдержалась, чтобы не заплакать.

— Поставь щеколду на дверь хотя бы.

— Зачем? У нас даже в туалете защелки нет.

— Я устала, — холодная злость овладела Диной. Все бессмысленно.

— Вот сегодня и отдохнешь. Я, наверное, тоже с мужиками перетру. Охота скоро.

Когда Олег ушел на кухню Дина ударила кулаком по подушке несколько раз, но не заплакала. Скорее захотела отомстить всему миру.

Аудиозапись/Минутка с Ксенией Крапивиной/ Жизнь втроем/ Файл 40007

Лирик посматривал на часы. «Пошла реклама, через десять минут буду свободен. Через 40 — на хате у Брагина», — он быстро достал телефон и написал Денису о времени встречи. Звукарь включил запись разговора с Крапивиной.

— Почему женщины изменяют? В прошлый раз мы говорили о женщинах, которым просто не хватает секса дома. Какие еще причины?

— Неудовлетворённость мужчиной, браком и жизнью в целом. «Мне не хватает тепла в отношениях», «я не чувствую себя как за каменной стеной», «до свадьбы было так весело, а сейчас скукота». Знаете, у некоторых женщин наступает такой период, когда разочаровываются в браке, потому что в муже ищут не мужчину, а папу, маму, психотерапевта. И если в браке не нашли, ищут кого-то кто на время им заменит

— Любовника, который будет играть роль мамы, папы или психотерапевта.

— Вместо того чтобы самой работать, себя менять, они ждут у моря погоды. Ищут решение проблемы вовне, а не внутри себя.

— Я думал, они мстят.

— Это третья причина, при этом, думаю, самая острая. Мстят, конечно, порой по делу. Один не сдержан, постоянно критикует жену, другой — унижает. Психологический абьюзер.

— Причем прилюдно, унижает

— Все верно, но женщина от него очень часто финансово зависима, дети висят грузом, и она боится от такого тирана уйти, и тогда замышляет как бы отомстить. Копится пассивная агрессия. И вот она ждет, ждет...

— А месть — это то блюдо, которое подают холодным.

— Все верно, и делает так больно мужу, насколько это возможно — изменяет с братом, другом, отцом даже бывает. И это действительно больно и жестоко.

— Да, это, наверное, самое гнусное, когда обман совершается сразу двумя близкими людьми. И что нужно делать, чтобы этого не произошло?

— Уважать. Жене уважать себя и не позволять оскорблять себя, мужчине уважать жену и не вытирать об нее ноги. Брату, другу, отцу уважать дружбу, мужские отношения.

Ди-джей попрощался с радиослушателями и погрузившись в свои мысли пошел на встречу с Денисом. Крапивина знала, о чем говорила.

Мои документы/День 4/ Томск. 25 декабря/Пьянка после запятой/Файл 40008

Кажется, все было закончено. С Мишаней они встретились в редакции, обсудили последнюю съемку, освобождение кавказца из-под ареста, и разошлись. Оператор — снимать, Сибирский — пить. Денис ждал Лирика на остановке. Эфир закончился 10 минут назад, но товарищ не торопился. Еще недавно мороз, который доставал до самых костей, нравился ему, он любил его. Сопли чуть спустились с носа на щетину. Иней слегка припорошил ресницы. Ляжки начали застывать, несмотря на подштанники и джинсы.

Хорошо хоть жопа прикрыта пуховиком. Телефон почти сел на морозе, заняться было нечем, оставалось только глазеть по сторонам. Рабочее время подошло к концу и народ быстро заполнял пространство вокруг. Большие маршрутки подходили одна за одной и заглатывали укутанных в шубы и пуховики людей. Освещать автобусную остановку уличному фонарю помогал голубоватый свет от киоска, в котором продавали мороженое. Черное, зеленое, красное, с кедровыми орехами и облепихой и даже обычную «Забаву». В минус 37 ажиотажа возле ларька не наблюдалось. Денису стало интересно, будет ли хоть один покупатель. Не прошло и минуты, как к продавщице подошла студентка и купила стаканчик. Она сняла верхнюю часть варежки, оголив только пальцы, ловко развернула обертку и стала есть. Синее апельсиновое мороженое давалось с трудом, откусить как следует не удавалось, и девушка начала его облизывать. С превеликим удовольствием.

Неподалеку остановилась старая шестерка, из-за киоска вынырнул Лирик, махнул Сибирскому рукой, и оба поспешно занырнули в салон «классики». Ехали в гости к Брагину на улицу Сергея Лазо.

Жена Брагина Инга радостно встретила гостей, как будто они спасли ее от нашествия зомби-алкоголиков. Оказалось, что Митяй и Брагин в ожидании уже съели полбутылки. Хозяйка расцеловала Лирика в красные щеки. Тот радостно крикливо стеснялся и попросил таблетку от головы, которая совмещалась бы с виски. Жена Брагина была фармацевтом, и ди-джей всегда этим пользовался. Инга принесла из кухни таблетку гомеопатии и стакан пива. Сказала, что поможет и то, и другое. Денис, играя в посетителя кафе, попросил хозяйку-официантку принести ему тоже самое, что и другу. Брагин зазвал всех к столу и разлил оставшуюся водку по рюмкам. Он уже захмелел, язык развязался, и он вновь начал называть Сибирского «московской» жопой». К жене он тоже был не ласков и гонял ее будто служанку то за закуской, то за запивкой. Просил быть поаккуратней и не зацепить шкаф широкими бедрами.

Митяй был нервным. Его жена осталась дома с ребенком. Он давил косяка на всех, был не разговорчив. Неосмотрительно наливал всем много. Полные рюмки. Виски испарилось. Все ушли курить. Денис остался в кресле, разжевывая драже. Он посылал по телефону невесте Ольге сердечки и требовал, чтобы утром его ждал завтрак. Инга налила по стопке и произнесла тост за некурящих. Сибирский дернул и увидел, что глаза Инги заблестели. Она начала задумчивую. Жаловалась на мужа алкоголика, на его выходки, унижение. Денис умел слушать, но и умел переводить разговор. Поэтому подловив нужный момент вывернул беседу на выставку, на которой сегодня был. Инга вновь выпила за некурящих и честно призналась, что порой ей хочется стащить из аптеки какой-нибудь яд и отравить своего мужа кровососа.

— А что сам Брагин говорит?

— Да что он говорить может, трезвый — покладистый, твердит, что надо завязывать, а потом друзья и все дела. Блин, он даже трахаться перестал со мной, потому что всегда в хлам. Только с похмелья все лезет. А мне утром хочется его сковородой огреть, а не сосать, — Инга завелась, а Денису совсем не хотелось быть ее подружкой и слушать столь интимные подробности.

— Может, правда к психологу сходить вам?

— Ой, да брось эти московские штучки, это у вас там нормально может. У нас здесь все без мозгоправов решается. Справимся, не переживай.

Телефон завибрировал в кармане Сибирского. Мишаня напрашивался на вечеринку. Получив одобрение от хозяйки, Денис выслал оператору адрес. Спустя 10 минут Мишаня

прислал фотку с тремя танцовщицами, среди которых была Вика, и сообщил о скорой высадке женского десанта.

По приезду оператор рассказал все подробности дела. Не оставалось сомнений, что Иринку убил ее муж. Единственно, было непонятно — кто его помощник. Журналисты решили, что адвокат. Мозг загрузил всю информацию и вскоре выдал сценарий с монтажными склейками. В голове фильм был смонтирован, оставалось только прилететь в Москву, прийти в редакцию, сесть за стол и все перенести на бумагу. Теперь точно можно пить, главное, не опоздать на самолет.

Брагин уснул, а Митяй будто протрезвел, и вскоре Денис выяснил почему. Девки были ни причем, он начал подкатывать яйца к хозяйке, и, видимо, не в первый раз, потому что та отвечала согласием. Денис закинул кофейное драже за щеку, хлопнул Лирика по плечу и пошел подышать дымом в подъезд. Курили на коридорном балконе. Ди-джей был в курсе проблем Брагина, и с женой тоже. Сказал, что Митяй ставит рога товарищу уже несколько месяцев подряд. Уверял, что попробует того уговорить пойти к психологу. Даже если придется рассказать об измене жены. Денис пошутил, что тогда Митяю конец. Но ди-джей, видимо давно погруженный в эту ситуацию, грустно и больно отметил, что товарищ этого заслужил.

Было 11 вечера. Хозяйка намекала на окончание банкета, и Вика позвала продолжить банкет у нее. Митяй притворился пьяным и остался ночевать. Сибирский тоже сопротивлялся и рвался в гостиницу, но Лирик и Мишаня его подталкивали, теребили и просили не спать. Вика же просто поманила пальцем. Сопротивляться женскому похотливому телу Сибирский и в трезвом виде мог с трудом, в опьянении это давалось слишком трудно. Он поехал. В конце концов — это был мальчишник.

По приезду в съемную квартиру девчонки гоу-гошницы задвигались в такт музыке. Три на три. Все делилось поровну и, кажется, шансов у Дениса выбраться из этого вертепа не было никаких. Он вспомнил картину художника Артамонова и решил побороть свою сексуальную зависимость. Пил он медленно, чтобы сохранять и силу, и волю. К часу ночи Мишаня упал в объятиях томной брюнетки. Сибирский пил. Лирик явно хотел замутить с Викой и все настойчивей предпринимал попытки закружить ее в танце. Вика же в свою очередь тянула руки к члену Дениса, с какой-то манией. «Возможно, всему виной была зависть, к тому, что Денис скоро женится. А убедиться, что все мужики похотливые козлы, прямо святая обязанность каждой развратницы», — размышлял Денис, не зная, как этому противостоять. Третья танцовщица, которой доставалось меньше всего внимания, объявила игру — карты на раздевание. Она проиграла первую партию и устроила целое шоу, не снимая платья стянула с себя розовые стринги. Все катилось к какой-то групповухе. «Может, хлопнуть стакан или два водки и пойти блевать? — спросил себя Денис. — Так я точно упаду и просплю самолет. — Сибирский судорожно искал выход. — Выход надо было искать до того, как приехать на эту блаухату, сейчас сопротивляться бесполезно. Оставалось только понадеяться на чудо и провидение. Да простит меня Ольга».

Партии шли одна за другой. Лирик уже сидел без штанов. Денис снял носки. До вызова такси оставалось полтора часа. Через пару раздач Денис проиграл намеренно, чтобы не допустить полного поражения блондинки. На ней оставалось только платье. Вика сидела в нижнем белье и тоже ждала поражения. Денис вел игру четко и выверенно, управляя проигрышами, но рано или поздно вещей на игроках не осталось бы. Блондинка проиграла, прибавила музыку и подхватив Вику стала танцевать лесби-стрип. Возбуждение и чувство

вины поползли вверх. Денис мысленно представил, как признается Ольге в измене, как она отказывается идти в ЗАГС и благодарит Всевышнего, что они не успели завести детей. Хотя можно и соврать, неплохо получается. Голая блондинка села на Лирика, а голова Вики оказалась между ног у Сибирского. Зазвонил телефон. Дениса спас кореец. Возбуждение ушло, заработала голова. В 3 ночи просто так звонить не будут. Он взял телефон и вышел в одних трусах и футболке из квартиры.

Кореец попросил прощения, по его расчетам журналист должен был уже встать, чтобы не опоздать на рейс. Денис пропитым голосом сообщил, что не ложился. Ким радостно вспомнил свой случай ожидания утреннего рейса. Из квартиры выглянула голая Вика, она зло посмотрела на Дениса и закрыла дверь на ключ. Телефон пикнул и сообщил о 5 % заряда. Журналист попросил Кима говорить побыстрее. Судмедэксперт рассказал о том, что он за свои личные деньги и в свое личное время провел с трупом больше времени чем надо и перешел к делу. Он детально изложил выводы после нового обследования. При этом умудряясь смаковать такие детали, которым радоваться могут лишь люди, для которых исследование трупов — художественный промысел.

Оказалось, следы от ножевых зазубренок на реберной кости двух жертв совпадают, одинаковый разрез — размер и глубина, идентичен угол проникновения лезвия в тело. Теперь без всяких просьб прокурора он может заявить — на 99 % два убийства сделаны одним видом ножа и одним человеком или двумя, но с очень похожими антропометрическими данными. Денис поблагодарил Кима за то, что тот не постеснялся позвонить ночью и поинтересовался насчет ВИЧ. Кореец гордо сказал, что все сделал, но точные анализы будут через три дня.

— А почему это важно?

— Не знаю, мне кажется вся история Василия какой-то невнятной. Как будто кто-то с ними играл. Хотя это, наверное, пьяный бред. Спа...

Денис не успел договорить, телефон попрощался заставкой. В подъезде было холодно и по-ночному одиноко. Коридор общажного типа, узкий как тоннель, тянулся далеко к темному выходу на балкон. Через каждые 3–4 метра разными цветами горели металлические двери. Возле некоторых стояли банки с окурками. На ногах журналиста были женские тапки на 5 размеров меньше, поэтому пятки свисали. Стоять на цыпочках сил не было и прикусив губы Денис опустил всю стопу на жутко холодный бордовый кафель. Сибирский несколько раз нажал на кнопку звонка, но она не работала. Постучался. Безрезультативно. Прислонился к стене, тело съежилось, мысли закрутились: «Исполнитель в деле Иринки, скорее всего, не адвокат. Хотя он мог быть посредником. Нужно искать еще какие-то связи двух убийств. Например, свести знакомых Эльвиры и Андрея и тогда мы получим список кандидатов. Вот только зачем? На фильм это никак не влияло. Кузнецова скорее всего просто не будет ничего подшивать к этому делу, слишком много хлопот».

Алкоголь уже не грел и Денис еще раз постучал в дверь. Никто не открыл. Он прижался к металлу лбом и закрыл глаза. Казалось, на секунду. Щелкнул замок. Вика была одета в свитер в руках была щеточка с тушью.

— Важный звонок, — пролепетал Денис и вошел в теплую квартиру. — Сколько времени?

— Когда мы с тобой встречались ты не был таким верным. Мог бы и не придумывать, — танцовщица взяла его выключенный телефон и усмехнулась. — Наверное, ты прав: если собрался жениться, то уже раз и навсегда. Без измен, без нервотрепки, только душа в душу.

Дети, ипотека там. Так и надо, Дениска. Надеюсь, твоя невеста, так же поступает, — последняя фраза сильно уколола Сибирского.

— Когда ты замуж выйдешь?

— Все не так просто, Дениска, я уже один раз была. Не получилось. Так что не спешу.

Она ворвалась в комнату, где была ее подружка и ди-джей, но те обнявшись крепко спали, отдав друг другу всю накопившуюся за вечер энергию. Денис прошмыгнул, взял свои вещи. Оделся и пошел будить Мишаню. Вика вызвала два такси. У нее была утренняя тренировка в бассейне. Она решила отоспаться на работе. Там точно не проспит. Втроем они вышли на мороз, все еще стояла ночь. Температура опустилась до — 39. Однако холод не будил и не будоражил, хотелось сомкнуть веки и забыться. Вика поцеловала Мишаню на прощание, Денису просто сказала: «До встречи». Села в такси и уехала.

Архив/Олег и Дина/В ружье/ Файл 40009

Новогодний корпоратив проходил как всегда на кафедре. Преподавательский состав гуманитарного факультета на 80 процентов был женским, склочным и почти непьющим. Дина в этот раз присоединилась к мужикам, предпочитая крепкое. Но пить виски это одно, а говорить о футболе и политике другое. Изрядно охмелев она вновь примкнула к женскому легиону. Единственная подружка вывела ее на воздух. Укутавшись в шаль и шубу Дина вдыхала морозный дым от тонких сигарет и жалела, что вновь трезвеет.

— Два часа дня, Динчик, у тебя, надеюсь, пар сегодня нет?

— Только консультации дипломников.

— Это можно отменить, все равно только делают вид, что пишут.

— Мои нормальные, не все, конечно.

— А Боков как рад, что ты поддала. Ты ему опять пообещала провести дебаты один на один. Он прям еще чуть-чуть и ринется в бой.

— Ой, куда мне. И жена его в соседнем корпусе.

— Ну, знаешь ли, это никому не мешало.

— Мне мешало.

— Может и мне нажраться, глядишь, тоже кто-нибудь по заднице хлопнет и пригласит в кафе.

— Можно я тебя в кафе приглашу и останусь ночевать, — Дина слегка хлопнула подругу по заднице, которую прикрывал пуховик и обе засмеялись. Они зашли в корпус, дыханием согревая руки.

— А что твой? Надоел?

— Не могу я с ним больше, разводиться хочу. Я иногда лежу и думаю, вот проснусь и все нет мужа, нет кольца и никогда не было.

— Тогда тебе и правда надо ко мне. Хоть на неделю, пока Витька с вахты не приехал.

— На неделю нет, но сегодня точно. Главное, следи, чтобы я Бокову не отвечала взаимностью. А то я сейчас на многое способна.

Подружка посмотрела на часы.

— Я тебе наберу после пары.

— Я телефон дома забыла. Буду на кафедре.

«Так меня никто не найдет», — подумала Дина о чем-то крепко задумалась.

На стуле стояло ружье, начищенное до блеска. Недавно звонили, предупредили, что скоро проверка. Олег хранил все по правилам, но почему-то волновался. Докопаться можно было и до него. Мать ушла по своим пенсионерским делам. Жена была в университете. А

работа попросилась с ним еще за пару недель до новогодних каникул. Все мысли строились вокруг охотничьего домика в 100 километрах от Томска. Лишь бы морозы спали. Зверь бы на солнышко вышел погреть бока. Зажужжал телефон. Олег покрутил в руках немного потрескавшийся экран. Ничего. Еще жужжание. Где-то в кровати. Олег начал рыться в простыни и одеяле словно свинья в поисках желудей. Черный прямоугольник жены притаился между матрацем и спинкой кровати. Забыла курица. Олег машинально сделал пальцами зигзаг по графическому коду, как это делала его жена. Повторил в другую сторону — телефон разблокировался. В ватсап пришло куча сообщений. В студенческие группы Олег не заходил, в них можно было потонуть. Новости кафедры сообщали о корпоративе. И адвокат прислал письмо. Он не знал, что у жены есть знакомый юрист. Заинтересованно кликнул на сообщение. «Привет. Я по поводу развода. Все выяснил. Звони». Олега затрясло, он выключил телефон и отбросил его в сторону. Достал свой и хотел позвонить жене, но тут же вспомнил, что ее мобильник рядом. Адвокат зазвонил. Олег смотрел на обезличенную иконку. Трубку снимать не стал. Сбросил. Походил по комнате. Бабахнул ладонью в стенку. Взял телефон и быстро написал: «Занята. Пиши». Сверху на зеленом фоне отразилось, что адвокат что-то печатает... Олег сел на растрепанную кровать, скрючился, упершись взглядом в телефон. «Если коротко: В случае развода, ты ничего не получишь. Шансов нет. Дальше мрачные варианты. Если помрет мать, то после развода можешь получить четверть. А вот если тьфу-тьфу муж, полквартиры ты унаследуешь запросто. Это я теоретически. Второй вариант дети. С ними все гораздо дольше, но и радостней. Но у вас там что-то с ними не получается».

Звонок в дверь застал Олега врасплох. Он схватил ружье и пошел открывать. Опомнился и поставил ствол к косяку дулом кверху. Прибыл инспектор.

Исходники/ День 5/ Томск. 26 декабря/ Утро туманное/ Файл 400010

Оба храпели по пути в аэропорт. Дорогу не заметили. Мишаня сдал багаж. В зоне ожидания было людно. Утром улетали четыре рейса на Москву. Разница во времени сокращала полет. В 7 утра вылет в 7:20 прилет. Мишаня взял пиво и его сразу подразвезло. Он поделился чувствами от вчерашнего вечера, по его краснодарским понятиям, это была лихая командировка. Денис тоже радовался, что фильм получится годным. Хотелось домой к невесте, к Ольге, стыд немного прикрасил его щеки, все-таки эти похождения были глупостью. Рассвет блеклым туманом застелил аэродром, Денис смотрел на красивую морозную свежесть и немного загрустил. Нечасто он бывает в родных краях, слишком уж много его связывает с этим городом. Много хорошего и много плохого. Он вспомнил Иринку, которая стеклянными глазами жаловалась на свою нелегкую смерть. Вспомнил племяшей и сестру в вечных заботах. «Надо бы их пригласить к себе в гости», — подумал Денис и прислушался к голосу, разносящему информацию по всему аэровокзалу. Посадка прошла быстро, Мишаня расположился в кресле самолета, пристегнул ремни, облокотился и почти мгновенно заснул. Рейс задерживали из-за того, что самолет обливали антиобледенителем. Задерживались уже на полчаса. Денис смотрел в иллюминатор — вновь подогнали трап. Видимо, опаздывал какой-то важный чиновник.

Павербанка зарядила телефон и Денис нажал вкл. Сообщений новых не было. Денис полистал новости и собрался включить режим полета. Позвонила Кузнецова.

— Вы в самолете?

— Да, пристегнули ремни, — соврал Денис и встал в проходе.

— Отлично, — довольно пропела Кузнецова. Журналист же стянул куртку и сумку с

ноутбуком с верхнего ящика, через иллюминатор посмотрел на трап, который стоял у самолета. Убедившись, что Сибирский из самолета не выйдет, майорша продолжила. — Есть большая вероятность, что вы правы, и у нас серийный психопат. Так что прилетайте обратно, если будет желание.

Денис побежал по салону едва не сбив стюардессу.

— А точнее.

— Все подробности узнаете у своих коллег. Приятного полета! — она положила трубку, явно наслаждаясь своей речью. Кузнецова была довольна, что Сибирский больше не будет путаться под ее ногами, хотя бы сутки. Липкие журналисты!

Денис выбежал на трап. Опять чертов мороз. В голове проскользнула мысль о том, что борьба за кресло директора программы решается не в Москве, а сейчас, на морозном томском воздухе. Сибирский сделал шаг назад.

Исходники/ День 5/ Томск. 26 декабря/ Новый поворот/ файл 50001

Информантства молчали. По радио болтали о вчерашних новостях. А вот социальные сети пестрили кадрами кровавого убийства. Перепосты разносили информацию со скоростью света во все уголки мира. Сибирский нашел наиболее удачное фото и увеличил изображение. Олег сидел на ступенях в бежевом пуховике, голова, накрытая капюшоном, уткнулась в грудь. Создавалось такое ощущение, что труп смотрит на место, куда прилетела смерть и не верит, что все кончено. Дырка с кровавым следом в районе груди была небольшая, кровоподтёки замерзли черным пятном на блеклой одежде. Мозг отделил весь кровавый фарш эмоций от жужжащих фактов и выдал версию: «Убили не на месте, привезли уже труп». Денис еще поводит по фотке пальцем и быстро определил, что тело нашли на ступеньках нового ЗАГСа. На двери красным что-то было написано, но качество фотографии не позволяло разглядеть. Впрочем, вскоре в сети выложили текст. Это было послание от убийцы: «**Он не успел развестись**». Мозг только начал переваривать сказанные кровавые слова, но подоспели новые факты — во френдленту со всех сторон посыпались вирусные ролики. Психопат жаждал славы и выбрал соцсети для прокламации своих идей. Смысл и сюжет видео был одинаков. Бензопила разрезала свадебную фотографию пополам и начинала кромсать одного из супругов. Все это сопровождалось подписью: «**Не любишь — разводишься, иначе смерть разлучит вас**». Денису стало жутко. Мифическая сюжетная линия про маньяка воплощалась со всей ужасающей реальностью.

Когда журналист подъехал к гостинице ведущий новостей наконец-то прервался на срочное сообщение. Денис рассчитался с водителем, но остался дослушать. В конце звукорежиссёр врубил нехитрый синхрон Кузнецовой, о том, что возбуждено уголовное дело, следствие ведется.

Денис теребил в руках телефон, самолет в пути, невеста в ожидании. Он боялся ее расстроить, хотя на свадьбу он все еще успевал. Денис зашел в гостиницу. Вновь снял номер, принял душ и перед тем как ехать на встречу к Кузнецовой, лег покомарить.

Он тяжело вздохнул, закрыл глаза. Решение остаться в Томске теперь казалось ошибочным. Он испортил отношения с Ольгой и вычеркнул себя из соискателей на должность руководителя программы. А взамен получил только лишь еще пару рабочих дней. С трупом, со стервозной Кузнецовой, с головной болью.

Архив/Дина/Загремевшая/ файл 50002

Дина смывала вчерашние поцелуи Бокова со своих ягодиц. Домой ехать не хотелось, к подруге слишком рано. Переодевшись, она спустилась в ресторанчик маленькой и уютной гостиницы «Эдем». На райские наслаждения измена оказалась совсем не похожа. Было даже немного стыдно, пусть развод и казался решенным делом. Официант поставил перед ней чашечку капучино и круассан. Привычка за завтраком чиркать пальцем по экрану смартфона и просматривать новости никуда не делась. Но так как мобильный она забыла дома, пришлось глазеть по сторонам. Вокруг ничего интересного не происходило, и Дина постепенно ушла вглубь себя. Ее подмывало решить все сейчас — поехать домой. Ее взгляд остановился на обручальном кольце. Она покрутила его и сняла, но секунду спустя вновь надела. «Рано, еще рано. Надо сначала узнать мнение адвоката, а потом идти в бой», — Дина расплатилась и попросила официанта вызвать такси. Назвала адрес подруги.

Водитель, возбужденный кавказец, описывал сегодняшнее происшествие у ЗАГСа, но Дина почти не слушала. Она слегка встрепенулась, когда осмыслила, что жертву убили из охотничьего ружья, но отвлеклась и вновь стала обдумывать план жизни без мужа. Возле дома подруги стоял узик с синими проблесковыми маячками и извергал серый клубистый дым. Как только такси остановилось, полицейские вышли ей навстречу.

Кузнецова сидела напротив зарёванной Дины. Майорша все вывернула наизнанку и уже спустя 5 минут разговора вдова была главной подозреваемой. Логичный ум преподавателя быстро сложил причины и следствия. Дина соглашалась с Кузнецовой. Приезжая гастарбайтерша из Киргизии, без места жительства, она загуляла и боялась развода, но после убийства имеет право на половину жилплощади, которая принадлежала мужу. Это несколько миллионов рублей — мотив есть. Алиби со стороны любовника Бокова не дожидаться, тем более в гостинице за все платила она. А сам ухажер спустя 10 минут хоть и страстного соития смотался. Она честно рассказала о номере в гостинице и о том, что не хотела идти домой. Майоршу такое объяснение не удовлетворило, и она прямо попросила признаться в убийстве. Дина лишь качала головой и редела, где-то глубоко она все же любила своего непутевого мужа. Или привыкла.

Через полчаса изнурительного допроса в руках Кузнецовой заблестел черный смартфон Дины, запакованный в прозрачный полиэтиленовый мешок. Дина привычным движением нарисовала змею на графическом коде, телефон ожил, пальцы тыкнули в зеленый значок — в чатах накопилось полно сообщений. Кузнецова проворно вырвала гаджет из рук и стала быстро пролистывать мессенджер. Спустя несколько минут, майорша повернула к вдове экран, на котором адвокат в кратком сообщении указывал на выгоду смерти мужа. Дина разревелась и уткнулась в стол.

Исходники/ День 5/ Томск. 26 декабря/ Нежданчик/ файл 50003

Денис стоял на проходной УВД и ждал знакомых, которые впустят его. Как назло, ни Серова, ни Кузнецовой не было. Телефоны их молчали. Денис посмотрел на часы, самолет с ним на борту должен был приземлиться в Москве. В мозгу полетели фразы-отмазки, которыми он собирался отстреливаться от обвинений своей невесты. Долго нейронная сеть не могла выдержать напряжения и плавно слила рассуждения в более безопасный фарватер: «Интересно приготовила ли невеста ему завтрак и будет ли всегда она вот так ждать его из командировок, или когда-нибудь ей это надоест». Телефон завибрировал. Ольга прислала два жареных яйца, посередине которых лежала сосиска. Вверху кетчупом было нарисовано сердечко. Денис долго смотрел и пытался напечатать хоть какую-то фразу. Невеста позвонила сама.

— Кароч, — в голове пролетела фраза: «ври, в правду все равно не поверит». — Я опоздал на самолет, напился в говно, — протяжно произнес Сибирский, занес руку за голову и почесал затылок. Ольга не видела жениха, поэтому его правдиво-лживая мимика на нее не действовала. — Не рассчитал. Может, отравился. Первый раз такое, не вовремя получилось, — Ольга не отвечала, и Сибирский воодушевился и стал говорить, как есть на самом деле. Он полил на невесту душ из рабочей информации, а она продолжала молчать, пока журналист не перестал трюндеть.

— Можешь не приезжать..., — гудки сообщили об окончании разговора.

Ольга всегда была вспыльчивая и отходчивая, молчала, гневалась, прощала. Но Денис все еще не привык получать мордой об стол без предупреждения. Поэтому выругался вслух, чем заставил сержанта, стоящего на проходной, выпроводить журналиста на улицу.

Морозный ветерок опять прихватил нос и губы с первого дуновения. Глаза заслезились. Кафешка напротив поманила рекламой горячего кофе и Денис направился ждать своей участи в сопровождении черного крепкого. Нужна была разогретая голова. «Ольга вскоре отойдет и тогда без эмоций примет информацию. А на свадьбу я еще успеваю», — логические размышления успокоили Сибирского, мозг переключился на работу.

Кузнецова достала телефон, увидев пропущенные от Сибирского лишь ухмыльнулась, но перезванивать не стала. Дело теперь беспокоило ее гораздо больше. Новый виток событий предрекал серьезные переработки. Когда майорша вошла в переговорную рядом с начальником сидели еще 3 человека. Команду подобрали вполне себе профессиональную. Старший опергруппы Федоров был человеком крайне дельным и профессиональным. Однако Кузнецова слышала о его запойности, что могло стать препятствием для совместной работы. Криминального психолога из университета она знала только по отзывам. О 75-летнем Германе Борисовиче говорили в диапазоне от бесподобно до гениально. Недавно именно его экспертиза позволила доказать мошенничество большой группировки, которая жульничала с ипотекой. Серов был как подмога. Но именно на него и опиралась глава всей этой следственной группы майор Наталья Кузнецова.

— Она не виновата, — Кузнецова села за стол. — Хотя алиби не алё, а мотив прекрасный. Конечно, можно ее раскрутить, но предлагаю активно обсуждать новую версию.

— Согласен, меркантильный интерес не тот мотив, который бы заставил бы ее устраивать шоу, — вмешался Герман Борисович. — Такие демонстративные вещи чаще всего это послание либо обществу, либо конкретному человеку. И скорее всего убийца, человек, так скажем, не в своем уме.

— Псих, — грубо подытожил Федоров.

— Ну, не в том понимании, которое придает общество этому слову. Он может быть прекрасным интеллектуалом, но с особенной логикой.

— Я не верю в маньяков, — сказала Кузнецова. — Скажите лучше. Может ли здоровый человек такое устроить и с какой целью?

— Может ли здоровый человек убить? — Герман Борисович улыбнулся во весь рот.

Кузнецова внимательно посмотрела на него и только сейчас разглядела как следует. Седая борода и густая шевелюра, толстая вязаная кофта с большим воротом под подбородок — он был похож на Хемингуэя. Взгляд его говорил о том, что старый моряк знает всё.

— Может ли здоровый человек совершить такое показное убийство? Я вам отвечу, что да. Либо это имитация убийства под маньяка, либо творческий человек, художник или артист, который замаскировал мотив в этом маскараде.

— Что еще? — Тамакин кивнул Серову.

— Криминалисты предполагают, что жертву убили из его собственного ружья. Жена сообщила, что муж часто его чистил. Готовился на зимние праздники на охоту, — Кузнецова посмотрела на Серова, потому что эти факты слышала впервые. — Охоту подтвердили друзья и коллеги Силютин. Ружье из сейфа достать не можем — он заперт. Возможно, его там вообще нет. Ждем, когда мать очнется — возможно, у нее есть ключи, если нет — будем вскрывать. Мать с сердечным приступом в больнице — в реанимации. Отца и других родственников у него не было. Камеры в отеле оказались муляжом. На ресепшене Дину Силютину не запомнили или не захотели запомнить. Комнаты обследовали — при желании из них можно выбраться и незаметно вернуться, так что свидетели нам ничего не дадут. Наш

видеоассистент Виктор проверяет камеры на дорогах и возле ЗАГСа. По его словам, работал подготовленный человек, который прекрасно знал, где стоят камеры и куда светят. Профессионал, возможно. Криминалисты подробности изложат чуть позже, но рассчитывать на новые факты не стоит. Следов нет.

— А как насчет адвоката Пучкова?

— Нигде нет. Ищем.

Полковник Тамакин встал, готовясь сказать длинную речь. С его весом было тяжело разгуливать по кабинету, но в этот раз крупногабаритность начальника майоршу не раздражала. Кузнецова всегда подмечала, что как только дело принимает интересный или даже детективный сюжет, полковник превращается из жирного довольного бора в старого бульдога, который готов вцепиться убийце в горло.

— Герман Борисович здесь не случайно. Во время суматохи с прокурорским сыном ко мне подходил московский журналист, рассказывал про версию маньяка. Эксгумацию даже сделали.

— Товарищ..., — Кузнецова готова была протестовать, но Тамакин резко отклонил просьбу суровым взглядом.

— Подключите его, пусть поделится своими соображениями. Он человек не глупый, просто за красивым сюжетом не всегда видит правду жизни и пытается натянуть гондон мышонка на слона, но рациональное зерно в его выводах всегда есть, иначе зритель не поверит.

— Он в Москве, — самодовольно сказала Кузнецова, — но я с ним свяжусь и попрошу в письменной форме изложить версию о серийной убийце. Копия будет у вас всех. А дела будем объединять? — съязвила Кузнецова, понимая, что раскрытое убийство Снегиревой никто дорасследовать не будет.

— Кузнецова, идите работать. Спасибо, коллеги, — начальник дал понять, что всем пора освободить переговорную. — Хотя постойте, дайте поручение судмедэкспертам тщательно исследовать труп Снегирева на предмет убийства. Любые зацепки. Может, и правда придётся объединить дела, — ловко вывернул издевку Кузнецовой против ее же самой.

Майорша вышла из кабинета и включила смартфон. Опять пришло уведомление о трех звонках московского журналиста. А следом запиликало напоминание о том, что сегодня вечером предстоит нелегкий поход к свекру и его молоденькой невесте.

Архив/ Егор и Катя/ Лайк/ Файл 50004

«Тебе когда?» — загорелось зелененьким на смартфоне Егора. И он принялся тут же печатать ответочку. «К 12:00», — запулил и посмотрел на голые худые ноги своей жены. Катя лежала на животе, ее смартфон умещался на продолговатой подушке дивана. Одеяло прикрывало спину. Рядом на деревянной подставке стояла большая пол-литровая кружка чая. Егор склонил голову, пытаясь высмотреть то, что скрывалось под одеялом. «Через час выхожу», — уточнил Егор и нажал на зеленый кружочек с белым бумажным самолетиком. Куча сердечек полетело к нему и заполнило смартфон. А следом прилетела ссылка на твит с фотками сегодняшнего убийства и вирусными роликами. Егор не кликнул по ссылке, а погрузился в рабочий чат. Никак не прокомментировав предыдущее сообщение об убийстве, он написал жене, которая лежала рядом, что вечером получит бабки за халтуру и расплатится за ипотеку. Не поворачиваясь, продолжая лежать на животе, Катя вновь отправила мужу несколько десятков сердечек разного цвета.

— О! — присвистнула Катя и вновь запулила ссылку своему мужу. На этот раз это была фотка в инстаграм полуголой подруги, которая в сексуальной позе на коленках стояла посреди песчаного пляжа. Катя стала просматривать комментарии и остановилась. @EMC17 поставил сердечко и написал «Божественна. Я бы...»

— Ты охренел? — в голос громко спросила Катя, развернулась и села на кровать. Одеяло спало, небольшие груди торчком выпячивались из майки-ночнушки. Она взяла кружку, стоящую на деревянном подлокотнике. Егор, не вкуривая насколько опасна сейчас ситуация, уткнулся в смартфон и ржал над каким-то видео-приколом.

— Чего? — не отрываясь от телефона, буркнул он.

— Ничего, — Катя выплеснула кружку в своего мужа, который сидел на краешке кровати.

Целилась она не в лицо, а в самое сокровенное. Теплый чай быстро окрасил белое поло с крокодильчиком в районе живота. Штаны стали словно описанными. Волосы на руках намокли. На смартфоне появилась лужа, тач перестал отвечать. Глаза Егора наполнились неистовым, как в таких случаях говорят, гневом.

— Вотежишьмать, — Егор быстро начал протирать экран телефона о простыни. — Ты что, долбанутая?

— Ты же сказал, что не подписан на эту шлюху. Вчера клялся, что тебе пофиг, а сегодня я вижу твой коммент: «Божественная». Да ты, старичок, совсем меня за дуру держишь.

— Да я стебал эту чмошницу, по приколу. Что ты прикопалась? — Егор перезагрузил мобильник и он засиял цветными буквами заново. — Блин, это всего лишь лайк, нафига смартфон портить ему и месяца нет.

— Да для тебя он уже старый, ты все бабло на них спускаешь, а потом: «Катя, давай займем у твоих родоков, чтобы оплатить вовремя ипотеку», — девушка вошла в раж и отлично пародировала мужа.

— Достала ты со своей ипотекой. Два года про нее слушаю. Пожили бы в съемной и норм.

— Еще 18 лет, старичок, а так тоже давно бы развелась, только я одна не потяну эту квартиру. А просрать такую ламповую хату глупо.

Егор посмотрел на нее, так как будто размышлял о разводе, но в голове его крутились мысли о сегодняшней сделке. Бабла он должен поднять нехило. «Может вложить все в ипотеку. Года три перекрою сразу», — подумал он. «Но тогда точно разведусь, с этой дурой».

— Пойду пораньше. Дела, — Егор встал и засобирался.

— Божественно, — передразнивая коммент произнесла Катя, скорчила рожу и показала язык.

Егор схватил подушку и бросился понарошку душить жену. Она некоторое время отбивалась, издала писк и прикинулась мертвой. Когда он поднял подушку, Катя обхватила его шею двумя руками и поцеловала. Крепко, как на свадьбе. Под телом зажужжал смартфон. Еще раз и еще раз. В кармане Егора тоже зашевелился гаджет, и они синхронно потянулись к своим интернет-протезам.

Аудиозапись/ Минутка с Ксенией Крапивиной/ Скандалы/ Трек 50005

— Все выпуски программы «Разговоры с Ксенией Крапивиной» вы можете посмотреть и послушать на сайте нашего самого сибирского радио radiosibir точка ру. В том числе и сегодняшнюю беседу. Мы завершаем цикл о скандалах. Итак, коротко подытожим. Сейчас

по-другому ссорятся, чем в стародавние времена. Правильно?

— Естественно.

— И посуду мне кажется уже не бьют.

— Бьют, что не бить. Но доходит до этого редко. Сейчас особо не надо ссориться. Ведь для этого нужен контакт, время, общее пространство. В коммуналке, например. Куда сбежишь от этой жены, которая трусы развешивает посреди комнаты. А? Сейчас найти свое пространство проще. Нажал на кнопку смартфона, и ты все, в своем домике. Порой бывает они голые лежат в одной постели, но каждый в своем мире.

— Гаджеты зло? Не дают поскандалить.

— Не дают поговорить. По душам, а не в ватсап.

— Цифровая зависимость для семейной жизни огромная проблема.

— И любить, и конфликтовать, и, главное, разговаривать, нужно только тет-а-тет. С другой стороны, это новая реальность, с этими проблемами мы будем чаще сталкиваться и нужно учиться с ними и уживаться, и решать. Детские психологи уже давно сталкиваются с «цифровой» проблемой, с безмерным потреблением гаджетов, информационной псевдодебильностью. Сексологи начинают ощущать наплыв клиентов с проблемами, связанными с цифровизацией интимной сферы.

— Доступность порнографии?

— В том числе, но и вообще доступность секса. До секса теперь рукой подать, пару кликов. Раньше вам, Кирилл, или вашим друзьям в юности с кнопочными телефонами, приходилось столько работы провести, столько социальных связей наладить, чтобы уговорить девушку пойти с вами хотя бы в кино. А теперь Тик-ток и все, разбежались. Дистанция, время от желания до секса, сократилась в разы. И на семейную жизнь это тоже влияет как никогда раньше. Виртуальные флирты ни один брак поломали. Не склеить.

— Онлайн или офлайн решать каждому из нас. Я предпочитаю живое общение. С вами был ди-джей Лирик. И с наступающим.

Звукарь поставил американскую рождественскую мелодию и предвкушение праздника пронеслось по квартирам, машинам, по всему заснеженному ледяному городу.

Исходники/Томск/День 5 /встреча/ Файл 50006

Занесло новогоднюю песенку и в кафе напротив УВД, в котором битый час сидел журналист Сибирский. Он расположился на втором этаже и в окно поглядывал на выход из полицейского участка, под рукой стояла чашка с американо. Денис с пиететом посмотрел на посетителей кафе, отважившихся выйти на мороз покурить и пожалел о том, что бросил, с кофе было бы «самое оно». Рядом с кружкой лежал мобильник, который то и дело нервно теребил Денис. Включал, выключал, снова включал, надеясь, что не заметил какое-то сообщение. Ольга, начальство, Кузнецова, кто-то из них должен позвонить, но телефон черным зеркальным экраном застыл в ожидании хоть чего-то.

Из окна дуло и Сибирский пододвинул пуховик к подоконнику, прикрыв поясницу. Телефон зажужжал и в это же время на улице появилась Кузнецова со своей знаменитой шишкой на голове и китайскими палочками в ней. Мобильный она держала голой рукой и накинув капюшон куртки быстрым шагом направлялась к кафе. Не без удовольствия Денис взял трубку.

— Как долетели, товарищ журналист?

— Таксисты у вас дерут втридорога, еле успел.

— Ой, с вашими не сравнить. В новостях уже видели наш труп у ЗАГСа или не алё?

— Картина маслом.

— Мое начальство думает, что это может быть маньяк. Вы через мою голову, оказывается, ходили к полковнику Тамакину. И настолько понравились ему, что он отдал приказ проконсультироваться с вами по поводу соображений насчет серийного душегуба.

В трубке послышался колокольчик от двери. Вошла.

— Мне нужны материалы, которые вы накопили. И ваши мысли о том, кому и зачем это надо. Пришлете по почте?

— Нет. Только при личной встрече.

Кузнецова отодвинула смартфон от уха, вслушалась в колокольчатую новогоднюю музыку и вновь приложила ухо к гаджету.

— Вы что, здесь?

Кузнецова сидела на стуле и глазами прожигала Дениса, который говорил с начальством. Он в красках описывал душеледеныщую историю о маньяке. Кузнецова не видела, что телефон давно погас. Сибирский врал, параллельно разрабатывая стратегию нападения на майоршу.

— Оператора обещали прислать завтра утром, — сообщил Денис.

— Этого мордатого?

— Может быть. Но скорее всего другого. Репортаж снимать. Итак, к делу. Подло было дожидаться нашего отлета и лишь потом звонить. Мое везение не оправдывает вашего, товарищ майор, предательского поведения.

— Добиваться разрешения на эксгумацию через мою голову поступок благородного джентльмена? Сибирский, вы тут не алё. Вам здесь не Москва. Мы люди сибирские открытые, все по-людски как-то, но когда нам нож в спину или жопой повернутся, да через губу, то.... что хотите в ответ? Ты вроде как сам местный должен понимать.

— Поздно было, — отмазка явно не прокатывала и Сибирский решил просто извиниться. — Сорян, был неправ.

— Я бы не разрешила могилки рыть.

— Я это понимал, поэтому поступил подло, еще раз прошу прощения.

— Извинения принимаются. Теперь к делу. Я тоже не учла форс-мажор. В трансляции со взлетной полосы трап убрали. Кто-то блатной видимо опаздывал.

— Чинуша.

— Так бы вас здесь не было. Может по почте перешлете ваши мысли о маньяке?

Денис ждал, что Кузнецова тоже попросит прощение за утреннюю подставу, когда она намеренно тянула время и не говорила о новом трупе, но просчитался. От этих мыслей ему стало даже весело, словно он проиграл достойному сопернику. Уважение к майорше подросло на несколько пунктов.

Сибирский выложил ей весь расклад по трем делам. Эльвиру и Иринку, по его мнению, еще можно объединить в одно дело — одно орудие убийства, но жену художника и «бракованную» жертву, как окрестили труп возле ЗАГСа местные журналисты, притянуть не могли никаким макарон. Кузнецова подвела итог, что первых двух убил киллер на заказ, остальные — разрозненные преступления и никак не связаны.

Аргументировав тем, что начальство лояльно к московскому журналисту, Кузнецова кинула на стол пропуск в УВД и сказала, что вечером Денис может прийти и прочитать в архиве дело Ричарда и его жены. Она пояснила, пока не будет четкой связи между 4 преступлениями ни о каких маньяках она разговаривать не собирается. Засим, холодно как

погода на улице, попрощалась и ушла.

Денис не стал говорить друзьям о том, что остался в Томске. Завтра предстояло снять репортаж и хотелось сделать это на трезвую голову. К тому же осталось неприятное послевкусие от последней встречи. Лирик теперь наверняка будет еще несколько недель связан с Викой и ее подружкой.

Подышать свежим воздухом и привести мысли в порядок было необходимо. Похмелье отдавалось изжогой, общей дурнотой и депрессией. Денис вышел из такси возле главной елки города на Новособорной площади. Культурный центр Томска вот уже который год к новогодним праздникам превращался в ледовый городок. Сибирский обошел елку и вошел через главные ворота парка. Там его встретила большая ледяная лошадь, вставшая на дыбы — символ города. Денис продвигался вглубь площади, меланхолично рассматривая фигуры. В небе появилось солнце и скульптуры из льда заиграли. Хрустальный мир повлек его за собой. Горки, лебеди, ледяные смешарики и даже Пушкин. Кристальные фигуры манили своей блестящей изящностью, к ним хотелось прикоснуться и пристально вглядываться в них, пытаясь понять: есть ли там за стеклянной кромкой льда что-то, что можно распознать.

Пока Сибирский шел по хрустальному лабиринту мозг начал блуждать по недрам подсознания выискивая нужную информацию, которая бы связала все убийства. Денис остановился возле ледяной плиты и, задумавшись, смотрел сквозь нее. Лучики света преломились в снежном хрустале и заиграли теплыми новогодними огоньками. С другой стороны ледяной плиты хихикнула какая-то краснощекая студентка и помахала Сибирскому. Журналист улыбнулся. Веселясь девушка убежала дальше разглядывать этот временный мир льда. Словно очнувшись Денис рассмотрел, где он был. Рядом стояла ледяная фигура оператора с камерой прошлого века в руках. Именно через нее он и увидел девичье лицо. Сибирский селфанулся и послал Мишане фотку. «Его-то мне сейчас и не хватает», — подумал Денис.

Мишаня согнал весь материал с флешек на жесткий диск и отнес в монтажку. Вернувшись в редакцию сел за пустой стол заполнять командировочный лист. Сзади подошла продюсерша Маша и предложила выпить кофе. Они поднялись на первый, прошли через транспортный коридор и оказались в кафешке возле 17 входа в Останкино.

— Абсолютно ничего?

— Он взял пустые бланки в таксо, но это так, пижня. Тем более в них он вписывал реальные цифры. Ваши догадки не подтвердились, — Мишаня врал редко, и неумело, но бэкграундправдоруба позволял это делать в нужные моменты.

В Томск он поехал с партийным заданием потопить шефа. Найти компромат на расчетах в командировочных. По слухам, Сибирский был асом в этих делах и делал неплохую кассу. На деле же оказалось все прозаичнее. Шеф только компенсировал затраты на алкоголь. Натекало не мало, но и не много. Вторую зарплату таким образом заработал бы только трезвенник. А ни Мишаня, ни Сибирский таковыми не были. Оператор умолчал о том, как шеф нашел деньги в гостинке и завтраки обменял на кэш, как вписал 8 поездок на такси за город и как Сибирский расплачивался в магазине, покупая годный вискарь.

— Я могу вернуться и доработать фильм. Надо?

— Пока нет, — продюсерша о чем-то задумалась и поплелась в сторону директорского кабинета.

Вбить последний гвоздь в перспективы Сибирского не удалось. С другой стороны, он был так далеко от Останкино, что уже ни на что повлиять не мог. Завтра все решится, она

займёт этот кабинет. Наконец-то, окупятся все ее интрижки. Продюсерша распустила волосы и постучала в дверь. «Ты, Сибирский, просто так не можешь», — проскочила бесстыдная мысль в голове нового директора программы.

Изрядно промерзнув, Денис заскочил в «Сибирское бистро». Заказал черный кофе и местный фастфудный деликатес — чебурята. Маленькие чебуреки, по размеру напоминающие вареники, предлагались с всевозможными начинками. Денис предпочел классику с картошкой. Это заведение существовало еще во времена его юности, сюда он по праздникам приходил с сестрой. Здесь с друзьями бывал после получения стипендии. Знаменитые фастфуд рестораны открылись в Томске сравнительно недавно в 2014-ом. И поэтому в борьбе за быструю еду долгое время побеждали местные точки, продающие блины и те же бургеры, только с меньшим пафосом. Флагманом всего это быстрого питания были чебурята.

— Фастфуд — FastLive, — тихо произнес Денис и закинул жареный вареник в рот.

Просмаковав давно забытый вкус Сибирский принялся размышлять о дне сегодняшнем. В архиве УВД его ждали только через 5 часов. Оператор приедет утром. Денис решил сыграть на опережение и за свой счет воспользоваться услугами стрингера. Благо, знакомые, которые сделают скидку, не перевелись. С местным оператором он встретился в 3 часа дня в кардиологическом центре. Тайком они проникли в реанимационное отделение. Сибирский стал убалтывать молоденькую медсестру войти в палату, но та без разрешения врача не пускала. Пришлось не только хорошо врать, но и подкупать. Медсестра сдалась, но с условием, что в реанимационную палату войдет только один. Под капельницами лежала полусонная Галина Степановна — мать погибшего Олега. Получив инструкции, оператор вошел в комнату. Пациентка уже пришла в себя после гипертонического криза и недослушав вопрос с присущей яростью начала обвинять в смерти сына свою невестку. Денис все это время стоял, прижавшись ухом к двери и отмечал в блокноте важные детали. По словам матери Олега, вечером к сыну должен был прибыть сотрудник Росгвардии для проверки оружия и условий хранения.

— Когда я пришла, все было чистенько, сейф заперт, в комнате порядок, на удивление. Динка такая неряха. Я подумала, он к дружкам ушел. Шлюха — жена его, на корпоративе была. Вот и он по бабам. Я тогда запросила господу, хоть бы он там встретил другую. Встретил.... Смерть, — мать Олега зарыдала, интервью было закончено.

Медсестра забежала в палату и начала проделывать какие-то манипуляции с капельницами. Оператор сунул ей в карман заготовленную шоколадку с обещанием позвонить после смены, поцеловал в щеку и удалился.

После пары звонков Денис понял, что узнать информацию о человеке, который проверял оружие, невозможно. Его переключали от одной говорящей головы на другую, но автоматические сотрудники ничего не ведали. Да и для фильма эта информация была не ценна, скорее Сибирский действовал исходя из потребности докопаться до истины. Но уперся в бюрократическую стену.

После больницы съемочная группа направилась в морг к знакомому корейцу. Он как обещал по телефону к пяти вечера уже все сделал. А именно — уточнил время смерти — 5 вечера. По его словам, после убийства тело находилось на холоде, возможно, на улице, поэтому изрядно заоченело. И уже труп посадили на крыльцо ЗАГСа. Убит с близкого расстояния из ружья. Смерть была мгновенной. Кроме того, найдены следы клофелина, возможно перед смертью его усыпили. Денис поблагодарил Кима и пообещал выдать эту

информацию в эфир только в субботу вечером, во время итоговой программы.

— Если вам интересно, молодой человек, мне дали срочное задание. Изучить труп самоубийцы.

— Интересно, — отозвался Денис.

— Много алкоголя в крови, и больше ничего. Отправили записку к графологу. Может он что подскажет.

— Ох, умеете же вы заинтриговать. Мне возвращаться в Москву пора.

— Скорее всего, это самоубийство.

— Неубедительно, — сказал Сибирский, а кореец лишь пожал плечами.

По плану оставалось записать следователя, жену погибшего и какого-нибудь эксперта — криминального психолога. А дальше можно было писать репортаж и улететь домой. Таким образом 27 декабря Сибирский должен быть в Москве, ну или край 28 утром. То есть на свою свадьбу он точно успевает. Эти мысли он уложил в короткое сообщение и отослал неотзывчивой невесте. А сам поспешил в УВД, Кузнецова не любила опозданий. И только мысль о неубедительном самоубийстве капала на темя.

Врачи отказали полицейским. Мать погибшего Олега была не доступна для допроса. Его жена больше ничего не сказала, подруга Дины, которую допрашивал Серов, картину преступления не прояснила. Кузнецова покрутила вирусные ролики, которые были связаны с убийством и пришла к выводу, что кто-то пиарится на хайпе. Отложив все дела, она помчалась домой, где принялась наводить марафет. Свёкр и его молоденькая жена ждали к 19.00. По пути она собиралась заскочить в УВД и усадить журналиста в архив. Муж торчал в интернете, как обычно. Кузнецова погладила ему рубашку и брюки. Сама надела платье распустила свои длинные до попы черные волосы, которые скрывали огромный вырез на спине. Делать макияж она не любила, поэтому использовала лишь тушь и помаду. В этот раз красную.

Джонни перешел на смартфон, он боялся, что Кузнецова зайдет в комнату и увидит его переписку с психологом. Это был третий сеанс. Обсуждали сегодняшний ролик. На жесткий директивный вопрос Джонни никак не мог ответить: даже написать в чате было трудно. «Любит ли он жену? Да или нет». Психолог пыталась зайти с разных сторон выискивая и заставляя Джонни честно ответить на, казалось бы, простой вопрос. Так бы и завершился сеанс безответно, но Кузнецова вошла в платье с распущенными волосами, чтобы поторопить мужа. Он быстро написал: «Да, наверное, люблю» и отключил смартфон.

Кузнецова восхитила и Сибирского. Такой он ее еще не видел. Майорша не была классической красавицей, которая пряталась за ментовской холодной формой. Правильный овал лица, птичий взгляд и чуть скошенный подбородок в служебном образе делали Кузнецову строгой и даже опасной, но в светском облике эти же чуть подкрашенные черты лица создавали ауру кокетства с легким привкусом полной недоступности. Помножив внешность на приличный коэффициент IQ — получалась дама для искушенных интеллектуалов. Сибирский подумал, что Джеймс Бонд или его любимый детектив Харри Холле такой бы увлекся. Тут же словно 25 кадр в сознании пронеслась картина о сексуальной зависимости из галереи художника Ричарда Артамонова, и Денис переключился на слова, которые тараторила майорша. Она торопила журналиста и заставляла того спешить, а не разглядывать ее образ. Денис предложил ей сделать интервью в платье на смартфон, но был послан фразой о том, что муж ждет ее в машине. За спешкой он едва не упустил важный момент. Сибирский похвастался, что взял интервью у матери Олега, но посетовал что не

смог найти сотрудника Росгвардии, который приходил накануне к погибшему. Возможно, он является свидетелем, который видел жертву последним.

— А вы его нашли? — без тени сомнений спросил Сибирский, когда они вошли в архив.

Вместо ответа Кузнецова разразилась бранью. С напояженных губ слетали крепкие слова в адрес всех журналистов планеты. Она костерила их за то, что вмешиваются в расследование, за то, что им плевать на нормы морали, за то, что от их действий могут гибнуть сотни тысяч детей, в том числе и африканских. В этом месте Денис совсем запугался, а Кузнецова приказала немедленно прислать запись интервью с матерью погибшего, развернулась и ушла.

Невольным слушателем этой пламенной речи стала Маргарита Петровна — толстенная работница архива. Заслуженный библиотекарь МВД подняла свое грузное тело и пошла вдоль стеллажей. Ее голос четкий и громкий диссонировал с внешностью, и лишь когда она исчезла из виду, стало возможным разобрать историю, которую она решила поведать. Оказалось, летописец томского УГРО знала всё и про всех.

— Отец Кузнецовой тоже был полицейским. В 90-ых много чего происходило, но Виталия Евгеньевича все уважали. За то, что умел и взятки не брать, и с братвой честно вести дела.

Денис положил смартфон в карман и внимательно вслушивался в слова сотрудницы архива.

— И был у нас авторитет по кличке Большой. Он тогда конкурировал с Соломоном. В общем, весь город они пополам поделили. Один Кировский район держал и Советский, а другой Ленинский и Октябрьский. А Виталий Евгеньевич у нас в Кировском служил. И был начальником отдела по особо тяжким. Так вот, затеяли эти авторитеты стрелку, как тогда говорили, и Соломон отправил своего племянника. Все вышло из-под контроля и родственничка грохнули. Намеренно. Но и эта смерть не стала поводом для настоящей войны. Наркота. Вот что этих авторитетных людей окончательно заставило начать бойню. Основная точка прибытия в город находилась на Череме, в Ленинском районе, и там всю мзду собирал Соломон, а куш этот, я скажу, уже к середине 90-ых был мама не горюй, и Большой решил конкурировать в этом доходном бизнесе. Он как-то с Юргинской бригадой был связан и от них проложил себе свой караван. Развернул на Степановке фасовку, ну и так далее. Этой наркотической волной зацепило тогда много мальчишек и девчонок. В том числе племянника, двоюродного брата Кузнецовой. Виталий Евгеньевич давно брал с Большого обещание, чтобы тот в его районе наркоту не разводил. Авторитет, конечно, мента не послушался.

— Мне сестра рассказывала, она как раз в это время в школе училась, — выкрикнул Сибирский. — Тогда ужас был, либо ты в 12 лет нарик, либо бандит, либо терпила.

— А каково детям ментов было? То-то. И вот Виталий Евгеньевич решил наказать Большого по закону, такую охоту устроил за ним. Однако... Нашла дело.

Денис краешком своего детства успел зацепить атмосферу стрелок и поклонения Саше Белому. А два одноклассника Гели скололись еще в 9 классе. Маргарита Петровна вышла и кинула дело на стол, но не отдала, а стала списывать в свой журнал номер с обложки серой папки, продолжая при этом предаваться воспоминаниям.

— И тогда Виталий Евгеньевич пошел по сложному маршруту и опасному. Начал сталкивать Большого и Соломона — сливал информацию в обе стороны. И делал это через прикормленных журналистов. Журнашлюшки, простите, как он их называл, жили только на

доходы на заказные статьи. В общем, кто-то из них раскрыл план Евгенечка, — Петровна видимо уже вошла в раж и оставила многоуважаемому полицейскому только отчество. — Журналист пригласил его на встречу, а там Большой и Соломон вместе. Ну и порешили они его. А по официальной версии его сбила машина. Так что продажных журналистов Кузнецова на дух не переносит. Как она вообще с тобой связалась?

— А с Большим и Соломоном что стало? Я слышал, Большого кто-то на трассе расстрелял?

— Так буквально спустя месяц после убийства Виталия Евгеньевича Соломон Большой и завалил. Но правил он городом буквально год. Томск «красным» стал, и все устаканилось. ФСБ-шники быстро всех авторитетов на пенсию отправили. Соломон, по-моему, до сих пор жив.

— На пенсии авторитет, — подытожил Денис рассказ и взял папку с делом об убийстве жены Ричарда. — Пойду исправлять образ современного журналиста.

Сибирский отправился к столу с настольной лампой. Дело двухлетней давности было тонким. Почти никаких свидетелей и подозреваемых. Все как и рассказывал Ричард. Единственным кого мурьжили менты был друг художника — фармацевт. И это было оправдано. Анну Артамонову убили быстродействующим ядом. Однако тотальная проверка аптеки ни к чему не привела, ни один препарат не пропал. Да и алиби у провизора было стопроцентное. Больше ничего. Денис еще раз выписал все данные, сфоткал для фильма и удалился из архива. Никакой зацепки, которая вела бы к другим убийствам.

Архив/ Егор и Катя/ Версия 2.0/ файл 50006

Секс в подсобке с девчонками, которые ходят в спортзал, устраивал Егора, жена не давала месяцами.

— Божественная, — сказал он той самой пассии с фотографии, из-за которой утром разгорелся скандал. Надевая штаны Егор думал, почему жена смеет обижаться на то что он поставил лайк.

— Вдул, как обещал на фотке, — грубо и разнузданно сказала прокачанная блондинка. Если хочешь повторить, ставь лайк под фоткой, только теперь напиши «Богиня секса», — девушка уже надела обтягивающие лосины, чмокнула тренера по фитнесу в щеку, вильнула хвостом и ушла.

Егор еще некоторое время сидел, раздумывая о сложных отношениях с женой. Из суетных мыслей его вытащил характерный сигнал — на рабочий комп пришло письмо. Сообщали время и место получения гонорара. Пальцы любителя компьютерных игр и видеомонтажа быстро забегали по клавиатуре. Егор отписался, что будет вовремя, улыбнулся, еще раз подумал стоит ли пускать все деньги на погашения ипотеки или нет, завязал спортивные штаны на поясе и довольный пошел в зал, где его уже ждали студентки и студенты государственного университета.

СКЛЕЙКА[1]

Катя любила работать на свадьбах, юбилеях и праздниках. Платили регулярно плюс всегда доставались подарки сверху. Иногда сладости, иногда чаевые. Но главное: веселый народ ей казался таким счастливым, что она сама становилась зажигательно-радостной. В этой кутерьме часто попадался романтичный парень, с которым хотелось продолжать праздник. Так она познакомилась со своим Егором, так она ему изменяла.

В канун Нового года работы было хоть отбавляй и Катя всегда предвкушала что-то волшебное. Спрятавшись за объективом фотокамеры, она водила словно прицелом по гостям

празднества и шелкала понравившихся радостных молодых людей. За работу на корпоративе в агрохолдинге платили немного, однако бартером можно было получить прилично. Забить мясом и овощами весь холодильник. Худосочная как игла Катя это учитывала, но в уме держала солидных откормленных мужчин с серьезным взглядом на жизнь. «Возможно с их помощью и ипотеку погасить можно будет досрочно», — мелькало в ее планах. Подспудно же она искала красавчика для привычной интрижки, где-нибудь в подсобке праздника.

Не обращая внимание на гостей, Катя распласталась на полу и поставила фотик на руки, которые выполняли роль штатива. Она выстреливала в людей на сцене. Увлёкшись процессом, она широко расставила ноги и стала предметом для косых взглядов подгулявшего народа. Отработав официальную часть Катя принялась корчить рожи гостям корпоратива подмигивать, кокетничать, вызывая ответную реакцию. Она считала, что десяток бесшабашных фотографий обязательно должен оказаться на столе у заказчика.

Гости пытались спойть фотографа, но Катя отказывалась. В 8 вечера необходимо запротоколировать главное событие — вручение какой-то областной награды генеральному директору. Только после фото с грамотой и статуэткой можно было и накатить. Катя как всегда поставила напоминание, отметила точку откуда будет снимать и включила режим автопилота для фотографа. Щелкать то, что интересно самому. До восьми оставалось полчаса, когда появился элегантно одетый красавчик. Казалось, он зашел с другого корпоратива. Катя машинально прицелилась издалека и пошла ему навстречу для последнего кадра в упор. Получилось. После звука затвора красавчик приобнял Катю за талию и потребовал, чтобы та записала его почту. Для фото. Телефон зазвонил не вовремя и аватарку мужа пришлось в срочном порядке убрать. В следующее мгновение она вырубилась девайс. Катя соврала, что смартфон сел, и призвала красавчика искать розетку. Они забрели в пустую комнату, где на столах лежали мужские и женские пуховики. Гардероб. Цель была достигнута. Энергией здесь можно было зарядиться на 100 %. Уже через минуту они затерялись где-то в верхней теплой одежде.

Фосфорные стрелки часов показывали без одной минуты восемь, когда Катя спохватилась. Она наспех стала надевать джинсы, однако красавчик ее остановил. Ведущий корпоратива пообещал, что без него вручение премии не начнут.

Исходники/ День 5/ Томск. 26 декабря/Личное-рабочее/ файл 50007

Классические темно-белые выкрашенные густым слоем масляной краски оконные рамы покрылись еле заметным слоем льда. На окнах застыли толстые узоры зимы. Лишь краешек стекла справа внизу был прозрачен и не покрыт инеем. Кузнецова стояла на кухне у свекра возле окна чуть наклонив голову. Она смотрела на улицу. Внизу в черном дворе тускло мерз одинокий фонарь, подсвечивая давно забытые лавки. Серов в ухо докладывал, что допросил мать погибшего Силютин, которая подтвердила слова московского журналиста. Поиск сотрудника Росгвардии продолжается, но пока нет ответа — главу отдела, который отвечает за проверку оружия, недавно скоростно отправили на пенсию за непомерную жадность. А новый пока боится каждого чиха и увольняет сотрудников пачками. Кузнецова попросила докладывать в срочном порядке, но сообщениями в мессенджере. Чтобы хоть как-то смягчить начальницу старлей доложил, что с ключами от сейфа едет к погибшему и скоро выяснит на месте ли оружие.

Повесив трубку Кузнецова еще раз взглянула на уличный фонарь, тряхнула большими волосами и пошла к праздничному столу. Глаза Джонни уже сузились, и опытная следовательница поняла, что скандала не избежать. Она еще раз на ушко пообещала не

слинивать на работу. Только сообщения. Раз в полчаса.

На столе красовалась бутылка розового шампанского, которую только-только открыли. Иван Андреевич седовласый отец Джонни сидел рядом со своей молодой пухлогубой избранницей Анютой, которая смотрела исключительно на Кузнецову. Так ей было проще. В Джонни она чувствовала врага. И не зря опасалась.

— Знаете костел на Воскресенской горе? Меня там крестили. Мать моя из немцев, они из Алматы сбежали в 80-ые..., — молодая хозяйка пыталась вести хоть какую-то осмысленную беседу.

— Представляешь, мы жили на соседних улицах с ее родителями и даже возможно виделись, — отец Джонни, жених, помогал развлекать гостей. Получалось плохо. — Ты, Женька, правда был только в планах у нас, мы же до переезда в Павлодар там в столице жили.

— А вообще моя бабка хранила документы о крещении еще с 17 века представляете, как родословную. У немцев это в порядке вещей. Но сейчас даже не знаю, стоит ли этим гордиться.

Джонни было пытался что-то сказать, но отец его опередил.

— Знаю, что ты хочешь сказать, что такая родословная проверялась нацистами при вступлении в партию, но параллели тут неуместны.

— Ты на половину, а я на четверть Фишер, так что все норм, отец. Добро пожаловать в семью, — кинул Джонни молоденькой невесте и повернулся к жене. Взгляд смягчился, — Наташка, ты тут одна слишком русская.

— Я это переживу, — сказала Кузнецова и почувствовала, как на между ляжек, куда она положила телефон в отсутствии карманов, все завибрировало. Серов наверняка что-то выяснил, но уходить было нельзя. Атмосфера была настолько горяча, что бенгальские огни, которые молодая избранница разложила возле каждой тарелки, вот-вот должны были заискриться.

— Мои предки по реформе Столыпина переехали из Украины и Поволжья, получили тут по 10 десятин и стали, как нынче говорят, фермерами, а я как отброс в ментов пошла, хотя надо было выращивать картошку. Давай же за это выпьем, — Кузнецова ускорила процесс, и сама схватила бутылку.

Разливая всем по полному бокалу, она заметила, как молодая кокетка, вспыхнув посмотрела на своего престарелого седого избранника, а тот в ответ покачал отрицательно головой. «Запрещает ей пить, красная как рак, жрет прилично — беременная», — мозг полицейского был беспощаден, догадлив и оперативен. «Сию новость надо срочно рассказать, дабы незаметно глянуть в телефон и прочитать сообщение от Серова», — решила майорша.

— Поздравляю, — сказала Кузнецова и подмигнула девушке. Джонни залпом осушил кисляк и вперился глазами в жену.

Майорша махнула бокал почти целиком, хотя это было для нее не характерно. Иван Андреевич занервничал, а его будущая супруга только поднесла стакан и лишь смочила губы. Она не успела оторвать его от губ, когда Кузнецова совершила свою провокацию.

— Девочка или мальчик? — Кузнецова сделала паузу. — Ой, простите. Я же следователь.

Рука Кузнецова потянулась к телефону. Повисла длинная пауза. Джонни млял салфетку в руках, бросил ее и начал собираться из-за стола.

— Поздравляю, отец, будешь подгузники менять на старости лет. Ты, наверное, специально концерт устроил, да жена вам все испортила, или не мог решить сам сказать, и специально нас позвал. Да? Нахрена ты нас позвал, ну сидели бы здесь и праздновали со своей ..., — Джонни не стал ничего говорить, встал из-за стола. — Знаешь, ты как всегда наплевал на меня, на мать, да ты никогда нас и не уважал.

Серов сообщал, что сотрудник Росгвардии Петров приходил к погибшему в 19.00. Однако не застал охотника, о чем сообщил в управление. Однако после опроса соседей выяснилось, что к погибшему приходил другой полицейский в три часа. Серов добавил, что сейчас он смотрит камеры видеонаблюдения. Джонни быстро оделся и Кузнецова последовала за ним.

— Оставайся, ты всегда считала, что надо чтить кровные узы. Но я предпочитаю уважительные отношения с чужими, чем такие с собственным отцом, — Джонни хлопнул дверью.

— Сбегаешь и визжишь как баба, неженка? — выкрикнул его отец, и только сейчас Кузнецова поняла всю подноготную их отношений, всю злость и гнев мужа, всю претенциозность его папаши.

— Оставайтесь, — обратилась Анюта тихим голосом к майорше.

Догонять такого Джонни было бессмысленно. Кузнецова набрала Серова и попросила его заехать за ней. Майорше вдруг стало стыдно за спровоцированный скандал, но она оправдалась тем, что лишь ускорила его приближение. С этими мыслями она отписалась мужу, что поедет на работу и взяла еще бокал шампанского.

— Это пройдет, — кивнула она на дверь. — Ну, так кто?

Мои документы/день 5/ Томск. 26 декабря/ Предсвадебные сомнения/ файл 50008

Денис ужинал у сестры с ее спиногрызиками. Разговор клеился с трудом, потому что все время прерывался важными детскими прихотями. Одному поссать, другому мультики включить, третий отказывается идти в школу и его надо было срочно убеждать, подкупать или угрожать. Прерываясь на хлопоты Геля не соскакивала с темы и продолжала уговаривать брата позвонить невесте и попросить прощения. Сестра на полном серьезе предлагала позвать Ольгу в гости в Сибирь. Денис усмехался, будущая жена свою-то кровь не особо любила, а до чужой ей было совсем фиолетово. Но дело было в другом, Денис боялся, боялся себе признаться, что он рад, что свадьба и ее приготовления были за 3500 тысячи верст от него. Раньше утреннего рейса 28 декабря он отсюда не уедет. Лучше волноваться и испытывать дискомфорт всего несколько часов до росписи в ЗАГСе, чем обмусоливать свое решение в обнимку с невестой.

— А детей вы планируете заводить?

— А куда без них? — как-то обреченно сказал Денис.

— А ты не думал, что ты от невесты сбежал, как Джулия Робертс в фильме. Она тебе точно нужна?

— Слушай, мне 30 лет, уже пора стать взрослым, — прокричал Денис куда-то в другую комнату и добавил тихо. — Наверное, пора. А может и не пора.

Сестра подошла к нему и забрала телефон, чтобы рассмотреть фото Ольги. Зависла на секунду и метнулась на крик малыша.

— Красивая. Давай, я ей напишу, — сказала Геля на ходу.

— Нет, — умоляюще твякнул Сибирский.

Все смолкло, кажется, дети все-таки решили заснуть. Шел десятый час вечера. Денис

слегка утомленный допивал свой остывший чай. Телефон забрали и не было к чему приложить руки. Порыскав глазами по кухне, он нашел на холодильнике листочек с детскими каляками и простой карандаш.

На обратной стороне А4 он начертил декартовы координаты и подписал каждый квадрат именем погибшего. Иринка: нож, удобное самоубийство мужа, измены. Эльвира: нож, ВИЧ, измены. Жена художника: отравы, пьянство, третий пункт здесь никак не выходил и Денис написал то, что выдал мозг — дочь Алиса. Посмотрев еще раз он сам себе удивился, но не стал сопротивляться потоку. Знал, что так надо. В нижнем правом квадратице был «Бракованный»: ружье, ЗАГС, проверка оружия, измена. «Четыре пункта, возможно, убийца начал спешить. Но что его заставило засуетиться и высунуться из норы? Спешка всегда связана с ошибками и скоро все прояснится». Последняя мысль обрадовала журналиста, впрочем, это была логика отнюдь не следователя, а документалиста: красивый оборот, который он использует в фильме. Денис отвел листок на расстояние вытянутой руки, чтобы разглядеть всю математическую картину. На мгновение изображение стало мутным и мозг подсветил три одинаковых слова — измена.

Личное отвлекло от дела. Сибирский вспомнил как едва не пал к ногам соблазнительной Вики и поморщился. Силой сознания Денис вернул себя в раздумья об убийствах и записал вывод. «Расспросить художника и его дочь насчет измен».

Сестра все еще укладывала малышей, и Денис стал анализировать квадрат Иринки. Разгоряченный мозговой деятельностью он прилип глазами к пункту о самоубийстве. Если оно не подтвердится, то надо опять ворошить дело и главным подозреваемым будет адвокат. Денис пожалел, что у него нет телефона. И написал план действий от руки: поговорить с художником и его дочерью, найти адвоката, узнать все про измены в каждой паре. Выводя слово измены, он подумал о своей невесте и жутко начал ревновать, представляя, что она устроит девичник, где будут брутальные стриптизеры. Геля вернула телефон и сообщила, что пригласила Ольгу в гости, но та вежливо отказалась.

— Но, как я поняла, она все еще надеется, что ты приедешь к свадьбе вовремя. Ты же хочешь приехать вовремя, Дениска?

— Честно, сестра? — он улыбнулся и по его мимике не было понятно, то ли он серьезно озадачен, то ли шутит.

Зазвонил телефон. Помощник губернатора тактично узнал, как продвигаются дела и настоятельно потребовал прекратить производство фильма о маньяке. Для имиджа области — это нехорошо. Денис в двух словах объяснил, что маньяк — это вторая линия, и если его реально нет, то и в кино не будет. Так или иначе, деньги или еще какие-то договоренности между губернатором и каналом уже прекратили действовать и видимо завтра Денису сообщат, что средств на его командировку нет. Следовательно, после репортажа для итоговой, 26 числа надо будет сворачивать удочки.

— Ты не против, если я у тебя погощу пару дней, завтра выгонят из гостиницы.

— Только до утра 28, — ехидно улыбнулась сестра, намекая на то, что она заставит брата сесть на самолет, который привезет его в новую семейную жизнь.

Денис сложил листочек А4 с размышлениями об убийстве и собирался положить его в карман, когда вспомнил, что надо все дела перенести в телефонный календарь-ежедневник. Ричард стоял первым на очереди и Денис машинально решил взглянуть на фотографии его дела, которые он сделал в архиве. Прочитав пару строк, он спустился вниз по документу и остолбенел, словно ледяная фигура. Он просмотрел все подписи в материалах дела. На

копиях допросов Ричарда и его друга фармацевта стояли вензеля их адвоката Пучкова В.Н. «Кузнецова опять отбреет, лучше ее не будить». Желание поделиться с кем-то инсайдом обуревало журналиста. И в конце концов он решил действовать на опережение — написал адвокату сообщение в соцсетях, кратко давая понять, что встреча с журналистом исключительно для кино.

Попрощавшись с сестрой Денис мотнулся в гостишку. Надо было закрыть формальности и взять документы для отчета. На ресепшене сидела дама, с которой он договорился о завтраках, поэтому и с остальным не возникло волокиты.

Вика позвонила, когда Денис заходил в номер. Сибирский машинально соврал, что улетел в Москву и попросил больше его не беспокоить. Сухо. Педантично. Вика в той же манере пожелала ему счастливой жизни и пообещала больше не тревожить никакими делами. С третьего этажа гостиницы ничего нельзя было разглядеть. Темнота покрывала русло реки и кажущееся небытие уносило в полное одиночество. Миллисекунды страха пронеслись в голове Дениса, но чего он боялся на самом деле ему пока не было понятно. Сибирский почувствовал себя между Сциллой и Харибдой и поспешил ретироваться. «Хороший сон залог успешной работы», — мысль, подхваченная где-то у знакомого гуру самодисциплины пронеслась по всему телу и Денис поспешил в постель. Он вырубил торшер и световое пространство по все видимой территории почернело, только маленькая полоска света пробивалась из-под двери, оставляя микросвязь с реальностью. Денис отвернулся, чтобы и этот луч не доставал до его сознания. Наконец-то все темным-темно. Дремоту разбудоражил холодным цветом телефон. В такт жужжанию Денис сжал несколько раз зубы, но все-таки решил посмотреть кто звонит. Адвокат.

— Я хочу все рассказать. Андрея убили, и я узнал кто это сделал. Приезжай в «ебенья», — адвокат был пьян. — Ммм это недалеко от площади Батенкова, переулочек Кононова. Там маленькая улочка с двухэтажными деревянными домами, дойдешь до последнего слева. На втором этаже 4-ая квартира. Буду ждать.

— У меня нет оператора. Придется на телефон.

— Ты меня не понял, — закричал адвокат не своим голосом, как будто ужасно боялся чего-то. — Сейчас же.

— Через полчаса буду.

Сибирский схватил подштанники и стал натягивать их на крупные ляжки, но спохватился и вызвал такси. Адрес не назвал, только обозначил площадь.

По дороге Дениса одолевал вопрос, стоит ли звонить разгневанной Кузнецовой, но вспоминая предысторию их склок и рассказ библиотекарши о ее отце, журналист решил припасть к козырям. А именно показаниями адвоката. Плюс эксклюзив, признание, даже на телефон. Майорша не допустит съемки.

Такси высадил его на темной площади. Последний трамвай, скрипя на повороте, уходил на улицу Розы Люксембург. Денис по навигатору отыскал закоулок и побрел к деревянным домам. Из центра города его телепортнуло в дотелевизионную эпоху. «Насколько парадоксально порой бывает градостроительство. Оказывается, сделав 10 шагов от можно оказаться в прошлом в середине 20 века». Сибирский прошел мимо первого дома, в котором горело всего одно окно. Рядом под фонарем блестела ледяным ужасом достопримечательность. Замерзшая колонка. Серая труба с рычагом и краном была почти полностью покрыта снегом, а внизу слоеным ледяным желе спадали слои замерзшей воды. «Питьевая вода на улице в колонках!» — мир московского журналиста как-то совсем

искривился и поплыл в морозной дымке. Идти было метров 150, но и за это время на щетине образовалась корка льда. Денис растер щеку шерстяной перчаткой и втянул воздух. Пахло дымом от буржеек, которые помогали центральному отоплению согреть народ в этих, как выразился адвокат, «ебенях». Надо сказать, слово было настолько емким насколько и правдивым. Даже по работе быть здесь не хотелось.

Скрипучие половицы старого крыльца нервной дрожью отзывались в глубинах сознания. Животный страх наполнил внутренности. Денис включил фонарь на телефоне, чтобы рассеять темноту. Слева в квартире номер 1 подвывала собака, видимо оставленная в жутком холоде. Дверь под номером 2 словно в сказке со всех сторон была покрыта инеем — это теплый воздух замерзал, едва высовываясь из щелей. Денис заскрипел на второй этаж. Он откашлялся громко, чтобы адвокат поскорее его услышал, но никто не замечал присутствие Дениса. Журналист направил фонарь вправо. Он посчитал, что четвертая квартира будет именно там. Ошибся. Этот вход был наглухо заколочен досками. Сибирский повернулся к последней двери и увидел, что она приоткрыта. Однако свет не падал из нее. «Сидит в темноте», — предположил журналист, но почуял, дело пахнет трупом.

— Пучков, — крикнул Сибирский, чтобы отогнать злых духов и резко вошел в квартиру. Слева кухня — никого. Еще два быстрых шага, и он оказался у входа в комнату. Тело адвоката, висевшее вместо люстры, медленно качалось и закручивалось. Паника охватила Дениса, захотелось убежать из этого страшного места. «Две минуты и ты в центре города. Беги», — сознание торопило журналиста. К открытому окну шмыгнула тень, где-то на улице заскрипел снег.

Денис навел луч света от телефонного фонаря на окно, ветер с карниза задувал снежинки в комнату, тепло от догоравших в печке дров стало мгновенно уходить и холод вновь принялся завоевывать территорию. На подоконнике была вмятина, словно кто-то вышел в окно. Сибирский бросился к карнизу, высунул голову и инстинктивно посмотрел вниз. Там был небольшой спуск на декоративный балкончик, который можно было использовать разве что для цветов, Денис решил попробовать последовать за убийцей и сделал шаг. Как только нога оказалась на подоконнике, сзади его подхватила чья-то рука и подтолкнула наружу, зацепиться не удалось и Денис полетел вниз головой со второго этажа. «Как очевидно. Как глупо».

Боль растеклась по всему телу. Легкие слиплись после удара плашмя о жесткий накатанный снег. Денис еще хватал губами воздух перекатываясь на бок. Наконец вздохнул. Шапка почему-то намочила на затылке, в голове потеплело. Он закрыл глаза и уже ничего не видел. Какие-то остатки сил и сознания он направил на свое спасение. Наощупь отыскал телефон и вслепую набрал 112. Получилось с третьей попытки. Когда оператор подключилась Денис назвал адрес, добавив, что это и правда оказались «ебеня».

Продюсер Маша стояла перед руководством канала и выслушивала благодарности в свой адрес. Начальники выражали надежду, что программа и дальше будет показывать высокие рейтинги. Просили оставить костяк творческого состава. Маша кивала и уверяла, что готова костями лечь ради дорогой сердцу программы. Ключевое слово было «лечь», и все находящиеся в кабинете люди поняли, как в дальнейшем работать с Марией Витальевной, новым директором программы о самых громких преступлениях в мире. Далее кадровичка объяснила, что приказ выйдет только после праздников, и новогоднюю премию Мария Витальевна получит еще по продюсерской ставке.

Бывший директор программы Игорь Караванов ждал любовницу Машу в редакции.

Мишаня снял фольгу с бутылки шампанского, готовясь дать залп в честь нового руководителя, другие авторы стояли с пластиковыми стаканчиками, в которых пузырились виски-кола. В этом серпентарии никто не был рад новому назначению. Никто и не был расстроен, каждый оценивал свои перспективы, и ссориться с новой начальницей не собирался. А льстить умели все и готовили речи.

Сибирский очнулся под утро. В палате был приглушен свет, рядом лежали три соседа с перевязанными головами, периодически они мычали что-то несуразное в дремотном бреду. Денис дотянулся до головы и тоже нащупал повязку. Обрывки мыслей понеслись по нейронным магистралям и, кажется, скопились где-то на затылке, возле дыры в черепе. Механизмы функционирования мозга «лажали» и все никак не могли решить какой мысли вылететь в атмосферу первой.

Привыкший структурировать материал журналист выбрал одну из самых очевидных: «А не умер ли я? И где сейчас нахожусь?». Травматологическое отделение 1-ой городской действительно было похоже на пропускной пункт в ад. Но все же. Далее на горизонтальной линии сознания расположились думы о свадьбе, работе и убийстве. Со свадьбой он разобрался быстрее всего: «Даже, если я застряну в больничке и не успею прийти на церемонию, у меня есть убедительное оправдание. В конце концов, перенести дату не так сложно, как ее дожидаться». Второе — работа. Конечно, коллеги будут присылать смс с пожеланиями скорейшего выздоровления, но как только он поправится ему предъявят по полной. Не доделал репортаж, фильм и потратил бабки в пустую. Но главное — продюсер Маша займет кресло директора и уволит его к чертям. Казалось бы, надо дожидаться приговора врача и только тогда рассуждать о последствиях, но мысль о работе почему-то не вылетела из головы и сделала еще один круг по всей коре головного мозга. Оказалось, столь пространное описание кажущегося трагичного будущего вызывало только позитивную эмоцию. В мозгу крутилась песенка про сверхзанятого человека, которому жить мешает график, и даже на небесах он апостолам предъявляет, что они забрали его не согласно графику. В общем, нафиг. К черту работу, если выгонят, то к лучшему. От этого умозаключения дофамин прыснул в голову и Денис вновь потерял сознание. Разбудила медсестра, которая быстро вошла в палату и вколола соседу обезболивающее, погладила его по руке и спустя мгновение также быстро исчезла.

Денис еще разок подумал об жизни после увольнения, головная боль трансформировалась в головную радость. Но ненадолго, мозг принялся загружать в сознание информацию об убийствах. Что вносили в историю новые факты. Во-первых, становилось очевидным, что Иринку убил не муж и скорее всего не адвокат. С бомбой в ЗАГСе, скорее всего, заморачивались не они, но стратегически молчали об этом — это два. В-третьих, настоящий убийца на свободе и его знал адвокат. Именно поэтому Снегирев и Пучков молчали, покрывая кого-то. И убийца заставил их самих замолчать. Оставалось понять мотив убийств. В голове всплыл тот самый листик А4 с декартовыми координатами, который хранился в заднем кармане джинсов. И вновь мозг подсветил слово: измена. «Убийца мстит за измены или наоборот. В общем что-то не так у него с сексом и это надо расследовать».

Когда последняя важная мысль вылетела сквозь отверстие в башке Денис заснул и пришел в себя только когда племянник его больно-больно ущипнул за руку. Сибирский не стесняясь выругался, но остановился на полуслове, поняв, что злится на ребенка. Чтобы снять испуг, который сам вызвал, Денис принялся неудачно шутить. Он пообещал забрать подарочную футболку Месси и добавил, что был на небесах. Боги ему сказали, что Марадона

круче Месси. Мальчик совсем запутался в словах буйного дяди и пробулькала что-то вроде: «Томь-чемпион». Сестра поправила брата и сказал, что был он в аду и вытащить его до сих пор не удастся, но после пары инъекций он опять вернется и не будет пугать ребенка.

Денис хотел картинно тряхнуть головой, но едва не поверг себя в небытие. Сестра сказала, что Сибирский отделался легким сотрясением мозга, и его можно забрать через пару дней домой. Однако придется сохранять покой минимум неделю. Полеты ему не рекомендуют, так что Новый год ему придется встретить в родном холодном Томске.

— Ольге я позвонила и позвала к нам. Она сейчас расстроена. Наверное, думает: «Стоит ли за такого индюка выходить замуж или нет?» — сестра хлопнула Дениса по руке. — Ой, дебилушка. За дверью та самая Кузнецова, о которой ты говорил. Настоящая майорша.

Кузнецова была в форме и выглядела еще более угрожающе, чем вчера в вечернем платье. Денис четко изложил все события, предшествовавшие падению, и потребовал пробить всех любовников во всех трех случаях. Майорша же сказала, что Денис теперь переходит из следователей в разряд потерпевших, и должен тихо ждать возмездия.

— Выпрыгивать из койки в поисках преступника не стоит, — жестко прошипела майорша. Зашла врач, и оборвала язвительную речь.

— Мы его надолго не задержим, снимки отличные, можете допрашивать и забирать к себе, — высокая кудрявая замысленная работой врачах посмотрела в глаза майорше. — Дырки в его голове нет, ну только, если метафорическая. Выписывать?

— А может он под вашим присмотром еще денек побудет?

— У нас даже решеток на окнах нет.

— Препараты зато есть, обездвиживающие. Это не преступник, а свидетель. Ему необходимо отлежаться.

Обе женщины посмотрели друг на друга и решили, что последняя фраза будет шуткой. Или полшуткой, потому что через 10 минут пришла медсестра и медикаментами увела сознание Дениса в космос.

Днем пришел оператор, которого прислали от канала, и принес весть о назначении нового директора канала, которая распорядилась доснимать репортаж и возвращаться в Москву. Денис нейтрально воспринял новость, которую ждал. Он передал оператору список спикеров и вопросы для интервью. Надежды на профессионализм новостного работника не было, синхроны будут сухими и малоинформативными. В итоге из говна, которое ему наснимет оператор, лепить конфетку придется все равно ему. В таких случаях надо было сговнякать простой эфирный вариант. Впрочем — это было не важно. Всю голову с метафорической дырой в черепе занимала мысль о том, как выбраться из больницы и продолжить поиски преступника. Ведь если это маньяк, дело будет резонансным. Это принесет ему известность и новую работу. А может и вовсе заставит руководство канал изменить свое мнение и поставить его директором программы.

Архив/ Егор/ Деньги не пахнут/ файл 50009

Егор закрыл спортивный зал поздно вечером. Встречу заказчик назначил в Заистоке, на Учебной. Выйдя из спортивного блока, он, миновав второй корпус ТГУ, полетел вниз по накатанной ледяной горочке к Московскому тракту. Маршрутки дымили паром и старались не задерживаться на остановках. Егор глянул на телефон: 29-ая должна появиться через 3 минуты. Ехать всего пару остановок, но на таком морозе лучше в теплом ПАЗике, чем пешком.

Егор вышел возле розовых облупленных двухэтажек и прошел сквозь них. Далее вышел

на улицу Учебная, где возле новых домов его и поджидал работодатель. Егор подошел к белому джипу. Стекло чуть-чуть опустилось, и женская рука высунула конверт. Егор пересчитал деньги и отправился обратной дорогой. «Легкие деньги, — подумал он. — Разводись или смерть разлучит вас. Ролик с бензопилой самый зачётный».

Исходники/День 5/ Томск. 26 декабря/ Серфинг/ файл 50010

Денис перерыл все профили участников убийств, изучил мертвые аккаунты жертв и сверил всех друзей друзей. Таблицы по совпадениям пришлось делать вручную, но времени в больнице было предостаточно. Голова уже не болела и мысли не вытекали наружу. Сосредоточено и методично он исключал одних и добавлял других в столбцы. В итоге он вывел несколько фамилий, которые числились в друзьях в 7 случаях. Все были сплошь знаменитости. 2 КВН-щика, ди-джей радио, на которого были подписаны почти все в городе, и психолог Ксения Крапивина. «Вот оно. Связующее звено!» Денис вспомнил, что Лирик берет с ней интервью и позвонил товарищу. Сибирский и не подумал, что рассекретил себя перед Викой. Слишком уж было интересно докопаться до истины. Лирик испугался, когда Денис рассказал ему о происшествии, и совсем сильно сожалел о том, что врачи запретили Сибирскому пить. После прислал смс-кой телефон Крапивиной и предупредил, что она крайне опасная. Со шрамом на лице. Бицепсы, как у мужика и стальной взгляд. Жуть. Сибирский за долгую карьеру общался и с потрошителями, и с душителями. Крапивина не казалась ему кем-то особенным. Только фон ее работы несколько смущал. С психологами ему было не комфортно, хотя он легко водил их за нос, показывая свою уникальную мимику. А те, конечно же, все подмечали. Неверно подмечали.

— Алло, здравствуйте, Ксения! Мне Ваш телефон дал Кирилл, Лирик, ди-джей. Он сказал, что вы поможете.

— Здравствуйте, если только это в моих силах. Я занимаюсь семейной психотерапией.

— Нам надо встретиться. Сегодня. Я боюсь жениться, а свадьба через два дня, — Денис ничуть не врал, и Крапивина не заметила, как попала в ловушку.

[1] Склейка — прямой и наиболее простой способ соединения сцен и кадров при видеомонтаже.

Серия шестая. Удары любви

Исходники/День 6/ Томск. 27 декабря/ Побег/ файл 60001

Вечером Сибирский выбрался из больницы. Денис выяснил, где была его одежда. Беспрепятственно проник в гардероб. Натянул шапочку поглубже, чтобы повязку не было видно и ушел через парадный вход. Медсестра, которую он уговорил не ставить обезболивающее, предупредила, что «поплохеет» совсем скоро и положила на тумбочку парацетамол. Выйдя на свежий воздух, Сибирский устремился к одинокому постукивающему колесами красному старому трамваю и успел заскочить в закрывающуюся дверь. Стекла были полностью заснежены и пейзаж просматривался только через стекло водителя. Ветер гонял поземку по путям, а мороз создавал туман, в котором не мудрено заблудиться. Но трамвай идет лишь туда, где проложен путь.

Денис выбрал сиденье, под которым располагалась печка. Съежился, закупорился и погрузился в раздумья. Мозг гонял мысли словно мячи по полю без ворот. Куда бить было не понятно. Ввязываться в расследование было жутко глупо, но интересно. Беспокоила другая мысль. Что это? Бахвальство? Чувство вины? Зависимость? Побег от невесты? Конечно какой журналист без толики тщеславия, но это был не основной грех Сибирского. Он мечтал о премиях, славе, но все же работал за кадром. В экран его Эго не просилось. Конечно, если он раскроет это дело, то на пару лет станет завсегдаем ток-шоу. Это расширит бизнес-кейс и в несколько раз увеличит благосостояние, но это была побочная выгода. Чувство вины подталкивало к действию гораздо больше перспективы быть узнанным на улице. Каждое убийство, связанное с супружескими конфликтами, фрустрировало его и мыслями возвращала в день смерти мамы. Рана не зажила и спустя 20 лет. И новый труп напоминал, что ничего вернуть уже нельзя. Мертвые не воскреснут. «Возможно, у нас с убийцей один мотив — предотвратить чью-то боль?» — Сибирский мысленно хихикнул. «А может вообще все дело в Ольге, бегу по лезвию бритвы лишь бы свадебный ошейник не надевать».

Пересев на троллейбус, журналист добрался до университетской рощи. На остановке он купил воду и съел таблетку обезболивающего. Головокружение уже подступало, и он ощущал пульсацию в теменной области. Сибирский ускорился и вошел на территорию ТГУ. Чтобы переждать приступ дурноты он уселся на лавочку, но так что его задница лишь слегка касалась сидения, а основная нагрузка пришлась на спину. Перед ним тусклым ночным светом заиграли новогодние гирлянды. Зимняя сказка, в которой главный корпус Университета был волшебным замком мудрецов.

Белоснежное как зефир здание подсвечивалось желтыми фонарями. По центру над тремя коричневыми арочными дверьми горели три полукруглых окна актового зала. Там вручали дипломы и устраивали в основном музыкальные концерты. Эти окна были разделены 6 колоннами, на которых стоял прямоугольник с большими буквами: «УНИВЕРСИТЕТ». Он и был университетом, рядом справа в полукилометре располагался Медицинский Институт и ТУСУР, влево, если забраться в гору — корпуса Политеха. Где-то в недрах города затерялись еще 2 ВУЗа и куча филиалов московских и питерских учебных заведений. Каждый пятый житель — студент. Но «университет», само слово в Томске обозначало именно ТГУ — государственный классический университет. Денис почти не учился в главном корпусе, у журналистов был свой, но знал, что там в огромных аудиториях возрастает новое поколение, которым будет гордиться город, а возможно и вся страна.

В 90-ые область была нефтяным центром, да и сейчас природные ресурсы качали будь здоров, но в определенный момент по указке сверху, в стратегическом планировании появился важный пункт. Создать в городе, где на одной улице стоят 4 университета подряд, научный центр. Как с этой директивой обстоят дела сейчас Сибирский не знал. Но ему бы хотелось, чтобы власти сделали хоть что-то не «как обычно». Пережёванная жвачка обещаний подбешивала почти всех, с кем разговаривал Денис о судьбе и развитии города.

По бокам от дверей университета висели две таблички, на которых были выгравированы даты основания и открытия учебного заведения. Это был первый университет за Уралом, он котиrowался по всей России, стабильно по всевозможным рейтингам входил в 5 лучших ВУЗов страны. Впрочем, в столице свои нравы и дипломом можно было подтереться. Положительное мнение создавали другие успешные выпускники ТГУ. Этот шлейф когда-то помог Сибирскому.

Долго отдохнуть не получилось, мороз подгонял, подпिनывал, хватал под руки. Денис зашагал влево по дорожке, которая подсвечивалась новогодними синими гирляндами. Он обогнул главный корпус и увидел возле спортцентра припаркованный полицейский УАЗик. Денис подошел к водителю и узнал в нем толстяка, который подвозил его в дом Снегиревых. Слово за слово, и полицейский вспомнил журналиста, а дальше рассказал о том, что здесь в «качалке» нашли компьютер, с которого рассылались вирусные ролики после убийства «бракованного». Кашлянув, словно опомнившись, полицейский свернул беседу и продекламировал что-то невнятное о неразглашение информации о следствии. Однако Сибирский его уже не слушал, мозг сделал заключение. Крапивиной до этого места было рукой подать, она легко могла в любой момент прийти и написать эту глупую фразу: «разводись или смерть разлучит вас». Впрочем, Денис мало что понимал в семейной жизни и до мыслей о разводе, ему предстояло сначала жениться.

К 3 утра Кузнецова успела отоспаться после шампанского, которым ее напоил свекр. Разбудил звонок Федорова. Оперативник доложил о трупe адвоката Пучкова и раненом журналисте. Через час майорша уже была на месте преступления. Снег ночью не шел, следы не запорошило. Криминалист обнаружил на подоконнике два следа: 42 — от ботинка Сибирского и неизвестный 39 размера. Судмедэксперты сходу определили следы удушения, не связанные с веревкой, на которой был повешен адвокат. Убийство. Еще одно.

Труп Пучкова говорил о большом просчете следствия, «просёре» как высказался полковник Тамакин. Начальник следственного отдела быстро выстраивал логические цепочки и на утреннем совещании вывел две парадигмы. Зачистка свидетеля как минимум говорит о более-менее вменяемости убийцы, а второе — следующий труп станет для группы последним. Приедут из столицы и заберут дело. А «шестерить» перед московскими гостя Тамакину уже не по годам. «Это когда ты в Москву приезжаешь, смотришь на них и учишься. А когда они к нам, то только тыкают в..., показывая глубину непрофессионализма. А это тошно и вредит карьеризму». После слова «мобилизовались» стало понятно, что выходные и сон отменяются на неопределенное время. Кузнецова пошла срывать свою злость на раненого журналиста, но увидев его в больнице смягчилась и вновь ему уступила.

Весь день она пыталась найти хоть какие-то зацепки. Обзвонила всех свидетелей по делу Снегиревой, но ровным счетом ничего не было. Днем прибыла молоденькая секретарь Пучкова, проработавшая у адвоката меньше года. Информации от нее было мало: уважительный, добросовестный, внимательный как отец. Предыдущая секретарша сразу предупредила, что крутить шашни с холостым адвокатом не получится. В сексуальном плане

он аккуратист. Так в итоге и получилось ни одного намека новенькая от Пучкова не слышала. В офисе адвокат практически не работал. Всегда заказывал встречу с клиентами в ресторанах при гостиницах, в том числе при отеле, в котором взяли Снегирева. По словам секретаря, глаза загорались у Пучкова, лишь когда он слышал о своих бывших военных коллегах. В портфолио адвоката было с десяток известных историй. И многие он выиграл. Профессионал. Одно дело было совсем не похоже на остальные. Он помогал выбить компенсацию вдове узбека, который погиб на стройке при обрушении перекрытий. Похоже и про благотворительность не забывал. Военные коллеги подтвердили принадлежность Пучкова к их братству, но заявили, что встречались с адвокатом лишь раз в год. Общались в мессенджерах, на сообщения он отвечал регулярно, не отказывал в юридической помощи.

Кузнецова запросила банковские выписки адвоката, но финансовые аналитики обещали дать информацию только к следующему дню. А к вечеру молоденькая секретарша прислала список действующих клиентов Пучкова. Среди них было сопровождение и нескольких медийных людей. В том числе и психолог Крапивина. Майорша выяснила ее расписание и договорилась о встрече. Психолог могла пролить свет на два вопроса: криминальная составляющая чистого как лист адвоката, что заставило его участвовать, и почему о личной жизни Пучкова ничего неизвестно, как будто он был 40-летний девственник.

Адрес, который прислала Крапивина, почти совпал с тем, где «ловцы хакеров» нашли следы появления вирусного ролика. С криминалистами не выспавшаяся Кузнецова прибыла в спорткомплекс Университета, где в камерке фитнес-тренера стоял комп, откуда по соцсетям улетал вирусный ролик с призывом развестись.

Пока следственная группа работала внутри спортцентра, Сибирский шел на встречу к Крапивиной. Ему казалось, что он вот-вот возьмет преступника. Второй корпус снаружи был больше похож на общагу или четырехэтажную «хрущевку». Квадратное серо-кирпичное строение, с блеклым как длинные часы лекций видом. Внутри тоже хворь — глазу не за что зацепиться. Томная светло-коричневая плитка с большой выслугой лет и мокрые следы студентов, создававшие грязную кашу у входа. Слева от рамок металлоискателей, как в период учебы Сибирского, студенты кучковались возле кафешки, где можно купить плохо перевариваемую пищу. Денис спустился в подвал и стал бродить в поисках необходимого помещения.

Психолог сидела в аудитории на 20–30 человек со старыми коричневыми партами под наклоном. Едва войдя в дверь, Денис столкнулся со студентами, которые выходили после зачета. Сибирский дождался, когда Крапивина останется одна.

— Я Вам звонил. Сибирский Денис.

— Ах, да. Срочно. Вам точно надо срочно?

Журналист снял шапку и обнажил повязку. По его мнению, это должно вызвать эмоциональную реакцию у Крапивиной, но просчитался.

Преподаватель психологии не обратила внимание на его раны, а закопалась в листках, которые ей отдали студенты. Зачетные работы она аккуратно сложила в файл, или как говорят в Томске в мультифору, и убрала в сумку. Закрывает ее и поставила на парту. Она поправила волосы и указала на место, с которого можно задавать вопросы. Сибирский уселся напротив нее и еще некоторое время смотрел, создавая своей мимикой разнонаправленность настроения предстоящей беседы.

— Свадьба 28-ого, через два дня.

— Поздравляю. Не помешает, — Крапивина указала на повязку.

— Я, если честно, не за этим.

— Следовало ожидать. Хотя сразу вам скажу, страх перед значимым событием это нормально, все волнуются и сомневаются, но в сущности, что есть наша тревожность. Мы боимся будущего. А Вы знаете какое оно будет? Нет, и я не знаю. Может быть мы умрём прямо вот здесь, в аудитории, — Крапивина так улыбнулась, что холодок побежал по спине, а сосуды травмированной части головы вновь запульсировали. — Вы же приняли решение и знаете его.

— Вы знали Эльвиру и Василия Юровых? Возможно вы их консультировали.

— Элочка такая с псориазом на лице, вся запудренная, да?

— Не знаю, я только труп двухлетней давности видел, — Денис зря вел себя агрессивно, Крапивина явно была не настроена на открытую конфронтацию. — Когда тело эксгумировали.

— Вы здесь как частное лицо?

— А погибшего возле ЗАГСа, Олега тоже консультировали?

— И Снегиреву. На этом допрос считаю оконченным. Вечер. Я устала.

— Художник Артамонов?

— Нет, его не знаю. До свидания, молодой человек. Вызывайте на допрос, если надо.

Крапивина встала из-за стола.

— Вы связаны с тремя жертвами, вам не кажется это странно, Вы не хотите отвечать, и у Вас наверняка нет алиби. Это вы меня из окна выбросили? За что?

— Крапивина встала из-за стола и нависла над журналистом, тот слегка отпрял назад. Психолог улыбнулась своим лицом со шрамом, взяла со стола шапку похожую на ту, что была у Нади в «Иронии судьбы» и так мягко сказала:

— Идите вон. Мне неприятно с Вами продолжать беседу.

Крапивина надела шапку, и направилась к вешалке, где висела шуба. Махом накинула светлую норку и замотала вокруг шеи пуховую шаль.

— А со мной поговорите, — раздался голос Кузнецовой, протягивая удостоверение, майорша давала понять, что на беседе она настаивает.

Крапивина и в этот раз не повела и глазом. Шрам не колыхнулся ни на миллиметр.

— Я вас и ждала. Надеюсь, беседа пройдет без папарацци.

— Он не совсем журналист, входит в группу расследования и полученную информацию не имеет право разглашать. Может и остаться.

— Тогда адвокат, — четко проговорила Крапивина, но в тоже время сняла шаль, будто зная, что выиграла схватку. Кузнецовой оставалось подчиниться и выпроводить Сибирского за пределы аудитории.

Денис сидел на подоконнике полукруглого окна подвала, он настроил камеру смартфона на дверь и ждал, когда Крапивину выведут в наручниках. Мозг рисовал кадры фильма и репортажа. «Преступник арестован» большим шрифтом на первой полосе вырисовалось в сознании Сибирского. Тщеславие наградило Дениса Тэффи, а половой инстинкт подсказал, что Ольга непременно возгордится им и воздаст сполна за все эти пропущенные дни.

Ожидание оказалось его проблемой. Кузнецова мило попрощалась с Крапивиной, и психолог быстрым отстукивающим шагом удалилась по направлению к лестнице. Сибирский еще долго возмущался тем, что майорша только что упустила убийцу, которая сейчас пойдет и вздернет кого-то еще. Связь со всеми убийствами налицо. Она была

семейным психотерапевтом трех жертв.

— Возможно, она просто плохой психолог, но за это я ее посадить не могу. Других фактов нет.

— Алиби?

— Тут надо все проверять, естественно, что у одинокой женщины не всегда его можно найти. А, главное, мотив. Зачем все это?

— Да она же чокнутая. Какой мотив?

— Да, Крапивина подходит. Разумная с чертовщинкой в глазах, но пока, если честно, даже оснований считать ее подозреваемой нет. Нет никаких улик. А я действую только в рамках правового поля. Пойдемте, Вас подвезти?

Кузнецова улыбнулась. И пошла на мороз.

Ехать никуда не понадобилось. Недалеко от второго корпуса ТГУ в глубине университетской рощи располагался морг, где хозяйничал кореец Ким. Как только майорша вышла на улицу, Серов сообщил, что тело программиста и фитнес-тренера Егора оказывается пролежало в «трупной» весь день. Накануне вечером его избили битой и ограбили в Заистоке. Еще один мрачный закоулок сибирского города. Жена пострадавшего Катя приехала на опознание, и майорша решила устроить заодно допрос.

Алиби у жены было в порядке. Корпоратив и сотни свидетелей. На допросе худощавая Катя все время плакала, останавливаясь лишь, чтобы ответить кому-то в соцсетях. Вскоре появился Ким, взял девушку под руку и повел к телу. Жена признала мужа и, как показалось Сибирскому, даже успела зафоткать труп. Профессиональный фотограф Катя и правда скрытно и умело документировала весь процесс. Полицейские этого не замечали, но Денис спалил вдову, сам недавно ходил в храм со скрыткой. Катю выдало излишнее стремление занять хорошее место для съемки, чтобы никто не перекрывал кадр. Сибирский не стал об этом говорить, оставил козырь в рукаве.

После опознания, Кузнецова дала молодой вдове выплакаться и продолжила допрос. Вновь ничего путного потерпевшая не сказала, в основном мычала и подсматривала в смартфон, если запомнила какое-то событие. Мессенджеры подсказывали нужную информацию, но расследованию это не помогало.

— А к психологам вы не ходили? — Денис решил подогнать теорию под факты, что в определенных жанрах считалось допустимым приемом. — Например, Вам знакома психолог Крапивина? — майорша не давала журналисту перехватить инициативу.

— Да! То есть, нет. В общем Егорушка как-то предложил сходить, мол, есть знакомая и денег не возьмет за первую консультацию. Я не захотела, а он пошел. Помню, он сыпал мне вопросы в чат, а я отвечала.

Сибирский была доволен, еще одна связь жертвы и подозреваемой.

— А зачем ему или вам двоим понадобился психолог? — Сибирский знал ответ. Катя молчала, потупив взор. — Сейчас, чего уж там, можно не скрывать, — Денис ждал правды. — Он мне изменял, я это точно знала, но выяснять отношения боялась. — Боялись, что и вас выведут на чистую воду?

Катя закивала. А Сибирский готовился произвести контрольный выстрел. Как только она подняла голову и посмотрела в глаза журналисту он спросил:

— И когда вы ему последний раз изменяли?

Катя заплакала и только еле слышно прошептала: «вчера и сегодня». Она рыдала и неумолимо погружалась в ужас, который приоткрывает ад и небытие. Чувство вины

смешалось с реальностью и захлестнуло волной. Навзрыд и истерично. Теперь по-настоящему.

— Теперь давайте начистоту, за что его могли убить, намеренно?

— Это не я.

— Мы знаем, вы были на корпоративе, а вот ваш любовник, любовники?

— Нет, у меня на этом корпоративе и завязалось, он даже не знает, что я замужем, — Катя опять заплакала.

— Уже не замужем, — цинично заявил Сибирский. — Если не любовник, то кто?

— Я не знаю, — глаза Кати блеснули. — Утром он говорил о калыме, спешил на работу. Он же программист, но работу по специальности не найти, вот фитнес-инструктором и работал. Поставил железо в каморку и халтурил заодно. Ему кто-то заказ слил. Мы финансы отдельно вели друг от друга, так что о какой сумме речь шла, я не могу сказать.

— Знаете, что он делал, — Сибирский повернул свой телефон экраном к Кате. На мониторе была та самая гифка с надписью «разводись или смерть разлучит вас». — И кстати, удалите, пожалуйста, все фотографии с нами из телефона. Вздумаете еще в Инстаграм выложить. А быть на вашей страничке совершенно не хочется.

Трупы сыпались на журналиста словно камни, и отворачиваться от чужих слез уже не хотелось. Своим циничным допросом он напротив увеличивал боль и не щадил ни себя, ни тех, кого интервьюировал. Голова разболелась, парацетамол не помогал.

Катя закивала и разблокировала смартфон, чтобы удалить фото, а Кузнецова по-новому взглянула на журналиста. К разгильдяйству, уму и находчивости она прибавила характеристику «циничность» и поставила еще один плюстик. Майорша наконец признала, что Сибирский ей был симпатичен, но оправдывалась тем, что журналист попадал в категорию мужчин, которые всем своим поведением влекут женщин. Манкий, так она их называла. Ее муж был другим, сексуальность его была в интеллекте. Сибирский же притягивал к себе манерой поведения. Дерзкий и в то же время отстранённый. Как будто его не интересовал секс. Однако сами фразы и обороты речи обволакивали словно пуховая шаль, женщина в таком разговоре чувствовала себя женщиной, сексуальным объектом, даже когда такие мужчины говорили о кофе, трупах и скандинавской ходьбе.

Когда Катя ушла Сибирский принялся анализировать допрос.

— Странная парочка. — Согласна. Супруг изменяет — идешь в ЗАГС и разводишься. Точка. Тем более детей совместных нет, — сказала Кузнецова, прикусив язык.

— Не все так просто, — это упитанный участковый со свинячьими глазами и шапкой набекрень вошел в кабинет Кима. — А я все слышал, стоял у дверей и ждал, когда закончите. У этих, ну который того, битой, у них была ипотека. Совместная. В одиночку тянуть проблематичненько. Только в складчину или отказываться от ипотеки и терять все денежки, которые они за три совместных года выплатили. Капкан.

— Мотивом тут не пахнет, — Кузнецова поджала губы о чем-то задумавшись.

— Психологически она выиграла. Проблема с мужем ушла, — Денис усмехнулся. — А квартира. Скорее всего банк пойдет ей навстречу — сделает перерасчет увеличив срок выплаты и уменьшив ежемесячную сумму или вообще даст отпуск на выплату кредита, полгода-год. К этому времени эта девица найдет того, кто будет осуществлять ежемесячные взносы. Стратегически эта девушка от смерти мужа только в плюсе.

— Разводись или смерть разлучит Вас. Какая-то шутка, — Кузнецова задумалась, что возможно, убийца действительно есть и убивает, чтобы развести ненавистных друг другу

людей. Освободить их от уз Гименея. И Крапивина была бы идеальным кандидатом на звание этого маньяка. Сибирский словно прочитал мысли Кузнецовой и добавил:

— Такое могла придумать только Крапивина. Ты видела ее бицепсы. Она к своему полтиннику в прекрасной в форме: плечи здоровые, труп мужика занести на лестницу сможет без проблем. И связь с 4 жертвами. Кстати, как убили Егора?

— Битой.

— Воот, — протянул Денис. А участковый достал сигарету, но мял в руках ее как бы прося разрешения у старшего по званию.

— Но это скорее всего шпана. Жена же сказала, что кто-то ему должен был передать деньги за калым. Он что-то программировал, — участковый был посвящен не во все детали расследования.

— Вирусный ролик! — хором сказали Кузнецова и журналист.

— Он программировал вирусный ролик для Крапивиной. Я не верю в вашу шпану.

— Но денег мы не нашли. Видимо обычный гоп-стоп. Кто-то перестарался, а в такой мороз сознание потерял — замерз в сугробе. И каюк. Случайность.

Ким принес зажигалку и дал участковому возможность закурить, а Денис инстинктивно полез за драже с кофе, но карманы были пусты. Кореец покопался в шкафике и вытащил еще одну пачку.

— Мне бы еще обезболивающее, — попросил Сибирский.

Кореец дал какую-то таблетку.

— Причина смерти — ЧМТ, тупым предметом. Височная область. Бита подойдет.

— Значит, не замерз, — упитанный со свинячьими глазами участковый Марченко о чем-то задумался, достал телефон и пульнул кому-то короткое сообщение. — Биту мы нашли — она в вещь доках. Я сфоткал. Вот.

— Участковый протянул смартфон. На бите был герб какого-то спортклуба. После недолгого блуждания по интернету выяснилось, что лейбл принадлежал команде Иллинойского университета.

— У нас преступлений совершаемых с помощью биты в два раза больше, чем официальных матчей по бейсболу. Так что ничего удивительного.

— Вы говорили про шпану, а имена, явки, пароли у них есть?

— Конечно. Они обычно собираются как вампиры ближе к полуночи, у себя в подъезде, скоро поедем туда и всех возьмем.

Кузнецова попросила сообщить письменно о результатах ареста и обещала прислать подмогу в лице Серова, глянула на смартфон и удалилась. Звонил криминалист Виктор — он осуществлял экспертизу видео, а за премию осуществлял поиск картинки с места преступления. Виктор был одиноким, терпеливым и жестким парнем. Если ему давали задание он выжимал все из полученных материалов. Ему предстояло анализировать более 7 часов видео с разных камер, за час до убийства возле ЗАГС и после. Ничего примечательно с первого раза заметить не удалось. Камеры палили в другую сторону. Помог анализ марок авто, которые ехали. Благо, труп подкинули рано утром и машин в это время проезжало мало. Кремовых праворуких прадигов в городе было полно. Номера были залеплены снегом, расшифровать удалось лишь одну цифру региона. Но новость, с которой Виктор позвонил касалась водителя. Он изложил все процедуры своего поиска, отметил, что в суде логику его действий могут не принять, но для дальнейшего следствия его выводы могут пригодиться.

— Есть основания полагать, что убийца женщина. На фото из машины на пассажирском

кресле можно разглядеть женскую меховую шапку. Плюс тонкие руки на руле.

— А лицо?

— Не видно. Солнцезащитный козырек мешает, хотя какое солнце в 6 утра. И это тоже доказывает, что человеку есть что скрывать. Смешно. С одной стороны, ты прячешь лицо, с другой указываешь, что в машине убийца.

— Виктор, не хотите ли перейти в следственный отдел?

— Спасибо, но нет!

Кузнецова следом позвонила Федорову и попросила собрать информацию на Крапивину.

После ухода майорши, Сибирский так и остался сидеть, размышляя о чем-то. Когда пришла идея, он позвонил знакомой гримерше Алине и попросил приехать. Денис кратко рассказал план поимки шпаны участковому. Сибирскому хотелось быстрого результата, надо было, чтобы правда всплыла как можно раньше, поэтому арест шпаны предлагал провести творчески. Участковый Марченко оказался не лишен чувства эстетического, и со всем согласился. Или у него был свой интерес.

Архив/Алина/ Грим/ файл 60002

В гримерке стояла жара. Алина все время промакивала гостью салфеткой. Электрические грелки на стенах до того озверели в мороз, что небольшую комнатку с двумя зеркалами превратили в настоящую психоделическую баню. Оставалось только пудрой хлопнуть в ладоши, чтобы белый порошок словно пар воспарил в душной гримерке. Коллега работала в топике, на Алине была черная обтягивающая водолазка. Она ей шла, подчеркивала стройность красивого тела. И скрывала боль.

Алина не первый раз маскировала шрам Крапивиной. Это всегда вызывало нервный холодок внутри. А после того случая она старалась избегать вообще какого-либо общения.

Пару лет назад они разговорились перед эфиром, хотя скорее это Крапивина щипчиками для удаления бровей выдергивала информацию из уст Алины. Гримерша немногословно, не так как подобает почти всем представительницам этой профессии, а осторожно, по предложению в минуту рассказывала о ревнивом муже. Крапивина похоже использовала весь арсенал своих психологических штучек, чтобы разговорить Алину, но та была в стальном коконе. Перед эфиром психолог по-кошачьи подошла к девушке, взяла руку и поблагодарила за макияж, а когда Алина расслабилась резко задрала рукав водолазки. Чуть выше запястья на коже цвета слоновой кости желтели следы от грубой мужской руки. Крапивина хотела схватить и ворот, но Алина уже отлетела в угол и автоматически подняла руки защищая голову. Голос редактора позвал гостей в студию и спас Алину от некомфортного, но важного разговора.

— Ты можешь в любой момент подойти ко мне, поговорить или прийти на консультацию. И к черту деньги. Он же когда-нибудь убьет тебя.

— Только не звоните в полицию, — прошептала Алина.

Крапивина позвонила. И через неделю гримершу было не узнать. Она ходила в открытой блузке. Психолог радовалась маленькой победе, хотя на заявление о побоях полиция отреагировала вяло. А что делать, если факты насилия Алина не подтвердила, а следы объяснила случайностью. После профилактической беседы супруги были сняты с учета. Стоило ожидать. Дело заведут только, если кто-нибудь из них сдохнет от удушья.

Водолазка на Алине сегодня была не отражением ее депрессивного состояния, не только по крайней мере, а жесткой необходимостью. Было, что скрывать. Когда гримёрка

стала принадлежать только Алине и Крапивиной, последовал короткий как выстрел вопрос.

— Опять?

Алина прикинулась, что ничего не слышит.

— Это же не может продолжаться вечно. И ты в этом не виновата. Слышишь? Это не твоя вина. Насилию нет оправдания. Никакого. Даже, если ты переспшишь со всеми мужчинами телестудии. Слышишь?

Алина слышала, но животный страх перед садистом-мужем был гораздо глубже. Редактор позвал всех по местам и Крапивина, взяв обещание с Алины никуда не сбегать, ушла в студию.

Программа «Давай поговорим» с ведущим Бойцовым иногда писалась поздно вечером. Телевизионных помещений ТВ-2 не хватало. Независимый канал душили со всех сторон. Обсуждали животрепещущую тему убийства у ЗАГСа. Дискуссия многоуважаемых людей, многие из которых были с ученой степенью быстро переросла в шквал взаимных оскорблений. Основная подкинутая умелыми редакторами версия — маньяк, обсасывалась со всех психологических и бытовых сторон. Так как доказательств было мало, эксперты принялись перемывать косточки предыдущим серийным убийцам. Больше всего досталось душегубу, который убивал проституток. Но тот, кто привык оппонировать всем и всегда, и здесь, нашел обратную сторону медали.

— Сама виновата? — спросил Бойцов, повторив слова одиозного политика, который всем огромным телом занял диванчик для двоих.

— Конечно, она напялила юбку из-под которой видно трусы, идет мимо пустырей и гаражей. Провокация. Кого она там пытается подцепить? Принца на белом коне? — толстый мясистый политик активно жестикулировал и потел. — Да она всем своим поведением, кричит о нехватке секса в ее душе. На ней же черным по белому написано «шлюха».

— Жиртрест! — крикнула Крапивина. — Жирдяй, Толстобрюхий, — голоса в студии стихли. — Ты немощный человек, который не может закрыть пасть, когда жрет. И все тянет в рот. У тебя на спине написано «Безволие». И это ты сам виноват! Простите, господин Фищук, искренне не хотела вас обидеть, я сейчас все объясню. С научной точки зрения, — поспешила Крапивина приглушить шепот возмущения. — Есть такое направление в науке виктимология, она изучает жертв преступлений. А виктимблейминг — явление, когда мы шельмуем жертву. Частично или полностью возлагаем вину на жертву насилия. Явление опасное, ведь обвинение клеймит жертву лишь по внешним атрибутам порой. И тот кто обвиняет не удосуживается даже узнать имя человека, его прошлое, обстоятельства жизни. Почему девушка пошла на панель? Очень часто в сексуальную индустрию попадают жертвы домашнего насилия. Отчим надругался, она от грязи отмыться не может, падшей себя считает и выхода не видит, кроме как подтверждать свое самобичевание и доказывать себе, что она действительно грязная шлюха. Обстоятельства, на которые она никак не может повлиять, травмы детские. Я не хотела Вас обидеть, господин Фищук, я бодипозитивна. И в моих словах нет правды. Я просто попыталась Вашими аргументами описать Вашу же проблему, которую все тут видят. Вы же не виноваты в своей толстоте? Я в это верю.

— У меня эндокринная система не работает.

— Вот и у девушки с низкой социальной ответственностью, как сейчас принято говорить, что-то не работает, у нее часто психологическая травма, но не разобравшись мы клеймим ее вместо помощи и лечения. В своей толстоте вы себя не вините и близко к сердцу принимаете оскорбления. А в итоге получается, это не насильник насилывал, а жертва

спровоцировала. Я не знаю, как к этому относиться, но, если ты не можешь сдерживать свою похоть или злость, то твое место на скамье подсудимых. Девочки же не по собственной воле порой оказываются на этих пустырях — у них сложная жизнь, и, возможно, в этом виновата эндокринная система, — смех в зале. — Но я хочу отметить, ни одна душа не виновата в изнасиловании. Никто не заслуживает этого. Ни одна! Вы слышите?! Оправдания насилия просто нет! — аплодисменты.

Алина слушала за дверью речь Крапивиной и чувствовала, как будто ее спич был обращен исключительно к ней. Он вдохновлял ее и заставлял бунтовать против страха перед мужем. Редактор приобнял Алину за талию и отпустил очередную похабную шуточку о том, что в такой мороз надо обязательно ходить в баню.

— Я с мужем. По привычке ответила Алина, — но в этот раз руку не убрала. Ей почему-то так хотелось мужского тепла и не важно, что это был мерзкий чмошник, который липкими словами обрабатывал каждую девушку.

— Да-да, помню, помню, муж, — игриво сказал редактор.

— Хотя, — она глянула противоречиво в глаза похотливому парню, и тот кажется сам испугался.

Однако это чувство свободы длилось секунды, где-то из далека древний мозг пропел свои страхи. «Если бы муж сейчас меня увидел — избил бы до смерти. Я действительно какая-то шлюха». Заслышав жужжание телефона, она оттолкнула прилипчивого редактора и ушла по коридору.

Звонил Сибирский. Старый друг, с которым она была в компании еще до замужества. Она знала, что он уехал в Москву, и его звонок мог означать только одно: «Я приехал — давай тусоваться». Алина всегда отказывалась от таких предложений. Муж. Но сейчас, наполненная словами Крапивиной, готова была плюнуть на все и окунуться в ту беззаботность, которая была еще каких-то 5-10 лет назад. «Свобода», — пульсом зазвучало в голове. «Никто не вправе тебя насилловать», — эхом отдалась речь Крапивиной.

Денис заговорил быстро, совсем не о тусовке. Сибирский совместно с полицией затеял какое-то представление и ему нужно чуток поправить прическу и нарастить баки. Все остальное — дело техники. Весь спич сопровождался словами «быстро», «как можно скорее». Такси уже ждало возле выхода из телецентра, и Алина только сев в замороженную ржавую семерку написала мужу сообщение-вызов: «Задержусь. Буду поздно».

Исходники/День 6/ Томск. 27 декабря/ На живца/ файл 60003

По словам очевидца, Коршун, полубандит и гопник с двумя ходками и двое его подельников избili битой Егора, обшарили карманы и ушли. Показания анонимны, так как свидетелю в этом районе еще жить, а дружки Коршуна стекла «перебьют». По этому глаголу Сибирскому стало ясно, что взять гопников с признанием, а именно такой был план у Дениса, полицейским тоже выгодно.

Алина прибыла в морг за полчаса до выезда небольшой оперативной группы, которую собрал участковый. Денис уже был в верхней одежде, которую нашли на трупе Егора. Микрофон прицепили на пуховик.

Оставалось подправить прическу, чтобы в свете ночных фонарей и морозного тумана напугать убийц. По прикидкам участкового, гоп-стоп превратился в убийство случайно, при этом он так ярко защищал Коршуна, будто это его племянник. Недоверие к участковому возникло на каком-то подсознательном уровне, поэтому журналист кинул сообщение Серову. Когда пришел старлей участковый как-то поник и понял, что дело гораздо серьезнее,

чем предполагалось ранее. Блеклый Серов сходу прибрал управление в свои руки. Без майорши он был куда деловитее и организованнее. Даже злость появилась. Сибирскому показалось, что он готов к повышению по службе, но ему нравится быть «приквартированным» к Кузнецовой.

Выслушав задумку, старлей покачал головой. План ему не нравился. Он не верил, что показания Коршуна повлияют на ход дела, но других зацепок не было. Добро на операцию он дал только после согласия Сибирского надеть бронежилет.

Перед тем как зайти в «трупную» Денис посоветовал Алине взять сигарету или кофейное драже. Гримерша не курила после замужества, но сегодня... Затянулась, откашлялась и вошла в кафельную комнату, где на полу лежали трупы. Помощник Кима проводил их до Егора и открыл его лицо. Алина вновь затянулась и вышла из комнаты.

— Фотки нет, а надо быстро, — оправдался Сибирский.

— А в соцсетях? Зачем надо было меня тащить к трупу? — Она была на взводе. Муж скоро начнет беспокоиться о ней, а тут еще и сигарета со вкусом чувства вины.

— Вот я кретин, — Денис демонстративно ударил себя по лбу.

Кореец принес бутылку коньяка и разлил по рюмкам, взбодриться перед операцией. Алина с мысленными проклятиями в адрес супруга хлопнула пойло и приступила к работе. Машинкой подбрила виски, налепила баки. Затёрла пухловатые губы Дениса и отпудрила кожу, так что она побелела. Так страшнее. Повязка на голове Сибирского играла пугающую роль, но Алина сделал еще одну фейковую рану. Наклейка в виде шрама под глазом.

— Подарок от киношников. Лет пять валялась без применения, — весело и задорно, а главное расслаблено пробухтела Алина и стала той самой беззаботной девчонкой, которую в студенчестве знал Денис.

Дальше легче. Они трындели о прошлом, о беззаботном. Гримерша поцеловала Сибирского в щеку и скинула в свой гримбокс все причиндалы. Заселфила с зомби-Денисом на фоне слова «морг» и поскакал объяснять все мужу. С запахом алкоголя и сигарет у нее не было шансов «не отхватить». Но кажется, ей уже все равно.

Сибирский, загримированный под Егора, стоял вместе с толстым сержантом под окнами подъезда, где сидел Коршун с подельниками. По плану журналиста он должен был явиться к шпане в образе зомби и напугать их до усрачки, чтобы на допросе они сознались во всем, но приехавший Серов постановку зарубил. Предложил играть классику. Руки за спину и допрос с пристрастием. Если понадобится, призрак появится в камере. Во время операции старлей позволил Сибирскому постоять на стреме. Сторожить окно.

Коршун и два его товарища сидели в подъезде между вторым и третьим этажом, потягивая пивас и раскуривая косяк. Как только Серов и участковый Марченко зашли в подъезд, ни думая ни секунды, Коршун сидящий возле окна открыл створку и махнул в сугроб. Следом полетел его подельник. Третьего Серов поймал и передал Марченко.

Коршун и его товарищ готовили отход. Приземлились в проверенный сугроб, перекатились и вышли на дорожку к Сибирскому и полицейскому. Два на два. Против Дениса оказался Коршун. От испуга журналист принялся играть зомби.

— За вами должок пацанчики — зло и хрипло прогрохотал Денис.

— Это не моя бита, — Коршун был почти трезвым.

— Труп, — просипел его подельник и рванул за гаражи.

Сержант последовал за ним. А Коршун достал нож. Сибирский зарычал как зверь, по-прежнему изображая призрак, махнул битой для устрашения. Коршун чуть остановился, и

этих несколько секунд хватило, чтобы прилетел Серов. Он ловко приземлился в сугроб, перевернулся и подскочил сзади, выбив нож из рук подонка. Далее Коршун не сопротивлялся. Он лишь кричал оскорбительные слова в адрес полиции и жизни в целом. Серов недовольно посмотрел на Сибирского, словно осуждая его за предстоящую взбучку от начальства.

Коршун молчал и ничего не говорил. А вот его поделщик, который видел призрак, упирался не долго. Серов разложил фотки трупа Егора и попросил чистосердечно признаться в убийстве, намекая на то, что можно обвинить Коршуна в организации и пойти по минималке, за соучастие. Трусливый поделщик сдал всех с потрохами. По его словам, главарь получил сообщение с наводкой о том, где и когда будет идти человек с деньгами. Взамен надо было побить жертву битой. «Слегка покалечить», — установка была такой. О «мокрухе» никто не заикался. Дело было настолько легким, а гонорар большим, что даже, когда Коршун вырубил битой «терпилу», то нигде не екнуло. Им казалось, что мужик, которого они грабанули, просто потерял сознание. Биту они сожгли. А утром от соседки узнали, что дело мокрое. "Коршун нам выдал еще по пятере. И успокоил. А нам че, не лишнее" — заключил поделщик.

Второй кореш Коршуна тоже молчал недолго, но припомнил еще один факт. Коршун бил жертву по затылку, а смерть наступила от раны в области виска.

— Был еще один человек! Он и подставил местных наркоманов. После ограбления добил жертву. По их показаниям битую они сожгли, тогда чья бита у нас в вещдоках? Смертельная рана на виске, а не на затылке. Это не Коршун, — участковый складно заголосил, а Серов подумал, что утренняя взбучка от Кузнецовой будет мягкой, результаты оправдали сложную операцию. Возможно, и этот труп связан с делом о «бракованной» жертве у ЗАГСа.

— Тогда надо узнать заказчика гоп-стопа. Марченко, иди к Коршуну и узнай все об этом. Можно без протокола. Если поможет, сменим Коршуну статью, на грабеж. А ты ограничишься выговором. Иди выручай племянничка, — Серов чуть не заорал.

— Сын близкой подруги жены. Жаль, что так у него все получилось.

— Главное, что, ты их не предупредил о засаде. Иначе бы сидел бы рядом. В камере.

— Я нет. Я же нормальный.

— Иди.

В Томске стояла глубокая ночь, но в Москве еще не спали. Денис сидел в морге у Кима, он только что смыл грим, переоделся и обдумывал звонок своей невесте. Отмена свадьбы — легкое и невыносимое решение. Спасительное и кардинально меняющее жизнь. Мозг искал зацепки, соломинки, якоря, чтобы сохранить текущее положение дел, но выхода не было.

Они познакомились в круглосуточной кафешке в Останкино у главного входа. Денис был тогда в непродолжительных, но стремительно заканчивающихся отношениях. Вережки надо было распутать и ничего путного как, «приударить за ведущей новостей», ему в голову не пришло. А Ольга запала на него со всей веселостью и уже через неделю согласилась остаться ночевать в его съемной однушке. Денис балансировал между двух огней еще пару недель пока не осталась только Ольга. Она была лучшей из всех, кого он пока встречал. Надежной, светлой и пылающей во время приступов ярости. Сибирский никогда не рассказывал невесте, что в самом начале отношений у него параллельно была еще одна пассия. А со временем мозг почти стер это из памяти. Они прожили несколько лет прежде чем решили расписаться. Ольга всегда была против командировок Дениса, да и вообще

«трупную» писанину ненавидела искренне и пламенно. Хотела, чтобы Сибирский стал начальником, получал много, работал мало и всегда был с ней. Вот и эту командировку она встретила с искренним гневом, душем из отборных ругательств. Рассказывать невесте о своей травме головы Сибирскому не хотелось, и он весь день откладывал момент звонка, пока не приперло.

Он быстро рассказал, что врачи запретили ему лететь следующим утром и, что к свадьбе он никак не поспевает. Дорога на поезде займет 2,5 суток. Невеста молчала, видимо ее гнев был за пределами выражений. Сибирский предложил ей приехать в Томск и быть с ним до тех пор, пока доктор не разрешит летать. После паузы Ольга выругалась, и перед тем как отключить звонок пожелала небольшому сибирскому городку провалиться в ад.

Это был бы не плохой вариант, по крайней мере тепла бы в Томске прибавилось. Шкала на термометре и не собиралась расти. Красный столбик еле высунул нос из микрорезервуара. Холод. Холод. Жуткий холод. Денису показалось, что за всеми этими оскорблениями все-таки есть еще тепло и Ольга вскоре отгадет. Ее можно понять, все-таки срыв свадьбы для любой девушки пугающее событие. А вкупе с рептильной суеверностью женщин это событие может оказаться решающим в жизни пары.

Ехать к сестре и будить детей не хотелось и Денис остался спать в кабинете Кима. Он снял с головы повязку, оставив только пластырь на затылке и завалился на старый провонявший грязно-красный диван. Снились трупы и сверкающий нож Коршуна. Под утро явилась Кузнецова голая во сне, одетая наяву.

Исходники/День 7/Томск. 28 декабря/ Профилактически посадки/ файл 60004

— Два варианта, — без раздумий гавкнула майорша.

— Первый Крапивина, второй какой? — приоткрыв глаза спросил Сибирский.

— Нет. Других два варианта. Поезд или автомобиль? Сегодня 28 декабря. 31 будете в Москве. Успеете к Новому году.

Денис сел на диван, на колени опустил дерюжку, которой укрывался и подогнул ноги, чтобы не мерзли.

— Злишься? — Сибирский растер глаза, вот уже какую ночь не удавалось выспаться.

— Уже и на «ты» перешел. Молодец. Скоро господин журналист, вы у нас табельное оружие потребуете.

— Потребуешь. Пора уже сбросить формальности, — Денис глянул на следователя, наморщил лоб и искренне начал врать. — Прошу прощения, лезть куда не следует больше не буду. Все делал под присмотром ваших коллег, но, когда увидел перед собой человека с ножом, струсил. Подумал всё, но... Понял насколько же опасная у вас профессия, — неадекватная мимика Сибирского заработала на полную, и картина Кузнецовой представлялась достоверной, а речь смахивала на реальное прозрение и раскаяние. — Я вчера не пил, но похмелье почему — то мучает. Страх, кошмар. Я всю ночь на философские темы размышлял. Вспоминая стальной клинок думал: «как страшно работать полицейским». У вас, наверное, как-то притуплен инстинкт самосохранения. Серов без раздумья кинулся на Коршуна с ножом. Это же надо безбашенным быть. Я не такой. Я боюсь.

Утром Майорша получила очередную взбучку от начальства за отсутствие результатов. По телефону Джонни опять паразитировал токсичными разговорами о своих отношениях с отцом. Пламенную речь Сибирского она слушала в пол-уха, зная итоговый результат.

— Хорошо, что ты... — она взяла паузу, и добавила. — Вы все поняли. А инстинкт самосохранения у нас в порядке. Притупляется он из-за обостренного чувства

справедливости.

— Самообман.

— Что-то вроде этого.

— По делу «бракованного» есть какие-нибудь новости?

Сибирский опять увлек ее в разговор об убийстве, заставил забыть неприятности и погрузиться в рабочую атмосферу. Именно этого разговора она ждала, готовилась и даже хотела. Попутно майорша поймала себя на мысли, что с этим журналистом ей чертовски комфортно.

— У жены «бракованного» было много мотивов для убийства. Капитан Федоров нашел товарищей убитого — охотников, с которыми он собирался провести праздники. Никакой охоты не предполагалось, как и всегда. Из ружей стрелял по банкам. Добычу покупали у местных пацанов, а сами бухали в загородном доме.

— С девушками легкого...

— И тяжелого..., — Кузнецова хмыкнула, прищурилась и улыбнулась. — Как вам это удастся? Я шла, намереваясь выгнать Вас, тебя взащей в столицу, а теперь мы активно обсуждаем дело.

— Я тоже в каком-то смысле «бракованный». Моя мимика отличается особой подвижностью. И когда я говорю, мышцы лица группируются таким образом, что собеседник верит каждому слову.

— Перестаньте издеваться, Сибирский. Я Вас прощаю, потому что вам повезло и расследование продвинулось, но в следующий раз не участвуйте в полицейских операциях.

— Измены — вот ключ, а Крапивина убийца, — перебил Денис, выводя разговор на другой уровень. — Крапивина консультировала Дину, жену убитого.

— Денис, журналистские аргументы далеки от фактов, которыми можно апеллировать в суде. Есть косвенные доказательства, что убийца женщина. И многое указывает на эту даму со шрамом однако непонятно вот что. Мотив.

— Мотив? Психолог убивает своих клиентов, потому что сбрендил и ей голоса вещают «убей» или инопланетяне пальцем указывают — «Этого», — Денис смешно изображал сбрендившую Крапивину.

— Это не мотив, с этим в сосновом бору, в психушке лежат. А она Пучкова выследила, подстроила самоубийство Снегирева, и сделала перфоманс с трупом возле ЗАГС. Это называется заранее спланированные убийства, поэтому необходим мотив. Для чего? Какова финальная цель?

— Кстати, айтишники, — вспомнил Сибирский, — они что-то выяснили?

— Вечером перед убийством возле ЗАГСа Егору пришла гифка в письме, которую он должен был массово разместить в соцсетях. Удалось выследить и комп-отправитель, точнее гео-метку. И она в фитнес-центре, где также находится...

— Офис Крапивиной, — Денис присвистнул.

— Это место ты знаешь. Кабинет находится в здании, где мы поймали Кепку. Там она киллера и нашла. Или сама занималась боями на ножах. Ты ее шрам видела?

— И все-таки мотив не до конца понятен. Надо проконсультироваться с нашим криминальным психологом и скорее всего подключать ФСБ. Нам просто не хватит компетенции.

— Как в фильмах. У нас пару дней, чтобы поймать убийцу и прославиться.

Кузнецова улыбнулась, Сибирский был прав. Денис слегка расправил мятую водолазку,

под одеялом застегнул ремень джинсов, который он расстегнул во время сна. Кузнецова опустила глаза, чтобы не смущать симпатичного ей журналиста, и достала из сумки банку с эспрессо, которую она ему принесла.

Взбодрившись Сибирский дозвонился до оператора недельной итоговой новостной программы, для которой делал репортаж. Тот уже улетел в Москву, и по прилету должен согнать на компьютер видео и отдать интервью на расшифровку.

Денис присел на черный кофе в кафе, вскоре тексты спикеров посыпались в почту. Журналист стал сочинять репортаж про сибирского «бракованного». Про Крапивину нельзя было написать и полуслова, так он обещал Кузнецовой. Да и новостники бы не поняли бездоказательной писанины и зарубили бы репортаж. Плюс ни одного подтверждающего интервью, ни слова о Крапивиной. Поэтому оперировал только имеющимися фактами. Полутонами и намеками он отразил историю одного убийства на 6 минут. Акцент в начале репортажа был сделан не столько на расследование, сколько на попытке понять какие неурядицы в семье сподвигли жену убить супруга. В середине репортажа Денис подвесил вопрос: "Зачем Дине спектакль возле ЗАГСа с надписями кровью?" и перешел к другим версиям. В прямую в тексте не говорилось о маньяке, лишь намеками. Завершил текст философскими рассуждениями о словах из вирусного ролика. *«Если брак Дины и Олега был на грани, почему они не разводились? Возможно, убийца посчитал, что смерть — это действительно единственный выход из токсичных супружеских отношений? Как бы то ни было, очевидно одно: развод гораздо эффективней. После него жизнь точно есть»*. Поставив точку, он заказал пиво и медленно стал перечитывать репортаж, исправляя корявые фразы и «очепятки». Первый раз прошелся по тексту и изменил стилистику, поменял некоторые абзацы и синхроны местами, на втором круге сокращал слегка расплывшийся текст, упрощал предложения. Напоследок медленно прочел и проверил орфографию.

Поставив точку и отправив текст в редакцию, Денис допил портер и тут его осенило — он понял мотив Крапивиной. С этим и побегал к Кузнецовой, благо, кафе, где он сидел находилось рядом с домом майорши. Не терпелось выложить все мысли на стол, Денис спешил и позвонил в дверь три раза, как к себе домой. Он почувствовал негативный взгляд со стороны. В это время, Джонни, супруг Кузнецовой поднимался по лестнице и удивленно смотрел, как какой-то мужик трезвонит в его дверь. Майорша открыла в полотенце и взвизгнув убежала в ванную, слегка засветив голый зад.

— Я думала, муж вернулся из магазина, — прокричала она. — Даже в глазок не посмотрела. Полицейская, блин, на фиг, — последние слова были социальным оправданием своему стыду. Майорша надела халат, сняла шапочку для волос и быстро сообразила прическу кокон с китайскими палочками.

На пороге Денис стоял рядом с мужем.

— Это журналист из Москвы, дело «бракованного» ведет. Забыла, что он должен зайти. У нас сегодня съемки.

— Ты уже готова, я смотрю, — грубовато и саркастично произнес муж. Обычно он к приходившим коллегам Кузнецовой относился индифферентно, к Серову даже стал испытывать симпатию. Но после психологического онлайн-консультирования в голову стали закрадываться мысли об измене. Свои сомнения в любви он перекидывал на жену от чего и ревновал. «Любовь легко проверяется расстоянием. Сомневаешься, уйди на пару дней. Скандал придумай. Загляни внутрь, посмотри, что чувствуешь к своей жене, если не

захочешь возвращаться, значит и не нужно. Заведи интрижку, посмотри до куда захочется пойти» — онлайн психолог давала директивы к выполнению.

Палка выпала из прически и волосы упали на плечо. После атаки мужа, Кузнецова приняла оборонительную позицию и выстрелила в ответ.

— Напой гостя чаем, а я оденусь.

— Я понял мотив убийцы. Писал сейчас репортаж и тут меня осенило — вставил Сибирский.

— Тссс, — прервала Кузнецова. — Про трупы у нас в доме говорят только в крайних случаях.

Напряжение между супругами заискрило. Денис сразу замолк и почувствовал себя крайне неудобно, но убежать было поздно. Тем более через час им надо ехать к криминальному психологу, а это гораздо важнее чем этика. Джонни усадил его на кухне за стол, налил чай и даже кинул на блюдце шоколад, который совсем недавно купил в магазине.

Крики Сибирский слышал не все, контекста порой не понимал. Джонни ревновал супругу, отчитывал за то, что работа ее не отпускает даже дома, и, вообще, был в гневе. Майорша отбивалась непонятными для Сибирского словами о том, что Джонни виноват в преднамеренном убийстве в сговоре. И именно он организатор этого преступления, а Кузнецова лишь исполнитель. Она обещала, что на небе их покарают. Обоих. Супруг же гнул свою линию о неверности майорши и после небольших логических рассуждений пришел к выводу, что корреспондент не может прийти без оператора, а значит «не всё в словах жены правда». Логика в этом была, а отмазка майорши «снимает на телефон» не проканала.

— Ты как отец, все время врешь, — Джонни, кинул ноутбук в сумку, впихнул туда пару трусов и носков и ушел.

Кузнецова читала репортаж Дениса, но не могла сосредоточиться. Их отношения с мужем были не идеальными. Решение, которое они приняли месяц назад, майорша хотела забыть, но при любом маломальском скандале вспоминала и пыталась спихнуть всю ответственность на мужа. Это раскачивало лодку, да и отец Джонни, конечно, подкинул в его нестабильную психику проблем, но все-таки. «Почему он ушел, столь демонстративно? Как будто ему кто-то подсказал этот выход», — крутила версии майорша. Мозг не мог больше думать о супруге и переключился на другую доминанту. Убийство. Загадка. Кузнецова стала вчитываться в текст и увидела, то, о чем говорил репортер.

— Крапивина их разводит. У нее бзик, что она не может помочь им преодолеть обстоятельства, которые мешают им разойтись и разводит их.

С этой идеей они и отправились к специалисту по душегубам. Денис возбужденно доказывал свою теорию криминальному психологу похожему на Хемингуэя, тот кивал в такт и говорил, что это хорошая логическая цепочка, и сделав паузу добавил — для сумасшедшего.

Если проанализировать те пары, в которых совершено убийство, то действительно напряжение в них существовало, но развод лишь только затевался, — рассуждал Герман Борисович. — Психологическая помощь в данном случае была выполнена, но не до конца. Почему? Вопрос к Крапивиной. Мне сейчас трудно предполагать что случилось, но такое возможно. Надо бы узнать была ли она у супервизора и когда. И самое главное, убийства сыплются как из рога изобилия. Должен быть какой-то щелчок, что заставил этого человека убивать чуть ли не каждый день. Я не удивлюсь, если и на завтра запланирован труп. Я

Ксюше Крапивиной симпатизирую, но оставляю эмоции в стороне. Лучше ее арестовать. Пусть это даже будет ошибкой, но мы попытаемся предотвратить новое убийство, ну или она перестанет быть подозреваемой. На что я надеюсь.

— Давайте на всякий случай и жену «бракованного» задержим и ее подругу, и мать с гипертоническим кризом. И еще кого-нибудь, кто совсем не алё к этому делу. А что? Подождем новый труп и исключим их из подозреваемых. Хороший план! — с сарказмом сказала Кузнецова.

— Вы зря не верите, преподаватели — творческие натуры, во всем. В том числе и убийствах. И если она считает, что только смерть разлучит их. Значит так и есть. Вот только знаете, поищите личный мотив. Ревность, предательство, месть к кому-то из жертв или потерпевших. Тогда пазл сложится.

— Новый труп не оправдает Крапивину. Отсутствие убийств не даст повод засадить ее в тюрьму.

— Но, это даст информацию вам, стоит ли копать в ее сторону. А когда знаешь куда копать, клад найдётся.

— Логично, — Сибирский согласился с психологом. Кузнецова хмыкнула. В конце концов, косвенных доказательств, чтобы оставить Крапивину в изоляторе у нее достаточно. Да и дело идет о жизнях людей.

Архив/ Роман Алины/Кровь на губах/ файл 50005

Губы и десна болели, так что зубная щетка еле пролазила между ними. Между ног покалывало и зудело. После вспышки ревности Рома всегда переходил к изнасилованию. Алина сопротивлялась только для вида. Знала, что его это возбуждает. Внутри плакала и терпела боль, потакала всем его фантазиям. Идти на работу не хотелось. Утреннюю смену она перенесла, но ведущих дневных новостей гримировать некому. Впрочем, сначала надо было замаскировать себя.

Вчера, вернувшись на такси домой Алина заявила мужу: «если он ее тронет — она пойдет в полицию». Алина по-честному рассказала, чем занималась и поклялась всеми святыми, что никогда не изменяла. Но стоило ей запнуться, на вопросе: «Даже в мыслях?», как пощечина сбила ее с ног. Вкус крови был знаком и приглушил все свободолюбивые мысли. Организм сосредоточился на выживании. Только бы вновь не прилетело. Алина залепетала, признаваясь в любви, но свирепый ревнивый муж уже не верил её словам. Все ее фото с Сибирским муж посчитал заранее просчитанной ситуацией и только больше углублялся в оскорбления. Брал ее за волосы подводил к зеркалу, чтобы та посмотрела на свои похотливые глаза. Он сдирал одежду приносясь к ней, а когда почувял запах алкоголя и сигарет взревел окончательно. Алина знала, что надо прикрывать голову. Особо не помогло, после удара в живот она раскрылась и получила по губам. Дальше по сценарию шло изнасиловании. Муж требовал, чтобы она клялась больше не изменять ему, хватал ее за волосы и принуждал к сексу. Он затащил ее в ванну раздел догола и отымел. После эякуляции выдохнул, взял футболку и пошел пить пивас на кухню под телек.

Следы грубого проникновения остались на кафеле. Алина присела, ощутив еще раз боль между ног. Она вытерла жидкость тряпочкой, упала на пол и завывала.

Роман дважды брал отгул и следил за своей женой из засады. Оба раза в бинокль он наблюдал как жена непринуждённо ведет беседу с ведущими, которых гримировала. Некоторые даже обнимали ее за талию. За обедом она хохотала с подружками, а вечером шла выпить пива. В компании мальчиков и девочек было три на три. Посиделка закончилась

быстро, обошлось без ухаживаний, но вернувшись домой Алина утаила некоторые факты. А именно сказала, что компания была исключительно женской. Уже тогда он хотел ее прибить, но только изнасиловал, в первый раз. Он убеждал себя, что это лишь принуждение к исполнению супружеских обязанностей. Более того кажется увидел в глаза жены страсть и желание. Наверное, так оно и было, Алина любила мужа, и сопротивлялась не сильно и не отчаянно. Спустя неделю жена вновь задержалась, и Рома по ее взгляду понял, что она ему изменяла. Вновь юлила и говорила, что сидела с подружками. Но вот беда, один из парней уже выложил фотку в соцсети. Алина отмазывалась, говорила, что не хочет вызывать ревность и расстраивать. А так, она самая святая на свете жена. Кажется, во второй раз она была готова, что муж набросится на нее и совсем не сопротивлялась, хотя в глазах уже потухла страсть, та что была в первый раз. Ревнивый ум сложил дважды два и постановил — жена трахалась на стороне, поэтому после измены притворялась, что мечтает о сексе с мужем.

Мать Романа в каждый разговор с сыном вставляла фразу о порочности снохи, и с садистическим наслаждением предлагала вывести Алину на чистую воду. Как она когда-то поступила с отцом Романа. До поры до времени Роман это пропускал мимо ушей, но об изменах трубили со всех утюгов, а на работе разговоры были кажется только об этом. Он трудился в брутальном строительном бизнесе, где баня и девки были синонимами отдыха. Жены лишь прислуживали им и терпели. Чуть ли не на каждой пьянке он слышал: «курица не птица, а женщина не человек».

Роман долго увиливал от связей на стороне, но после того как вывел Алину на чистую воду, напился и снял проститутку. А уже после своей измены стал лупить жену регулярно. Ревность становилась его манией, и все больше погружала его в войну с супругой. Однажды Алина заговорила о детях, но лучше бы молчала — воспитывать чужого выблядка Роман не собирался. Впрочем, и разводиться тоже. Садистская игра и властвование над женой уже доставляли ему удовольствие. Легче было ее задушить, чем обрюхатить.

Аудиозапись/Запись эфира «Минутка с Ксенией Крапивиной» от 11.11/ трек 50006

Крапивина ехала в полицейской машине. С особым садизмом жирный водитель нажал на кнопку увеличения громкости. По радио шла ноябрьская старая запись. Журналисты поставили ее под всеобщий хайп после передачи «Давай поговорим». Лирик задавал вопросы.

— Многие считают, что женщина сама провоцирует побои?

— Дети тоже порой провоцируют взрослых, и похлеще, обидно же, когда сопляк тебе правду в лицо. НО! Это статья. Бить ребенка — статья, бить женщину — статья. А каких провокациях вы говорите? Обидное слово, действие. Есть нормальные способы реагировать. Нет сил терпеть — уходи, решай проблему. Не существует таких слов, за которые можно избить женщину. Просто разводишься, пока ненароком не прибил жену, или она тебя.

В этой ситуации слова звучали еще злоеющее и полицейский-водитель почувствовал холодок. Крапивина же смотрела в окно.

— Я допускаю, что не все умеют держать эмоции под контролем. Но если есть прецедент, то надо разводиться, надо мужчине или женщине, которая бьет супруга, такое тоже встречается, надо идти на курсы управления гневом, идти к нам, к психологам. Но раз и навсегда надо запомнить: бить супругу нельзя, это противозаконно и с этим нужно бежать, я подчеркиваю, бежать за помощью. Пока не поздно.

— Жутко прямо, если честно. Берегите себя, — завершил спич Лирик и начал

прощаться с радиослушателями.

Исходники/ День 7/ Томск. 28 декабря/ Битой по разговору/ файл 50007

Серов привел Крапивину в комнату для допросов. В это время криминалисты обыскивали ее квартиру и гараж. Федоров опрашивал соседей. А Сибирский искал оператора для фильма, в чем убеждал продюсершу, нового директора программы, Машу. Общение туманилось, каждый участник разговора понимал подоплеку и подтексты. Денис решил вскрыть карты, развеять "околоразговоры" и попросил Марию Витальевну обеспечить ему всестороннюю поддержку в производстве его последнего фильма. После этих слов директорша сменила гнев на милость и стала вновь профессиональной сучкой, которая может спродюсировать интервью хоть с убийцей, хоть с педофилом, хоть с самим чертом.

Крапивина категорически отказалась от публичного допроса и потребовала адвоката. Она немного растерялась узнав, что Пучков мертв, или сделала вид, но недолго думая позвонила другому юристу. Через полчаса Крапивина была под защитой и начался допрос.

— В бейсбол играете? — начала утомленная ожиданием Кузнецова.

— Предпочитаю теннис и фитнес. Качалка, — шерстяная кофта скрывала истинные размеры бицепса.

— А в США были?

Денис стоял за зеркалом и рассматривал Крапивину. Шрам и правда делал ее хладнокровной, но вот глаза, как будто устали бороться. Он почему-то несколько ее не боялся, хотя был на 100 % уверен в ее виновности. Кузнецовой нужны были факты.

— Вашингтон, Филадельфия, Иллинойс?

— Нет. Даже не мечтала. Вы, наверное, что-то имеете ввиду задавая такие странные вопросы, но я искренне не понимаю, о чем вы сейчас?

Кузнецова достала фотографии биты, которой убили Егора. И разложила их на столе. Адвокат предупредил, что отвечать на все вопросы не обязательно. Крапивина мотнула головой.

— Вы видели эту битую?

— Это как-то связано с убийством? Впрочем, по-другому и быть не могло. Эта бита очень похожа на ту, что мне привезла знакомая, Кораблева Олеся — замдекана психфака. Она была в Иллинойском университете получала какую-то премию, а я тогда попала в переплет, с меня шапку сняли. Вот она решил подшутить, предложила битую таскать с собой. Такой легкий психологический троллинг, — глянув на адвоката Крапивина продолжила. — Последний раз я брала ее в руки года 3 назад, когда делала уборку в гараже.

Адвокат одобрительно кивнул. Кузнецова глянула на телефон.

— А какая у Вас машина в гараже?

— Белый праворукий прадик. Правда, в мороз я на нем не езжу, гараж холодный, машину лень разогревать, да и аккумулятор слабенький. Я его домой отнесла, на всякий случай.

— Угу. Проверим. Сейчас команда криминалистов проводит обыск в вашем доме и гараже, — Кузнецова протянула адвокату копии документов. — Так вот по предварительным результатам следов взлома не обнаружили. Поэтому спрошу, кто кроме вас имел доступ к нему?

— Вы не сказали, кто и что сделал этой битой? — Крапивина дернула щекой, на которой был шрам. Майорша восприняла это как сигнал к атаке.

— А вы не сказали у кого был доступ к гаражу, — Кузнецова глазками стрельнула в

зеркало, где стоял Сибирский и Серов, говоря о том, что победа близка.

— Если точно не помните, можете не отвечать, — адвокат вмешался в ход допроса. — Моей клиентке необходимо вспомнить.

— Точно, кому-то давала, но забыла, — Крапивина взяла подсказку из зала и прошла на следующий уровень допроса.

— Где вы были позавчера вечером. С 22:00 до полуночи?

— Дома.

Телефон зазвонил в кармане Сибирского, он и не думал отвечать, только взглянул на имя абонента. Фото Ольги с игривой улыбкой появилось на экране. Он вышел в коридор.

— Привет. Только быстро, я на съемке.

— Я очень быстро. Свадьба должна была состояться 5 минут назад, ты опоздал. Прощай.

— Подожди, я же не могу прилететь, у меня башка разбита, любой ЗАГС даст отсрочку по медицинским показателям.

— Сибирский, я не дам тебе отсрочку. Я не военкомат. Пока.

— Я тебя люблю, дурочка.

— Но работу сильнее, — она повесила трубку и Денис автоматически рванул к зеркалу, за которым шла беседа с маньяком-убийцей, который скрывался под маской семейного психолога. Разговор Кузнецовой и Крапивиной погрузился в туманную обволакивающую структуру и никак не мог поместиться в сознание Дениса. Слова расплывались.

— Соседка подтвердила, что вы выходили из дома в начале одиннадцатого. Она услышала шум на лестничной клетке, пошла посмотреть и в глазок увидела, как вы выходите.

— Я была дома, ей показалось — Крапивина намерено села в закрытую позу, показывая собеседнику, что больше не желает говорить. Лицо ее покраснело и тем отчетливее стал виден шрам, который протянулся по все правой щеке.

— Вспотела, — Сибирский кинул реплику Серову, чтобы вновь включиться в процесс и на мгновение забыть об Ольге.

— Температура в комнате под 30, чтобы вывести из комфорта человека. Кузнецова поэтому в одной белой рубашке.

— Ага. И адвокат пылает.

— Это в своих мемуарах не пиши. Лишнее.

Алиби на убийство Ирины Снегиревой и адвоката Пучкова тоже не оказалось. Была дома. В итоге все складывалось. Все убийства и нападение на Сибирского могла совершить Крапивина. Все 5 трупов семейному психологу пока шить не стали, задержали только по подозрению в убийстве Егора. Адвокат о чем-то пошептался с психологом, и Крапивина смиренно пошла за полицейским, который отвел ее в КПЗ.

Денис от поспешности намыслил себе, что впервые увидит чистосердечное признание маньяка, поэтому остался слегка разочарованным. Кузнецова же была бодрой и веселой. Протирая лицо влажной салфеткой, она радостно улыбнулась Сибирскому и кажется простила его за все грехи.

— Можно вас поздравить господин журналист с первым раскрытым делом. Или оно для вас не первое?

— Первое.

— Я думала, вы позовете меня отметить, шампанское за счет командировочных?

— Да, конечно. Небольшие проблемы в личной жизни. У меня сегодня свадьба. А я здесь, — Сибирский натужно улыбнулся.

Кузнецова присела на стул.

— Тебе же нельзя лететь?! Хотя это не аргумент. Точно надо выпить. Меня дома тоже не особо ждут, — Кузнецова врала, ее вообще никто не ждал. Джонни ушел с чемоданом.

— Только не шампанское, от него болит голова, — безнадежно попросил Денис.

Еще не было и 7 вечера, когда в кафе напротив УВД майорша и журналист заказали четвертую бутылку игристого.

— У тебя с мужем тоже не лады? — по-дружески интересовался Сибирский.

— Он все время заставляет чувствовать вину из-за работы, но..., — Кузнецова запнулась.

— Это часть моей жизни и не хочу менять это, — Денис продолжил реплику, которая вертелась на устах у Кузнецовой.

— И никогда это не поменяется, — обреченно и грустно произнесла майорша, вздохнула и улыбнулась еще раз.

— Шампанского, — теперь уже бойко и радостно воскликнул Сибирский.

Они хвалили друг друга, разговаривали о том, насколько хватит доказательств, чтобы повесить на Крапивину остальные убийства и покушение на жизнь журналиста. Кузнецова пообещала выбить Денису медаль, для того чтобы невеста Ольга простила его. Сибирский уверял, что надо либо рисковать здоровьем и лететь завтра, либо начинать строить новую жизнь. Сказано было без подтекста, но Кузнецовой все равно стало приятно. Жизнь с мужем и временный разлад в отношениях приоткрыли глаза на других мужчин. Успешный московский журналист стал отличным объектом для грешных мыслей майора полиции. Ей захотелось, чтобы Денис ее поцеловал.

СКЛЕЙКА

Джонни сидел на кровати в отеле в трусах боксерах серого цвета и такой же однотонной футболке. Плоскогрудая проститутка по имени Снежана была абсолютно голой. Пахла она гостиничным гелем для душа и изменами. Джонни достал презервативы и телефон. Жена никогда не делилась своими успехами на работе, но в этот раз она сообщила, что поймала убийцу. Снежана с разбега завалилась на мягкую кровать и хихикая кокетливо перевернулась на спину, чуть сжимая колени. Ее рука прошлась по спине Джонни и тот ощутил холодок.

На севере области, когда болота покрываются льдом, раскатывают «зимники» — дороги в несколько сот километров. Ехать по обледенелой накатанной колее рискованное мероприятие. Особенно в такие морозы, которые стояли этим декабрем. Каждый год на таких «зимниках» замерзали несколько десятков людей. И всегда одна картина: обмороженные трупы рядом с полностью сгоревшей машиной. Иногда и вовсе без тел. Их уносят голодные волки. Автомобиль вылетал с трассы, застревал в сугробе, глох от лютого мороза или ломалась такая деталь, что починить ее невозможно. Ничего не исправить. Вышки сотовой связи отсутствовали. Наступала паника — момент выживания. Сначала жгли колеса в надежде что кто-нибудь проедет мимо и подберет. Когда они догорали поджигали бензин, машина полыхала недолго. Но судьбу и физику не обманешь. Хватало такого костра на 2–3 часа. Дальше только анабиоз и смерть.

Джонни один раз ездил по «зимнику» в минус 30 с отмороженным бизнес-партнером, которому невозможно отказать. Не заглохли, но адреналин зашкаливал. Пару раз уезжали в сугроб, но выбрались. Джонни зарекся больше ездить таким маршрутом. Сейчас ему казалось, что измена, чем-то похожа на рискованный трансфер по заледенелым болотам. Он закрыл глаза и повалился на постель. Голая Снежана залезла руками в трусы. В голове

пронеслась мысль: «По «зимнику» ехать не обязательно — можно переплатить и полететь на самолете». Звонок.

«Датая» Кузнецова подводила глаза в женском туалете, плечом прижимая телефон. Она не надеялась, что муж ответит. Уже 10 пропущенных. Взял. Пьяная майорша обещала мужу все бросить: «Пару месяцев поработаю, чтобы дособрать доказательства вины Крапивиной и все. В Таиланд, в Гоа и другие пляжи». Кузнецова даже всплакнула от радости представляя, как будет отдыхать с мужем. Джонни поверил жене и обещал вернуться домой. Снежана с удовольствием выслушала речи о любимой жене, и с еще большим удовольствием взяла деньги за тихую ночь.

Майорша убежала из кафе и ее сменил Лирик. Легкое сотрясение не прошло даром. Дениса вытошнило. Оправившись он вышел в зал кафе и вновь запил. Вот это была настоящая пьянка, когда дело сделано. То, что Сибирский называл «пьянкой после точки». И в деле, и в текст. В разнос. Как в старые добрые. С Лириком они вспоминали студенческие годы, и троллили друг друга. Серьезность напала на них только, когда речь пошла о Крапивиной. Лирик признался, что всегда боялся ее.

— Странные дела, дорогой друг. Вот она говорит правильные вещи, ты с ней соглашаешься, киваешь в такт, но чувствуешь какую-то непреодолимую страшную силу. Как будто тебя гипнотизируют и вот этот липкий противный привкус ее слов, он заставляет тебя противиться всем ее речам. Я как-то попросил помочь, нужен был телефон нарколога, для нашего общего товарища. Она дала, но я так и не решился позвонить, какой-то внутренний протест.

— У меня тоже есть телефон крутого нарколога, — слегка не в тему ляпнул уже серьезно накачавшийся Сибирский. — Художника Артамонова лечила. — Сейчас скажу, как его звали. Мобильник ускользал из рук журналиста, но он совладал с телом и отыскал нужный контакт. — Дружбану нашему надо помочь, звони лучше вот этому.

Телефонные номера оказались идентичными. Денис аж протрезвел. Найдена была еще одна связь Крапивиной с жертвой, с 6 жертвой и теперь пазл сложился окончательно. Сибирский набрал Кузнецову и сумбурно поделился тем, что Крапивину и Артамонова связывает нарколог. Майорша сразу осадила журналиста, связь между жертвами — это еще не доказательство причастности к смерти.

Это уже было не важно. Для фильма надо снять интервью с Крапивиной, хотя с другой стороны ее видео полно в интернете — она часто светила в программе «Давай поговорим». Друзья помогут. Все было яснее ясного. И можно отрываться.

В полночь друзья поехали к Вике, которая работала в клубе для тех кому за 25... Накатив пару шотов Сибирский совсем размяк и следующие два часа просто наблюдал за танцующим и беснующимся народом. Захотелось домой. Хотя, где он был родной край — там, где вырос в Сибири или Москве, где работал и жил. Задав себе этот вопрос, он понял, что тянуло его не конкретно в какую-то географическую точку, а к Ольге. Надев куртку, он вышел на мороз, достал пачку с кофейными драже, но закинув в рот конфету выплюнул эту дрянь на снег. Куртка была нараспашку и холодок пробрался до спины. Стрельнув сигарету Денис долго не решался ее подкуривать, но в конце концов задымил. В лёгких дым смешался с холодом. Сознание затуманилось, проблемы ушли на дальний план, как когда-то в студенчестве его перестало заботить хоть что-то. Мир вновь стал открытым для всех возможностей и удовольствий. Не было никаких обязательств. Трезвость с морозом проветрила голову. Выбросив окурки в сугроб, он вытянул вверх сжатые в кулаках руки,

закрыв глаза, на которых появились еле заметные слезинки. «Победа, — прошептал он. — Победа». Сибирский понял, как ему исправить отношения с Ольгой. От прояснения ситуации захотелось кричать. Голова закружилась и его опять вытошнило.

Лирик затащил его в квартиру и помог разуться. Вика постелила на кухне и еле мыча Денис погрузился на диван. «Вертолеты» одолевали и кружили, преследовали его словно преступника. Спустя полчаса винтокрылые успокоились, наступили сушняки, но вставать было опасно. Вскоре в коридоре загорелся свет. Голая танцовщица появилась на кухне. Она достала йогурт из холодильника и присела рядом с Сибирским вглядываясь и распознавая спит ли желанный гость. Денис зажмурил глаза и попросил Морфея поскорей его забрать.

Когда он проснулся, одежды на нем не было, как и воспоминаний о сексе с Викторией. Мысль об Ольге, которая казалось ему вчера великолепной, потускнела и перестала быть холодной, трезвой и морозной. Трусы оказались под подушкой и Сибирский быстро их натянул. Лирик уже ушел на свой ди-джейский пост и вот-вот должен был выйти в эфир. Вика радостная и веселая забежала на кухню и предложила приготовить аппетитный завтрак. Остатки вчерашней блевотины еще остались на губах, есть не хотелось. Денис согласился на кофе, но чуть позже попросил только холодного как снег молока. Сушняк был потушен. Сибирский зашарил рукой по дивану в поисках телефона. Вика метнулась и принесла заряженный на 100 процентов аппарат. Было два сообщения: от Серова и Ольги.

Ольга обещала подумать над предложением. Денис мотнул историю сообщений и увидел, что еще в три ночи он предложил невесте приехать к нему и устроить свадьбу 31 декабря. «Сексуальная зависимость. Блин.» Игривое состояние бывшей подружки только подтверждал его измену. «Может Ольга передумает? — затаилась спасительная мысль». Пережив страх и угрызения совести, мозг отпрял мысли о саморазрушении и принялся за созидание. В расчетах он успевал договориться с сотрудниками ЗАГС и устроить церемонию, но арендовать кафе под новый год казалось делом нереальным. Не в школьной же столовке со столами в виде буквы П. Винить похотливую Вику Сибирский не стал, он понимал, что в его неурядицах она виновата меньше всего. А может и не стоит начинать супружескую жизнь вот так с пьяной беспамятной неверности?

Вика нырнула на балкон и запустила прохладу. В ее руках появились пару листочков мяты. Она как-то сумасшедше посмотрела на Дениса и положила мяту в кофе с молоком. Необычный запах разнесся по всей кухне. Сибирский закрыл глаза, а когда открыл Вика уже сидела рядом. Совсем близко.

— А вы когда-нибудь думали о детях со своей невестой?

— Да, конечно, как все. Хотя это страшно.

Он не успел договорить, потому что наконец-то прочитал следующее сообщение. Серов написал, что Крапивину скорее всего выпустят в полдень. Появился новый труп.

— Еще один? — удивленно задумчиво прочитала Вика. — Ты же говорил, что все закончено.

— Значит, где-то ошиблись.

Исходники/ День 6/ Томск. 27 декабря/Мост влюбленных/ Фото 50008.jpg

Перила Каменного моста были увешаны замками с выгравированными именами. Даже те, которые повесили недавно заиндевевшие и были покрыты изморозью. Под мостом влюбленных, на замерзшей речке кто-то протоптал в снегу огромное сердце. Для красивого кадра. Энтузиаст и фотограф Жора Смирнов ради лайков развел акварель в ведре и накануне раскрасил в красный контур этого огромного сердца. Он фоткал влюбленные пары для

своего блога. Получилось волнительно и мимишно, да так, что фоловеров накопилось под 10 тысяч. Но снимок фотографа криминальной хроники Цурюпова собрал лайков еще больше. В кадре в огромном крашенном сердце лежал труп женщины с разбитой головой. Вытянутая рука тянулась к середине фигуры, где соединялись две выпуклости. Таким образом сердце получилось разбитым на две половины. По первым прикидкам — казалось, что она сбросилась с моста и пробила голову. Но тело лежало символично. Попахивало «постановой». Криминалист почти сразу определил: характер травм позволяет со 100 % уверенностью сказать, что черепно-мозговая травма, возникла не от удара о лед при падении с высоты. Вирусные ролики «разводись или смерть разлучит вас» вновь прокатились эхом по страничкам соцсетей.

Седьмая серия. Низкие температуры

Исходники/День 8/Томск. 29 декабря/Возвращение/ файл 70001

Шасси коснулось серого промерзшего потрескавшегося трескучего асфальта посадочной полосы аэропорта Богашево. Самолет с усилием, тормозил на этой стиральной доске. Квадратный лысый Мишаня встроенный в самолетное кресло открыл трезвые глаза.

После сообщения о поимке серийного убийцы, новый директор программы Мария Витальевна выискивала оператора, который согласился бы на командировку в праздники. Заодно, получив новые рычаги влияния, хотела проверить на вшивость операторскую группу, но те, тертые калачи, быстро сговорились: «Никто не едет, пусть работает местный стрингер». Она уже хотела записать в своей книжечке пункт о сокращении премий для операторской группы, но проблема решилась сама собой. К ней зашел Мишаня. Он принял волевое решение — встречать новый год в командировке и тем самым помочь и новому директору, и старым товарищам. Он имел ввиду Сибирского, а Мария Витальевна решила, что Мишаня просто жадный — за праздничные хорошо платили. Она вычеркнула пункт о мести в отношении операторской группы и сделала пометку напротив фамилии Мишани: «за деньги готов на все».

В праздники Мишаня всегда примыкал к тусовке земляков из Краснодара, но чем старше становились друзья, тем больше редела компания. Женатики обзаводились детьми и предпочитали в ночь на первое января засыпать под звуки курантов. Остальные расходились чуть позже, и, как казалось Мишане, бросали жребий, кто возьмет на себя обузу пить с ним до беспамятства. Была и другая мотивация ехать в Томск — похотливая Вика не покидала его мыслей. Что-то в ней было манящее, сумасшедшее и необъяснимое. Деньги за новогоднюю командировку были как дополнительный бонус. Не более. Вклад в банке уже позволял купить квартиру на окраине столицы, но заселяться одному не хотелось. Продолжал копить на двухкомнатную или даже трешку.

Пилот объявил, что за бортом минус 35, и Мишаня, сам того не замечая, крикнул и прокашлялся от этих слов, в такт местным жителям, которые соскучились по настоящему сибирскому морозу. Сев в такси он бесцеремонно, не боясь разбудить, позвонил шефу Сибирскому.

— Привет, — мягко по-кошачьи промурлыкала Вика.

— О, а где шеф? — удивленно и немного разочарованно воскликнул Мишаня, слотнул и продолжил. — Не помешал утренним занятиям?

— Дениска без пяти минут женат, Михаил, — она нарочно назвала его полным именем. — Мы кофе пьем. Приедешь?

— Да, и пожрать бы чего-то, в гостиницу до двух не пустят. Организуешь?

— По дороге пусть пожрет. Надо срочно ехать на каменный мост, работать, — голос Сибирского как всегда прозвучал твердо и по-рабочему. — Там труп. Адрес и ТЗ пришлю текстом.

— Будет сделано. Хотя спешить не к чему, обратно улечу только 2 января — других билетов не было, — последние слова он адресовал Вике, с надеждой, что та пригласит его праздновать Новый год. Но телефон уже был в руках у Дениса.

— Рад тебя слышать, бро! — искренне сказал Сибирский. — Как все сделаешь, звони.

...

Местные журналисты пока не успели разнюхать, что главным подозреваемым по делу о «бракованном» проходит Крапивина. Это и спасло майоршу от решительных действий со стороны начальника следственного отдела. Голова Кузнецовой осталась целой, хотя после вчерашней попойки болела жутко, пузырьки шампанского лопались под черепной коробкой каждую секунду.

Майорша спускалась к месту преступления по протоптанной дорожке. Ветер в русле речушки понижал температуру еще на несколько градусов и поднимал небольшой покров снега с пологих берегов, словно защищая реку от неожиданных гостей. Кузнецова подняла воротник, но игольчатые снежинки уже успели уколоть в заспанные глаза. Преодолев склон, она подошла к криминалисту, склонившимся над женским трупом, который лежал в неестественной позе. В образе жертвы было какое-то дурновкусие. Театральщина. Майорша присела, оглядела рану на голове. Отметила, что одежда была не по погоде. Посмотрела вверх на мост, словно выверяя возможность падения. Мысленно нарисовала траекторию полета, приставила транспортир и высчитала угол падения. Не сходится. Больше глядеть было не на что. Она хлопнула криминалиста по плечу, разрешая приступить к работе, а сама поплелась по раскрашенному контуру сердца, который кто-то так старательно вытоптал под каменным мостом. Она мысленно прокручивала вчерашние выводы психолога: «Трупы будут сыпать как из рога изобилия и очередное убийство почти доказывает, что Крапивина невиновна. Начинать сначала». Чтобы сосредоточиться она попыталась вдохнуть полной грудью, но чуть не отморозила легкие. К третьей неделе мороз уже порядочно поднадоел, даже местным и привычным. «Надо как можно быстрее найти мужа погибшей, так требует протокол», — подумала она и поспешила в теплую машину.

Телефон стоял на зарядке. Адвокат Крапивиной оставил 5 сообщений с требованием освободить психолога. Следом майорша получила звонок и от начальства. Старый боров полковник Тамакин уже сделал соответствующее распоряжение. Аргументировав, что «такой просчет им в СМИ был абсолютно ни к чему, а адвокат шантажировал оглаской информации». Следом затрезвонил московский журналист и потребовал оставить Крапивину в КПЗ, но выслушав расклад согласился с действиями следственной группы. Сибирский хоть и был слегка оголтелым журналистом, но мозг включал.

Кузнецова врубила первую передачу, оставляя ногу на тормозе. Она еще некоторое время тупила в середину снежинки на окне, которая от горячего воздуха должна была вот-вот растаять.словно в похмельном расплывчатом облаке пошатнулась устойчивая реалистичная версия «Крапивина убийца», и на горизонте появился силуэт отмороженного на всю голову маньяка, который решил терроризировать город ужасными убийствами. И расхлёбывать это ей.

Мишаня, завидев знакомый джип, подошел к майорше и постучал в дверь. Но Кузнецова лишь приоткрыла окно, сравнила журналистов со стервятниками и уехала.

СКЛЕЙКА

От Вики Сибирский поехал в морг. Вчерашняя сигарета в клубе развязала его волю, и он уже вовсю стрелял папироски. Зажав под носом вишневую, он вошел в «трупную», где лежало три тела. Справа лежал труп старого мужика, который покоился смирно, как будто во сне к нему пришел ангел и забрал с собой, по пути разорвав миокард. Посередине— женщина с моста словно рыба, пытающаяся найти выход из ледяного плена, отчаянно смотрела стеклянными глазами куда-то вверх. Она была одета в дорогую шубу, из-под которой виднелась пола вечернего платья, а на голове красовалась старая грязная шаль.

«Прямо со свиданки увезли», — подумал Сибирский и поглядел на соседние тела. У третьего трупа вместо головы к плечам был прикреплен замороженный кусок фарша. Казалось, кто-то на лице отбивал кувалдой танцевальный ритм или отчаянно лупил до изнеможения в криках и болях. Денис, естественно, не узнал мужика, хотя шапочно был с ним знаком. Роман — муж гримерши Алины покоился теперь в холодном полупрозрачном полиэтилене. Долго смотреть на фарш было сложно и Сибирский поспешил в каморку Кима. Майорша уже была здесь.

Кузнецова уже хлопнула 50 коньяка, налила еще и протянула журналисту. Денис махнул рюмку и просипел, что сегодня видимо опять нажрется в уединение. Ждали две вещи: разговор с потерпевшим, с мужем убитой — его должен был найти Серов, и экспертизы Кима. Тот был педантичен и никаких скоропалительных выводов не делал. Кузнецова закупорила бутылку и убрала в холодильник. Засекла время, чтобы через 6 часов вновь можно было сесть за руль. Следом пришла еще одна новость подтверждающая непричастность Крапивиной к делу. В замке гаража обнаружили частицы металла, которые свидетельствовали о том, что кто-то открывал его новеньким ключом. Теоретически этот кто-то мог взять битку Крапивиной и убить программиста Егора.

— Я тебе не хотела говорить, но у Крапивиной — 42 размер ноги, а у дома первой жертвы Снегиревой мы нашли 39. И на подоконнике, откуда тебя сбросили, тоже 39. Это все косвенные доказательства и чисто теоретически она могла надеть обувь на три размера меньше, такие случаи бывали. НО! — майорша взяла паузу. — Скорее всего мы не там искали. Так что. Пффф.

— Это косвенная улика, которая на общую картину влиять не должна. Так же, как и следы в замке.

— В общей картине преступлений — это существенные детали. А последние два трупа наводят на мысли, что мы, судя по всему, имеем дело с клиникой. Театрализованные постановки, вирусные ролики. У человека совсем не алё с головой. А Крапивина не такая.

— Согласен. Крапивина умная, это, наверное, стоит признать, но я столько раз писал про мясников с ученой степенью. Все эти косвенные доказательства она была способна воссоздать. А новое убийство может быть заранее спланированным актом. Кто-то помогал. И у меня есть подозрение кто это мог быть. Я тут нашел связь Крапивиной с художником, ну помнишь, я рассказывал. В архивах нарыл.

— Я посмотрела дело. Способ убийства — отравление, редкий. В остальном обычный висяк. Следователь отработал на 100 %. Не получилось.

— Может, еще коньячку? — Денис испытывающее посмотрел на майоршу, которая помотала головой. Он достал бутылку из холодильника, с характерным звуком вытащил пробку, покрутил, понюхал, справляясь с жаждой. — Я не умею похмеляться, ухожу в запой, а надо работать. Товарищ майор, остановите меня трезвой мыслью.

— Единственное, что крутится у меня в голове, надо начинать сначала.

— Верно. Но не сначала, а в обход, — Денис закупорил бутылку с силой ударив ладонью по пробке. — Я часто так делаю. Вроде задание от редакции новое, но интервью-то и спикеры те же. Я смотрю под другим углом на интервью и те же самые слова начинают играть иначе. Порой от первоначального замысла не остается и 5 процентов, — Сибирский встал, открыл холодильник и вновь спрятал бутылку. — Еще раз о странной смерти жены художника Артамонова. Я нашел связь Крапивиной с этим убийством. Точнее человека, который их связывает. Олеся Борисовна Кораблева — психолог-нарколог. Она лечила

художника от алкоголизма и еще она близкая подруга Крапивиной. Это она подарила ей битку. Она как минимум знает о Крапивиной больше нас, — Кузнецова была задумчивой и не реагировала на слова Сибирского. — И еще она рядом преподает в 4 корпусе. Сейчас она тоже на работе, я пробил расписание. Сходим? — Кузнецова молчала. — Или коньячку?

— Сибирский, у тебя хороший мозг. Постоянно что-то генерирует, много лишнего, много ненужного, но постоянно выдает версии. Если эта ниточка ни к чему не приведет, давай ты направишь энергию на прямые обязанности и будешь писать кино.

Кузнецова выдохнула, посмотрела на часы и добавила:

— Время у нас есть, пойдём к психологу или наркологу. Как правильно? И дайте, пожалуйста, ваши кофейные зерна, убрать запах.

Сибирский достал пачку с кофейными зёрнами и кинул майорше.

— Держи, мне они больше не нужны. Оба варианта верны.

Денис достал сигарету зажал ее в зубах и пошел к выходу, чиркая зажигалкой.

Кораблева приняла гостей в небольшом кабинете зав. кафедры клинической психологии. Вдоль стен небольшого помещения стояли три бледных шкафа заваленных книгами и папками с дипломами и курсовыми. У окна за столом перед закрытым ноутбуком сидела низенькая коренастая пятидесятилетняя брюнетка с вдумчивыми крысиными глазками — Кораблева. Гости расположились напротив близко и плотно друг к другу. Взгляд психолога метался от майорши к журналисту и обратно, как будто сканируя возможность быстрого побега из лабиринта.

— Крапивина мне звонила, говорила, что вы придете. У нее потрясающий мозг. Она опережает вас на несколько шагов вперёд, — говорила Кораблева тоже быстро, по-крысиному пряча кончики слюнных ф зубы и соединяя звуки "ф" и "в".

— Так это она всех убила? — наивно спросил Сибирский. Кузнецова по-свойски, незаметно для Кораблевой щипнула журналиста за ногу и взяла за большой палец, давая понять, что при нарушении субординации она может его сломать. Вести разговор впредь будет она.

Денис в этой хватке почувствовал нежность майорши и с удовольствием подчинился. За неделю они заметно сблизились.

— Опишите, пожалуйста, Крапивину, как можно более емко.

— Она не убийца, она просто ужасный психолог, практика которой — сплошное преступление, хотя это мое личное мнение. Она прекрасный оратор и популяризатор психологии, слышали ее более чем грамотные речи по радио и ТВфэ? Преподаватель. Студенты просто вфзжат, особенно ф сессию, — Кораблева опять по-крысиному усмехнулась в кулачок и обласкала внутри себя красивыми словами за удачную шутку. — Это важно для нашей работ... и науки. Но дело фвот ф чем, она слишком эгоистична и ни ф какую не хотела работать над своей личностью, своим прошлым и будущим, она отрицала институт супервайзерофф. Я пару раз читала ее стенографию и план терапии, — это было, как бы сказать, сомнительно, она пыталась ломать люфдей и застафлять делать софсем не сфойственное им. Слишком директивный подход. Но! Это. Только. Мое мне-ни-е.

— Скажите, а семейный психолог без семьи, это ....., — у Кузнецовой этот вопрос был заготовлен, но дальше надо было двигаться от собеседника.

— На самом деле, у нее была семья, муж давно умер — несчастный случай. И после этого она семью так и не создала. Но была сексуально активна, причем по фвсем направлениям.

— В смысле? С девушками..., — Сибирский был удивлен и неподготовлен к такому повороту.

— У вас тоже были с ней отношения? — Кузнецова подавила эмоции и продолжила допрос.

— Вф молодости.

Сибирский глянул на телефон, который уже погас — запись была прервана еще до этого кульминационного момента.

— Я сейчас замужняя дама, но был у меня момент, я экспериментировала, ну и попала на ее удочку, надо сказать она ловко тебя на этом интересе подлавливает. Пару месяцев мы были с ней. Расстались друзьями.

Сибирскому стало непонятно: «кто тут психолог?» Кораблева не стесняясь вывалила таз с грязным нижним бельём им на голову.

— Стоп снято, — сказал Денис — сейчас, перезапущу съемку.

— Вы вфто — это снимали?

— Да, дадим это в фильме, я же не полицейский, а журналист.

— Не имеете права, без моего разрешения.

— Еще как, вы же сейчас намеренно говорите так, чтобы мы отвязались от вас и Крапивиной. Вы нам рассказываете свою любовную историю, просто чтобы отвлечь нас от основной. Возможно, следующей вашей репликой вы стали бы утверждать, что в момент убийстваспали с ней. Так? А теперь давайте говорить правду и только правду.

Сибирский был хорош. Кузнецова одобрительно похлопала журналиста по ноге. Там и оставила руку.

— Кто такая Ксения Крапивина? — Кузнецова была добрым полицейским.

— Я ничего не скафжу больше.

— Какая соцсеть у Ваших студентов самая популярная? Точнее у студенток? Мы журналисты подлые и циничные ради красивого кадра готовы на все. Знаете, как в новостях радуются авиакатастрофе. Сам видел. Потому что весь день пустой, новости из пальца приходится высасывать, а тут такой подарок — люди погибли. Весь день расследуй, изучай, интервью старых пилотов в эфир запускай. Работа пошла, радость на душе. А трагедия? Так почти каждый день жертвы. Сопереживание — оно только в кадре. Так что, думаете, мне важно что будет с вашей жизнью, когда студентки узнают о буйной молодости своего преподавателя?

Сибирский пересказал случай, о котором ему рассказывала Ольга, которая видела, как продюсер новостей, отвечающая за контент, с улыбкой и усталостью на устах, заявила после катастрофы: «можно расслабиться». В рассказе для Кораблёвой Сибирский лишь экстраполировал эмоции одного продюсера на всех журналистов. Но эта ложь была нужна делу. А врал Денис превосходно. Ему так казалось. Кораблева поджала губы, размышляя.

— С Ричардом Артамоновым вы работали? — Кузнецова сделала крюк, чтобы психолог не слетела с крючка.

Кораблева замерла и мысленно прогнозировала последствия. Муж знал о ее связи с Крапивиной, в деканате догадывались, но напрямую никто не спрашивал. Кораблева и сама слышала, что еще два преподавателя были запачканы интимной связью с дамой со шрамом. Но если информация будет открытой, с этим придётся жить не только внутри себя, но и снаружи. Нет, ее не уволят, прививка толерантности на кафедре психфака защищала ее от подобных действий со стороны руководства. Возможно даже «камин аут» и приняли бы со

всей серьезностью. Выбор был очевиден по другой причине. Её 17-летняя дочь совсем была горяча на язык и вступала в конфликт чуть ли не ежечасно. «Надо нападать», — решила Кораблева. Атака — лучшая защита.

— Я знаю Ричарда, — начала Кораблева, которая стала напоминать крысу, загнанную в угол. Только кусать, неважно кого. — Мне сосфатала его Крапивина, даже не сама, а ее помощница. Известные люди с улицы не приходят, только через знакомых. Открывать тайну общения фс клиентом я не намерена. Скажу, что терапия была успешной, — Кораблева еще пожевала невидимую жвачку и добавила. — Крапивина свой кусок от этой семьи тоже оторвала, консультировала дочку художника. И я так понимаю, там тоже не все чисто. Девочка несовершеннолетняя, но уже с большим сексуальным опытом.

Сибирский вспомнил яркую Алису в красном, которая для семнадцати лет казалась чересчур яркой, сексапильной. Рука Кузнецовой по-прежнему лежала на бедре. Денис глянул на майоршу по-новому. Красивые ясные глаза, ястребиный взгляд, идеально-овальное лицо. Сибирский тряхнул головой, вспомнил о сотрясении мозга и тут же выбросил похотливые мысли из головы. И поднял телефон, напоминая Кораблевой о шантаже.

— То, что сейчас скажу, лишь слухи, но в это можно поверить. Крапивина использует провокационную технику. Особенно в начале терапии. Она при случае, точно, выверенно, не вфсем подряд, — крыса сдалась, лапки кверху. Только выпустите. — Она предлагает клиентам вфступить с ней в связь, в том числе гомофсексуальную. Я говорю только исходя из слухов, никаких подтверждений у меня нет.

— И зачем ей трахаться со своими клиентами? — бесцеремонно спросил Сибирский, за что получил щипок от Кузнецовой. Но плотные штаны и подштанники смягчили урон. Было не больно, а приятно. Кузнецова убрала руку с бедра Дениса.

— Предлагать — не фзначит спасать с клиентами. Так она проверяла крепость семейных уз. Извращенно, не находите? Но в этом есть определенный смысл. Христианский, если хотите. Прелюбодейство — сфмертный грех. Вот она и тестировала, искушала. Возможно, зафставляя каяться и признаваться в своих изменах. Такие бурные эмоции могут ускорить терапию.

— А могут и загубить...

— Чаще всего.

— И как часто клиенты соглашались? Намекаете ли вы на их отношения с дочкой художника?

Кораблева развела руки. Казалось, что разговор закончен, но подсознание журналиста вынуло козырной туз из операционной памяти.

— Вы говорили, Крапивина вам звонила перед нашим приходом. О чем она просила?

— Не говорить, то что я вам сказала. Не разрушать ее репутацию. Просила не мстить, — Кораблева грустно улыбнулась: «Я должна защищать прежде всего себя и свою семью». — Но у меня не получилось, не мстить. Вы обещали удалить видео. Давайте покончим с шантажом прямо фздесь и забудем обо всем.

— Товарищ журналист уже забыл про видеоролик и не будет его никуда выкладывать. Правда? — Кузнецова дотронулась до руки Дениса и немного погладила.

— Я не могу забыть про ролик, — Денис встрепенулся. — Крапивина меня чуть не убила, она вышвырнула меня в окно. Как мне такое забыть, — чересчур артистично накидывал Сибирский.

Кузнецова сжала руку Дениса так, что тот едва не вскрикнул.

— Но, если вы так просите, я не буду использовать его против вас.

— Есть ли место кроме квартиры Крапивиной, где она, так сказать, принимала клиентов? — тихо спросила майорша, закругляя беседу.

— У нее есть летняя дача на Фсинем Утесе, можете там поискать улики, но говорю вам — она не убийца, просто сфволочь. Похотливая сфволочь.

Сибирский уже поднялся и готовился уходить.

— А у вас какой размер ноги? — журналист чувствовал недосказанность.

— Не поняла?

— Тридцать девятый?

— Да, 39. А какое это имеет значение?

— Пустяки, но на всякий случай мне необходимо знать, где вы были вчера с восьми вечера и до утра.

Кораблева напряглась: «Опять придется выбирать какую ложь выдать за правду». Сказала, что ночевала на кафедре. Сессия, много зачетов и проверочных работ. Засиделась. У них есть закуток в главном корпусе на 4 этаже по пожарной лестнице. Там многие преподаватели занимаются терапией, поэтому есть диванчики.

Мои документы/День 8/Томск. 29 декабря/дворец развода/ файл 70002

Кузнецова пошла в морг допрашивать Тимофеева — мужа упавшей с моста женщины. Сибирский же встретился с оператором Мишаней. Они накидали план съемок, и Денис ретировался. В ЗАГС. Ольга приняла вызов. Свадьба в канун Нового года. Сибирский кажется, спас едва не рухнувшие отношения.

По дороге он обзванивал всех знакомых, чтобы ему помогли устроить бракосочетание в убыстренном порядке. Через третьи руки Лирик нашел контакты директора ЗАГСа, который мгновенно согласился на встречу. А чтобы ускорить процесс попросил сканы паспортов жениха и невесты. Все завертелось.

Такси остановилось в ста метрах от входа, возле памятника Пушкину. Несмотря на среду тротуар был заставлен машинами. В основном таксистами. Свадеб не было. Ко входу растянулась очередь. Денис вышел и стал пробираться сквозь толпу. Особо нервные, а их было много, просили не лезть «вперед батьки в пекло». Но Денису не терпелось узнать, что за праздник в аду, но в дверь его с первой попытки не пропустили. Возле ледяной беседки, где обычно фотографировались счастливые молодожены, он увидел людей с камерой — это репортеры коллеги. Денис направился к ним. Обменявшись приветственными репликами с оператором и выкурив за знакомство, Сибирский выудил информацию. Оказалось, что утренний труп под мостом окончательно напугал народ. Местный репортер криминальных новостей уже стал звездой дня: раздул историю с убийством возле моста влюбленных до вселенских масштабов. А в конце репортажа кратко подытожил, что, мол, убийца прав, жителям нашего города пора действительно задуматься, стоит ли вступать в новый год со штампа в паспорте.

— Иначе смерть разлучит их, — докурив пробурчал про себя Сибирский.

Подливали масло в огонь блогеры и активные пользователи соцсетей, которые в сторисах активно обсуждали вирусный ролик и его основную тему: «что делать, если разлюбил супруга». Мнения разделились, кто-то настаивал, что порой необходимо продолжать жить с нелюбимым человеком, вторые советовали идти к психологу спасать брак, третьи соглашались со словами вирусного ролика. Оказалось, убийца давал не только четкий ответ, что делать, но и мотивировал к действию.

Убийство возле ЗАГСа обросло выдуманскими городскими небылицами, и многие действительно запаниковали. После второго трупа особо тревожные потянулись писать заявление о разводе. Образовалась небольшая очередь в несколько десятков человек. Впрочем, в ней были и те, кто не боялся маньяка, а решил начать жить в новом году с чистого листа.

Денису стало неуютно идти в ЗАГС с противоположной миссией, но время и обещание подгоняли ко входу. Большой мужик, словно регулировщик на пенсии, пытался контролировать очередь, пуская по одному. Без пяти минут холостяк долго не хотел слушать Дениса, но когда понял, что молодой человек намеревается жениться, то обдал Сибирского таким холодом, что тот и впрямь засомневался в необходимости свадьбы. Переважив информацию, мужик громко объявил толпе, что Денису необходимо в соседний кабинет, растолкал людей и позволил Сибирскому войти. Толпа на миг притихла и проводила Дениса, на войну, на смерть, на ... Каждый из них считал, что Сибирский делает непоправимую ошибку, заходя в лифт, который больше никогда не откроется.

Протопав по парадной лестнице и сделав пару крутых поворотов, он оказался в кабинете у директора. Тот встретил заготовленным спитчем и жаркими объятьями.

— Я вот свою ни на кого не променяю, хотя с женой иногда в сердцах посылаем друг друга в ЗАГС, смешно да. Говорит: «Пиши заявление, иди в свой ЗАГС», а я ей: «У меня выходной».

Словно напوماженный, артистичный директор ЗАГС сел за стол и уткнулся в документы, временами поднимая голову, дабы продемонстрировать свое категорично улыбочное выражение лица. Сибирскому было непонятно, то ли он фанатично верил в институт брака, то ли играл роль наставника во всей этой богадельне.

— Я поставил вас на самый вечер. В 17:00. Чтобы гости дотянули до курантов. Где празднуете?

— Понятия не имею. Голова кругом. А с кафешками сами знаете...

— Школы, техникумы?

— У моей невесты аллергия на столы буквой П.

Директор ЗАГС расхохотался как ненормальный, но быстро поймал свой смех в кулак, словно муху.

— Смешно. Да. Пару дней осталось, не до хотелок, знаете ли, но все равно. Простите за прямоту, а с деньгами как у вас?

Денис мысленно подсчитал все, что мог достать. Плюс кредитная карта. Поморщился.

— Интимный вопрос, да? — директор хохотнул еще разок.

— Двести где-то, мы не планировали банкет, не копили...

Директор полез в телефон и показал кафе. По его словам, с руководством можно договориться. Сибирский кивнул не глядя. Лицедей включил телефон на громкую связь. Они услышали гудки, но звонок сбросили.

— К черту кафе. Оставайтесь у нас.

— Поточнее.

— Прямо в церемониальном зале. У нас и музыка, и столы есть. Круглые, не прямоугольные. Буквой П не поставишь. За пару дней найдете тамаду и диско. И это точно обойдется вам дешевле. Алкоголь и официантов найти легче чем помещение. А хочешь я вообще все организую? Твоего бюджета хватит с лихвой.

Все скрепили таким плотным рукопожатиям, что Денис подумал, что никогда не

вырвется из этой договоренности и вновь дал волю своему страху. Тот гулял по закоулкам мозга пока не сосредоточился на одной спасительной фразе: «А вдруг Ольга не приедет?»

С этой мыслью он продрался сквозь толпу будущих «разведенков» и вышел на улицу. «А может она не приедет?» — эхом отозвалось в голове прямо перед звонком Ольги. Денис улыбнулся.

— Я уже купила билеты на дневной рейс. В 6 вечера по-вашему буду в сибирских Афинах.

— Значит устроим греческую свадьбу, — глухо отозвался Денис. — Я только из ЗАГС. Все устроил. 31-ого в 5 вечера.

— Учи сиртаки, любимый.

Они еще полчаса креативили насчет греческой свадьбы, и мысль о том, что Денис может избежать бракосочетания, окончательно рассеялась в связи с неминуемостью события.

Архив/Владимир и Елена/Многозначительность/ файл 70003

Владимир и Елена сидели на кушетке у Крапивиной, которая строго и четко смотрела в глаза девушке.

— У нас проблемы, мы, как бы, ведем разгульную сексуальную жизнь. Спим со всеми подряд. Знаете, не можем удовлетвориться до конца, — потупив взор, начала красивая светловолосая изящная Елена.

— Групповухи, свингеры, и такая распущенность нас что-то напрягает. Может это не нормально? — добавил качок-ЗОЖник Владимир.

— Хм, — Крапивина попросила влажных подробностей.

— Возбуждение нарастало, и через пять часов они были на даче у Крапивиной. Владимир стыдливо смотрел на трех нагих разных женщин. Крапивина, ее подружка-помощница и жена в пьяной неге ублажали друг друга.

«Как же я здесь оказался, — думал Владимир. — Гребанная туфта, а не психология, нет в ней ничего. Ровным счётом. Не наука, а миф. Дрянь, застилающая глаза. Ссаная тряпка, оставляющая лишь вонь в душе. Вот что такое психологическая помощь. Скинуть, сбросить это все, чертово грешное состояние. Мы же обещали не изменять друг другу и жить в согласии. Смерть. Только смерть разлучит нас»

«Я позволяла мужу трахать других женщин, испытывая сильное возбуждение, и тогда мне казалось, что это пик, но вот я смотрю сквозь полузакрытые веки на него и не могу позволить ему даже прикоснуться до себя. Мне мерзко. Мне неприятны его прикосновения и его жесты. Мне хочется его убить. Отрезать его член и засунуть — этой».

Владимир сгреб вещи и кинул их в машину. Было ощущение, что они сбегали с дачи психотерапевта. Молчали. Думали. Перетирали жвачку из мыслей внутри.

— А если я когда-нибудь забеременею, — уже подъезжая к городу спросила Елена.

-

Аборт, трудно воспитывать ребенка неизвестно от кого, — сказано это было таким легким тоном, как будто они обсуждали, где проведут новогодние праздники.

-

Так и сделаю, поехали в ресторан, к Машке?

— Может поспим вдвоем?

— Да, наверное, надо выспаться.

Аудиозапись/Архив/ Минутка с Ксенией Крапивиной/ Трек 70004

Лирик сражался со редактором, объясняя тому, что Крапивину необходимо ставить в эфир. Причем немедленно.

— Официальных данных об аресте психолога нет. Инсайдеры идут лесом. Надо доработать то, что начали, и выпустить последние два эфира. После чего контракт будет выполнен и нечего верить слухам.

Понурый раскрасневшийся редактор согласился с доводами, но только под ответственность Лирика. Музыка закончилась, ди-джей вышел в эфир и произнес стандартную подводку к записи разговора с Крапивиной. Звукарь включил трек 70004.

— Надо ли прощать измену?

— Поймите, нет однозначного ответа. Наверное, правильно будет сказать — как договорились.

— Так все договариваются. Быть верными...

— Кирюш, они стоят перед алтарем и искренне верят в то что говорят, а потом чуть ли через неделю. Как договариваться? — Машкина в очередной раз играла на публику.

— Обстоятельства. У нас у всех меняются обстоятельства жизни, и мы исходим из них перед принятием решения. И договариваться нужно каждый раз, когда обстоятельства изменились. Случилась измена, давайте договариваться. Вот есть жена, вот есть муж. Если жена простила мужа или наоборот муж простил изменщицу, то на каких условиях. Договорились: еще раз и в ЗАГС.

— Так она его еще раз просит, и еще, и до бесконечности. Мужики тоже такие бывают, она со всеми гуляет, а он ее видите ли, любит, жалеет.

— И кто виноват, что они договоренности не соблюли? Сами. Точнее они молча договорились, что муж или жена изменяет. А второй супруг прощает. Они вслух об этом не говорят, но их это устраивают. Каждый из них на это согласился, понимаете.

— Честнее фрилав. Когда никто никому не должен.

— Согласна. Ведь измена — это прежде всего обман. Как вы говорили: «у алтаря обещал». Договорились без измен, а он тайком налево. Это обман и измена. А когда решили, совместно, я подчеркиваю, вести себя не ограничивать себя в контактах, то какие вопросы.

— Мне сложно понять их, наверное, я по-другому воспитан, — Лирик встрял в разговор двух женщин. — Но я заметил, такие пары не только фрилав, но и фричайлд. Детей нет.

— Это вполне закономерно. Ведь бурная сексуальная жизнь — это ода гедонизму, а воспитание детей огромный труд длиною в четверть столетия.

— Неблагодарный зачастую труд.

— Поэтому трудно решиться.

— А мужчина? Он мог бы сказать. Роди мне сына, дочку.

— И точка.

— У него свой мотив отказаться от этой идеи. Тоже инстинктивный. Если жена изменяет, он боится, что отпрыск будет не от него. А воспитывать подкидыша никто не хочет. Это сидит в подсознании. Он готов передать свою кровь потомкам, но уверенности с такой женой нет. Поэтому и договариваются: Фри лав — фри чайлд. Но вот в чем парадокс, помните я говорила об обстоятельствах. Они меняются. Меняются желания. Не стоит уперто стоять на своих ценностях или взглядах подавляя желание. Изменилось что-то внутри — сели за стол переговоров.

— Так и до развода можно договориться.

— Да вы посмотрите по сторонам. Вон Гейтсы сколько прожили, но обстоятельства и

желания изменились. Тихо разошлись, пожелали партнеру счастья и все.

— Попилили деньги.

— Верно. Тихо, в рамках закона. И это нормально. Развод гораздо лучше, чем вереница скандалов, во время которых супруги и за нож, и за ружье хватаются.

— Яд подсыпают, с окон выбрасывают... Развод всегда лучше, чем смерть.

По коже Лирика пробежали мурашки. В новых обстоятельствах слова Крапивиной звучали зловеще. Он нажал на кнопку, остановил запись и ворвался в эфир. Протараторил стандартную речь и увел радиослушателей на рекламу.

Исходники/День 8/Томск. 29 декабря/ Обморожение/ файл 70005

В маленькой уютной кофейне Денис ждал тамаду, которого ему сосватал директор ЗАГСа. Сроки были сжаты, и одна мысль опережала другую. Гостей набиралось немного. Сестра со своими ребятами, Брагин и Митяй с женами дали согласие и перенесли планы. Не все оставались на новый год, но на свадьбу обещали заскочить обязательно. Мишаня. Лирик должен прийти. Прилипчивую Вику звать не хотелось, но видимо она пристроится к оператору. Сибирский шмыгнул носом. Гости, свадьба, маньяк под боком. От разнообразия доминантных мыслей лихорадило как от простуды. То бросало в жар, то сжимало внутри, а тело дрожало. Был страх, что все сорвется в последний момент, как в фильме «Сбежавшая невеста». Присутствие Вики делало мероприятие непредсказуемым и тревожным. Сибирский еще раз попытался собрать осколки воспоминаний о прошлой ночи. Как бы выразилась Кузнецова, имеются косвенные факты, подтверждающие измену, а именно то, что он проснулся абсолютно нагой. Но самих воспоминаний соития не было. «А если у Вики есть неопровержимые доказательства? А если Ольга узнает об этом да прямо на свадьбе? Жуть».

«А если не было измены?» — на этих словах в голове возник образ Крапивиной, которая при первой встрече сказала Сибирскому, что мозг уже принял решение и не нужно сопротивляться событиям. «Свадьба так свадьба. Надо Кузнецову пригласить. Они почти подружились», — Денис вспомнил обаятельную майоршу в вечернем платье, рядом поставил Ольгу в свадебном наряде, следом на этот воображаемый подиум взбежала Вика в коротком танцевальном костюме. Из этих мысленных смотрин Сибирского вытянул тамада. Он пришел на встречу весь лощеный в дубленке, из-под которой торчали блестящие синие брюки и носатые черные ботинки 46 размера. Приветливо и псевдодружебно он достал папку со сметой, в которой было одно неизвестное. Количество гостей. «Сколько?» — продублировал вопрос тамада. «Неважно сколько, главное— какие? Каждый может весить под тонну».

— Давайте остановимся на 15 и 5 возьмем в резерв.

— Разумно.

Денис перевел часть денег тамаде-устроителю на карту. И тот обещал присылать фотоотчет и докладывать о готовящейся свадьбе, которая должна была плавно перейти в Новый год.

Пора завершать работу над фильмом.

Криминальный психолог встретил Дениса и Мишаню в своем кабинете. Обстановка озадачила оператора, и он затеял перестановку. Полчаса он выставял свет и камеру, и, наконец-то, запись пошла. Сибирский ерзал на стуле, вопросами пытался вытащить из спикера яркие слова, которые можно будет натянуть на портрет убийцы. Бородатый как Хемингуэй психолог отбивался общими словами и на нить повествования насаживал в

основном скучные термины, которые в эфир не притянуть никаким закадровым тестом. Не мытьем так катаньем было сделано заключение: психически больной человек, носит в себе явный внутренний баг и, возможно, рану, которая не дает ему покоя. Казалось бы, пора заканчивать, но главная сила интервьюера, репортера, заключалась не в том, чтобы выбить из спикера необходимые слова и эмоции, а в том, чтобы вместе докопаться до нового взгляда на проблему. Ощутить взаимный инсайт.

От вопроса к вопросу у спорящих сложился пазл: «убивая изменщика преступник вершит высшую справедливость, помогая выжившему супругу освободиться, дает ему шанс начать новую жизнь. Такой черный ангел бракоразводного процесса». Хорошая теория, которая ложилась на первые три убийства. Но частота последних преступлений наводила на мысль о том, что убийца съехал со своего неторопливого пути. Оставалось понять какое событие запустило газонокосилку, тогда станет ясен и мотив, и личность убийцы. Денис поделился мнением, что катализатором стали события вокруг убийства Снегиревой, потому что до этого смерти были филигранно замаскированы и совершались раз в год. Криминальный психолог согласился — спусковой крючок нужно искать в этой семье.

Напоследок Денис ради прогностической реплики попросил криминального психолога рассказать, как скоро поймают такого преступника.

— Мы долго не знаем кто он? Все ли убийства принадлежат ему? У него нет общего почерка, он не оставляет следы. А уж как он подставил Ксюшу Крапивину и сломал ей жизнь. Эх. Интеллектуал. Шансов, что поймаем, мало. Скорее всего жажда крови угаснет, до того как его поймают, он остановится и уйдет в закат до следующего полнолуния, — пожалуй это было самое яркое выступление.

Пессимистические слова можно будет использовать в фильме и как затравку, и как вердикт.

Уже за камерой криминальный психолог добавил, что часто убийце-интеллектуалу непременно нужно быть в курсе расследования. Он может следить за ходом дела и знать детали. Его подстегивает и будоражит чувство превосходства над следствием. Как будто он неуловимый мститель. Опыт и детективные романы говорят, что единственный шанс поймать маньяка-интеллектуала, найти его среди тех, кто интересуется расследованием.

Мишаня отпросился на боковую. Съемок не намечалось, и Денис отпустил оператора в гостишку с условием: не выключать телефон и по команде прибыть на место. Это означало пиваса и в койку, никаких тяжелых напитков.

До прилета Ольги оставалось три часа. Денис приехал в кафе возле УВД. Кузнецова уже была там.

— Муж погибшей ничего проясняющего не сказал, впрочем, как ты понимаешь, и в их семье...

— Измены?

— Коллеги заявляли, что потерпевшая гуляла, но с кем никто не знал. Алиби у мужа на тоненького. Соседи по деревенскому дому, подтвердили лишь, что весь вечер в их доме горел свет.

— Крапивина?

— А вот это большой вопрос. Кстати, как журналисты разузнали о Крапивиной? Я слышала, что ее снимают со всех эфиров.

— Я молчал. Утечка у вас.

— Но ты прежде всего журналист. Мог...

— Не мог. Иногда я обычный человек, который отвечает за свои слова, — Сибирский улыбнулся.

Он заглянул в глаза красивой майорше и спросил:

— И еще у меня свадьба 31 декабря. Придешь?

Журналист застал ее врасплох. Кузнецова, немного растерявшись, закивала. Обещала быть, если позволит работа.

От УВД до дома ехать было с десяток минут. Все время она думала о журналисте и его свадьбе. Пойти, конечно, необходимо, но какая-то ревность крутила ей хвост. Состояние, которое в современном русском языке емко описывается одним словом «подбешивает». Подбешивало из-за чувства неоправданной ревности, из-за стыда, который следовал за ревностью, и из-за чувства вины, которое испытывает верный супруг, мыслям заглянувший налево.

Кузнецова прилетела в растрепанном состоянии домой. Когда она разделась Джонни подкрался сзади, подхватил и понес по квартире. Кружил. Целовал. Отнес на кухню, напоил чаем. Был галантен как в первые дни знакомства. Она ощущала его великолепии, как тогда. Майорша зарделась из-за собственных дурацких мыслей по отношению к Сибирскому. А Джонни все кружил ее по квартире, периодически посматривая в телефон. Он заставлял жену танцевать и плясал сам. Все это приводило в восторг и оцепенение. Так самец павлина поднимает хвост, кружит в своем животном ритме, а его неприглядная почти бесхвостая самка смотрит на беснующегося представителя противоположного пола, впадает в транс и позволяет оплодотворить себя. Одежда уже была на полу, когда позвонил, будь он трижды проклят, Ким. Пелена соблазна спала, про секс можно забыть. Разговаривая с судмедэкспертом Кузнецова надевала трусики и заматывала свои длинные волосы в кокон. Она остановилась перед шкафом с одеждой.

— Пятна Вишневого, кровоизлияния в слизистой оболочке желудка. Причина смерти гипотермия.

— Замерзла насмерть.

Кузнецова стала вываливать из шкафа самые теплые вещи.

— Гипотермия. Смерть наступила в промежутке от 48 до 24 часов со времени нахождения трупа. Более полную информацию пока предоставить не могу.

"Надо ехать на дачу к Крапивиной. Термостельки могут пригодиться", — подумала Кузнецова.

— Еще, — потребовала майорша от судмедэксперта, прикрыла ладонью динамик, подошла к мужу, поцеловала и шепнула ему на ухо. — Вечером обязательно.

Спустя 3 минуты майорша испарилась, а Джонни так и остался лежать на кровати в досадном возбуждении.

Кузнецова позвонила Серову. Она попросила его найти дачу Крапивиной и организовать ордер. Надо было ехать за город и ждать адрес там, но майорша сначала позвонила журналисту и пересказала доклад Кима.

— Самое интересное, кто-то сделал жертве маникюр и, возможно, уже после смерти.

— Убийца пытался скрыть кровь под ногтями.

— Верно. Если повезет найдем следы ДНК. А это, сам понимаешь, улика, которой прежде не было. Но есть еще один факт от нашего любимого корейца. Але, Сибирский?

— Слушаю тебя внимательно, — Сибирский отправлял Мишане сообщение, в котором просил приехать на площадь Южную откуда следовало ехать на дачу.

— Смерть произошла намного раньше чем обнаружили труп, то есть...

— Крапивина опять под подозрением.

— Да, но муж жертвы тоже что-то скрывает. Время смерти не склеивается с его показаниями.

Майорша не обязана была докладывать журналисту, ей просто нравилось работать с ним в паре. Бок о бок. Она подумал, что работа ее возбуждает куда сильнее мужа. Ухмыльнулась и покраснела.

— Дача Крапивиной на Синем утесе. Адрес позже скину. Нам тоже не помешает быть и все посмотреть самим, — Кузнецова опять перешла на вежливый тон. — Берите оператора. После дачи заскочим к Тимофееву мужу жертвы у моста, слез наберете или как вы там выражаетесь — он недалеко, в Лоскутово, — Кузнецова опять прикусила язык, словно останавливая дружеский флирт.

— А там от аэропорта тоже близко, да?

— 10 минут.

Через пару часов прилетала Ольгу.

Кузнецова написала видеоассистенту Виктору, который весь день искал в записях с камер наблюдений возле места преступления старый Прадик. Она попросила посмотреть нет ли на них японского универсала, который принадлежал семье Тимофеева.

...

Серов выяснил адрес дачи Крапивиной. Она была оформлена на сестру покойного мужа психолога. Ордер оформили оперативно. Следственная группа уже работала, когда прибыли Кузнецова, Сибирский и Мишаня. Криминалист сморщил нос, увидев журналистов, скандалить не стал, просил работать по протоколу.

Денис прохаживался по большому дачному дому. Почти вся мебель была 90-ых годов, видимо свезенная перед евроремонтом квартиры в двухтысячных. Темно-коричневая стенка со стеклянными витринами, громоздкий платяной шкаф того же стиля и цвета, пухлые кресла и старый квадратный телевизор на журнальном столике, угловой диван-раскладушка на кухне и красный грязный ковер на стене в спальне.

Криминалист аккуратно вытаскивал из шкафа одну вещь за другой и складывал в пакеты.

— Здесь много разной одежды. Женская, мужская. Разных размеров. И думаю, с разными ДНК, — криминалист делал для Кузнецовой первые экспертные оценки.

— Если найдем следы кого-то из жертв, то можно будет снова арестовать Крапивину, — добавил очевидности старлей Серов.

— Сексуальные игрушки нашли? — Кузнецова озадачила старлея.

— Одну. Классическую.

Кузнецова выдохнула, как будто переживала, что здесь они найдут логово сексуального маньяка.

— Кровь, оружие?

— Ничего.

— Ножи интересные.

— Только кухонные.

— Когда здесь были в последний раз?

— Трудно сказать. Скорее всего не сегодня, но и не месяц назад. Дорожки не сильно занесены снегом. Нужно измерить высоту покрова и соотнести с картой осадков. Завтра

смогу сказать более детально. А перед воротами даже есть свежие следы. Я залил их специальным пластиком, снял протектор, скоро узнаем марки авто. Хотя могли просто разворачиваться.

— Меня интересует старый Прадик. Если будут такие следы, сообщи.

— А личные фотографии есть? — вмешался Сибирский. — Мне для работы.

— Внизу, в ящике под стеклом. Можете брать, я тут кончил.

Денис надел перчатки и аккуратно достал три фотоальбома. Мишаня выставил свет и прицелился щелкать самые важные снимки. В первом альбоме были детские черно-белые фотки Крапивиной, где она счастливая и еще без шрама. На снимках в подростковом возрасте отца уже не было, а на лице появилась отметина.

В следующем сборнике были цветные фотографии из студенчества сделанные на пленочную кодаковскую мыльницу. На одной из них он узнал еще худенькую, но с пронзительным крысиным взглядом Кораблеву. Подружка. С середины альбома пошли фотки Крапивины с пожилым, как Денис предположил, преподавателем. Муж. Смешная улыбчивая девушка со шрамом обнимала, целовала пожилого седовласого слегка обреченного мужика, во взгляде которого были все признаки большого ума. Последнее фото мужа была с черной полосой. Несчастный случай.

В третьем альбоме было много симпатичных девушек и мужчин. Денис с интересом листал и разглядывал красоток, пока на него не зыркнула Иринка. Томным игривым взглядом она вновь прошила его сознание. Как будто указывала на убийцу. Сибирский поспешил к Кузнецовой. Та набрала начальника: первое, время смерти последней жертвы изменилось, алиби у Крапивиной нет, труп мог подкинуть помощник, как Пучков, который сделал для нее бомбу, второе, на даче полно вещей разных людей, и скорее всего мы найдем ДНК жертв, фото Снегиревой мы уже нашли, третье, у нее есть похожий Прадик, который фигурирует в деле Силютин. Полковник Тамакин утвердил повторный арест Крапивиной, но просил сделать это аккуратно, ведь прямых улик все еще не было.

Уединившись Серов написал сообщение своей любовнице-журналистке, что психолог объявлена в розыск: улик более чем достаточно, и ее можно мочить по всем каналам.

— Здесь все ясно. Серов, добивай место, все улики собрать и как только будут результаты — звони. Сейчас важно найти Крапивину. А мы дальше, есть у меня догадка по поводу последней жертвы. Товарищ журналист, составите даме компанию, — Кузнецова зарделась, ей показалась, что все слышали, как она заигрывает с Денисом. Майорша резко прибавила ход и вышла на мороз остудить свои пылающие щеки.

Мишаня остался делать досъем и нагло напросился в автомобиль к криминалисту, который согласился подбросить до гостиницы. Денис быстро сфотографировал три картины с пейзажами, которые выбивались из общей стилистики помещения и переправил их знакомому ценителю живописи.

— Что за догадка? — уже на улице поинтересовался Сибирский.

— Старая шаль, в которой она замерзла до смерти. Почему она была в старой задрипанной шале в сорокаградусный мороз? Где она ее взяла? Сарай, гараж.

— Может она любила эту шаль? Муж знает.

— Вот поэтому надо к нему съездить.

Ехали молча. Проселочная зимняя дорога, по которой пробирался джип майорши, была неосвещенная и Денис боялся, что они застрянут. Он посматривал на сеть своего мобильного, которая то появлялась, то исчезала. В конце концов, Сибирский победил страх,

осознав, что до населенных пунктов максимум 5 километров и в случае аварии они просто добегают до деревни. А не замерзнут как те бедолаги на зимнике возле Сургута, о которых он недавно читал в местных новостях. Окоченелые трупы он видел 10 лет назад, снимал истории из жизни бомжей. Чтобы наиболее ярко подготовить материал учил и матчасть о том, как умирает человек от гипотермии. Особенно его поразило тот факт, что иногда перед самой смертью люди начинают раздеваться на морозе. Температура тела опускается до 30 градусов, а им кажется, что жара. Этот последний вздох организма называется вазоконстрикция: сосуды сужаются, мышцы расслабляются, теплая кровь идет на периферию внутренних органов, в мозге создается ложное ощущение теплоты. А так как к этому времени человек уже находится в бреду, то он начинает думать, что ему жарко, и обнажается до срама.

Машина вырулила на главную улицу деревеньки и поехала вдоль домиков. В двухэтажном обшитом салатовым сайдингом особнячке горел свет, и Кузнецова улыбнулась. Ее догадка сработала. Муж жертвы, которую нашли у моста влюбленных, был здесь. Майорша попросила журналиста не выпендриваться и вести себя как молчаливый помощник. Перед тем как выйти из машины она достала пистолет из бардачка вместе с поясной кобурой, сняла куртку и прикрепила ремень. Аккуратно накинула на пистолет кофту и вновь надела куртку.

— Мы что идем убийцу брать? — ухмыльнулся Денис.

В ответ Кузнецова промолчала и только состроила козлиное лицо. «Уверенная или самоуверенная», — подумал Сибирский и поспешил за майоршей.

СКЛЕЙКА

Тимофеев не хотел пускать в дом, но Кузнецова на крыльце пояснила диспозицию: им надо задать пару уточняющих вопросов.

Оглядев гостей Клим Тимофеев пригласил в дом и протянул руку Денису. Ладонь Тимофеева была ледяной, хотя в комнате топили вовсю, камин трещал, а электрические настенные батарей практически пылали. Странно.

Клим изображал скорбь, однако, привыкший видеть уныние людей после смерти близкого Денис сомневался в искренности эмоций убитого горем мужа. Не хватало мелочей. Коньяк аккуратно налит в одинокую рюмку. Крышка закручена, а не валяется на столе, даже закуска нарезана, как на праздник. Так не заливают горе, а отмечают... «смерть врага».

Хозяин усадил гостей за кухонный стол, а сам сел на краешек. Руки он держал под столом на коленях, как будто поскорее хотел избавиться от непрощенных путников. Кузнецова произнесла формальности о том, что им надо еще уточнить детали, что убийца вот-вот будет пойман и уже определен. Пудрила мозги.

— Мы с аналитиком, — она кивнула на Дениса, — пришли ко мнению, что наш убийца серийный, выбирает жертв не случайно, почти все они были из непрочных семей. Скандалы, неурядицы, в общем на грани развода.

— Не любишь разводись или смерть разлучит вас, так кажется, — напряженно пробубнил Тимофеев.

— Да-да. Вы изменяли жене, или она вам?

— Я нет, ну что вы. Думаете, она?

— Мы за этим и пришли. На ее работе говорят разное, но, в основном, что она вас любила. Может вы знаете больше?

— Мы жили счастливо, душа в душу. По-человечески, нормально. Правда я последнее

время много работал. Но Нинка нигде не блядовала. После работы домой. Ждала меня.

— А секс? — Денис не вытерпел и решил помочь.

— Не твое дело. Было все нормально. У меня все работает, понял? Нинка стонала, вся деревня завидовала.

— Коллеги по вашему бизнесу, говорят вы почти банкрот.

— Гонят, завистники. Взятчики, я же почти выиграл тендер на поставку липкой ленты.

— Ваш долг больше 5 миллионов рублей, и вы подали документы на банкротство. Так?

— Липкая лента, это же скотч? — Денис опять вмешался.

— Скотч — это, блядь, виски, — Тимофеев завелся. Видимо, мозолью оказалась не измена жены, а неудачи в бизнесе, измены были следствием. — По-русски липкая лента, — Тимофеев вновь заговорил спокойно. — Я с пацанами из НИИ разработал уникальный клейкий состав, позволяющий работать при экстремальных температурах, но они даже посмотреть испытания не захотели. Не по-человечески. А почему? Да им занесли, — только сейчас Сибирский понял, что собеседник был нетрезв. — Разворовали страну. У-у-у.

Тимофеев по-простецки рассуждал о коррупции, а Кузнецова тем временем включила аудиосообщение от Кима и слушала его через беспроводной наушник. Судмедэксперт рассказал, что кровь под ногтями у жертвы с моста влюбленных оказалась ее собственная, а делали маникюр трупы, чтобы скрыть следы дерева. Маленькие ворсинки лиственницы. Из таких обычно делают бани. После этих слов Кузнецова почесала спину, расстегнув кобуру. Пришла еще серия сообщений и майорша вернула руку к мобильному. Виктор прислал серию фоток, на котором мужик похожий на Тимофеева перекладывает из японского универсала большой черный мешок, в такси. Садится за руль и останавливается возле места преступления.

— И, главное, кто меня обманул? — Тимофеев вошел в раж, но палил глазами каждое движение.

— Близкий человек?

— Мой и Нинкин однокурсник, Углов.

Кузнецова оторвалась от фотографий.

— А, так она с ним трахалась, — момент был подобран идеально. Сибирский пожалел, что рядом не было оператора. Иначе был бы отличный кадр в фильме: изображение увеличивается, и на экране остаются только глаза убийцы. — И за это вы ее...

— Убили, так? — Кузнецова потянулась за пистолетом. Денис посмотрел на ее руку и все понял.

Тимофеев рывком отклеил от днища стола примотанный липким скотчем обрез, подскочил, опрокинув стол и направил короткий ствол прямо в лицо Кузнецовой.

— Руки, — заорал Тимофеев.

— Тихо, — Кузнецова напряглась. — Тихо.

— Не ори на меня, когда я на тебя ору, — Тимофеев аж завизжал. — Ствол на землю.

Кузнецова медленно расстегнула куртку. Отстегнула кобуру с пистолетом и положила на пол. Тимофеев отшвырнул наградной ГТ. Дотянуться до него было невозможно, но Денис инстинктивно сделал шаг. В следующий момент, приклад ударил его в затылок прямо в то место, на котором еще красовался пластырь от недавнего падения со второго этажа. Денис потерял сознание, но не завалился. Тимофеев подтащил его к себе, усадил на стул и приставил ствол к ребрам.

— Стоять, — заорал Тимофеев майорше, которая попыталась провести контрприем и отобрать оружие. — Или я его пристрелю.

Момент был упущен. Сибирский был уязвим. Мозг майорши заработал. Контрприем, вероятность выстрела в журналиста 95 %. Шансы выжить после ранения в печень, с учетом удаленности скорой помощи — 20 %. В лучшем случае. Мысли понеслись в другую сторону. Она глянула в глаза Тимофееву: «Трус, может и зассать, но спяну, от испугу, пальнет наверняка». Был еще один прием — резкий удар ногой в руку, так, что ствол направится на нее и уже с ранением атаковать Тимофеева. Помирать не хотелось. Гражданским рисковать нельзя, тем более симпатичным ей журналистом. Надо ждать более удачный момент.

— Теперь обыскала его, все оружие мне.

Кузнецова облапала поникшее тело журналиста и отметила, то что под черной водолазкой тело у Сибирского было крепким и сильным, хотя пивной животик и опоясывал корпус. «Не без недостатков, промелькнуло в ее голове, но чертовски симпатично. Господи, о чем я думаю». Она профессионально показала безоружность Дениса. Тимофеев приказал майорше тащить его в баню. Сам же подобрал ТТ и последовал за ней, направляя обрез. Кузнецова застегнула курку, обдумывая план атаки, но все действия угрожали жизни Сибирского — рисковать было глупо. Она похлопала журналиста по щекам и тот пришел в себя. Майорша подняла его за руку и взвалила на плечо. Так вместе они доковыляли до бани. Запахло веником и морозом, который подсушил сырость. Заскрипел затвор на массивной двери. Они были заперты в небольшой темной комнате с печкой. Денис уселся на лавку, сознание вернулось, мозг запустил систему анализа данных и через секунду выдал: «Выбраться из бани невозможно».

Архива/Владимир и Елена/Гостья из прошлого/файл 70006

После странной консультации у психолога, которая закончилась групповухой, не было сомнений, что теперь их браку ничего не поможет. Видимо, они не созданы для моногамных отношений и все время стремились выйти за пределы культурных условностей, подчиняясь старым добрым инстинктам. Но Владимир запротестовал против запечатанных кодов эволюции и запер семью на замок. Следующие 3 года после неудачной терапии они прожили с Еленой почти без измен. Почти. Срывались обычно на праздники, особенно в первый год пуританского обета. Как опытные свингеры они быстро устанавливали контакт с парой и, распив безумное количество спиртного, уговаривали поэкспериментировать. Бывало и по-другому, индальгенция, например, выдавалась на корпоратив и этой возможностью пользовался каждый из них. Молчали. Просто молчали, складывая в сейф недовольство. Скандальные речи направляли в смежные рабочие темы общего торгового бизнеса. Но подтекст читали и слышали, зубами скрежетали. На весах с каждой стороны был такой ворох непреодолимых уже тел, что и топором не разрубишь. Они душили их отношения, и когда появился труп «бракованного» возле ЗАГС, Владимир без объявления войны пошел в ЗАГС. Он постоял в очереди, поглядел на суматоху и решил, что развод может и подождать. Пару праздничных недель уж точно.

В корпоративной предпраздничной суматохе Владимир и Елена редко оказывались дома днем вдвоем, но гостья из прошлого точно подловила момент и заявила без приглашения. Уселась на диван и несколько раз с сожалением произнесла, что 3 года назад они закончили психотерапию так толком ее и не начав. Владимир и Елена словно синицы в гнездышке внимали словам непрошенного гостя и хлопали перышками, пытаясь понять к чему ведется разговор. В итоге их вновь позвали на дачу. Развлекаться. Предложение

получилось еще более мерзким, чем в прошлый раз. Все шло без смазки. А чувство омерзения получалось притуплять лишь виски с колой.

— Мы разводимся и уже не...

— Не трахаемся с кем попало, — дополнила фразу Елена.

Все сникло. Стало тусклым. Бутылка виски опустела. Трепались о погоде, президенте и корпоративах. Гостья написала на салфетке адрес загородного дома на Синем утесе и сказала, что ждет хоть двоих, хоть одного. Встала и ушла, как будто ничего и не было.

Елена отлучилась на работу через час после прихода кошмарной гостьи из прошлого. А Владимир еще долго сидел, размышляя над тем, что бы этот визит обозначал. Возбуждение от воспоминаний нарастало, и взяв со столика бумажку он забил адрес в навигатор.

Когда он добрался до места на даче никого не было, никто не открыл ему дверь. У ворот он заметил следы, которые недавно оставила машина. Владимир нашел контакт Крапивиной, но абонент был не доступен и не собирался с ним устраивать оргию. Он внимательно изучил следы от машины и позвонил жене, догадка оказалась верной, она первая прибыла на место измены и отключила уже не только телефон, но и голову. Страсть поселилась и в его мозгу. Воображение начало хулиганить и выдергивать из недр памяти картинки трехгодичной давности. Владимир на секунду увидел, как его жена вздрагивает и замирает во время оргазма словно застывая в неге навсегда. Он включил флешку на которой были запись лекции Крапивиной:

— Какими бы ни были замечательными отношениями у супругов, гармоничный секс, радость удовольствий — неперемное условие счастливой пары. Это не значит, что хороший трах — залог крепкого союза, но отличная основа. Некоторые говорят, особенно девушки, секс это не главное, главное, чтобы человек был хорошим. Но это зачастую мина замедленного действия. Неудовлетворённость будет вылезать боком, агрессией, тревогой. Секс живет на уровне подкорки, там, где наши эмоции, чувственность, и если их нет, мы сами того не подозревая будем напрягаться. Поэтому прохладно относиться к сексуальным проблемам нельзя. Секс, если так можно выразиться фундамент, на котором можно строить настоящие глубоки отношения. И если фундамент начал разрушаться, рухнуть может весь дом.

Исходники/День 8/Томск. 29 декабря/Вечная мерзлота/ Файл 70007

Работая по окрестности Серов осматривал припорошённые тропы и наткнулся на свежие следы, которые вели в овраг за участок. Старлей включил фонарь и последовал тем же маршрутом. Перелез через забор, скатился в овраг на спине и вскоре оказался на месте преступления. Серов достал рацию.

— Прием, Федоров. Нашел тело, за домом в овраге. Возвращайте криминалистов».

Сообщение о новом трупе он отправил и Кузнецовой, но галочка в мессенджере не удваивалась. Текст до адресата не доходил. Сеть майорши была пустой, мобильный не отвечал. Связь в бане отсутствовала.

После того как их заперли, Кузнецова дождалась, когда услышит звук уезжающей машины и достала спрятанный телефон. Подсвечивая фонариком, она пыталась найти выход из сложившейся ситуации. Дверь. Врезавшись с разбега по ней плечом пару раз, она отступила. Окошко было маленьким примерно 20 на 20 см — тоже не вариант. Крепко сбитая избушка оказалась надежной морозильной камерой. Холод начал подбираться к телу и приклеивать ступни к стелькам. Озадаченная майорша села на небольшую скамейку и принялась искать дрова. Всего оказалось три полена, несколько досок ДВП и кусок бересты.

Кузнецова открыла печку, но совершенно не представляла, как все добро сложить и поджечь. Спичек не было. Денис рылся в карманах.

— Он вытащил твою зажигалку.

Кузнецова опять уселась на скамью и светила своим телефоном на печь. Денис аккуратно сложил бревна, распихал сверху дощечки и разложил между ними бересту. Он принялся искать по углам, в надежде обнаружить завалившуюся, случайно забытую спичку, но безуспешно. Только захотелось курить.

— Почему он нас не убил? — спросил журналист.

— Ошибаешься, он нас убил. И, похоже, в этой душегубке мы не первые, — Кузнецова посветила фонарем на дверь, на которой была выцарапано слово «помогите», с кровавыми следами от истертых ногтей. Фонарик пошарил по стенам бани и остановился на месте, где совсем недавно рубанок снял стружку. — Вот здесь скорее всего жертва накарябала обвинение или прощальную записку. Ким сообщил, что жертва была мертва за 48 часов до того, как ее обнаружили на мосту и под ногтями у нее нашли остатки древесины. Он запер ее здесь. И тут она умирала. Я так понимаю, он приехал сюда убрать оставшиеся следы преступления, но мы ему помешали. Тот еще извращенец, вот так обрекать людей на мучительную смерть.

— Не совсем мучительная, если быть точным. Мы просто заснем в определенный момент и все. Будет жутко холодно и страшно, но не больно.

— От этого не легче. Впрочем, не оправдывая Тимофеева, знаешь, не каждый может всадить нож в сердце.

— В кинематографе это называется женский способ убийства. Яд, змея или вот так в душегубке запереть.

Денис уселся на верхнюю скамью — полати рядом с Кузнецовой и прижался к стене. Ноги поджал к телу. Телефон светил вверх.

— Связи все равно нет, — Кузнецова вырубил телефон. — В темноте посидим, может удастся выйти, тогда и позвоним.

Мозг Дениса отчаянно искал выход. Он поприседал. Отжался. И сдался. Информация фильтровалась как песок на золотом прииске. Вскоре в голове появились отрывки из сценария 10-летней давности о замерзших бомжах и алкоголиках. В тридцатиградусный мороз тело остывает примерно на один градус в час. 29 критическая температура тела, после которой подоспевшие врачи уже могут и не откачать.

— Думаю, у нас часов 7 до смерти. Писал об обморожениях.

— Мороз нынче лютый, сегодня до минус 45 обещали.

— Пессимистка, — оба засмеялись. — Но в сознании будем находиться еще часа 4. Любое движение продлит жизнь.

— Засаекаю. 10 приседаний каждые 10 минут.

— Деревня близко от города, магазин недалеко, почему связи нет?

— Тимофеев инженер, скорее всего, тут дело в глушилке связи. Устройство метров на 10 блокирует сигнал. Я с такими встречалась, когда банду угонщиков фур брали. Маршрутизатор работает на GPS через обычную симку, а этот прибор блокирует его. Угнали, включили и не отследишь куда уехали, только по старинке план-перехват. Легальная, кстати, штука, 10 тысяч всего стоит.

— И где они облажались? ГЛОНАСС?

— Нет. Поймали мы их только, когда они фуру со спутниковыми тарелками угнали, там

и система защиты была спутниковой. Такой глушилкой не обойтись.

Зазвенел будильник на часах. Оба подскочили, бодро поприседали и вернулись в кокон.

— Есть идея.

Сибирский слез с верхней скамьи, достал полено из топки и шарахнул со всех дури по трубе, уходящей в потолок. Не поддалась. Журналист размахнулся и ударил еще. Майорша поглядела на него обреченно.

— Хочешь сломать трубу?

— А потом потолок. А потом крышу. Почему нет?

Кузнецова встала напротив печки. Сибирский еще раз махнул паленом по трубе. Опытная майорша наметила место соединения трубы и печки и с криком ударила ногой. Кровь прилила к замёрзшим пальцам. Труба покосилась. Кузнецова ударила еще и еще. Вдвоем они схватили за трубу потащили ее, пока та не отсоединилась от печки окончательно. Сибирский стал выбрасывать на пол круглые серые камни, которые лежали на печке и нужны были для пара. В детстве его отец любил плеснуть на них пиво или квас, чтобы запахло хлебом. Голод подобрался, мороз быстро сжирал энергию. Вдвоём они оттащили печь и попытались вытащить трубу. Раскачать ее, но та плотно застряла в потолке. Сверху она держалась на огромных хомутах. Кузнецова повисла на ней как на лиане, весом подергала, Сибирский тоже подцепился. Бесполезно. Майорша сползла на пол, закусил губы, ударила кулаком о пол. Ее лицо было в саже, в гневе и нравилось Сибирскому еще больше.

Сибирский еще поупражнялся на трубе, но скоро стало ясно: сражение проиграно. Они опять уселись наверх, скукожились и стали охранять оставшееся тепло. Прошел час. Температура тела была уже меньше 36 градусов. Денис улыбнулся, его поморило в сон, он предположил, что Ольга сейчас тоже спит в кресле самолета и думает о нем там, где-то на небесах. Может там и суждено им было встретиться. Кузнецова опрокинула голову назад. Ей все время мерещился звук мотора машины и вой сирены. Миражи. Услышав звук проезжающего трактора, она подорвалась и забарабанила в дверь с криками о помощи. Орала она спокойно и уверенно. Прекратив, обернулась к журналисту.

— Почему ты совсем не нервничаешь? — спросила Кузнецова.

— Ты рядом, думаю, спасешь меня от холода.

— Может стекло разбить и кричать, так будет лучше слышно?

— Бесполезно. Деревня. Даже, если услышат, не придут. Кто полезет через забор в чужой дом? А вот температура у нас тут упадет еще градусов на 5. А нам каждая минута дорога. Через два часа мы впадем в маразм, и если не убьем друг друга и не съедим, то точно вскоре заснем, но будем живы еще 3,4,5 часов. Если Серов не забухает, то нас точно найдут. Правда пальцы на руках и ногах нам скорее всего ампутируют.

— Сибирский....

Журналист улыбнулся. Поднес запястье ко рту, оттянул край варежки и подышал еще теплым дыханием на руку.

— Мы так в детстве делали.

Кузнецова достала из кармана термостельки, разломала, запустив процесс теплоотдачи. Одну отдала Сибирскому, чтобы тот погрел руки, вторую запихала в ботинок. От жары покалывало. Денис вежливо вернул вторую стельку

— Лучше греть руки, протезирование ног куда проще.

— Сепсис в большом пальце ноги чреват летальным исходом, — парировала Кузнецова.

Черный юмор был уже похож на психоз. Хоть бы уже кто-нибудь вспомнил о них.

СКЛЕЙКА

Серов не беспокоился о майорше, он возился с новым трупом. Елену нашли привязанной к дереву недалеко от дачи Крапивиной. Она была раздета догола, нож по самую рукоятку уходил в грудь. Серов сообщил криминалистам, что, кажется, нашел хозяйку одежды, которую они нашли на даче у Крапивиной. Теперь были 100 % улики против психолога, и Серов был доволен тем, что добыл их лично. Начальству он не спешил докладывать. Нужно подтверждение, даже этих очевидных фактов.

Джонни привык, что его жена отключает телефон, но сейчас он мучился мыслями о разводе и ему нужно было поговорить с женой. Он даже нашел номер ненавистного журналиста, который увлек ее в криминалистический мир, но и тот тоже был недоступен. Джонни походил по комнате в ожидании ответа. Мысли о разводе стали свербящей доминантой. Ему казалось, что эта жвачка «разводиться-не разводиться» вот-вот сдавит ему шею. Надо принимать решение, негоже жене шляться по ночам, искать преступников. Или еще что-то искать по ночам. Он быстро сел за комп и открыл чат с психологом, чаша переполнилась, и он договорился об офлайн встрече. «Немедленно», — потребовал он и получил адрес куда прибыть. Собравшись за секунду он пулей вылетел из дома. Если это не поможет, то ничто уже не спасет их/его брак.

СКЛЕЙКА

Остаться вдовцом до окончания консультации у Джонни было больше шансов. Термостельки давно остыли, холод скручивал ноги и колот акkuratно в центр большого пальца на ноге. Даже два часа на морозе казались для Кузнецовой адом.

— Иди сюда, — тихо экономив дыхание сказал Денис. Он обнял Кузнецову. — Стесняться глупо. Так теплее.

— По крайней мере это продлит наши жизни, — Кузнецова медленно на ощупь положила голову на плечо Сибирскому. Тот приобнял покрепче как друга и как любовницу, дыханием обдал ее лицо. Взгляды встретились в темноте. Кузнецова уткнулась в воротник журналисту и заскулила. Ее трясло. Рефлекторное движение организма, который все еще пытается выделить тепло. Их ноги сплелись и действительно стало теплей. Температура тела опустилась до 35. Через час начнется бред. Зазвонил будильник. Сил на приседания уже не осталось.

Денис аккуратно убрал волосы с лица майорши, поцеловал ее в лоб и прижал еще сильнее, он отдавал ей все свое тепло, понимая, что это хватит ненадолго. Слезы появились на глазах Кузнецовой. Денис поцеловал в глаза, в губы. Она ответила. Тепло вместе с возбуждением пробежало по всему телу. Она плакала и продолжала целовать журналиста. Он ей нравился. Нравилось его тепло.

— Думаешь, это нам поможет согреться? — спросил Сибирский, зная ответ.

— Господи, я уже не чувствую пальцев.

Денис взял ее руку и направил под куртку. Она расстегнула немного замок на пуховике снизу и протянула кисть под свитер, под водолазку. Холодная рука оказалась на еще теплом животе. Сибирский вздрогнул, но терпел. Постепенно рука согрелась. Собрав последние силы, майорша впиалась синими губами в Сибирского. Целовалась отчаянно как в 10 классе. «Выжить», — стучало в ее голове. Возбуждение прокатилось по телу журналиста. Он поправил руку Кузнецовой, и та оказалась на его ширинке. Их трясло. От холода, от страха, от желания. Кровь пульсами отсчитывала секунды их жизни. Насос сердечный закачал на

полную мощь, может быть, в последний раз. Инстинкт выживания заработал на полную, как и инстинкт сохранения рода человеческого. Уставшие души успокоились и предоставили место гормонам решать что делать. Они еще раз поцеловались и легли на полати. Загремели ковшики и тазы. Губы продолжали жадно впиваться в друг друга. Руки быстро расстегивали все утеплители, минимально давая морозу проникнуть к голым местам. Денис вошел в нее, остановился на мгновение. Во тьме не было видно какие глаза у Кузнецовой, он решил, что счастливые. Закрыв свои очи и погрузился в теплый, безумный, страстный процесс.

После секса они еще несколько секунд обдавали своим теплым дыханием друг друга. Кузнецова скромно засмеялась. И попросила не выходить.

— Мы заперты? — напомнил Денис.

— Я не об этом.

Они еще полежали. Сибирский вновь поцеловал Кузнецову в покусанные замерзшие губы. Тела стали остывать. Они быстро рассоединились. Застегнулись, заканопатились, обнялись, сплелись. Выжить.

— Что мы будем делать дальше? — Кузнецова.

— Греться еще раз?

— Оптимист, — они оба засмеялись. Обнялись.

— Давай наскребем предсмертные записки на стене?

Голова Кузнецовой на время забыла о смерти. Доминантой теперь был секс, точнее его последствия. Майорша вспомнила о муже. Она никому никогда не изменяла, и это чувство колкости где-то в груди вызвало тошноту. Голова закружилась. «Надо, наверно, разводиться, подумала она. Точка невозврата пройдена».

— Думаешь, Ким расскажет Джонни, что обнаружил твою ДНК в моем трупе?

— Надо написать на стене и все объяснить, — шутки тоже стали замороженными.

— Зачем на стене, мой телефон еще не сел. На нем и напишем. Связь появится и все сообщения дойдут.

Она достала телефон, сигнал отсутствовал.

— Класс. Кинематографично получится. Представь. Мужу уже сообщили, что ты умерла, он ревет, рвет волосы. И тут, сообщение с того света: «Прости я ...»

— Назови номер своей невесты, я ее тоже обрадую.

— Лучше заранее Киму напиши и предупреди о следах моего ДНК в твоём теле.

Они поцеловались.

— Может и не стоит ничего писать. Так выживем, — Сибирский еще поцеловал Кузнецову. — Насколько, ты говоришь, работает глушилка?

— По-разному. Метров на 5-10 точно.

— Есть идея, как не умереть.

— Сибирский, меня уже не надо соблазнять. Я на все согласна, — она опять покраснела в темноте.

Денис прыгнул на пол, взял серый бульжник, подошел к окну и с силой бабахнул по нему, стекло треснуло и ветер задул снежинки в баню.

— Отлично. А то слишком жарко стало от напряжения. Ты с ума сошел?

Сибирский аккуратно отколол осколки. Подошел к Кузнецовой, забрал телефон, поцеловал и начал строчить текст.

— Ты собираешься выбросить телефон? — догадалась майорша.

— Если повезет, он найдет связь и отправит всем сообщения.

— Это мне нравится гораздо больше чем секс с тобой, — Кузнецова засмеялась.

— Ты врешь?

— Вру.

Денис написал сообщение Ольге, сестре, Мишане и Лирику и передал телефон майорше. Она набрала текст Серову, Тамакину и в службу спасения. Сибирский забрал телефон отошел от маленького окошечка, замахнулся словно собирался пустить плоский камень по водной глади, и бросил. Смартфон по касательной приземлился на замерзший слой снега, проскользил еще метр и уткнулся в снег.

Мои документы/День 8/ Томск. 29 декабря/Прилетела/Файл 70008

Ольга просидела час в аэропорту. Денис не встретил, и не отвечал на звонки. Она прогуглила гостиницы и забронировала билет на завтрашний утренний рейс. Выпила кофе, пошарилась по ларькам с сувенирами. Засунула гордость поглубже и позвонила сестре Сибирского, которая еще недавно приглашала ее в гости. Геля трещала как сорока, улыбка на лице Ольги засияла и вскоре таксист высадил ее возле старой пятиэтажки.

— Если каждый раз я будет его ждать, то лучше уж и не выходить замуж, — Ольга отхлебнула горячего чая, и тепло прокатилось по телу как будто дали отопление. К такому холоду она не привыкла. Но что-то в этом морозе было обволакивающее и веселое.

— Ой, он такой всегда шебуршной, но на самом деле он боится. Боится длительных отношений. Не парься, так-то он парень верный. И вообще я его люблю. Брат. Мы же с ним все детство были вместе. Я и мужу своему детей не рожала пока он не поступил в универ, только потом...

— Родители умерли, он мало об этом рассказывал.

Геля помрачнела и прикусила щеку пытаясь понять надо ли рассказывать, всю правду. «Дениска сам не сможет. А тайна вскоре станет ужасной явью. А это женщины считают предательством. Так что лучше я», — Геля выдохнула, взяла бутылку вина из шкафа и два стакана. Поставила их на стол.

— Он так и сказал: «умерли»? Ну да. Умерли. Для него. Оба. Мама наша на кладбище это правда, но отец... — она помедлила. — Он сидит в тюрьме. Скоро должен выйти, или уже вышел. А может быть опять сел, не знаю. Денис с ним не общается, и для него он и правда умер.

Ольга напряглась, а Геля разлила белое по бокалам. И тут же выпила до дна.

— Ему было 10, когда родители поссорились. Они тогда вообще ярко и красочно ругались, с деньгами были проблемы, отец пил и все это так возмущало мать, что в ход шли кулаки. Не каждый день, нет. Мы часто все вчетвером проводили время, мама в театр даже билеты доставала. В лес, шашлыки. Но когда становилось туго, отец пил, день-два, иногда три. Денис очень его любил. Хотел быть похожим на него. Как все мальчишки. Мать, конечно, была с характером, поэтому часто и тянула всю семью. Отец не бил мать никогда, защищался от ее побоев, но иногда так рывкал, что мне становилось страшно. В тот момент меня интересовали мальчишки и все эти скандалы мне были по барабану, пока однажды отец не вошел в комнату и не сказал, что убил мать.

Теперь и Ольга выпила до дна.

— Мне отец сказал, что это случайность и самооборона. Мать на него кинулась с ножом, ну, а он инстинктивно... А следователям ничего не сказал, просто взял и сбежал в тюрьму. Я потом бегала к этим следакам, просила, умоляла. Но им надо галочку поставить, дело закрыть и забыть. А Дениска... он ушел в себя. Был ребенком, у тут раз и сразу...

Геля налила еще вина и выпила. Ольга последовала ее примеру.

— Страшно. И жутко. Я и не помню половины. Миллениум праздновали. Всё мимс прошло. Ужас. Отцу дали 8 лет. Но он в тюрьме кому-то голову проломил, и потянул второй срок, 20 лет как его не видели. Ты, наверное, в шоке, но должна знать за кого замуж выходишь. Хотя мне вот муж сказал, что его отец был 4 раза женат, а мне пофиг. Теперь одна с детьми, а он и Новый год где-то в другом месте отмечать собирается. Да и бог с ним. Чет я не то ляпнула, — Геля отхлебнула. — Ты не бойся, Денис ни с кем никогда не дрался. Вообще старался в руки нож не брать. Это была случайность.

Ольге стало безумно жаль Дениса. Того десятилетнего мальчишку, который вмиг осиротел.

— Для брата отец умер. А я отцу верю. Не мог он специально убить маму. Скорее всего случайность, как он и рассказывал. Он поэтому и ушел в тюрьму. Самонаказание, — Геля помолчала, вино не пьянило совсем. — А Дениска верный. Это гораздо важнее.

Исходники/ День 8/ Томск. 29 декабря/Видение/Файл 70009

Кузнецова сидела на Сибирском прижавшись всем телом и дышала в воротник. Во второй раз было дольше, тише, с оргазмом и с надеждой, что их найдут.

— Давай о чем-нибудь поговорим, — Сибирский инстинктивно зевнул, восполняя запасы кислорода.

— Об убийстве?

— С последним все ясно. Тимофеев знал, что жена ему изменяет, а тут еще и тендер проиграл любовнику. Тюкнул по голове Нинку, притащил сюда и дождался пока она не алё, замерзнет насмерть.

— Вот только почему он ее не закопал где-то в лесу, в тайге?

— Стали бы искать, дальние родственники, друзья, любовник, например. Могли бы найти следы в бане. Тело могли обнаружить, рано или поздно, а как ты знаешь муж — первый подозреваемый.

— А может не до конца удовлетворение получил. Убил изменщицу, а поделиться не с кем. Он же мстил ей за обман, мстил ей и любовнику. А как он увидит слезы любовника, если труп не нашли.

— Прятать было невыгодно. Видимо, решил: пока маньяк в городе, все свалить на него. И отомстил, и подозрения от себя отвел.

— Но провести опытного следователя не так-то просто.

Разговор принял дружеский характер, но после секса отношения изменились, чувствовалась какая-то тактильная неловкость. Жесты, мимика, прикосновения теперь имели другой оттенок, поэтому Кузнецова сидела почти не шевелясь.

— Я совсем замерзла.

— Скоро температура тела совсем упадет, и мы начнем бредить. Жаль, телефон выкинули. Могли бы записать.

Темный стальной корпус утопал в снегу. Маленькая буква Е пробивалась маячками на экране в углу, сообщая, что антенна ухватила слабый сигнал. Мессенджер заработал и начал отправку первого сообщения. Батарея от холода жрала ресурс, телефон перешел в режим энергосбережения. Ольга получила известие первой. Сибирский прислал ей телефон Гели и просил связаться с ней. Получив сообщение с неизвестного номера Ольга перезвонила в ответ. Еще раз и еще. От вибрации телефон утопал все глубже в снег. Вскоре и Геля получила сообщение. Брат просил встретить невесту и напоить чаем. Они же пили вино и

звонили по очереди. Телефон мигнул последний раз и засверкал черным отражая туманное от жуткого мороза небо. Заряд закончился, телефон сел.

Три часа в ледяной клетке. Температура тела 34,5 градуса. Ферменты мозга снизили активность, метаболизм упал на 5 процентов. Память и рассудок на грани. Секс разбудил тело, но время брало свое. Они уже не чувствовали ног и рук. Глаз а были закрыты, на ресницах появился иней от робкого дыхания. Говорили медленно.

— Остальные трупы на Крапивиной. Это же очевидно.

— Все складывается в ее пользу. Мотив?

— Она верила в свою миссию — спасти браки, людей. А тех, кто не хотел спасаться, она заставляла. Не удивлюсь, если она раньше под вывеской психолог-экстрасенс подрабатывала.

— Ага, с ее-то шрамом самое оно. Но эти убийства только ей навредили. Жила припеваючи, капустку рубила. Адвокат разобьет все наши размышления, если на даче улики не найдем, — зуб на зуб не попадал. Опять стало трясти, судороги. Кузнецова вцепилась в журналиста. Отпустило.

— Давай опять начнем сначала. Если не Крапивина, то кто?

— Скажи я такое начальству, меня бы выгнали без выходного пособия, — истерический смехок опять пробежал по телу, нос стал совсем белым, но в темноте его было не видно — Я не могу больше терпеть этот холод, — закричала майорша.

— Все указывает на нее. Порой даже нарочито. Как будто кто-то хочет ее подставить.

— Так же как Снегирева и адвоката.

— И кому выгодно все свалить на Крапивину?

Инсайд или бред низких температур поразил обоих.

— Кораблева ..., — оба вымолвили вслух эту фамилию и поняли, что сейчас самое время было бы появиться Серову.

Никого не было. Ветер завывал вместо деревенских собак, которые попрятались в хозяйских домах. Тишина. Они заснули, обнимая друг друга.

.....

Телефон надо ставить на беззвучный, когда идет съемка. Посторонний звук в эфире — брак. Операторы не любят делать лишний дубль. Да и звонить было некому. С Сибирским обо всем условились. После дачи Крапивиной он поехал в город. Набрать планы. Выполнив задание, приехал в гостиницу и ждал прилива мужества, чтобы позвонить пылкой Вике. Виски не хотелось, телевизор вещал детектив. На нем и залип. Вздремнул во время перехода на любовную линию, проснулся от автоматной очереди и звука полицейской сирены. «Надо позвонить Вике. С другой стороны что ей сказать. Приезжай потрахаемся? Пошлет подальше. Тем более она к Сибирскому как-то равнодушна. Да и в прошлый раз он с ее подружкой закутил. Выпить. Зачем? Чтобы уснуть. Вдох-выдох. Ванная. Горячий душ. Одиночный секс». Неказистость Мишани всегда была его бичом. Некрасив, как сучковатое полено. Недотесан. Брал брутальностью, нахрапом и южной развязностью, которая скрывала юношеский страх отказа. На красоток и не заглядывался, предпочитал все усилия направить на неказистых девушек, которым, как считал он, любой мужик уже что-то. Вика была другая, такую можно и в жены взять, и родственникам показать не стыдно. Хотя она и шаболда, с темным прошлым, но кто о нем на юге знает. Вышел из ванны, телефон маякнул. Сообщение. Мишаня вытерся и голым прошелся через номер, тело съежилось, скукожилось. Сибирский просил о помощи. Странно. Заперт в бане с Кузнецовой, в деревне. Спасать.

Умирает? Мишаня позвонил Серову, тот не ответил. Ругаясь крепкими словами, оператор стал одеваться.

Звонок оператора старлей пропустил, как отвлекающий. Еще один труп. Мужа Елены — Владимира нашли с тремя колотыми ранениями. Кузнецова не отвечала, хотя такое случалось «почти никогда». Серов командовал сам.

СКЛЕЙКА

6 часов на морозе. Температура тела упал до 31. Сонная апатия, снижение артериального давления. Кузнецова попыталась открыть веки, но смогла лишь приподнять одну. Джонни стоял напротив и критически смотрел на супругу.

— Извини, это не то, что ты подумал. Мы могли умереть от холода.

Призрак Джонни развернулся и вышел, громко хлопнув дверью. Мираж рассеялся. В дверь зашел отец.

— Он тебе никогда не подходил. Он не любил твою работу, значит, и тебя не любил.

— Папа.

Отец превратился в какую-то девушку.

— Ты забрала его у меня, украла. Прямо перед свадьбой. Воровка.

Вымышленная невеста Сибирского растворилась. Появился доктор в халате.

— Вы согласны на аборт? О последствиях предупреждены. В вашем возрасте это может быть критичным. Слышишь, убийца?

Удар по щеке.

Еще удар. Кузнецова полностью открыла одни глаз. Мишаня улыбнулся, что-то сказал, оторвал от Сибирского, к которому она успела примерзнуть, подхватил под руки и потащил в дом.

Дениса трясло, знобило и колотило, но самое страшное осталось позади, он ни о чем не думал. Кузнецова оказалось более стойкой или Денис отдал до капли все свое тепло.

Она, сидя под одеялом, выкрикивала команды Мишане, и тот суетился, спасая друзей. Закидал их теплыми одеялами, вскипятил воду, разбавил ее до 30 градусов и уже теплой поил их с ложечки. Интернет подсказал дать «переохлажденным» таблетку ацетиловой кислоты. Потихоньку жизнь и тепло возвращалось к ним и Кузнецова кратко по телефону описала ситуацию Серову и полковнику Тамакину. Жернова полицейской машины заработали.

Подъехала скорая помощь. Щеки Дениса постепенно стали красными, как проблесковые маячки, ног он по-прежнему не чувствовал, но уже готов был бежать, брать Кораблеву. Кузнецова взяла его руку под одеялом, так чтобы Мишаня не видел. Они решили все дела перебросить на следующий день. Выжили. Уже отлично. Остальные проблемы можно решить завтра.

Исходники/День 9/ Томск. 30 декабря/Договор/ Файл 80001

В больничной палате было тепло. Во снах — холодно. В душе — смятение. Врачи вкололи снотворное и увезли отогревать. Проснувшись в 4 часа ночи, Сибирский первым делом проверил руки и ноги. Пальцы на месте. Все ногти на ногах и частично на руках почернели. Выглядело это жутко, но, в сущности, не предвещало никаких трудностей. Ерунда. Вырастут новые.

Мозг всю ночь рисовал встречу с Кузнецовой. После освобождения из ледяной бани им так и не удалось объясниться. В голове же майорша представлялась в разных ипостасях. Строгая с шишкой на голове говорила, что секс был единственным способом спастись. Милая озябшая в пуховике и перчатках прижималась к груди Сибирского, глядела исподлобья и просила никогда ее не бросать. Воображаемая с пистолетом в руках велела забыть о сексе в бане навсегда. В последней сценке мозг нарисовал Кузнецову в том самом вечернем платье, вымышленная майорша предлагала подменить Ольгу на свадьбе. Так подсознание готовилось к трудному выбору, который вскоре предстояло сделать.

Перед тем как врачи вкололи ему снотворное Сибирский попросил Мишаню найти ему новый телефон. Теперь он лежал на прикроватной тумбочке. Денис за несколько минут разобрался с деталями, загрузил необходимые приложения и через мессенджер послал сестре сообщение о том, что он вновь в больнице. И вновь ничего серьезного. Галочки под текстом, на удивление, быстро стали синими. Высветился входящий вызов.

— Ты конечно псих, брат: заставил ее сюда приехать и не встречаешь, — прохрипела сестра. — Идиот. Что случилось?

Сибирский кратко поведало бане, не вдаваясь в подробности. Не упоминая, что был на грани смерти, умолчав о способе выживания. В ответ Геля поведала о вечернем разговоре с Ольгой.

— Я ей все рассказала, про всю нашу семью.

— И как она отреагировала? — Сибирский застыл.

— Попросила достать вторую бутылку вина, — Геля засмеялась. — Я не могла молчать, да и понимаешь, братец, женщины ненавидят такие сюрпризы, они должны знать от кого потомство получится.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Денис. — Я сегодня скорее всего на целый день в больничке или на съемках. Можно тебя попросить понянчиться с Олькой еще денек. Стань ее подружкой невесты. Сходите выберете платье свадебное. Только пиши сколько надо перевести денег.

— То есть моя задача покараулить, чтобы она не сбежала?

— Она уже здесь, следовательно, ко всему готова. В отличие от меня.

— Слушай, индюк, она прилетела за 3 с половиной тысячи верст к тебе. Если ты ее про..., — она хотела матюгнуться, но прикусила язык словно вспомнив, что Денис ее младший брат, — не проворонь ее. Она, конечно, не идеал, но нормальная, — после нравоучений повисла пауза. — Надеюсь, на платье для подружки невесты денег хватит?

— Даже и не думай.

— Жадина.

— Шутка, конечно, без вопросов.

— Тогда возьму самое дорогое. Ладно. Ольга позвонит, как проснется.

Корпус телефона был в липкой мази от обморожения, которой обильно были смазаны руки и лицо. Денис аккуратно промокнул лоб и щеки простыней, вытер экран и, натянув на руку край наволочки, продолжил серфить в интернете. Надо было выяснить расписание новой подозреваемой — Кораблевой.

СКЛЕЙКА

Кузнецова была дома. Будильник был заведен на 7 утра. На 8:45 значился допрос Кораблевой, у которой на первую пару стоял зачет.

В ледяной бане майорша почти не пострадала. Вечером в больницу она приехала для контроля состояния. В полночь в палате устроили совещание с Серовым, Федоровым и полковником Тамакиным, который присоединился к ним по видеосвязи. Старлей сообщил, что подозреваемого в покушении на жизнь Кузнецовой и Сибирского Клима Тимофеева взяли при подъезде к Новосибирску. Местные ребята, говорят, что он признался и в убийстве жены, которую позже скинул с моста влюбленных. Кроме того, Серов с гордостью объявил, что найдены весомые улики против Крапивиной. На вещах, обнаруженных на даче психолога присутствуют ДНК трех жертв: Снегиревой, Селютина и адвоката Пучкова. Дополняют картину трупы Елены и Владимира Гореевых рядом с дачей. Серов кратко описал Кузнецовой как нашел их, отметив, что на теле мужчины несколько ссадин и ушибов — следы борьбы. Есть надежда, что криминалисты или судмедэксперт обнаружат новые улики.

Чуть позже к беседе подключили видеоассистента Виктора, который нашел записи с камер наблюдения возле дома, погибшего рядом с ЗАГСом Селютина. Виктор вновь идентифицировал старый белый Прадик. В эту машину в 16:27 сел мужчина похожий на погибшего и женщина в форме Росгвардии. Полностью идентифицировать личности и госномер машины качество записи не позволяет. Это было итак ясно. Но Виктор отработывал свой маленький оклад с лихвой.

— Сопоставив фигуры погибшего и предполагаемого убийцы Селютина, удалось установить рост женщины — 1 м 70 см.

— Какова погрешность? — Кузнецова знала рост Крапивиной — на 5 сантиметров больше. Кораблева была 1 м 65 см.

— Учитывая каблук, снег, угол съемки, даю не более 4, максимум 5 сантиметров.

Кузнецова написала криминалистам, чтобы они сообщили, нашли ли ДНК последних жертв в дачном домике психолога. В ответ те проинформировали, что следы от машин возле ворот дачи Крапивиной принадлежат автомобилям, которые числились за Владимиром и Еленой. Эти автомобили найти не удалось. Работает ГИБДД.

По последним жертвам складывается ощущение, что Крапивина прокололась. Зачем мужу и жене приезжать на разных машинах? Плюс нехарактерная рана. И одна жертва привязана и казнена, вторая просто убита и брошена. Крапивина приехала с Еленой, завела в лес, убила, и тут появился муж. Схватка и второй труп.

Кузнецова позвонила судмедэксперту Киму и попросила внимательно изучить ногти жертвы. Была надежда получить ДНК преступника.

По итогам совещания составили незатейливый план: найти Крапивину и выбить показания. Простота — залог хорошей работы и плохого кино.

Когда все разошлись, Кузнецовой вновь позвонил полковник Тамакин. Говорил жестко, по-деловому. Было слышно, как он себя сдерживает, чтобы не переходить на табуированную лексику. Распекать майоршу было за что. Взять гражданского на задержание — вверх

непрофессионализма. В итоге он попросил майоршу составить сверхточный и правдивый рапорт о происшествии в доме Тимофеева.

— Я тебя отстранять не буду, — заключил полковник. — Хотя по уставу надо бы, и немедленно. Но, если дело попросят следователи ФСБ, они за эту бумажку уцепятся и на пушечный выстрел тебя не пустят к делу. Так что у тебя мало времени.

— Поняла. Спасибо.

— Сначала бумажку напиши, потом все остальное. И еще — не застревай на одной версии, всегда две дополнительных в рукаве.

— Как вы и учили.

Когда все ушли, Кузнецова осталась одна. Надо было писать сверхправдивый отчет. Стоит ли указывать о сексе или считать, что его незначительной деталью, не имеющей к происшествию никакого отношения? Теперь с этим жить. Зашел врач. Отвлёк. Повторно осмотрел Кузнецову, измерил давление, выписал мазь от обморожений легкой степени и отпустил домой. Кузнецова вызвала такси и вскоре оказалась одна в пустой квартире. Джонни исчез, словно ему все стало известно. «Психанул и опять сбежал, — подумала Кузнецова. — Хотя ноутбук стоит. Вещи не собраны, как в прошлый раз». Майорша забеспокоилась, телефон мужа не отвечал. Она позвонила Серову и аккуратно попросила найти Джонни. Ему можно было доверять. Старлей уже находил Джонни, когда тот ушел в запой со старым другом.

СКЛЕЙКА

Скрытка и маленькая осмо камера со стабилизацией изображения — все оружие, которое было у Мишани. Он стоял в курилке недалеко от входа, где дымили студентки, которым Кораблева назначила зачет на утро. Вскоре подошел Сибирский и тоже засмолил, удерживая сигарету перчатками. Пока курили, оператор рассказывал Сибирскому, как безуспешно вчера вечером пытался вызвонить Вику и ее подружек. Только утром списались. Денис уточнил, не проболтался ли Мишаня про свадьбу, и тот виновато кивнул. Вика согласилась стать его спутницей, не без удовольствия, чуть краснея, добавил оператор.

В учебном корпусе их уже поджидала Кузнецова. Взгляд в пол, деловая. Сходу майорша начала делиться инфой о следствии. Рассказывая о 7 и 8 трупе, она забывшись взяла Дениса под руку, но очнувшись отдернула. Под конец разговора внезапно чмокнула Мишаню в щеку и поблагодарила за вчерашнее спасение тела и души. В голове у майорши крутились мысли о том, что им надо остаться вдвоем с Сибирским и обо всем поговорить, но подходящего момента не было. В 4 утра, чтобы заснуть, ее мозг окончательно заглушил чувство вины, и договорился с дьяволом: Кузнецова собиралась придерживаться позиции, что секс с Сибирским был исключительно ради выживания, то есть как бы и не было. С этим решением она пришла и к журналисту, но сил вынести приговор не оказалось. Сосредоточилась на работе.

Олеся Кораблева влетела в учебный корпус и сразу прошмыгнула к вахтеру за ключом. На ходу она скинула шубу, а шапка — осталась на голове. Серов, таившийся на лавочке возле входа, подпрыгнул и перекрыл пути отхода. Кораблева остановилась. Быстро глянула на студентов, на майоршу, обернулась, и, словно обдумав какой-то план, твердо пошла к аудитории. Девочкам она предложила не спешить, сказав, что у нее есть дело с представителями власти. Она пригласила троицу в холодную аудиторию и изобразила улыбку. «Не сбежала, а жаль, тогда бы было проще», — подумал Денис и вновь засомневался в правильности своих выводов. Ну какая из этой пухлощеклой женщины серийная убийца, да

и сил у нее в руках куда меньше, чем у Крапивиной. Кроме того, она никаким боком не была привязана к следствию, и не обладала никакой информацией.

— Вы не за той гоняетесссь. Крапивина не убийца, — растягивая слова заговорила краснощекая с мороза Кораблева.

— А ваше алиби на весь вчерашний день?

— Так зачетыыыы.

— Вы их перенесли на сегодняшнее утро и день, а вчера сбежали с кафедры после нашего разговора. Куда?

— Одна гуляла по город... Офстальное не могу говорить, боюсь подвести доверившего мне человека.

— Уж не Крапивину?

— Неважно кого, но считай, алиби у меня нет.

«Не такая простая она», — пронеслось у Дениса в голове. Мозг начал искать нестандартные пути решения и выдал, увязав прошлый разговор, метод Крапивиной: «Надо в лоб говорить об интимном».

— А с Крапивиной вы где, сексом занимались. Впервые?

— Вы про секс, вы опять будете этим шантажировать? — по-крысиному улыбнулась Кораблева, эта часть беседы казалась ей безопасной. — Записывайте. Есть турбаза унифверситета фв Киреевске. Мы туда ездили всем факультетом пьянствовать, посвящение в студенты и всякое. Поселились там с Крапивиной, молодые были, я аспирантка только попала фв преподавательскую тусовку. Выпили. Много. Я не помню, как оказалась с ...

— Помните, — резко и зло сказала Кузнецова.

Кораблева сузила глаза.

— Стыдно. Мне, немного, — выдохнула Кораблева.

— Мы подождем, — Кузнецова была сурова.

— В разгар праздника все смотрели посвящение, студенческий концерт. А Крапивина закрыла наш домик, задернула штору и схватила меня своими ручищами. Властными. Она фвсю жизнь то в теннис, то в бейсбол, то в качалке. А я слабая. Ффф общем, она меня схватила за все места, повалила на скрипучую сетку, — Кораблева кинула суровый вызывающий взгляд на Дениса. — А затем сняла свои джинсы и уселась мне на лицо. Еще подробностей?

Интервью можно было заканчивать, переиграть оппонента не получилось, границы проведены настолько четко, что надо было протягивать руку и предлагать ничью. Так Кузнецова и поступила.

— Где она сейчас? Вы ее видели вчера или позавчера?

— Нет.

— Где она? — Кузнецова повторила вопрос.

— Она не убийфца и точка.

— Мы можем вас арестовать по подозрению в соучастии в преступлениях. Хотите пойти вместе в тюрьму?

— Я доверяю полиции, — Кораблева опять учтиво, лживо и толерантно улыбнулась. — И, если вы считаете, что виновата я, то я готова хоть все праздники провести в тюрьме, — все буквы были произнесены точно и выверено. Подготовка.

— Так и сделаем, — Кузнецова встала, — одевайтесь. — Спасибо. Я никому так подробно не рассказывала. Трудно было. Весь день чувствовала, что просто надо кому-то

выговориться. Вам самое то. Камень с души упал. Если бы не ваша скрытность, вы бы тоже стали хорошим психологом, Денис. Но в этой профессии приходится рано или поздно даже самых сильных демонов выгонять наружу.

«Мы опять стали чем-то вроде психологической помойки», — подумал Сибирский и почувствовал приступ тошноты. Тошно стало и от того, что совсем недавно он сделал такой же помойкой свою сестру. «Лучше использовать под эти нужды специально обученных людей».

Студентки «на ура» восприняли отмену зачета и засобирались по домам. Серов посадил Кораблеву в ментовский уазик и увез в отделение. А Кузнецова с журналистами стояли в растерянности возле джипа майорши. Делать было нечего. Абсолютно.

— Нам бы поднять квартиру Крапивиной и гараж, — заикнулся Мишаня.

— Да, конечно, возьмете ключи у криминалистов, я им позвоню.

Заиграл рингтон: «Наша служба и опасна, и трудна». Майорша, словно из кобуры, выхватила из кармана смартфон и вытянулась, выслушивая речь начальника, после чего засобиралась. Покраснела и, не поворачиваясь, пробурчала:

— Денис, запрыгни ко мне в машину, на пару минут.

Подогрев сидений еще не успел сделать нахождение комфортным. Сибирский ерзал. Обмороженные пальцы вновь начали покалывать.

— Крапивну объявили в розыск, по телевизору уже ее фотку показывают, так что будем ее ловить.

— Ты рассказала мужу?

Кузнецова покачала головой, собрала волю в кулак, замолчала и сделала козлиное лицо — глаза в кучку, взгляд в пустоту, на устах немое «отвали».

— Нечего рассказывать. Выжили. Это главное. Так и поступим. Будем считать, что ....., — слово «секс» ей всегда давалось с трудом. Она опустила глаза.

— Будем считать, что ничего не было, — помог ей Денис.

Подобное решение этого щекотливого вопроса для каждого из них было оптимальным. Забыть, как страшный сон, вытеснить из реальности и продолжить жить, в соответствии с предыдущим планом. Сибирский вышел и, не оборачиваясь, пошел в горку от 4 корпуса ко второму. Для пущей серьезности достал телефон и позвонил продюсеру. Кузнецова дернула рычаг коробки передач и выехала на дорогу.

— Дура, дура, дура, — прокричала она, ладонями барабаня по рулю.

Сибирский позвонил продюсерам и заставил их поработать. Он понимал, что это его последний фильм на канале, поэтому дерзил и требовал от новой начальницы много и всего. Точнее спикеров. Психиатров, бывших следователей, коллег и знакомых Крапивиной. Был послан твердо и уверенно. Мария Витальевна уже прямым текстом объявила ему благодарность за работу и попросила как можно скорее дописать сценарий и приступить написанию другого текста — «заявления об увольнении по собственному желанию». Желания уходить не было, и мозг все еще отчаянно боролся за место директора программы о самых громких преступлениях в России. Сибирский искалзацепки. Вскоре из памяти был выхвачен фрагмент беседы с предыдущим директором Игорем, он всегда хвастался своим назначением: бомбический фильм о маньяке, который держал в подвале девушек, сделал его знаменитостью местного масштаба, да такой, что вскоре Игоря повисили. «Найти Крапивину. Записать с ней интервью. После этого его не тронут. И, возможно, выкинуть эту стерву Машу, которая официально еще не вступила в должность», — план был прост, но

пока не реализуем.

Вместе с Мишаней они отправились за ключами от квартиры и гаража Крапивиной. Кузнецова не подвела и действительно дала им разрешение на съемку. Они прошли по коридору, где работали криминалисты, и остановились возле кабинета. Недовольный, тощий, жилистый сотрудник, тот который был на даче у Крапивиной, заставил расписаться их в протоколе и скрылся в лаборатории. Через пару минут к дверям подошел сухой старичок под сотню лет. В руках он с пиететом нес нож в прозрачном пакете.

— Орудие с последнего убийства? — Сибирский подошел поближе. — Настырные журналисты, Ким про вас рассказывал. Хотите все знать?

— Чертовски любопытно.

Старичок достал телефон с большими цифрами и неспешно набрал номер. Он объяснил судмедэксперту Киму, что перед ними стоят журналисты и просят информацию. После чего положил трубку.

— Пашка сказал, вам можно доверять, но я думаю, он просто вас не хочет больше видеть и поэтому разрешил мне все рассказать самому. Слушайте. Девушку, женщину убили аккуратно и точно, она была привязана. А вот мужика пришлось сначала пырнуть в живот. Видимо, защищал жену или вырвался. В общем, там не все так просто, лишь третий удар ножом оказался фатальным. И не в сердце, как у других, а в шею, в яремную вену. Это Ким все определил, с его слов. А я на ножах специализируюсь. Альберт Сергеевич Востриков, — он протянул костлявую руку. — Ким меня вызвал из Новосибирска. Сказал, можно привязать какое-то архивное дело, которое вы и раскрутили. И я вам скажу, по первому взгляду это точно один и тот же вид ножа, что и в убийстве недельной давности и трехлетней. Скоро я соотнесу следы на трупах с зазубринами на клинке, чтобы можно было подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что во всех 4 убийствах присутствовало один и тот же нож.

— А когда точно будет готово исследование? И дадите ли вы интервью?

— Так, ребята. Сначала исследование. На него еще часа два, компьютеры тут быстрые. Потом разрешение у начальства добудете, и только тогда поговорим. Я человек старой формации, мне не по себе от ваших интервью. Без камеры проще. Пойдемте в лабораторию, что в коридоре стоять.

В небольшой комнате 20 на 20 вдоль стен стояли старые деревянные столы, на которых располагались микроскопы, тиски и весы. В шкафу был целый арсенал химикатов. Альберт Сергеевич положил нож на стол и сел рядом.

— А что за нож? — поинтересовался Мишаня и потянул руку к клинку.

— Ну-ну, — Альберт Сергеевич остановил оператора. — Туфта, обычный тренировочный нож, для боевых искусств, тысячу рублей ему цена, не больше. Вообще не раритет. Но эта информация говорит о многом. Я уже Серову и барышне, как ее...

— Кузнецова.

— Ага, значит, я ей уже говорил, поэтому и вам повторю. Убийца не профи, не киллер. Эти уважают свой труд и товарища — оружие выбирают трепетно. Был случай, один блатной при советах машину за нож отдал. Хотя и это не самый дорогой экземпляр. Но дорогое перо чаще было подарком от братвы. И острота лезвия, закачаешься..., — Старичок ушел в глубины собственных воспоминаний о любимой работе. Мишаня собирался сфотографировать клинок, но опять был остановлен. — Нельзя пока, давайте с разрешением и часа через два. Он взял орудие убийства.

— А это туфта, грубая работа. Как будто человек схватил что было под рукой.

— В интернете заказал.

— В этом направлении, — закивал старичок.

Денис достал смартфон и записал вопрос для собственного размышления в фильме. Подготовка к финальным интервью в голове шла полным ходом. «С одной стороны, владение искусством боя на ножах, с другой — такое пренебрежение к оружию убийства. Плюс нож был не всегда задействован. Еще была бита, яд и ружье. Наверное, важно кого убили, а не чем». Принесли ключи, и Денис с Мишаней поехали снимать квартиру Крапивиной.

СКЛЕЙКА

Оператор поставил штатив к стенке и аккуратно, словно воришка отклеил ленту, которой опечатали дверь, вставил ключ и мягко провернул замок в скважине. Соседка из квартиры напротив, следившая за взломом, заскрежетала зубами.

— Мы из полиции, — крикнул Сибирский, достал удостоверение союза журналистов и тыкнул в глазок.

— Я все поняла, — пробурчала старушка, но продолжала смотреть.

Сибирский и Мишаня вошли в квартиру. Запах застоялого вина ударил в нос. Денис прошел в гостиную. На маленьком журнальном столике стоял большой пол-литровый круглый бокал, в котором на дне было пару глотков красного вина. Внизу стояли две пустые бутылки. Больше ничего не привлекало внимание. Сибирский прошвырнулся к холодильнику, но там было пусто.

Журналисты решили сделать имитацию обыска. Денис вытаскивал вещи и бумаги, а Мишаня кадрировал план, оставляя лишь руки Сибирского, которые открывают шкафы и вытаскивают вещи. Когда все было сделано, Денис собрался сбежать покурить, но остановился возле вешалки. Шапка — такая же, как у Брыльской в «Иронии судьбы». Он вспомнил, что именно в ней Крапивину опознала соседка, когда разрушила алиби во время убийства «бракованной» жертвы. «Почему сейчас она ее не надела? Возможно, нашла потеплее». Сибирский вновь записал себе этот факт в записную книжку на смартфоне и перевел взгляд на ключницу, в которой 3 крючка для брелоков пустовали, а на четвертом висел ключ с номером 311. Сибирский набрал в интернете сайт Крапивиной, и в контактах нашел адрес с указанием кабинета под этим номером. Забыв о сигарете он схватил ключ, напомнил Мишане о съемке в гараже и поехал обыскивать рабочее место Крапивиной.

В спорткомплексе был шанс встретить приставучую Вику, но борьба за право быть святым перед будущей женой уже была проиграна. После того как он переспал с Кузнецовой все в душе встало на место, и он был полон уверенности в своей грешности. С этой тяжелой ношей он собирался жить дальше, жениться и даже заводить детей. В конце концов, совсем скоро он вновь сбежит из Томска, воспоминания об измене покроются снегом, замерзнут и может быть навсегда умрут.

Мои документы/День 9/Томск. 30 декабря/подружка невесты/ Файл 80002

Геля отдала своих детей в распоряжение соседке, заплатила ей за услуги няньки и, подхватив под локоток Ольгу, заплясала по коридору.

— Ужас как люблю эту суету праздничную.

Первым делом они посчитали гостей, обзвонили их и заехали в ЗАГС, чтобы обговорить, как и где будут стоять столы. Следом они потратили круглую сумму в магазине доставки еды и устроили меню по своему вкусу. Но главным мероприятием был выбор свадебного платья. Геля настаивала на пышном, Ольга хотела элегантное.

— А может быть цвета шампанского? — озорничала Геля

— Нет, — Ольге была категорична.

— Ну или с вот этими белыми розочками?

— Перебор.

Дело предстояло долгое и мучительное, как и мысли о семье Сибирского. «Сирота, это замечательно. Но что у него на душе, о чем он думает, да и гены, а что, если наши дети станут убийцами. Страшно». Геля нравилась Ольге, она напоминала школьную подружку, с которой они уже не виделись 10 лет, и по которой Ольга сильно скучала. Свадьбу не планировали, хотели расписаться, а 31 декабря лететь в Сибирь никто и не согласился. Да Ольга особо и не звала. Продавец принесла еще одно платье, невеста стала натягивать его на себя и аккуратно машинально погладила живот. Геля заметила этот характерный жест.

— А ты случайно не беременна?

— Нет.

— Я троих родила мать. Хорош мне врать? Ты что — залетела? Давно? — Геля подначивала, улыбалась и напирала. Ольгу распирало от желания поделиться секретом.

— Задержка, всего неделя. Тест я купила, но вчера не успела.

— Боюсь, ты уже не будешь прежней!

Девушки захохотали и продолжили примерять наряды.

Исходники/День 9/Томск. 30 декабря/Черная папка/Файл 80003

Сибирский обошел кабинет Крапивиной и остановился возле рабочего стола. На клавиатуре лежал файл или, как говорили, в Томске — мультифора, в нем лист А4 с генеалогическим древом семьи Асэрян. Богатая разветвлённая ветка Армана и его родственников, и худосочная почти одинокая мать-бабушка-прабабушка ветка Ульяны. Обе семьи объединял квадратик с именем Тигран. Сибирский машинально сфотографировал лист и пошел исследовать кабинет дальше. Уютный бежевый диванчик — кушетка для пациентов, напротив — скромное кресло, рабочее место Крапивиной. Одна стена была увешана дипломами, на другой скромничали два пейзажа. У стены стоял стеклянный шкаф с папками, четко разделенными по светофорной гамме. Желтых было больше всего. Красных две. Сибирский взял наугад зеленую. В ней были рабочие материалы, бережно собранные в файлики-мультифоры. Денис остановился на одной с надписью «Бадюковы» и вынул бумаги. Он разложил их на столе и стал разглядывать. Судя по первым запискам Крапивиной, супруги Бадюковы пришли спасти семью после измены мужа. Бумаги с какими-то психологическими тестами Сибирский быстро пролистал и остановился на последующих очерках психолога. Он вчитывался в размашистый почерк, продвигаясь сквозь дебри консультаций к причинам измены. Выяснилось, что секса в семье не было, потому что жена себе запрещает, а запрещает, потому что боится залететь, чем расстроит маму. Клубок распутывался. И постепенно было найдено решение: жена раскрепощается, ищет свою сексуальность с мужем, а муж ждет, терпит, любит, но к другим бабам в постель не лезет, потому что еще одна измена и развод. Самым последним листом оказалась распечатка электронного письма с коротким описанием новой сексуальной жизни семьи Бадюковых. Зеленая папка — успешные истории. Денис пошел за красной.

— Что ищешь? — голос Вики кинжалом впился в поясницу, и он опустил папку.

— Фотографирую. Крапивину в розыск объявили. Вот здесь решил ее кабинет поднять пока не опечатали.

— А Михаил?

— Скоро подъедет.

— Ум. Значит, психолог?

— А ты ее знала?

— Немного. Рядом работали, на аквафитнесе у меня была. Умная тетка. Ты же знаешь, что я приду к тебе на свадьбу?

— Дашь нам интервью? Сойдешь за подругу Крапивиной, пару слов скажешь какая она. А?

— Ой, я стесняюсь.

— Видео посмотришь позже, и оставишь только тот дубль, который понравится, — еще одна уловка журналистов, съемку никому не показывают, но человеку впервые оказавшемуся перед камерой надо дать какие-то гарантии, чтобы страх ушел. — Сыграешь подругу? Скажешь, мол, никогда бы не подумала, такая женщина, хорошая, умная и убийца, закатишь глаза, как умеешь, — тут Сибирский явно намекал на секс.

Вика прочитала этот намек, но отнеслась к нему позитивно.

— Что не сделаешь для старых друзей, — она улыбнулась. — Когда?

— Сегодня вечером, думаю. Сейчас 11. Ближе к 6 вечера, надо сверстать планы. Ты будешь здесь?

— Скажи, а мальчишник будет, я могу помочь найти стриптизерш или сама, в индивидуальном порядке?

— По-моему, мы уже устраивали веселье. И успешно.

— Ладно, я побежала, — она застыла в дверях, повернулась. — Даже не верится, что Ксения убийца, — Вика отлично отработала фразу и закатила глаза, изображая то ли ужас, то ли оргазм.

В красной папке файлы с бумагами были тонкие. По одной-две заметке, иногда прилагался тест. Без благодарностей. Сибирский пролистал все. Секс, измены, алкоголизм, борьба за власть внутри пары и с родителями, перетягивание ребенка на свою сторону, финансовые дележки: все было пропитано духом такой неидеальной семейной жизни. «И в этот омут я собрался», — страх заполнил каждый участок серого вещества, рептильный мозг запаниковал, дрожь. Отрицание — один из механизмов психической защиты. Ведем себя как будто ничего и нет. Психика в космические дали не заглядывает. Ровно. Побег в работу временно анестезировал, притупил страх. Но глаза рано или поздно приходится открывать. Мысли о предстоящем бракосочетании начали доминировать. Это тяготило, нервировало. «Работать, вджобовать, фигачить, не останавливаться», — аутотренинг вывел Сибирского из ступора, и он машинально стал перебирать ручки и канцтовары и обыскивать ящики стола. Хотя криминалисты здесь давно порылись и ничего не нашли. Интуиция сработала в сторону стены с дипломами. Сибирский подошел к ней, всматриваясь в каждую букву. «Заслуженный специалист», — кричали бумаги и фотографии. Кораблева топила подругу, в ней говорила зависть и обида. Крапивина была не без греха, но сертификаты были подлинными, и выдавались не за красивые глаза.

Сибирский подошел к рабочему столу, на котором стоял большой монитор. Журналист нагнулся и включил системный блок компьютера. Загорелся экран, но система не подгружалась — отсутствовал жесткий диск. Криминалисты забрали. Здесь по нулям.

Нужно было подумать что делать дальше. Осенило. Крапивина признавалась, что консультировала убитых, но никого в красных папках не было. Где-то должен быть тайник.

Сибирский опять взял бумагу с генеалогическим древом семьи Асэрян и вальяжно сел

на стул перед компьютером. Он опрокинулся на спинку, которая поддалась всему весу, резко опустив корпус назад, едва не опрокинув. Автоматически Сибирский схватился за край стола и потянул на себя. Большой монитор чуть покачнулся. Послышался звук, что-то упало с краю между столом и стеной. Денис включил фонарик и полез смотреть. Обшарив, он увидел на полу фотографию семьи: красивый кавказец, белокурая жена и младенец. Чем больше всматривался, тем больше ему казалось, что он их знает, видел недавно. Денис приложил фотку к листу с древом семьи Асэрян. Пазл сложился.

«Откуда выпала эта фотография? Почему именно она? Пропустили ли ее криминалисты?» Сибирский дернулся обыскивать зазор между столом и стеной, но, обшарив светом фонаря все пространство, ничего не нашел. Фото семьи — счастливое только на снимке, в жизни все по-другому. Мысли о свадьбе опять ударили под дых. «Бороться и искать, найти и не сдаваться», — мысленно процитировал он Теннисона. Снял монитор со стола, поставил на пол и отодвинул стол. Ничего. Фонарем просветил стенку, которую закрывал стол. Простучал. Пусто. Надо возвращать все на место, пока «добрые люди» не позвонили в полицию, сообщив о взломе кабинета Крапивиной. Он взялся пальцами за столешницу и приподнял ее, пытаясь поставить стол на место. Столешница отошла. Винты были выкручены и не прикрепляли ее к ножке. Сибирский поднял столешницу выше и нашел тайник. Черная папка была прикреплена к внутренней стороне. В неразобранном состоянии ее было не видно, так как она плотно прилегала к тумбочке. И чтобы ее достать, надо было каждый раз поднимать основание. Папка была на скотче и легко отошла. Денис прижал ее к телу. Казалось, что это сокровище.

Здесь были все трупы из фильма, Сибирский не смог сдержать эмоций и выругался вслух. Как и в других папках каждое дело было упаковано в отдельный файл, словно в полиэтиленовый трупный мешок. Фото Снегирёвых и краткое описание встречи, далее шел кейс для Селютиных, Юровых, в файл с фото художника Артамонова и его супругидобавлены фотки выставки и скудные материалы работы с дочкой живописца Алисой, следом шли файлы еще двух пар, одного человека он узнал — тренер по боям на ножах, значит, и его консультировала Крапивина. Последние мультифоры были почти пустыми. В них были лишь маленькие квадратики с именами и временем консультации. Ника и Евгений К. 31 декабря 12:00 Арман и Ульяна А. 30 марта 11.30. Сибирский взял с стола лист с генеалогическим древом семьи Асэрян, их фото и засунул их откуда они выпали. В последнем прикрепленном файле черной папки хранился 20-страничный текст — это был отчет-исследование о работе с клиентами. Сибирский отложил его в сторону и схватился за телефон. Он эмоционально рассказал Кузнецовой о своей находке. Майорша поблагодарила и сухо сообщила, что блюстители закона уже взяли все под контроль. Серов прибудет через 10 минут.

Сибирский все зафиксировал на камеру телефона и приступил к детальному изучению отчета о проделанной работе, где в том числе был описан провокационный метод психотерапии со всей его сексуальной подоплекой. Акцент в описании метода был сделан на проживание совместного сексуального опыта клиента и терапевта. Все как описывала Коралева. Это был научный труд, готовящийся к публикации.

В готовящейся монографии Крапивина приводит интересные аргументы в пользу секс-провокации, в качестве анализа крепости семейных уз. Но именно провокации, само соитие терапевта и клиента, рассматривалось как недопустимое происшествие, после которого помощь паре должна быть завершена. И, видимо, Крапивина действительно заканчивала

сеансы, если переходила грань. На последних страницах очерка возник и мотив. В заключении психолог размышляла о том, что, используя провокационный метод, встает на сторону счастья отдельного индивида, а не семьи. Терапевт уходит от бессознательной препозиции, от капкана: «надо сохранить семью». Развод тоже форма счастья и возможный результат терапии. «Уход или **смерть** одного из супругов кардинально меняет форму поведения оставшегося партнера. Событие заставляет его меняться, ориентируясь прежде всего на свою картину мира. Делает его эгоистично счастливей. Так что порой необходимо успеть помочь развестись им, прежде чем смерть разлучит пару».

Серов забрал дело и выгнал Сибирского из кабинета. Мозг крутил новые файлы позабыв о свадьбе. Совсем. Доминанта исследования окончательно победила. Где искать Крапивину? При всём этом скрытый конфликт с Кузнецовой после секса задавал вектор мыслей для журналиста. Теперь ему хотелось самому найти Крапивину, сделать с ней интервью до ареста. «Виновата она или нет. Но рано или поздно ее найдут, но журналистов и на пушечный выстрел не подпустят. Пейзаж». Озарение и работа мозга соединила косвенные факты из разных закоулков мозга. Сибирский вбежал в кабинет и врезался в Серова. Украдкой глянул на стенку и стрельнул сигаретку у старлея.

На картине был крутой обрыв песчаного берега Оби, на котором одиноко увядала золотистая осенняя березка. За ней еле заметны силуэты маленьких фанерных домиков, где летом тусовались студенты. Для зимы они никак не были предназначены. Очень похожие пейзажи он видел на даче у Крапивиной. Ехать до турбазы почти час, почему бы и не проверить.

Такси свернуло с основной трассы и покатило по заснеженной дороге. Отыскать нужные домики было сложно. Сибирский позвонил в деканат психфака, где ему с радостью помогли. Все-таки психологи любезные и отзывчивые в общей массе. Таксист не стал подъезжать точно к воротам так как боялся застрять в снегу. Денис попросил его подождать полчаса, чтобы не вызывать машину заново. Водитель был рад, ему не хотелось обратно ехать пустым. Он сказал, что отправится на заправку и вернется.

Снег предательски проваливался под ногами. Казалось, мороз сковал верхний слой намертво, и первое движение радовало ногу. Вот-вот наст удержит все тело, но как только центр тяжести смещался, опорная нога проваливалась по колено, и снег забивался под джинсы. Щиколотка стала мерзнуть спустя десять шагов. Добравшись до тропинки, Денис пробрался к воротам и издали заметил, что в основном здании топят. Труба покуривала, еле затягиваясь, и отправляла небольшую струю вверх. Денис сфоткал здание и отправил вместе с координатами Кузнецовой. Следом он, бахвалясь и провоцируя, подписал, что нашел Крапивину. Майорша двусмысленно послала журналиста в баню.

Пробираясь мимо туалета, он заметил свежие следы. Жизнь без удобств требовала особого мужества. Фасилитировать в минус 40 нужно было быстро, не отморозив зад. Главное, заранее взять теплый рулон туалетной бумаги. Денис зашел в большой деревянный дом и окрикнул Крапивину по имени-отчеству. Подождал безуспешно минутку. Она была здесь. Сибирский принялся выманивать ее пространственным монологом. Не без вранья.

— Я здесь как частное лицо, у меня нет оружия и даже оператора я с собой не взял. Знаю, что вы не убийца, — не помогло. — Я здесь бывал в студенчестве. С Ириной Снегиревой, тогда еще Красновой, мы здесь впервые встретились. Энергия в этом месте какая-то сексуальная, столько всего происходит на всех этих Киреевских обрывах Оби. Я в вашем кабинете нашел картину с этого места. Полиции пока ничего не сказал. И если сейчас

выйдете, то и не скажу, — Денис достал пальцами телефон. — Вот мое оружие, кладу на пол.

Он как в боевиках опустил смартфон на линолеум и пнул ногой. Мобильник заскользил в соседнюю комнату. Нога в валенке остановила телефон, едва не раздавив его.

— Чего вы здесь забыли, молодой человек, — Крапивна вышла в теплом свитере с большим воротом как у водолазки, в теплых ватных штанах и серых валенках. Казалось, она постарела: из 50-летней сексапильной дамы, превратилась в 50-летнюю старуху со шрамом и опухшими глазами. Денис шагнул вперед и учуял запах красного вина.

— Снять интервью с главной подозреваемой — это моя работа.

— В прошлый раз вы обвиняли меня в убийствах и покушении на вас. Я могу и сейчас вас прибить, — она вынула из ватных штанов пистолет и кивнула им на табурет возле печки, — здесь теплее. Руки не замерзнут. А я сяду в кресло в полутьме, так будет таинственней.

Сибирский кивнул и сел на кресло. Он рассматривал пистолет и решил, что он настоящий. Крапивина пнула телефон обратно Денису и уселась в кресло. Журналист настроил телефон и включил запись.

— Вы же не убивали? — Денис задал вопрос, чтобы расположить собеседника, но в ответе он не был уверен.

— Нет. Я не убивала. Более того я не всех помню из тех, кто погиб. Последних двух жертв не могла убить. Я уехала сюда сразу как вы меня выпустили. Я вообще часто здесь прячусь от людей, от клиентов, от себя. Трудно принять свою похоть, трудно принять свои мозговые баги. Мой супервизор считает это нормальным и рабочим состоянием, но я не могу сама это принять. Я всегда считала, что клиента надо соблазнять. И в топку этику. Просто это самый быстрый способ войти с ним в контакт и создать доверие. Провокационный метод, но работал. Так я поступала со всеми любовниками — терапия после секса, было забавно, хоть и антинаучно, но я пыталась найти свой путь в психотерапии. Только когда поняла, что мое призвание семейная психотерапия, изменила все. Теперь соблазнение было той вещью, которой я проверяла насколько крепок союз. Те, кто соглашался со мной быть, они были просто не в силах изменить ситуацию. Измена — изменение. Семья настолько изменилась, что связей больше не было. Женщин я долго соблазняла, как Снегирёву. Мужчинам предлагала сразу секс. Знаешь, что стало для меня откровением? На секс соглашались чаще женщины. Мужики были в основном верными псами. Да и вообще то, что показывают по телеку и печатают в интернете — это верхушка айсберга. Чаще семьи крепкие и при хорошей терапии они выздоравливали.

— Убивали тех, с кем вы спали, я залез в вашу черную папку. Полиция нашла в почте письмо от гильдии психотерапевтов — вас лишили лицензии, потому что вы рассказали о своем методе.

— Лицензией можно, конечно, подтереться в нашей стране, но для меня это действительно трагедия. И лишили ее благодаря вам, а не моим методам. Я люблю преподавать, люблю выступать в шоу, на радио. Может быть, мне действительно надо было остановиться в терапевтической деятельности. Я зашла глубоко, но теперь и это бессмысленно. Теперь я уже никто, старуха со шрамом, без семьи, без детей, ну в этом сама виновата, но главное — без работы.

— Вы начали убивать, когда вас отстранили от практики?

— Я никого никогда не убивала, кроме комаров. Летом без тысячи убийств не

обходится.

— Но факты указывают на вас. Кто это мог быть, по-вашему? Кому выгодно Вас подставлять?

— Не знаю, я многим могла сломать жизнь. Мне кажется, если они были согласны спать со мной, то им не надо было в принципе объединяться в союз. И вот эти семьи — они могли меня ненавидеть, я стала для них клеймом на всю жизнь. Представляешь. Я трахаюсь с Ирой, например, и муж знает об этом, но не разводится. Бред же. Ну, БРЕД ЖЕ. Почему они вместе? Зачем это искусственный союз? Кто мог их убить, не знаю. Но он точно должен иметь доступ к моему кабинету. Там все об этих парах. Я педантично веду дела всех клиентов.

— Да, я видел.

— Может кто-то из тех, кто остался в черной папке, решил мне отомстить и разрушить мою жизнь.

Зазвонил телефон Сибирского. Съемка прекратилась.

— Громкую связь, — рывкнула Крапивина.

Денис нажал на зеленую кнопку. Откуда должен был политься голос Кузнецовой.

— Скажи ты, идиот, — без предисловий начала Кузнецова, — на хрена мы трахались в этой чертовой бане, чтобы ты пошел к убийце один, без поддержки, на фига ты рискуешь всем, что у тебя есть? Неужто нельзя просто сидеть на жопе ровно и не лезть на рожон? Алё, Сибирский, ты дурак? Я всю ночь промучилась и не спала, не зная, как теперь жить. Молила бога, чтобы забыть об этом сексе, потому что он был без чувств, а ради выживания. Хотя ты мне и симпатичен чего уж там. Но ты не мог подождать хотя бы часок. Серов будет через полчаса, жди. Идиот, — Кузнецова всхлипнула немного. — Чего молчишь?

— Да, я идиот, — Крапивина подошла к нему и стволем указала, что ему пора вставать и выходить на мороз. — Крапивиной здесь нет. Да и в бане считай, что секса не было. Я именно так считаю. Только имитация, — Крапивина показала, что поняла, что его бредовые слова — это попытка подсказать Кузнецовой, где он и что с ним. — Пока, — Денис выключил телефон и получил тяжелый удар в солнечное сплетение локтем.

— Ты мне соврал, журналист. Полиция сейчас приедет.

— Такси, машина еще здесь. Я вам помогу.

— Бежать некуда. Впрочем, давай прогуляемся. Может, пронесет. А ты никому не расскажешь, где я. Правда? Будешь имитировать все. Вперед, на выход, — скомандовала психолог. И Денис поплелся в сени. Мороз пробрал до костей и стало ясно, что жизнь его висит на волоске.

— Может, займемся сексом?

Крапивина лишь ухмыльнулась. Последний шанс был утерян. Шапка поехала набок, но Сибирский этого не заметил. Дверь примерзла и покрылась инеем. Он толкнул ее плечом и вышел на мороз. Солнце. Выглянули золотистые лучи и заскользили по верхнему покрывалу снега. Где-то вдалеке послышались звуки полицейской сирены. «Зачем ее включать? — подумал Денис. — Зачем преступнику сообщать, что ты едешь, или это случайных людей отпугнуть». Он скрипнул половицей замёрзшего крыльца. Крапивина положила руку на плечо, притормозив Сибирского. Она сунула маленькую беретку в карман шубы и руками накинула шаль.

— Можно вопрос. Почему вы шапку не носите?

— Она мне не идет. Как, Впрочем, и я никому не подхожу.

— Депрессия?

— Да что вы знаете об этом слове? Думаете, взгрустнулось с похмелья и все — депрессия. Я не хочу жить. Почти всю свою жизнь я борюсь с этим состоянием. Я придумываю себе смыслы. Я копаюсь в своем детстве и пью таблетки. Я трахаюсь с кем попало и как попало. Но я никогда не понимала, никогда, честно, не могла понять, зачем мне это все. Вот ты скоро женишься, тебе это зачем? Если ты знаешь ответ, то я восхищаюсь тобой. Я ни на один такой вопрос не смогла для себя ответить. Почему я выжила в аварии, а мой отец, нет? Почему тромб оборвался у мужа, когда он был в самом расцвете сил? Почему во время родов умерла моя мать? Я чувствую себя ангелом смерти. Мой супервайзер говорит, что я не могу себе этого простить. Чувствую вину за их смерти, хотя в этом виноваты обстоятельства. А я не знаю, как это простить? Как все скинуть на других? Ты знаешь что должен ощущать человек, когда он кого-то простил?

— Облегчение, — Сибирский спустился с лестницы и оглядел пути отступления. Крапивина осталась стоять на высоком крыльце без перил.

— В сортире облегчение, — истерично-дьявольски выкрикнула она и грустно жестоко засмеялась. — Черта с два. Никакого облегчения — пустоту. Простил, отпустил. Сидишь один. Вот я всех и простила. И вас простила. Я никого не убивала. Хотя простила убийцу. Теперь пустота.

Она быстрым движением сняла пистолет с предохранителя и поднесла к подбородку. Сибирский среагировал мгновенно. Он проскользнул на снегу, подошва слегка ушла с пробуксовкой назад, но сила в ногах выбросила его вверх по ступеням. Он вытянул руку, чтобы выбить Берету. Хлопок. Два тела повалились на пол. Крапивина всей спиной рухнула на пол и с хрустом шмякнулась башкой об порог. Хлопок. В левой руке стало жарко. Как будто плетью махнули по бицепсу. Кровь зашипела словно масло на сковороде, но мороз быстро обезболит рану. Денис встал. Пуля сделала в его любимом синем пуховике дыру, перья стали красными. Он машинально зажал рану второй рукой и посмотрел на Крапивину. Психолог лежала в лужице крови. Ухо было снесено пулей. Теперь и справа у нее был кровавый шрам. Удар о порог выбил из нее дух. Сибирский пощупал пульс. Еще жива.

Серов приехал со скорой. Врачи быстро погрузили Крапивину и помчались в больницу спасать убийцу. Пуля не попала в голову, но во время падения она ударилась головой о железную острую скобу, о которую весной и осенью вытирают грязь сапог, а зимой снег. Она пробила череп и возможно осколки достали до мозга, пуля повредила барабанную перепонку и часть черепа. В общем с ЧМТ загадывать всегда сложно, но шансы выжить были неплохи. Но захочет ли сама Крапивина жить? Дениса перевязывал Серов. Ерундовая царапина по сравнению с черными от обморожения ногтями. «Надо заехать сделать маникюр, покрасить ногти в естественный цвет перед свадьбой. Иначе некрасиво будет надевать обручальное кольцо на палец с черным слегка загноившимся ногтем».

Сибирский ехал в город с таксистом, который видел скорую, полицию и Крапивину. Видимо, он решил, что Денис какой-то важный детектив и восхищался его мужеством. Пойти в логово к серийной убийце в одиночку! Под повязкой жгло, как и в душе, ни сестра, ни Ольга, ни Кузнецова не оценят его безрассудное поведение. Сибирский не мог и не хотел быть полицейским, как отец, но тяга разгадывать преступления в совокупности с маниакально-обостренным чувством справедливости сидела в нем глубоко настолько, что он как ищейка преследовал убийцу, как только ему представилась возможность. Доминанта преступления в мозгу блокировала страхи, похоть, потребность во сне и еде.

Он размышлял о мотиве Крапивинной. Маниакальная логика создала систему, по которой убийца четко выверяла, кому из супругов будет выгоднее остаться в живых. Кто выиграет от убийства партнера больше. Кто не впадал в депрессию, не убивался на могиле и не топил себя в слезах. Кто находил в себе силы не только жить, но и жить счастливо. «Когда я пойму, что для счастья Ольги меня надо убить, я попрошу об этом Кузнецову», — с этими размышлениями он заснул, и сквозь закрытые веки он видел заснеженные замороженные поля и ветки елей, которые придавил холодный снег.

Захотелось тепла и мозг перекинул сознание в дикие непроходимые леса Амазонки. Во сне Сибирский в костюме Индианы Джонс с сачком искал редкую бабочку, которая пьет слезы заснувших птиц. Мохнатая тварь Горгона макарея усаживалась на затылок птице, спускала свой хоботок и всасывала в себя боль и страдания своего клиента.

Архив/Арман и Ульяна/Не детские проблемы/Файл 80004

Арман натянул колготки на сына. Предательские две полоски оказались спереди, пятки торчали возле голеностопов. 2 минуты он мучился и теперь все заново. Быстрым движением рук он подкинул мальчишку, забросил его на плечо и стянул колготки. Поставив сына на пол Арман принялся выворачивать штанины, но пацаненок уже дал деру в другую комнату.

— Уля, он сбежал от меня, — из соседней комнаты послышался залиvistый смех. Мальчугана щекотала мать и уговаривала пойти с отцом погулять. Неразговорчивый в общем-то малыш четко обозначил свою позицию: «Нет. Ну, нет и все».

Через минуту смех сменился слезами, мать с гневом в глазах несла маленького бандита.

— Ты можешь его собрать и пойти погулять? Ты это можешь? Или ты совсем ничего не можешь?

— Он не хочет. Что ты пристала?

— Он не хочет, а я хочу, я хочу, чтобы ты убрался отсюда и дал мне выспаться.

— У меня тоже выходной. Суббота все дела. Не — не знаешь?

Мальчишка уже перестал плакать и уселся в коридоре изучать шнурки отцовских остроносых черных ботинок. Завязать их не получалось.

— Б. Бесишь меня, — Ульяна подняла сына и вперилась своими злыми глазами в душу мальчишке. — Гулять пойдешь?

— Нет, мамочка.

— Тогда я иду, — она стала натягивать сапоги прямо на пижаму. Кролики, нарисованные на штанах, нырнули в голяшку, чтобы не видеть скандала. Арман скинул куртку, подхватил малыша и перенес его в детскую. Включил мультик и твёрдо зашагал в коридор. Война объявлена, будет бой. Он сдернул с жены куртку, которую она только надела и схватил ее за шею.

— Ты, млять, не понимаешь, что я устал. Я всю неделю фигачил на работе допоздна и в субботу я хочу спать, читать и смотреть телек. Мне срать на то что происходит вокруг и с тобой, в частности. Поняла? — последнее слово он кричал в ухо.

Жена двинула ему по рукам и освободилась.

— Достала меня твоя работа. Сын уже как сирота, отца не помнит, а ему трудно погулять. Раковина текет.

— Иди, — Арман кинул куртку в лицо жене. — Карту я твою заблокировал. Так что сама. Текет. Течет, деревня нерусская.

— Пойду насосу на кофе.

Арман уже готов был отоварить жене по лицу, но сдержался. Схватил ее за руку и

скрутил как полицейский. Жена поддалась движению и согнулась пополам. Второй рукой муж схватил за шею. Сын выбежал в коридор. Арман ослабил хватку, прижал к себе выпрямившуюся Ульяну и произвел злой поцелуй в затылок.

— Ты чего, малыш? — мягко любя всем сердцем, с предательской дрожью в голосе пропел Арман.

— Машу, включи Машу.

Ульяна усмехнулась, словно и не было конфликта. Повернулась к мужу, звонко чмокнула в щеку.

— Мама включит, иди, — Арман подтолкнул супругу к ребенку.

Она сняла куртку и сапог. Пижамные кролики вынырнули на свет и заулыбались тапочкам. Арман хлопнул жену по жопе. Та повернулась и отвесила ему злобный фак.

Аудиозапись/Минутка с Ксенией Крапивиной/Трек 80005

Стажер Ухов, 5-курсник юрфака, уже спустя час прослушиваний аудиозаписей эфиров Крапивной решил, что никогда не женится. Рядом на столе валялись фотографии трупов. Сначала это было для атмосферы, теперь же Крапивина, как будто в ухо, рассказывала за что прибила каждого. Как и положено, вскоре пришло озарение, и он аж выкрикнул: «У этих пар не было детей, как и у Крапивиной!» Он позвонил Серову, чтобы поделиться своей находкой, но тот в ответ буркнул, что этот факт был установлен. Однако похвалил за усердие.

— А что говорит Крапивина про детей? — Серов в это время рассматривал черную папку в кабинете психолога и вглядывался в семейное фото Армана и Ульяны Асэрян.

Ухов наугад тыкнул в аудио. Не то. Еще один файл, следующий. Трек под номером 80005. Он нашел то, что искал.

— Мать всегда ближе к ребенку, — методично, словно отсчитывая мелочь, звонко говорила Крапивина. — В первые три года она для малыша Бог, рай и мироощущение всего. В это время у ребенка пунктирное мышление, черточки знаете, вот одна черточка — это он, вторая мать. Соединяясь, они являются целым. Отец, чтобы сохранить теплые отношения с ребёнком, должен не только тискать и кусать мягкого пупсика, но и также восхитительно относиться к матери, тогда ребенок будет чувствовать его своим. А если он чихвостит мать, скандалит с ней, то он будет ощущаться врагом. Более того вообще ко всему, что за пределом материнского тепла, ко всему чужому ребёнок будет относиться враждебно. Базовое доверие к миру. Его не будет. Так, что в раннем возрасте лет до 5–7 — при разводе ребенка лучше оставлять с матерью, если она не нарушает закон. И даже, если она спит со всем подъездом.

Ухов дослушал запись, подумал о своей подружке и решил больше не рисковать и не заниматься сексом без презервативов, даже в месячные.

Исходники/День 9/Томск. 30 декабря/Смена караула/ Файл 80006

Майорша сидела у шефа «на ковре». Распекали и бомбили за то, что она распустила журналиста, и убийцу взял он. Кузнецовой уже было пофиг, главное, без жертв. Начальник затормозил на полуслове, когда в кабинет без стука вошли двое короткостриженных в пиджаках — сотрудники ФСБ. Вовремя. Теперь Крапивина уже никуда не денется. Можно в отпуск. Она достала телефон и отправила четвертое сообщение мужу о том, что задерживается и обедать не придет. Месседж не дошел. Галочка не удваивалась и не синела. Его не было прошлой ночью, с утра он не объявлялся и весь день не выходит на связь. Как будто знал, что майорша ему изменила.

ФСБ-шники поблагодарили за работу и сказали, что если новых деталей не откроется,

то останутся в стороне как наблюдатели и дадут закончить дело Кузнецовой. Впрочем, и исчезать они не намеренны. В их задание входит не только поймать серийного убийцу, но и изучить его. Поднять всех жертв.

— А если мы ошибаемся? — сама себя вслух спросила Кузнецова.

— Убийства продолжатся, девушка. Но расследовать будем мы, — улыбнулся тот что поквadraticнее и пониже.

— Я в любом случае через пару недель в отпуск.

— Угу. Вопрос за чей счет. Будем надеяться, что вас отблагодарит государство за службу. Что там по экспертизе ножа?

Кузнецова прочитала отчет.

— Никаких следов, только кровь убитых Елены и Владимира. В доме следы борьбы отсутствуют, ДНК последних жертв там тоже нет. Это странно, но вполне объяснимо. Преступление было заранее спланировано. Других доказательств нет. Но главное, что мы можем увязать первый эпизод и последний. Два — уже серия, и, следовательно, прокурор может просить двадцатку. С остальными сложнее, но мы надеемся на ее признание.

— Это плохо, что вы надеетесь, а не действуете, — долговязый взял слово, и Кузнецовой захотелось двинуть ему по лошадиной челюсти.

— Не хотела говорить, но есть другое. Сейчас наш коллега в кабинете психолога нашел папку, где собраны все наши трупы. И не только. Так что косвенных улик у нас предостаточно для того чтобы надавить на нее.

— В любом случае всю информацию дублируйте нам, мы здесь, девушка, всё смотрим, но не лезем, пока у вас не возникнут проблемы. Но это пока. Так что... Флаг подхватим.

Кузнецова вновь углубилась в телефон.

— Из больницы написали. Крапивину ввели в искусственную кому. Три дня можно спокойно ждать и не дергаться. С наступающим.

Кузнецова встала и ушла.

Мои Документы/день 9/ 30 декабря. Томск/прятки/файл 80007

В травмпункте Сибирскому сделали повязку, вкололи лекарство от столбняка и отпустили. Геля предложила ему взять напрокат пуховик ее мужа, взамен прострелянному. Нянька малышей обрадовалась приезду Дениса и отпросилась на полчаса. Десятилетний племянник, не отрываясь от телефона, буркнул что-то похожее на приветственную речь и исчез в кресле. Денис злыми мыслями послал проклятье отцу этих хороших малышей и принялся играть с ними в полицейских и преступников. Средняя пятилетняя девчушка пряталась. А Сибирский с младшеньким пупсом на руках отгадывал по уликам, где же находится преступник. Даже маленькая девочка умела хитрить. Она спряталась за шторку, но перед этим сняла с себя колготки и подложила их в шкаф, что было чуть видно. Денис сразу заметил одежду, но для проформы сначала вместе с малышом глянул под стол и за кресло.

— Нет никого, — развели руками несчастные полицейские. — Где же спрячется преступница? — Сибирский подошел к шкафу. — А вот она! — радостно открывая створки произнес Денис, но девчонку не увидел. Зато услышал за спиной залиvistый смех детей. Племянники смеялись во всю плотку над дядей. Сибирский же натужно улыбался, понимая, что облажался не по-детски. Во всем. Эта мысль пронзила все существование. Свадьба и вся семейная жизнь на волоске после измены. С работы увольняют, хотя еще есть шанс. Крапивина так и не призналась в убийстве на камеру. Колготки в шкафу. Он усадил малышей

перед телевизором и приказал смотреть мультики.

А сам позвонил Кузнецовой:

— Я знаю кто убийца, и кто будет следующей жертвой.

— Денис, иди в жопу, приехали фсб-шники, и они явно не хотят работать с тобой, более того мне тоже надо как-то скрыть все факты нашего сотрудничества.

— Тесного сотрудничества, мне, кажется, ты пропустила важное определение.

— Это способ выживания, и, если я окажусь с Серовым или с твоим оператором, или с дедушкой 80 лет, я поступлю точно же, и тебе советую думать об этом. Мы отлично поработали в паре. Но теперь баста. Я больше не алё. Крапивина убийца. И никаких больше жертв.

— Но у меня появилась еще одна версия.

— Оставь ее при себе. Если ты окажешься прав, в чем я сомневаюсь, то расследование уже буду проводить не я. А версии будешь рассказывать уже другим. Хотя они слушать тебя не будут. Пока.

Сибирский вышел из квартиры и постучал в соседнюю дверь. Растрепанная соседка выглянула из-за двери, которая была на цепочке. Краснощекая, верхняя пуговица блузки застегнута на вторую петельку, ресницы подкрашены, губы уже нет.

— Срочно надо бежать, а сестра опаздывает. Видимо, помешал, у тебя парень?

— Мы ничем таким не занимаемся, — шестнадцатилетняя сиделка врала.

— Я никому и не скажу. Тебе 10 минут хватит, чтобы его выпроводить. Сколько тебе платит Геля? Дам сверху.

Она усмехнулась.

— Мы ничем не занимаемся. Хватит и пары минут, чтобы одеться. Она захлопнула дверь.

Денис поспешил в квартиру.

— Дядя Денис, останься, с тобой интересней, чем с няней. Она смотрит ДОМ-2, — сказал старший.

— О, ужооос! Давай спрячем шнур от телевизора.

— Давай, — мальчишка прыснул в кулак и побежал к телеку, но остановился. — Но так не будет мультиков.

Сибирский пожал плечами. Голод подобрался к его чреву, и он понял, что с утра ничегошеньки не ел. Он быстро прошел на кухню и усадил за стульчик малыша. Отрезал хлеб и дал погрызть карапузу. Сделал себе и ребятишкам бутерброды с докторской. Заглотил свой, покрутил нож в руках и понял, что теперь у него есть не только идея, но и метод. Уже в машине он вызвал Мишаню и пригласил его в кабинет Крапивиной. Записать пару базовых вьюшек. Сам же сделал крюк, заскочив с визитом к криминалистам.

Исходники/День 9/Томск. 30 декабря/На живца/ Файл 80008

Колготки в шкафу не давали покоя. Украсть вещдок по самому громкому делу в истории Томска оказалось проще простого. На охране он предъявил просроченный пропуск, но так как сегодня уже был во второй раз, никто не обратил внимания. В лаборатории никого не оказалось. Зашел в пустой кабинет и взял.

Нож в полиэтиленовом пакете лежал во внутреннем кармане нового пуховика, который он позаимствовал у мужа сестры. После кражи Сибирский размышлял об ответственности и делал прогнозы. Разум подсказывал 3 итога по результатам содеянного. Первое, он найдет истинного убийцу, который ловко подставлял Крапивину. Второе, он запишет 3 крутых

интервью-провокации. Третье, если узнают о воровстве улик, Кузнецова спасет, или удостоверение журналиста, или условный срок. Риск угодить в тюрьму был минимальный, так оправдывал мозг. Гугл же подсказывал иное — до 5 лет лишения свободы.

В черной папке были 5 пар, которых убийца не тронул. Две из них были почти не опознаваемыми, так как ничего кроме имен и первой буквы фамилии не было. Определить кто были Ника и Евгений К., Алина и Роман И. не представлялось возможным, еще три пары надо было проверить. Возможно, среди них и был убийца, который чем-то был очень обозлен на психолога. Мастер боев на ножах был идеальным кандидатом для подставы Крапивиной, как, впрочем, и директор студии маникюра, которая находилась по соседству в том же здании спортивного комплекса. Третьей парой были Арман и Ульяна. Они не были связаны со спорткомплексом, поэтому искать их могли только полицейские, но Кузнецова отказалась слушать и слышать Сибирского. Поэтому он решил проверить лишь тех, до кого мог дотянуться.

Денис придумал повод — интервью о Крапивиной и «замануху» — орудие убийства. Для этого и украл нож. Во время разговора он собирался рассказать, что на нем остались следы ДНК преступника. Если среди них окажется убийца он обязательно отреагирует. Возможно, вновь совершит покушение на Сибирского, но в этот раз он подготовился. Посмотрел несколько роликов по самообороне, купил себе складной охотничий нож и положил во внутренний карман пуховика старый телефон, который защищал сердце. Зашнуровал покрепче ботинки. «В крайнем случае убегу».

Мишаня приехал в спорткомплекс. Разрешение на съемку, которое они получили в прошлый раз, устно пролонгировали. Вика предоставила свой зал. Мишаня выставил камеру и свет под интервью. Первым спикером была пышная армянка Наира — владелица салона красоты. Во время интервью она периодически хихикала, закрывала свои густые брови ладонью и повторяла: «Уму непостижимо». Сибирский сразу включился в процесс и после пары вопросов о том, какая была Крапивина, начал осаду. Оказалось, что Крапивина сразу поняла проблему Наира, и терапию проходить было необязательно. Она развелась со своим мужем и живет счастливо. Наира — обозначает «свободная». И теперь она замужем за работой, о чем всегда мечтала. С алиби проблем не оказалось, она с 8 утра и до полуночи здесь, почти 365 дней в году. Реакции на нож не было.

Под конец интервью сзади к Сибирскому подкралась Вика. Завидев холодное оружие с кровью, она отстранилась и прикусила губу. Актриса.

— Жуть, зачем ты это принес, — вставила она в паузу.

— Для мастера по боям на ножах. Он должен рассказать о нем.

Наира ушла, а Вика села в кресло. Спикер из нее оказалась пустой и блеклой. Не благодаря личному знакомству, с ней можно было записать «постанову». Сибирский придумывал и вопросы, и ответы. А вот актерский талант у Вики был на уровне, она точно повторяла фразы с той интонацией, которую просил Денис. Танцовщица эмоционально рассказывала о том, что никогда не подумала бы на этого святого, можно так сказать, человека. И только шрам, казалось, носил, какую-то тайну. Необходимые реплики были записаны, и Сибирский отпустил Вику в свободное плавание. Она была вольна рассказать все, что знала. Так интервьюируемый не чувствовал себя использованным.

— Она скрытная женщина. Мы вместе из Казахстана, я из Павлодара, она из Караганды. Вроде бы и есть, о чем вспомнить, но ..., — Вика прикусила губу. Там в аулах иногда перегибы с молодыми девочками. Крапивина намекала, или я ее так поняла. В общем, она,

ее шрам..., — Вика неумело подбирала слова. — Она получила его во время изнасилования или попытки изнасилования. Точно не знаю, Ксения не распространялась. Возможно, это даже был близкий мужчина. Отец или отчим. Или другой родственник. Может даже вот таким же ножом, сделали.

— Ух ты, — Денис перестал быть следователем и превратился в журналиста. История про прошлое убийцы круто ложилась на тему и должна была выстрелить в самое сердце затаившего дыхания зрителя. — Криминалист сказал, что остался волос на лезвии, который не принадлежал убитой и скоро будет готов анализ ДНК, так что узнаем точно, что это Крапивина, а вот почему она съехала с катушек теперь понятно. Спасибо, Вик. Круто было.

Все версии удалились из головы Дениса, и он забыл, что пришел сюда ради эксперимента и в поисках альтернативного убийцы. Теперь не было сомнений в виновности психолога. Стал понятен даже анамнез сумасшествия.

Оставалось еще интервью с инструктором по боям на ножах. Мишаня переставлял камеру и о чем-то беседовал с Викой. Она торопилась в ночной клуб и обещала навестить Мишаню ночью. Кажется, у них все складывалось. Та обещала приехать до 3 ночи.

— А как же стриптизерши, и последний шанс перед свадьбой? — Вика еще раз мигнула блядскими глазами в сторону Сибирского.

— Я уже насмотрелся.

— Проказник, я так и думала, что ты уже кому-то вдул.

— Ничего не было, — соврал он, хотя возможно и не соврал. Просто спасал тело и губил душу.

Мишаня в красках рассказал про имитатора, который запер Сибирского и майоршу в бане. Вика позвала оператора в свою каморку, чтобы тот помог ей переодеться. Оператор послушно зашел в маленькую раздевалку и стыдливо запер ее изнутри.

Сибирский был рад успеху Мишани, отстранился от мыслей, которые начали предполагать действия в каморке танцовщицы и позвонил Ольге. Давно было пора.

— Я по тебе соскучилась, Денис. Я одна в этом холодном городе, твоя сестра из кожи вон лезет, чтобы нам было весело. Но мне нужен ты, твое тело, твое плечо.

— Ночью обязательно приеду. Ты же знаешь, я перфекционист и не могу делать свою работу плохо.

Денису стало больно разговаривать с Ольгой, где-то в душе он отчаянно выковыривал из памяти эпизод в бане.

....

— Осторожно, тут следы крови жертвы и волос с ДНК преступника, — Сибирский предупредил инструктора Хрутова, который своими жилистыми руками крутил нож.

Мишаня послал воздушный поцелуй уходящей Вике. Та надела шапку, похожую на ту что была у Крапивиной, и в отличие от психолога она ей шла. Танцовщица вильнула бедрами и исчезла.

— Что вы можете сказать о ноже?

— Это мой, — Хрутов легко и непринуждённо сказал об этом. — Скорее всего это мой. — у меня пропадают ножи не часто, но заказываю я именно такие. Один исчез 3 года назад. Второй — совсем недавно. Я их считаю, но персонажи ко мне, сами понимаете, приходят разные. Вот этот сперли, может это была Крапивина. И мои отпечатки на нем тоже могут оказаться или моих учеников.

— Крапивина у вас занималась?

Хрутов кивнул.

— А скажите словами. Да, Крапивина у меня занималась, — попросил Сибирский.

— Бартером. Я к ней с женой ходил на месяц на психотерапию. Она ко мне — учиться с ножами работать. Крапивина спортивная дама. Давалось ей все легко, но она быстро потеряла интерес к тренировкам.

— А она могла за это время научиться точно в сердце бить?

— Нет, но можно же тренироваться и одному, а она одинокая дама была. И как бы это сказать, эмоциональная что ли.

— Мишаня, выключи камеру, — сказал Сибирский. Старый приемчик. — Вы с ней спали?

— Как и многие тут.

— А вам она помогла решить семейные проблемы?

— Она помогла моей жене уйти от меня. Мне не помогла. И если она так лечила людей, то, блин, не знаю. Я хотел сам ее убить, после этого. Вы не снимаете?

— Нет, остановили съемку.

Мишаня для верности снял камеру с штатива.

— Я теперь одинокий, я прихожу сюда, тренирую и ухожу домой. Пить и думать о своей семье, которую разрушила эта тварь. Она действительно тварь, такое ощущение, она хотела всех со всеми поссорить. Мы грызлись здесь все в спорткомплексе, понимаете? Даже с Викой. Она в какой-то момент без причины захотела заниматься в зале в мое время. Бред же, зачем сталкивать нас? У меня ножи, у нее толстухи скачущие на мячах. Чуть погода я понял, она тоже побывала у этой психованной в кабинете.

— Одна?

— Я ничего про ее личную жизнь не знаю. Наверно, хотя у Вики года 3–4 назад был мужик. Точно приезжал за ней как часы, на джипе. Большой белый, японец, кажется.

— А у Крапивной были романы?

— А я откуда знаю? По-моему, длительные отношения она ни с кем не поддерживала. Она не верила в семейную жизнь. Парадокс да. Семейный психолог не верит в это. Она считала, что людей объединяют гормональные взрывы, а после череды спариваний все проходит и пора искать нового партнера. Длительные отношения слишком сложны, а люди слишком слабые. И если кризис, надо рубить эти пары ставить им непреодолимые условия, чтобы разбежались. И даже...

— И даже убивать.

Хрутов только развел руки.

— А у вас есть алиби на позавчерашний день?

— Нет, я не помню, я был в говно. Понедельник-среда-пятница с 17 до 19 у меня алиби, все остальное — тлен.

«Рок-звезда, блин», — чертыхнулся про себя Сибирский, а вслух поблагодарил собеседника. Замял грустную ситуацию, попросив Хрутова показать несколько приемов с ножом: как попасть точно в сердце.

Кабинет Крапивиной был закрыт, папка изъята. Денис смотрел фотографии, которые он сделал, когда обнаружил черную папку. Голова работала, мозг генерировал вопросы снова и снова: «А что, если...? А что, если не Крапивина? А что, если я только что говорил с убийцей? А что, если хозяйка салона сосватала своего знакомого Асэрян к Крапивиной? Используйте метод отсева».

Хозяйка маникюрного салона никак не подходила на роль убийцы. С другой стороны, ей и убивать было незачем. Она развелась и жила счастливо. Хрутов тоже развелся, но у него был мотив отомстить психологу. Единственное, что не хватало этому мастеру, это ума. Впрочем, актеры способны на многое. Смущали только косвенные доказательства, которые указывали, что убивала женщина. Все равно надо проверить. Он засветил нож в этом комплексе, если убийца его видел, то должен был бы клюнуть на наживку.

Денис попросил Мишаню поработать с инструктором и поднять еще раз основные удары ножом. Крупняки. Они спустились в зал для тренировок, откуда Сибирский тайком украл тренировочный нож. Еще одно воровство и его точно посадят, но терять уже было нечего. «Свадьба из-за этого может разладиться», — подлые мыслишки стали забивать голову.

Сибирский громко обратился к оператору специально, чтобы услышал инструктор. Он сказал, что поехал в криминалистический отдел возвращать вещдок. Неспешно собрался и вызвал такси. Инструктор тоже закончил занятие и вышел на пару минут ранее. Таксист опоздал, но это было на руку.

В дороге пришлось менять адрес. Спаситель Ким позвонил и намекнул, что в курсе воровства вещдок, и у Сибирского есть пара часов, чтобы все вернуть как было. Старичок-криминалист из Новосибирска пока отмазал его, сказав, что нож у судмедэксперта. Сибирский не стал врать, обещал привезти в морг.

Такси высадило у главного входа в ТГУ. Денис спешил, прокатывая ботинками по замерзшей дорожке. Он постоянно оглядывался и чувствовал слежку за собой. Фонари тускло отмораживались и светили опасно и грустно. Еще в студенчестве он всегда обходил главный корпус слева, там всегдалюдно, но сегодня надо было идти правее, там даже дорожка была нечищенная. Дорожка в морг. Сибирский нащупал нож в кармане и готов был к нападению, шел оглядываясь, навстречу попалась лишь кучка веселых молодых студентов.

Старичок криминалист был на месте. В случае пропажи, досталось бы не только Денису. Когда объявился Сибирский, он встал в такую позу, что журналисту пришлось объяснять причину похищения, причем два раза. Старик принял рассказ за правду.

— Неопытный вы, молодой человек, надо было сделать подделку. Найти похожий, я бы его загримировал.

— У меня есть копия, — Денис вынул нож, которым собирался защищаться в случае нападения.

Криминалист взял нож, покрутил и скрылся. Спустя три минуты, оружие было в пакете с каплями крови, точь-в-точь, как настоящий вещдок.

— Камеры в отеле можно отключить, так что позаботьтесь об автономной съемке и сделайте копии своих интервью. Если вы правы, вы имеете дело с умнейшим противником. А пока пошли на выход. Я прослежу, чтобы вы добрались в целости до выхода.

— Я пойду самым темным путем. Сделайте одолжение, пройдите по нему спустя 10 минут. Ну, если.

— Хорошо, труп отнесу сюда, и катафалк заказывать не надо.

— Обожаю черный юмор, — Сибирский оценил высказывание криминалиста, но не смеялся, нервишки сжали в кокон все тело и не отпускали.

Обратно Денис поскакал через дорожку университетской рощи, которая вела к медицинскому институту. Одному по ней жутковато ходить даже днем, но Сибирский специально шел здесь, помахивал пакетом с поддельным вещдоком, приманивая хищника.

Играл в догонялки с мастифом. Страх щекотал все части тела, так что колючий мороз был полной ерундой, сердце с адреналином раскопчегарило кровь настолько, что отопить можно было весь Кировский район. Бездомная собака прошмыгнула в кустах и сердце ушло в пятки. Сибирский схватился за рукоятку ножа. Из-за сугробов появился деревянный домик, стоявший тут с незапамятных времен. К нему вел небольшой каменный мосток. Собака сделала свое нехитрое желтое дело и махнула обратно в дом. Вдалеке по параллельной дороге — та, что шла вдоль забора, появилась какая-то студентка. Денису стало почему-то легче, он успокоился и пошел медленней. Взял телефон и вызвал такси. Попутчица куда-то скрылась, сознание снизило стресс: «Наверное, в медкорпус». Сибирский задышал легче, и вскоре вышел на оживленную улицу.

Денис заехал в гостиницу. Криминалист не позвонил, следовательно, страх преследования был фикцией. Убийца либо увидел Сибирского с пакетом, либо вообще за ним не следил. Но ощущения взгляда на затылке было. Липкое. Странное и опасное. «Студентка?».

Он еще раз махнул пакетом с ножом перед входом в отель. И спрятал нож за пазухой. Через десять минут он вышел в пуховике нараспашку давая понять убийце, что нож остался в гостинице. Фары белого джипа ослепили его, он заслонил глаза ладонью, запахнул пуховик и побежал к такси.

Позвонила Кузнецова, она уже была доброй, рабочей. Рассказала о сотрудниках ФСБ и о том, что Серов по его и ее просьбе проверяет пары из черной папки. Сибирский подхватил дружеский тон и рассказал о детстве Крапивиной, которое объясняло патологию ее взросления и сумасшествия. Кузнецова поправила, по официальной версии шрам она получила в автокатастрофе, где погиб ее отец. Сибирский шутил, майорша подыгрывала. Через минуту они смеялись. Через две загрустили, когда зашла речь о свадьбе Дениса. Через три Кузнецова дала адрес семьи Асэрян. Серов уже был там. Стыдливо захотелось в баню. Обоим. Подсознание же обдумывало преступление.

— Разворачивай, разворачивайся и быстрее в гостиницу, — Сибирский заорал.

— Хорошо, здесь пока нет поворота. Развернемся.

Лихорадило. Сибирский позвонил в спорткомплекс, но ответа не последовало. На мобильный. Хрутов был пьян, но с третьего раза ответил. Инструктор был не причем, он не убийца. Пот прошиб от осознания, что все это время она находилась рядом. Так близко.

Пришло сообщение от Серова с адресом Армана и Ульяны. И кого из этой пары она хочет убить?

Сибирский набрал Мишане и попросил приехать в гостиницу. Еще один звонок в ночной клуб. Пазл сложился. Теперь нужны доказательства.

Сибирский набрал видеоассистенту Виктору. Он попросил проверить всех владельцев белый прадигов, которые имели имена Ника или Евгениев К и Алина или Роман И.

— А полное имя Ника?

— Я погуглю и пришлю тебе варианты.

«Ника. Ника. Вероника или ...».

Они поднялись на третий этаж, оператор долго мялся возле двери, обыскивая рюкзак, потерял ключ-карту. Сибирский знал, где она, но без доказательств не стал расстраивать Мишаню. Открыл своей. В комнате был небольшой бардак. Искали аккуратно. Сибирский подошел к чемодану, где оставил поддельный вещдок — нож украли. Мишаня хлопал глазами, когда Сибирский рассказывал ему предысторию эксперимента. Вместе они шли к

стойке регистрации. Девушка с ресепшена мило улыбнулась Денису.

— Как вы догадались? Охрана после вашего звонка проверила камеры, их действительно отключали.

— Но уличные работали, правильно? Дадите посмотреть?

Девушка позвала охранника, и тот проводил их глубокими коридорами в подвал.

— Нам нужны записи, которые начались полчаса назад.

Охранник набрал на компьютере пароль, на экране отобразилось 4 изображения. Он отмотал на нужное время и, сомкнув пальцы на уровне ширинки, принялся ждать, когда непрошенные гости покинут его убежище.

— Она с первого дня была рядом, мы рассказывали ей о ходе расследования. Она работала по соседству с Крапивиной, она могла спокойно украсть нож у Хрутова, она даже трахнула Лирика, чтобы замылить глаз мне. Она перепихнулась с тобой, чтобы украсть ключ-карту.

— Вика? — Мишаня нажал на стоп-кадр. Лицо было не опознать — умело прятала, но одежда, походка, фигура.

— Ника и Евгений К., Ника — Вероника — Вика, иногда уменьшают имя не совсем правильно, боюсь, она была в черной папке и всеми силами хотела отомстить Крапивиной.

— Твою ж мать, — мечты оператора о тихом семейном счастье были разрушены до основания.

Арман и Ульяна жили на краю города. Ехать почти час. Мишаня не мог уснуть в долгой дороге и царапал взглядом полузамерзшее окно такси. Иркутский тракт в пересчете на дома пошел на третью сотню и почти слился с поселками, которые когда-то были ближними дачами. Машина спустилась в низину и холодный ветер подхватил железную посудину за бок едва не переворачивая. Соскользнув с горы, такси остановилось. Сопrotивляясь ветру, журналисты вышли на улицу. Минус тридцать семь, но как говорит известный ресурс «ощущается как... снежный ад». Харчок не долетал до земли.

На счастье, дверь в подъезд отворилась, и журналисты проскочили в тепло. Кузнецова ответила звонком на сообщение, в котором были приведены все доказательства против Вики.

— Триггер, помнишь, психолог ваш сказал, что было событие, которое запустило серию, уменьшило временные промежутки между убийствами. Я думаю — это мой приезд и моя свадьба. Она оказалась в гуще событий и не смогла устоять. Чувство превосходства над тобой и мной забавляло ее. Она подкидывала нам одну улику за другой, указывала на Крапивину, черную папку держала у нее, битую стащила, потому что имела доступ ко всем помещениям психолога. Водить следствие за нос и попытаться соблазнить бывшего мужика перед свадьбой. Она поистине...

— Сумасшедшая.

— Именно такую мы и искали.

— У нее 38 размер ноги, но в камерке стояли кроссовки для фитнеса и бега 39, — Мишаня дополнил картину.

— Надо ее найти.

— Найдем Армана, найдем и ее.

Они поднялись на 7 этаж и позвонили в дверь. Ульяна взяла ребенка на руки и пошла открывать.

Серов остался сидеть в кресле, попивая чай. Он заранее выбрал место, с которого виден

вход в квартиру. Журналистов он ждал, но не думал, что они приедут так быстро.

— Я надеялась, что муж. Проходите. Старший лейтенант уверен, что Армяша будет вот-вот.

— Можно мы запишем о Крапивинной пару слов? Вы расскажете, как проходила ваша консультация? Вспомните свои впечатления, и мы сбежим, не дожидаясь Вашего супруга.

— Я без мужа не могу такое говорить.

Нахально вмешался уставший Мишаня.

— Давайте мы выставим свет и камеру, снимаем, а как только он придет мы ему покажем, а он одобрит. Он куда ушел?

— 30-ое число, корпоратив, — успел сказать Серов. — Я звонил, он полчаса как ушел. Продолжать праздник вне стен кафе.

Денис заметил высохшие слезы на лице Ули и понял, что она не знает, где ее муж, или не хочет об этом знать решительно ничего.

— Я говорила, что так мы прождем до полуночи.

Мишаня быстро одним пинком разложил штатив и закрутил винты. Достал камеру прикрутил ее к основанию. Поиграл с фокусом. Прикинул фон. Поставил стул для Ульяны. Вазу с ветками на столе водрузил чуть левее и кинул на дедик фиолетовый фильтр. Картинка была не идеальная, но эфирная. Через 10 минут все было готово. Сделав паузу, Сибирский начал интервью-допрос.

— Он всегда задерживается?

— Нет, — как-то резко отрубил Ульяна, — по праздникам бывает. У него частный мелкий бизнес.

— Пропадает на работе?

— На работе, — повторила супруга.

— Давно женаты?

— 4 года как, как мусику вон тому.

Мальчишка подбежал и поцеловал маму. Мульттики на планшете закончились. И мать подскочила, чтобы продолжить сеанс. Петля упала, Уля подняла ее, извинилась и продолжила движение.

— Восемь вечера. Я сказала полицейскому, — крикнула она из детской, — что пуцу вас подождать до 9. Дальше Тиграну надо спать.

— Товарищ старлей, Ульяна вне опасности, надо срочно адрес мужа. Вика его приберёт — он последняя жертва.

Серов переваривал информацию, посмотрел в телефон и кивнул.

— Наши сотрудники проверили кафе, он уехал на такси, сейчас определяем в какой район.

— И на каком этапе у вас начались проблемы с Арманом?

— Да это не проблемы. Просто я устала. Весь день одна, с ребенком трудно, с ума сходить начала. Надумывать всякое.

— Ревновать?

— Ага.

— Было к чему?

— Он же горячих кровей, сами понимаете. Он нанял себе секретаршу из своих. Гыр-гыр все по-армянски, я ему говорю, что это неэтично, но он только смеялся. У меня такое ощущения, что они обсуждали прямо при мне, как круто они... трахались, — добавила она

шепотом. — Мы пошли к Крапивиной.

— И как она вам?

— Я говорила старшему лейтенанту.

— Угу, повторим, возможно, что-то упустили.

— Хорошо. Я тогда записалась в фитнес-центр, куда и мой муж ходил, ну форму набрать после родов. Найра посоветовала его двоюродная тетка. — Монотонно забубнила Ульяна. — И там же была консультация психолога, первый сеанс бесплатно. Мы и решили ради прикола заскочить.

— И какой Крапивина показалась?

Серов стал тоже прислушиваться.

— Да нормальная. Правда вы сейчас о ней говорите, и мне кажется, что я ее боюсь, но, по-моему, она нормальная. Предложила мужу или развестись, или уволить секретаршу. Хик, — Ульяна вспоминала прием и улыбнулась. — Армаша кричал на нее, а под конец разговора позвонил своей секретарше и уволил. Все.

Классная победная история, но Ульяна улыбалась натужно. Сибирский ответил тем же, экранирова Ульяну.

— Но свято место пусто не бывает. Кто работает секретарем сейчас?

— Я.

Сибирский замялся: больше спрашивать было не о чем, только по кругу гонять вопросы. Он вновь спросил о Крапивной, о том, у кого занималась фитнесом. Это, естественно, оказалась Вика. Но ее Ульяна не вспомнила совсем — блеклая тренерша. Как бросила занятия, полнота вернулась, но Арман убеждал, что это в его вкусе.

— Значит, сегодня его можно не ждать, — Денис хотел добавить слово «рано», «не ждать рано», но Ульяна вспыхнула.

— Почему не ждать? Он придет, он всегда приходит.

— Но поздно.

— Да.

— Нам нужно убедиться, что он жив и все, — вмешался Серов.

— Так что, если вы знаете, где он, скажите и мы уедем, — Сибирского спешил.

— Я же сказала...

Денис посмотрел ей в глаза, и доверился интуиции.

— Адрес любовницы у вас есть?

Глаза Ульяны сверкнули, выразили возмущение и потекли рекой.

— Это даже нам понятно, более того, понятно, что вы все знаете, терпите, любите, — мягко сказал Денис, по-кошачьи пытаясь разжалобить несчастную жену. — Адрес?

— Я не знаю.

— У следствия есть все основания полагать, что ваш муж станет следующей жертвой. Вы же не хотите, чтобы его убили?

Серов уже взял мобильник и приготовился вбить в навигатор адрес. Ульяна сдалась. Деревенский стыд был побежден. Она проследила за ним месяц назад и узнал куда и к кому он ходит. К секретарше, которую он уволил. Серов собрался мгновенно и сообщил, что ждет их в своем Уазике.

— Михаил побудет у вас. На всякий, — Сибирский был сама надежность и опора в этих речах и справился бы с ролью супруга куда лучше Армана. Хорошо врал.

Сибирский подхватил сумку. Посмотрел в глаза несчастной Ульяны и вспомнил слова

Крапивной, о том, что не все клиенты верят в себя, поэтому ждут, когда обстоятельства сами распорядятся их жизнью. Иногда — это печально.

Ехать было близко. Те самые расстроившиеся дачи, выросшие в краснокирпичные элитные домики. Возле ворот стояла машина Армана. Серов с облегчением выдохнул. Свет горел в комнатах. Они вышли на улицу.

Денис закурил, сегодня это была уже девятнадцатая сигарета. Он вернулся на прежний уровень — пачка в день. В кармане он нашел коробочку с кофейным драже. Там было одно зерно в шоколаде. «Следующий выбор будет невыносимо трудным», — подумал Денис, все еще чувствуя вину за то, что не смог победить привычку. Серов вышел из машины и поставил сирену на крышу, дабы помочь людям ответить на вопрос кто к ним пожаловал.

Старлей достал табельный, выставил его перед собой.

— Ты не лезь, жди здесь, понял, журналист?

Старлей пошел к калитке. Сибирский остался. Клубни дыма от прожорливого УАЗика мешали воспринимать реальность происходящего, укутывая в пепельный серый не только суть происходящего, но и мысли. Жажда раскрыть преступление замкнулась на нем. «Я — триггер. Я тот спусковой крючок, который запустил газонокосилку Вики».

Серов подошел к двери и не видел, как в этот момент в доме мелькнула тень, кажется, женская. Спустя минуту старлей вошел на территорию коттеджа. В дом вели сразу две двери. Он толкнул одну и понял, что ошибся. Она вела в подвал. Серов вошел во вторую и крикнул свое звание и фамилию, а также поинтересовался, есть ли в гостях Арман Асэрян. Никто не ответил, и Серов расстегнул серый полицейский тулуп и скинул его на пол, так чтобы был виден бронежилет.

Сибирский взял из УАЗика монтировку и пошел следом, стоять у дверей на шухере было против его правил. Он включил камеру на телефоне и поставил его в нагрудный карман, так чтобы глазок выглядывал и запечатлел все происходящее. Он приблизился к Серову, но тот шепотом повторил, чтобы журналист убирался прочь. Послышался шум в ванной. Как будто кто-то боролся. Старлей бросился на звуки. Сибирский дернулся вслед поддавшись стадному инстинкту, но контринтуитивно затормозил, вдвоем там тесно. «Вика здесь», — пронеслось в его голове. Он крепко сжал монтировку и приготовился бить. Мысль не успела докрутиться, ее заглушил жесткий командный приказ Серова, который требовал вызывать скорую.

В пелене топота и громких команд Сибирский услышал хруст снега под сапогами и обернулся. В окне ничего не было видно. Он долго искал выключатель и наконец погасил свет. Фары джипа Армана загорелись. В два шага Сибирский выбежал во двор и остановился возле двери. На дорожке к выходу лежала шапка — как две капли воды похожая на ту, что была у Крапивной в квартире, та что фильме так шла Брыльской.

Вика замерла в шаге от шапки. В руке был тот самый украденный поддельный вещдок — замаскированный нож. Она буркнула проклятье и ловко метнула оружие в сторону журналиста. Лезвие со струнным звуком вошло в деревянный косяк, пригвоздив часть меховой оборки капюшона. Вика резко крутанулась и побежала вон из двора. Сибирский не рискнул идти за ней, побежал, как только завелся мотор.

— Она здесь, — проорал он. — Стой.

На крик выбежал Серов.

— Срочно погнажи, она уезжает.

Они вскочили в УАЗик Серова и тронулись, но колеса словно прилипли к снегу.

Старлей ударил по рулю и остановился. Проколотые в боковинах покрышки погрузились в снег до самого диска.

— Срочно, всем постам, — Серов назвал марку и номер, но Денис уже отключился и слышал все как в тумане. Он сидел на заднем сидении, сводя воедино весь свой мыслительный аппарат. Вика. Она была четвертым в последней версии подозреваемых. «Убийца будет всегда рядом и следить за новостями об убийстве из первых уст». Личные отношения блокировали реальность и факты. Мешали рассмотреть ее как единственного верного убийцу. Ника и Евгений К. Она была на бумажке у Крапивиной. У них с мужем психолог выпила все слезы.

— Ее скоро поймают, ФСБ приехала, подключат все ресурсы.

— Я бросил ее 14 февраля. Пришел на день влюбленных без цветов и конфет. И сказал: «Дарю тебе самое ценное, что есть — Свободу». Она плакала. Мне показалось, она знала, что мы расстанемся, к этому шли все наши отношения в последние несколько недель. Но так или иначе — это было подло. Сейчас я это понимаю. Подлость, удар ножом в спину, — Сибирский вымаливал прощения у всех убитых. — Но самое странное, что бы сделала любая другая девушка? Дала по морде или выставила за дверь. Вика трахалась в последний раз и плакала. Вот так, словно затаив злобу на меня на всю жизнь. Когда я приехал, она начала свою игру. Она начала мстить мне. Мне.

Скорая загудела, подъезжая к дому. Любовница Армана была жива, хотя крови в теплую ванну вытекло больше литра. Самого Армана нигде не было.

Сибирский позвонил Мишане, сообщил новости. Серов вызвал Ульяне оперативника и психолога. Старлей крутил мысли и доводы, сказанные Сибирским и, в итоге, сложил все в один вопрос:

— Если, она мстит тебе, она, наверное, попытается убить твою невесту? Нет?

— Или своего мужа. Евгения К. Есть мысли кто им может быть?

Серия девятая. Последняя. Печальная

Мои документы/День 10/Томск.31 декабря/Скрип колеса/ Файл 90001

Поезд прибыл в 6:10 по-местному. Провинциальный железнодорожный вокзал холодно принимал пассажиров. Колеса сильно скрипели, вдавливая свои металлические обода в стальные рельсы. Песок из тормозной системы увеличил силу трения, и состав медленно скрипуче затормозил. Платформа была запорошена снегом. Ночью резко потеплело до минус 5. Начался буран. Валило за все три недели морозной малоснежной погоды. Современный вагон хорошо отапливался, электронный термометр показывал +25. Седовласый исхудавший мужик сидел в ожидании выхода всех пассажиров. Он боялся сойти с места, да и некуда было спешить. Допивал крепкий, из трех пакетиков, чай. Тепло из него быстро уходило, и необходимо было подливать жар в топку. Синие глаза мужчины все равно оставались замерзшими. Было совсем неинтересно, что исчезло и что нового появилось за окном за последние 20 лет. Вся жизнь застыла еще тогда. Терзания были бесполезны. Оставалось только созерцание. Душа оторвалась от тела и следовала за ним по привычке, как шарик с гелием, привязанный к руке ребенка, который давно потерял к нему интерес. Но отпустить — значит, потерять навсегда.

Здоровье было ни к черту. И он периодически покашливал в кулак. Хронический бронхит с подозрением на туберкулез мучил, но не досаждал. Привычка. Место было напротив проводника на боковушке, поэтому он провожал всех приезжих. Пока не остался один. Встал. Эхо в пустом вагоне. Быстрым движением накинул старючий пуховик и натянул гандонку. В отражении зеркальной двери он увидел себя привычного, не хватало лишь сокамерников рядом.

На платформе мент сразу подлетел к нему и долго вчитывался в справку об освобождении. Всё равно. За 20 лет скопилось немного денег, на пару недель хватит. Единственное запаadlo со стороны «красных» — выпустили совсем не вовремя. 31 декабря ни хату, ни хоть какую-то работенку не найдешь. В подъездах можно перекантоваться пару дней, но он решил сначала позвонить Геле. Начальник тюрьмы сказал, что она интересовалась его судьбой. Может еще не безразличен. Веры в Бога у него оставалось немного, но наложить на себя руки она не позволяла. Он знал, что у него есть внуки и увидеть их было бы здорово, хотя бы из-за угла.

Исходники/День 10/31 декабря. Томск/Безмужье/ Файл 90002

Кузнецова вздрогнула, словно невидимый будильник прозвенел под ухом. Она лежала на плече у Дениса. В рабочей одежде, свернувшись калачиком. Ноги были едва накрыты пледом. Они так и сидели в ожидании, что Джонни придёт. Наверное, странно было его ждать в объятиях другого мужчины, но Кузнецова точно знала, что Денис как минимум друг. И плакать на его плече можно. Да и другого такого не найти.

То, что Джонни пропал, стало ясно еще прошедшим днем, а может и утром. Но Кузнецова призналась себе в этом лишь вчера поздним вечером, когда взъерошенная прибежала домой и не обнаружила ничегошеньки в холодильнике. Точнее ничего готового. Следом позвонил Серов и кратко описал «веселые приключения» с журналистом. После неудачной погони за Викторой они приехали к ней и устроили небольшой штаб. Тогда-то и позвонил видеоассистент Виктор, он нашел номера джипа по ориентировкам Сибирского. За Джонни числился старенький прадик белого цвета. Евгений К из черной папки был он. Пс

базе данных Вика никогда не была Кузнецовой, видимо, называла себя так, пребывая с Джонни в гражданском браке.

Полковник Тамакин уже связался с ФСБ-шниками и передал им дело. Еще по пути к Кузнецовой Серов получил звонок о том, что переходит в оперативное подчинение к подполковнику Гришину.

Сибирский пил крепкий чай, голова болью в затылке откликалась на меняющуюся погоду. Обсуждали мотив Вики. Денис рассказал теорию о том, как она мстила ему, убив Иринку, а потом напоказ всех остальных из черной папки. Он вспомнил как она его домогалась и сделал вывод, что Вика хотела расстроить его свадьбу.

— Есть одна неувязка, — быстро прикинув все расклады, сказала Кузнецова. — Первые две жертвы. Та, что со СПИДом или без него. И художник. Там вообще не аде. Непонятно можно ли пришить это к делу. Пока оставим те два архивных дела за скобками. И начнем с того, как ты ее вычислил.

— Она всегда была рядом. Ваш криминальный психолог помог, сказал, что единственный шанс найти убийцу — это его желание быть в курсе событий. Второе, это кабинет Крапивиной. Я предположил, что психолог не убийца, и тогда им становился кто-то кто был рядом и из черной папки. Ника-Вика. Повезло немного, мозг докрутил все. Плюс она действительно клюнула на нож. Демонстративно переспала с Мишаней, чтобы украсть ключ-карту. Ослепила меня фарами своего прадика, я его, кстати, только спустя полчаса определил.

— Теперь, когда нашли машину, стало понятно, что мой муж и Вика ходили к Крапивиной.

— Да, квиток Ника и Евгений К. Сама черная папка могла стать проектом ее извращенного мозга. Убиты все.

— Думаю, Армана мы найдем где-нибудь утром, — сказал Серов.

— Две пары живы. Хозяйка салона и инструктор. Хотя ты прав, тут есть логика. Они же развелись. А остальные не могли. И тогда только смерть.

— Мля, твою мать. Сумасшедшая.

Кузнецова и Сибирский посмотрели на редко проявлявшего эмоции Серова. Но в общем были согласны с его словами. Они сидели, уставившись в пол, и каждый обмусоливал со всех сторон дело. Где искать? Что делать?

Позвонили из управления. Машину нашли во дворах на Кашгаке. Из ГИБДД Серов доложили, что у Вики есть водительское удостоверение, на прадик была оформлена доверенность. Через полчаса ответила служба каршеринга, подтвердила, что Вика была активным пользователем последние 10 дней. Серов перекинул схемы передвижения видеоассистенту Виктору, тот обещал связать маршруты со схемой преступлений. Хотя было ясно, что все совпадет.

— Надо быть честным, — сказал Сибирский. — Либо Арман последняя жертва, либо предпоследняя.

Кузнецова пока не ревела. Злилась.

— Если она сбежит или загаится, больше трупов не будет, и она избежит наказания. Ближайшие сутки-двое у нас реальные шансы ее поймать. Далее — туманные перспективы, — Серов как всегда оформлял очевидные мысли в слова.

Мишаня приехал вместе с Сибирским и Серовым. Выпив чай, он отпросился на боковую. Долго не мог заснуть. Мозг лихорадочно впрыскивал в сознание фрагменты секса с

Викой, затуманивал голову мыслями о том, что он готов был взять порочную убийцу в жены, о том, что все теперь обесмыслилось и стало ненужным, даже Новый год, даже сон. Поворочавшись полчаса, он все-таки заснул, но тихо, без привычного храпа.

Серова вызвали в УВД. Кузнецова и Сибирский остались одни. Майорша обхватила горячую кружку с чаем двумя руками и посмотрела в окно.

— Голова раскалывается, кажется, потеплеет наконец-то.

Она заплакала.

— Джонни, как и Вика, из Казахстана, жили в одном городе. Возможно, они начали встречаться еще там, — она всхлипнула. — Боже, я совсем ничего о нем не знаю.

Теперь она заревела.

— Попробуй вспомнить что-то еще.

Майорша опустила голову, не зная с чего начать.

— Мы собирались разводиться. Джонни хотел, чтобы я бросила работу, и мы уехали в какой-нибудь Таиланд. Он мог работать откуда угодно, где есть интернет. А я... А я боюсь что-то менять.

Это было самое сложное интервью в его жизни. Без камеры, без подстраховок, но с четкой целью найти зацепку, которая спасет жизнь мужа Кузнецовой. Ирония.

— Обычно девушки любят расспрашивать про бывших...

— Он говорил, что у него были связи, но никогда подробно не рассказывал. А я, признаться, и не хотела слышать о его бабах. Это больно. Не понимаю женщин, хотя понимаю, они все сравнивают себя с бывшими. А мне не надо было, не хотелось. Любопытно, конечно, но зачем? Не знаю.

— Если судить по ток-шоу и блогам, все девушки следят за своими парнями, читают их мессенджеры и соцсети.

Кузнецова лишь развела руки.

— Мне кажется, это предательство. Что посчитал нужным, то и рассказал. Остальное не имеет значения. Важно только будущее и настоящее. Современный подход. Джонни чересчур умный, он ненавидит, как он говорил, «сельские интриги».

— Как же он с Викой, тогда?

— Это лучше тебя спросить.

Сибирский не хотел говорить о Вике, но разговор требовал откровений.

— Она как порноактриса. От таких трудно уйти, но с такими сложно и страшно строить отношения. Семья, дети, дача — кажется это не для таких как Вика.

— Странно, кажется, Джонни ей идеально подходил. Ему тоже не нужны были ни дача, ни дети.

— А тебе?

— Сибирский. Я месяц назад сделал аборт. Мы оба решили, что так будет лучше. Мы оба. Может я такая же как Вика и мне не нужны ни дом, ни семья, ни дети, — Кузнецова стала холодной, мертвецки белой и несчастной. — Мне теперь всегда есть, о чем плакать.

Она ревела внутрь себя и смотрела в окно. Денис пересел к ней на кухонный диванчик. Взял за руку. Майорша уткнулась ему в плечо. Ревела.

— У тебя завтра свадьба.

— Жизнь Армана и твоего мужа важнее подписи в паспорте.

Была полночь. Кузнецова позвонила свекру, разбудив его, сказала, что поругалась с мужем и тот сбежал из дома. Попросила позвонить, если он появится. Тесть принял

информацию понимающе. Кузнецова изобразила жертву и сказала, что нашла переписку с его с бывшей девушкой. Она спросила, была ли у Джонни девушка в Казахстане. Тесть подтвердил и описал Вику. Выразился по-модному, сказал, что у них были слишком токсичные отношения. Сильно зависимые. «Она хотела стать его оруженосцем и подносить ему целовать младенцев перед боем. А Джонни нужна была волевая и независимая. Как ты», — в заключение сказал свекр.

В 4 часа сон одолел путников, и они сидя задремали. Майорша улеглась на плечо к Денису, накрыла пледом ноги и засопела. Сибирский думал, где же была Вика. Ему показалось, что он растерял весь фарт и уже не успеет никого спасти. Мозг сам подсказал что делать. Спать. Информация упакуется в логичные системы и выдаст результат. Возможно, утром он поймет, где искать Вику. Липкую, похотливую, безумную.

Чужие документы/День 10/Томск. 31 декабря/Гильотина/ Файл 90003

Вика стояла возле тренажера и рулеткой отмеряла расстояние от шеи Армана до штанги. Заложник без чувств лежал на спине под снарядом. Руки были привязаны к массивным балкам, которые располагались по бокам.

Штанга, нависающая над мучеником, была похожа на нож гильотины, которая готова была по сигналу палача сорваться вниз и перерубить голову. Ушки, которые должны были удерживать штангу на опорах, были согнуты. Гриф держала веревка, которая хитрым устройством была присоединена к будильнику. Тикал он громко и мог бы разбудить дом. Но в фитнес-центре не было ни души.

— Что ты делаешь? — голос Джонни был как всегда отстранен, хотя и в нем можно было слышать ужас. Дикий, рептильный, смертельный. Он был привязан точно также и находился в таком положении уже 12 часов.

Как только Джонни согласился на встречу с психологом онлайн, Вика заликовала, план наконец-то можно завершать.

— Мы с тобой были последние в черной папке неудачников. Ты и я. И вот этот изменник не желавший разводиться, — она кивнула на Армана. — Но теперь все. Помнишь, как ты сказал мне, еще в Павлодаре? Только смерть разлучит нас. Ну, вот я и подумала. Да. Разлучит. А что делать?

— Ты их всех убила, чтобы отомстить мне? Ты с ума сошла?

— Точно. Но эта, знаешь ли, общая тенденция общества. Психологи, которые не могут помочь, жены и мужья, которые изменяют. Подростки, которые с помощью тик-тока находят себе секс в 12 лет, никаких обязательств, у людей кругом голова идет и нет точки опоры, нет поручня, за который можно удержаться в этой жизни. Семья — основа прошлого общества, теперь это не ячейка, а фикция, мама и папа уже ценность мирового масштаба. Одиночки, мы все должны быть одиночками. А мне так хотелось быть с кем-то. Устои и традиции общества больше не существуют. Грани размыты. И наша задача...

— Их прочертить заново. Боже, ты все не так поняла. Это просто общая теория.

— Джонни, ты умный человек. Но на диване мир не изменишь. Даже на кафедре психфака.

— Убивать людей мерзко.

— Плохих — ничуть.

Электронный будильник, который стоял на зажиме, удерживающем веревку, зазвенел. 5 утра. Штангу больше не удерживала никакая сила, и она медленно соскользнула с держателей. 100 килограммов полетели на спящую голову Армана.

Тревожный крутящий сон. Кузнецова проспала всего полтора часа. Больше не могла и не хотела. Она поцеловала Сибирского в щеку и помогла ему принять горизонтальное положение. На маленьком кухонном диванчике он не помещался, поэтому под ноги она поставила табурет. Погладила его по голове и пошла в ванную. Приняв контрастный душ, майорша уселась за работу. Делу время, эмоциям час. Ноутбук Джонни стоял на месте. Пароль она знала в теории, потому что инстинктивно запоминала движение пальцев по клавишам, но никогда не пользовалась. Она переключила раскладку и набрала русскими буквами «геродот1990», не вышло. Забыла регистр для первой буквы, со второй попытки комп характерным сигналом оповестил, что готов начать работу. Джонни доверял жене и не стирал куки. История поисковых страниц выдала кучу рабочего бизнес-материала, порно и статьи по поводу убийств. Кузнецова лишь на секунду замялась, но отбросила к черту принципы и полезла в мессенджеры. Почта — пусто. Соцсети тоже. Сдаваться майорша не собиралась.

Сибирскому тоже не спалось. Он умылся в кухонной раковине. Тщательно протер красные глаза и пошел искать майоршу. Он подошел сзади и положил ладонь на плечо. Она щекой прижалась и поймала себя на мысли, что точно также прижималась к руке мужа. Испугалась своих чувств к журналисту. Она никогда не забудет вынужденный спасительный секс. Но теперь важно было спасти мужа. Измены, секс, страх, все не имело значения перед чудовищностью смерти. Кузнецова всегда это видела в глазах потерпевших, как называет их протокол. Всегда видела, что убийца лишал жизни не только жертву, он опустошал души многих его родственников, калечил детей, родителей. Порой ей казалось, что предусмотренные сроки заключения слишком малы, чудовищно не сопоставимы с той болью, которую приносит внезапная смерть.

— Я много сегодня поняла. Нам с мужем надо было поговорить, — она опять на секунду перестала быть суровой майоршей. — Он все мне — останься, останься. Будто хотел что-то сказать. А я как газель, покусанная пчелами, бежала, бежала. Я могла бы его спасти, он был у меня вот здесь, на диване рядом.

— Ты не виновата.

— А кто виноват?

— Вика. Чокнутая Вика.

— Хм, — Кузнецова углубилась в компьютер, будто стараясь спрятать свои эмоции и мысли, сосредоточившись на том, что она умела лучше всего. Работать. Вдjobовать. Фигачить и рыть пока не наступит прозрение, и преступник не будет обезврежен, пойман, распят или хотя бы взят под контроль. Сейчас ничего не было. Даже в работе земля уходила из-под ног.

Мои документы/День 9/ Томск. 30 декабря/Обещать не значит.../ Файл 90005

После неудачной поимки Вики, перед тем как ехать к Кузнецовой, Сибирский забежал к Геле. Его долго не отпускали, радовались и целовали. Сибирский крепко обнял Ольгу и строго сказал, чтобы никто не заходил в их квартиру. Никто, даже разносчик пиццы или суши.

— Убийца охотится за мной, — Денис говорил серьезно. Серов, стоящий рядом в форме, кивал. Придавал словам увесистости.

— Дениска, не морочь голову, — Геля не верила.

— Это не основная версия следствия, но следует отнестись к этому со всей

серьезностью, — Серов подыграл, как и просил Сибирский. — Возможно, убийца будет искать его здесь, у вас. Побудьте дома и проявите бдительность. У подъезда будут дежурить мои люди. Он, Сибирский, вам позвонит, когда мы возьмем преступника. Это всего лишь перестраховка. Дениса мы берем под личную охрану.

С этими словами Серов развернулся и вышел из двери. Сибирский наспех чмокнул Ольгу и Гелю и побежал.

Во сне, прижимая к себе Кузнецову, он мысленно репетировал разговор с Ольгой. Проигрывал разные сценарии: то признавался в измене, но оправдывался и объяснял обстоятельства. Выставлял себя рыцарем на белом коне, который случайно заляпался в грязь — погода плохая была. Но на деле ему предстояло решить жить с этой ношей всю жизнь и врать на вопрос: «Ты мне когда-нибудь изменял?» Либо снять ответственность с себя и дать Ольге решать: будет она с этим знанием жить всю их семейную жизнь. Оба варианта были мучительны. Подгоняло время, часы тикали быстрее. И до свадьбы оставалось каких-то 11 часов. В сбежавшую из ЗАГСа Джулию Робертс превращаться не хотелось. Но и такой вариант Сибирский тоже рассматривал.

Исходники/День 10/ Томск. 31 декабря /Загадка/ Файл 90006

Кузнецова сидела в спальне за рабочим столом и читала свою переписку с мужем. Глаза мокрые. 6 утра. Сибирский нервно ходил рядом, смотря себе под ноги. На кухне завибрировал смартфон. Денис сорвался с места. Он вытащил шнур от зарядки и посмотрел на экран. Через мессенджер звонил неизвестный абонент. Она. Сибирский вернулся в комнату и включил громкую связь. Кузнецова замерла.

— Дениска, привет, Кузнецова рядом? — стальной голос Вики с нотками расстроенной гитары затренькал по комнате. Кузнецова кивнула Сибирскому, схватила телефон и быстро набирала сообщение Серову, с просьбой отследить звонок.

— Здесь, — Денис выдохнул.

— Так я и знала. Завтра свадьба, а он дома не ночует. Со мной спать не захотел, а вот майоршу охмурил. Ха-ха. Муж из дома, любовник в кровать. И давно вы ставите рога Женьке?

— Да, ты о чем вообще? — голос Дениса подвел, он был низким, застенчивым, как будто третьеклассник неуверенно отвечал на вопрос.

— Не ври мне, — закричала Вика, возбуждение которой явно зашкаливало. — Я все про вас знаю.

— Я не вру, — Сибирский все еще врал, но так плохо впервые в жизни.

— Я кладу трубку.

— Хорошо. Стоп. Да. Мы спали с Кузнецовой. Вот только что, если тебя это устраивает.

— Да ты не парься, без подробностей. Я и так знаю все твои сексуальные секреты, — Вика смягчилась, хихикнула, а Денис покрылся красной краской. — Мне все Мишаня рассказал. Застукал вас бане.

— Джонни, если ты слышишь, — Сибирский сделал паузу. — Преступник запер нас в бане и хотел, чтобы мы сдохли на морозе. Единственный вариант согреться, это секс. Ничего личного просто выживание.

— Пошел на хер, — послышался истошный голос Джонни.

Кузнецова зажала кулаки.

— Он жив, — прошептала она про себя и укусила себя за костяшку большого пальца, чтобы не дать эмоциям выплеснуться наружу.

— Женька, а я имверю, ну бывает же. Главное, чтобы не забеременела, а то, знаешь, чужого воспитывать. А в бане точно презервативов не было.

Зазвенел будильник — Арман вздрогнул. Вика улыбнулась. Еще не время. Она стала быстро наговаривать.

— Итак, через 10 минут вы выясните район откуда пошел звонок, а то и позже. Но дом не отследите раньше, чем через полчаса. Твоему мужу осталось жить 15–20 минут. Женька простит тебе измену, слышишь, майорша, он простит, если ты его спасешь. Правда? Вот только надо пройти проверку. Крапивина мне всегда говорила. Парам надо устраивать состязание на выживание иначе они не оценят второй шанс, который дает им терапия. Вот считай, Кузнецова, у тебя второй шанс. Ты же мужа любишь? Тогда обязательно вспомнишь, в какой кинотеатр он тебя притащил в первый раз. На последний ряд, естественно. Ух. Мы с ним, когда встречались, регулярно петтингом занимались в кинотеатре. Он такой, — Вика взяла паузу, словно смакуя свои воспоминания. — Все, отбой. Хотя нет. Если приедет сюда армия, то я его убью, а меня вы и так пристрелите. Так что речь не о моей жизни, она кончена. Речь о том, способны ли вы спасти Женьку. Как всегда, в живых должен остаться кто-то один. Кому смерть супруга даст еще один шанс? Правильно, тебе, Кузнецова. Хотя с Сибирским у тебя все равно ничего не получится. Он токсичный и прокаженный. Порабощенный идеями и работами. Сибирский, ты всегда чуток не дотягивал до женщин, в которых влюблялся. Вот и здесь Кузнецова выберет мужа. Пока. Напоминаю. Мы здесь, в кинотеатре. У вас 15 минут, — связь оборвалась.

Мишаня спал в гостевой на диванчике. Он проснулся от звонка, но не входил в комнату, чтобы не мешать. Дослушав разговор, он постучал в дверь и сообщил, что готов выдвигаться. Кузнецова сняла домашние джинсы и натянула утепленные штаны, на майку надела теплый свитер и нацепила на пояс кобуру. Достала ствол, мастерски перепроверила патроны и впихнула обратно. Волосы собрала в пучок и воткнула в него гребень-трезубец. Второй такой же, заточенный по краям, запихнула в голенище берца.

— Куда едем?

— У нас в городе четыре кинотеатра, успеем только в один. Скорее всего, это «Октябрь». «Горький» в центре города. Там ей трудно орудовать. Остальные в торговых центрах. Тоже неудобняк.

Сибирский закусил губу, вслушиваясь в быструю речь майорши, но мимика показывала другое — осуждение.

— Да, я ни хрена не романтичная. Я прагматичная сука. Ты что не алё, не заметил, когда мы трахались, а, бро?

— Я тебя не осуждаю. Поехали.

Кузнецова схватила ноутбук, вручила в руки Денису. И приказала искать кинотеатр в дороге.

Машина с Фрунзе вырулила на Красноармейскую. И встала на светофоре. Сибирский сидел рядом с Кузнецовой, поставив ноутбук на колени. Через телефон раздал интернет, и серфил в мессенджерах Джонни. Ничего.

— Историю в браузерах проверил?

— Пусто. Нужен спец.

Сибирский быстрыми движениями рук, открыл Оперу, Хром, Яндекс. По нулям. Нажал на синюю букву Е.

— Джонни ретроград, эксплорером пользуется, — сказал Сибирский.

Печка по привычке работала на всю катушку, но на улице было тепло. Минус пять, Африка. Снег валил на всю катушку, чем вызвал коллапс на дорогах. Коммунальные службы утром 31 декабря оказались не готовы к такому повороту событий. Как и в любой другой день. Джип Кузнецовой пересек улицу Кирова, перепрыгнул через трамвайные пути и с дрифтом завернул к кинотеатру. Машина резко затормозила у входа, Кузнецова отточенным движением отстегнула ремень, открыла дверь, выпрыгнула и побежала в здание.

Обнаружив нужный браузер, Сибирский принялся рыскать в чужом белье. Не все сексуальные предпочтения Джонни разделял Денис, но толерантно скрыл свое недоумение. Наконец-то в истории посещений он нашел сайт Крапивиной со встроенным чатом.

Джонни разговаривал с аккаунтом Крапивиной, но по переписке Сибирский понял, что за словами пряталась Вика. Именно она выманила его на офлайн встречу.

Сибирский отскроллил на самое начало разговора. Уже месяц Вика пыталась его лечить, точнее просто засирала ему мозги по поводу его семейной несчастливой жизни. Был шанс, что информацию о кинотеатре Вика выудила через чат.

Кузнецова запрыгнула в машину. В «Октябре» все мирно. Поехали в «Горький». Машина стартанула с пробуксовкой и понеслась.

— Джонни для полиции разрабатывал систему эффективного взаимодействия разных госслужб?

— Ты что-то нашел?

— А через 3 дня после конференции вы уже съехались?

— Хватит.

— Я нашел чат Джонни и Вики. Ага. Кинотеатр «Родина».

Кузнецова похлопала глазами.

— Его же закрыли?

Джип перепрыгнул через двойную сплошную, чуть не врезался в маршрутку-Пазик и свернул на Белинского. Под горку они ехали на безумной скорости, пролетая мимо шедевров деревянного зодчества. Сибирский лишь краем глаза заметил двухэтажный «изумрудный замок». Рассказывая об этом здании, экскурсоводы всегда упоминают, что мимо него чуть ли каждый день ходил в гимназию юный Саша Волков. И вдохновившись шедевром позже написал «Волшебника изумрудного города».

Машина за секунду пронеслась мимо долгостроя — местного стадиона Труд. Оставалось 5 минут. Спасти Джонни можно было только при огромной удаче.

— Да это даже не кинотеатр был, так, зал для просмотра видео в кафе. Диванчики там стояли. Я так набралась коктейлей, что весь вечер ему рассказывала о том, как мы ловили насильника.

— Хухл, — с намеренным усилением краснодарского акцент сказал Мишаня. — Хухл кинотеатр Родина не находит.

— Там его и нет. Там что-то другое. На Розочке.

Джип вылетел на улицу Розы Люксембург или как говорили местные — на Розочку. Плохо почищенные трамвайные пути помогали джипу держать темп и не вылетать с рельс. Периодически Кузнецова объезжала трамваи по встречке, слегка удивляя сонных пассажиров, которые за каким-то чертом ехали куда-то утром 31 декабря.

Документы Ольги/День 10/Томск.31 Декабря/Маркер/ Файл 90007

Геля сидела на кухне и ждала, когда Ольга выйдет из туалета. Еще вчера они купили тест на беременность и договорились проверить. Накачавшись чаем Ольга пошла в уборную.

Она на мгновение взглянула на свадебное платье, которое висело в коридоре и ждало часа X. Ольга дико тревожилась: "Две полоски бы разрешили все сомнения. Страшно все и сумбурно. Как и вся жизнь с Денисом. Непонятно и неопределенно. Стабильностью не то что не пахло, воняло несбалансированностью". После рассказа Гели все стало более-менее понятно. Вопрос, сможет ли она примириться с его недостатками и прожить долгую счастливую жизнь. Застелив сидущку туалетной бумагой, она присела и распаковала тест. Подставила полоску под струю. Закрыла глаза и стала считать. Просто считать. Второй рукой она сжимала красный маркер, на всякий случай.

Исходники/День 10/ Томск. 31 Декабря/Родина/ Файл 90008

Джип пролетел центральную часть улицы Розы Люксембург, кирпичные дома исчезли с обочин. С обеих сторон теперь стояли покосившиеся старючие прогнившие двухэтажные черные развалины. Стекла то тут, то там были выбиты или заколочены досками. Полный артхаус. Неудивительно, что обитатели этих домов не ходили в кинотеатр.

Вика села рядом с Кузнецовым, гладила его по голове, но обращалась к Арману, рассказывая о его жизни.

— Ты мучаешь свою жену. Ульянка, хоть и безнадежная толстушка, но верная жена и хорошая мать, ну не без греха, конечно, жрет по ночам, подружкам рассказывает про ваши неудачи в сексе. Но это не измена, это может и разрушает семью, но не так как твои похождения. И, главное, она же проследила за тобой, ты думаешь, менты просто так появились у твоей мертвой любовницы? Нет, Ульянка сказала им. Я, если честно, думала, что она не расколется, но Дениска профи, он знает куда бить, чтобы слезы на камеру потекли. И будь уверен, она станет местной звездой, когда диктор скажет, что ты стал жертвой маньяка. Она в камеру скажет пару хороших слов о тебе и заплачет. Я тебя убью, чтобы ее освободить. Она правда без тебя будет счастливее. О сыне сказать ничего не могу, но ему всего 4 года. Ульянка еще успеет найти ему хорошего отца.

Мысли Вики перескочили, и она уже обращалась к Джонни.

— Я всегда говорила, что полицейские зря ненавидят этих чудиков журналистов. Они недооценивают их работу. Все щели и подтексты высмотрят и вывалят в корыто под названием телевизионный фильм. Пусть, как раньше говорили, пипл хавает. Думаю, Сибирский тебя найдет, поэтому в живых оставить тебя не могу. Прости.

— Пошла на хер, дура, — ответил Джонни.

— Ты чокнутая, на всю голову, — Арман завопил.

— У тебя минута. Что ты хочешь сказать своей жене и сыну? Я передам, письмо напишу.

Арман кричал, обзывал, перешел на армянский.

— Тебе бы все равно Тигранчика не отдали. Ясно, что ты хотел бы пацана себе забрать, но не в нашей стране. Да и чисто психологически. Ему с матерью будет лучше. Может быть лет в 12–13 он бы стал твоим, но ты не захотел ждать. Решил себе еще одного заделать, от своей, с которой можно как хочешь поступать. А с Ульянкой так нельзя. Тут суд, и прочие дела.

— Так и скажи ей, что я с ней жил только из-за ребенка. И Тиграну скажи, что я его большие жизни люблю. Любил. А ты иди в жопу, психопатка. Я разведусь, я исчезну из города. Отпусти.

— Врешь. Да и не могу. Видишь Женьку, он должен видеть мои намерения. И признаться во всех грехах.

— Отпусти. Отпусти, — произнес Джонни.

— У вас было куча времени исправить свою семейную жизнь, но вы просто мучали своих жен. Ты, Армаша, изводил Ульку изменами, а ты, Джонни, не уважал выбор своей жены, ревновал ее к работе, вынуждал бросить то, что делает ее счастливой. Ты и меня никогда не хотел сделать счастливой, ни разу и не спросил, что я хочу, — Вика задумалась, но вскоре глаза заблестели. — Вам незачем жить, вы — токсикки, — пританцовывая сказала Вика и указала тонкими пальцами на своих жертв. — Пока, Арман, я все передам твоему сыну.

Будильник зазвонил и привел нехитрый механизм в действие. Штанга с двумя пятидесятикилограммовыми блинами с каждой стороны соскользнула с подставки и полетела вниз. Гриф упал прямо на шею, перебил гортань, полностью перекрыв кислород. Ужас застыл на лице Армана. Джонни зажмурился. Вика равнодушно смотрела.

— Фух, ты знаешь, после 4 трупя я прямо стала даже верить в то, что убийцы могут испытывать сексуальное возбуждение. Что-то в этом определенно есть. Я же козлов убиваю и шлюх. Ну, не велика потеря, согласись.

Джонни молчал. Он понимал, что козел. Во всем и со всеми своими женщинами вел себя как козел, даже с Кузнецовой, которую искренне любил. Любил, чтобы женщины ему подчинялись. Выполняли лишь его желания, которые ему казались логичными и разумными. Женские прихоти считал пустотой душевной. Он и правда никогда не спрашивал, чего хочет Кузнецова, чего хочет Вика. Ему казалось, он и так все знал.

СКЛЕЙКА

Майорша вылетела на улицу, берцы отлично удерживали подтянутое тело полицейского. Вика предупредила о том, что ждет только ее и Сибирского, поэтому группу захвата майорша вызвала на 10 минут позже. На ходу Кузнецова вытащила ствол и вместе с ним подошла к входу. Сибирский семеня сзади. Осталась минута. Мишаня предпочел в пекло не лезть и остался снимать вход-выход из бывшего кинотеатра.

Джонни закрыл глаза и молился, вглядываясь в зеркальный потолок. Вика исчезла уже минут пять как.

Денис добежал до двери с разбитым стеклом. Кузнецова уже растворилась где-то в здании. Сибирский аккуратно убрал осколки и пролез внутрь. Свет горел где-то в подвале. На него мотылек и полетел. Спустившись вниз, он и не заметил, как за спиной появилась тень. Крепкой натренированной рукой Вика обхватила его и подставила к горлу нож. Она повела его в тренажерный зал. Сталь натянула жилы, а острие напомнило жгучий холод, который был еще вчера.

Кузнецова пыталась отвязать мужа. Но увидев Дениса с Викторией, вскинула руку со стволом и приказала бросить оружие. Зазвонил будильник.

— Штанга, — прокричал через кляп Джонни. Кузнецова мгновенно, как она умела, оценила ситуацию, кинула ствол на пол и схватилась за гриф штанги, который уже летел к кадыку. Адамово яблоко Джонни заходило, сглатывая засохшую слюну. Выдох.

Вика толкнула Дениса и в мгновение оказалась рядом с ТТ, она подняла его и направила на майоршу.

— Пуховики можно скинуть, здесь жарко.

Кузнецова держала стокилограммовую штангу на груди у мужа, не давая грифу сдавить шею. Сибирский бросился на помощь. Вместе они откинули снаряд. Лишь мгновение спустя журналист увидел выкатившиеся из орбит удивленные глаза Армана. Его едва не стошнило.

Он полез в карман за сигаретой, но Вика криком дала понять, что руки нужно держать на виду.

— Сигарету, — снимая пуховик, сказал Сибирский.

— Иногда мне кажется, что ты чересчур умный. Отвязывай мертвого неверного хачика.

А ты, красотка, занимай его место. Быстро.

Последнее слово она истошно закричала. Сибирский мысленно отстранился от действий, выполняя все на автомате. Мозг работал в двух направлениях: как выбраться, и зачем Вике это представление?

— Меня стошнит.

— Бывает.

Преодолев рвотные позывы Сибирский подошел к труп и отвязал одну руку. Тело свалилось с красной скамьи. Вторая рука повисла.

— Зачем все это? Хочешь, потрахаемся? — Сибирский отвлекал внимание.

— Да мы уже с Женькой, по старой памяти. Спасибо.

Кузнецова глянула на ширинку мужа. Джонни промычал что-то, во рту был кляп. И, судя по кружеву, это были трусики Вики.

— Он сопротивлялся, но, когда узнал о ваших банных шалостях, перестал. Я же сказала ему: «это нужно для выживания». Да, Сибирский?

Майорша была сосредоточена и пропускала реплики Вики, она искала выход из сложившейся ситуации.

Сибирский распутал вторую руку, и тело Армана окончательно скатилось на пол. Он увидел мокрые трусы, и почувствовал запах испражнений. Тошнота. Денис вновь полез в карман. Вика резким движением направила дуло в сторону его головы, зажмурил один глаз.

— Драже, кофе. Вместо сигареты.

— Каких-то 10 лет прошло, а ты уже перестал быть дерзким.

— А ты, я смотрю, нет. Сколько трупов.

Вика кивнула. Сибирский достал драже. Поморщился и прожевал. Стало полегче.

— Давай, иди сюда, Кузнецова, — командовала Вика.

Майорша подошла к журналисту и еле уловимым взглядом указала на голенище, из которого едва торчал гребень-трезубец. Второй такой держал длинные волосы Кузнецовой собранные в шишку. Вика пистолетом показала на место, где лежал Арман. Сибирский хлопнул майоршу по заднице, чтобы отвлечь внимание, дав той вытащить заостренный гребень, края которого были заточены. Ловко выхватив трезубец, майорша спрятала его в длинный рукав кофты.

— Вот видишь, я дерзкий.

— А у вас далеко зашло. Значит, я все-таки разбираюсь в психологии взаимоотношений.

— Ну ты же психфак окончила или нет?

— Они меня отчислили с четвертого курса. И не заговаривай мне зубы, привязывай Кузнецову. Крепко.

Сибирский подчинился.

— Так сколько человек ты убила?

Вика взглянула на часы.

— Всего в черной папке было 10 пар. Первой была наша с Кузнецовым. Мы же с ним еще в Павлодаре встречались. Жениться хотели, любить до гроба обещали друг другу. В Томск вместе приехали. Но не судьба. Он поступил на бюджет, а я только на никуда. Он

целыми днями учился, одноклассники, пьянки, через месяц он бросил меня. Я не хотела возвращаться домой. В гоу-гоу не от хорошей жизни пошла. На следующий год поступила на платное. Недоучилась. Фитнесом занялась, гражданство понадобилось. Я его и нашла. Женька парень умный, все сделал. Мы фиктивно вступили в брак, но секс, он знаешь, объединяет. Так и стали жить вместе. Одна проблема была — я хотела детей, а этот изверг заставлял меня сделать аборт. С этой проблемой мы и пришли к Крапивиной. В общем, я для него все, а он — давай поживем для себя. Он переспал с терапевтом, и мы расстались. Крапивина сама ко мне пришла, утешила, все объяснила. Открыла мне новую жизнь. Ух, как мы с ней веселились. Устроила она меня своим помощником в этот центр, чтобы я больше не трахалась за деньги после гоу-гоу. Я создала программу в фитнес-центре, стала тренером. Поняла, о чем всю жизнь мечтала. Но вот проблема, после третьего аборта я потеряла возможность родить, даже с учетом современных технологий. И вот тогда депрессия меня так накрыла, что уже и Крапивина была бессильна. Только антидепрессанты спасали. Я все понимаю, компенсация, попытка найти замену человека, о ком хочется заботиться. Я прошла все стадии терапии, я себя не виню в гибели сестры. Сейчас уже нет. Я просто хочу детей. Отчаянно. Я его встретила тогда случайно на улице, Томск — большая деревня, и поняла — меня отпустит только когда этот мудака сдохнет, — она кивнула на Кузнецова.

— Но убить ты так просто его не могла, издали зашла?

Вика опять посмотрела на часы.

— Все мы не без греха. Почему? Крапивина мой учитель, мы с ней как два отброса. Но мне не давал покоя тот факт, что из-за нее наш брак и распался — она переспала с Джонни. Поторапливайся пока ОМОН не приехал. Отходи от Кузнецовой, возьми наручники и прикуй себя. В общем, давай к эллипсу. Можешь позаниматься, пока я даю Кузнецовой второй шанс на нормальную жизнь. — Кстати, ты родить-то сможешь? А то я узнавала, ты же месяц назад вычистилась. А?

Вопрос утонул в тишине пустого тренажерного зала, отразился от зеркал и исчез. Кузнецова зажала губу. Глаза смотрели в потолок. Слезы скапливались лужицей возле переносицы, и, лишь накопив и переполнившись чувствами, капли боли стекали по щеке.

Как только Сибирский приковал себя к эллипсу, Вика подлетела к майорше и как следует затянула узлы веревок. Легким звериным движением закинула штангу на стойку и привязала к грифу бечевку. Протянула ее к двери. Получалось так, что если кто-то войдет, то веревки ослабнут, штанга скатится и упадет на шею Кузнецовой. Гильотина. Такую же она сделала и для Джонни. Но главная хитрость состояла в том, что, если убрать одну штангу, вторая тут же свалится. Даже если Сибирский освободится, он спасет лишь одного.

— А почему ты его просто не пристрелила?

— Крапивина мне всегда говорила, что проблема пар в том, что они не могут сесть друг напротив друга и просто поговорить начистоту. Вот просто поговорить, не орать, а поговорить. Кто и что хочет. Ну не хотел этот мужик детей, так бы и сказал жене. Детей никогда не будет, не жди, в случае чего — аборт. Кузнецова бы пошла и развелась бы с ним, встретила бы нормального, не такого как ты, Сибирский. Расставание маленькая смерть, но иногда нужна и большая. Вот поэтому и не пристреливаю. Кстати, они единственные кому я даю второй шанс поговорить. Ты, Сибирский, давай тут рули, не давай им на крик и обвинения переходить. Будь медиатором. Может они и поймут что к чему. Ты удачно мне подвернулся... и Мишаня. Он скоро не вытерпит и придет, дверь откроет. Или ОМОН. Игра была прекрасна. Но мне пора.

Вика вытащила кляп-трусикки изо рта Джонни и вышла через вторую дверь в душевую. Шанс был, что кто-то, уборщица, например, зайдет и спасет их. Других вариантов не было.

Они молчали. Трудно было начинать.

— Денис, ты точно останешься в живых. Сделай все, чтобы эту психопатку поймали.

— Сейчас что-нибудь придумаем. У тебя же трезубец, режь верёвку на руках. А я попытаюсь открутить эллипс. Джонни, не молчи. Ты можешь как-нибудь руку высвободить?

— Я хочу сдохнуть. Это же я их убил всех. Она из-за меня с ума сошла. Хотела, чтобы я опомнился, что-то понял. А я же только сейчас осознал. Самовлюбленный павлин. Страшно, что я им до сих пор остаюсь, слышишь, ты, журнашлюха.

— О, злость, это значит, депрессии нет. «Я виновен. Должен погибнуть». Ну бред. Виновна Вика. А ты просто мудака. Вика-то права. Она во многом права.

— И ты прав во всем. И жену мою правильно трахал. Чтобы выжить и еще разок, коли первый раз уже случился.

— Замолчи, Джонни, и не ной, надо выжить. Развестись и жить дальше.

— Поздно.

СКЛЕЙКА

Мишаня вышел из машины. Мороз сошел на нет, теплый снег падал под ноги, создавая кашу. Он обошел здание, слишком было тихо и это ему не нравилось. Он вспомнил Вику, ее упругие ноги и руки. Понял, что по сравнению даже с тренированной Кузнецовой она выглядела фитнес-машиной. А еще умение работать ножками, которыми она в экстазе могла задушить. Такую лучше просто снять откуда-нибудь из сугроба. Так он и поступил. Ждать пришлось около 6 минут или две сигареты. Вика вся нараспашку вылетела из кинотеатра, завела непримечательную серую старую праворукую тойоту и полетела куда-то. Мишаня зафиксировал номер, и перевел фокус на выход ожидая погоню. Никого. Он позвонил Серову и сообщил номера машины, на которой уехала Вика и адрес, где застряли Кузнецова и Денис. Серов без эмоций выразил мысль, которую Мишаня почему — то долго отгонял от себя.

— Да мы вычислили адрес только что, группа уже в пути. Если Вика вышла, значит, Кузнецова и Сибирский ранены или убиты, беги внутрь. Скорую я вызову сам.

Мишаня никогда не любил бегать, но в этот раз помчался, забыв о том, что он материально-ответственный за камеру. Он подлетел к двери. Стекло было разбито. Дальше. Зброшенные кожаные кресла в холле напоминали ему фильмы ужасов. Триллер в сердце появился и сейчас. Кровь качалась в два раза быстрее. Он подошел к двери, ведущей в фитнес-зал.

СКЛЕЙКА

— Она всегда была у руля, но делала это так манипулятивно и ловко, что ты думал, что хозяин жизни сам. Она вила веревки и одновременно служила тебе как преданная собака. На 1000 процентов зависимые отношения. Петля на шее, — Джонни изливал душу. — И качели. Сегодня одно хочет, завтра другое. Лови момент, угадывай желание. Психическая. Мне дважды удалось выбраться из ее сетей. Теперь все.

Джонни приподнял голову, посмотрел на гильотину и заплакал. Кузнецова рвала трезубцем толстую веревку, но она не поддавалась. Сибирский ловко орудовал пальцами вытаскивая первый винт, который крепил тренажёр к полу. Но второй болт прикипел, и руками его было не сорвать. Денис рассчитывал его сломать за счет движения на излом. Когда заскрипела ручка двери, они остановились на мгновение. Кузнецова во весь голос

закричала: «Стой».

Мишаня из-за плотной двери ничего не слышал. Зато чуть не подпрыгнул от громохатания жестяного ведра рядом. Он положил камеру в угол, отпустил ручку и направился в кладовую. Седая бабуля собирала инвентарь для уборки, в ее ушах были беспроводные наушники, которые она приватизировала в раздевалке. Бах громохал, но она едва слышала мелодию. Старость, будь она не ладна. Мишаня напугал ее как дьявол. Он зашевелил губами отчаянно. «Соблазняет сомнениями о смерти. Не дождёшься». Броуновские мысли загуляли в старческом разрушенном мозге, и она отвернулась, словно, не поверив в появление гостя. Мишаня махнул рукой и пошел дальше в раздевалку, и лишь в этот момент уборщица вспоминала про наушники. Она вытащила левый. По всему холлу разнесся металлический звон, как будто несколько железных мисок упало на бетонный пол.

— Работает ОМОН, — громогласно в мегафон забасил чей-то голос, и старуха вжалась в свою кладовку. Наушник она вновь воткнула. С Бахом было безопасней.

Как только все смолкло, Мишаня отчетливо услышал крики Сибирского и Кузнецовой о помощи. Он ломанулся через душевую к фитнес-залу, но дверь оказалась заперта. В мгновение он вернулся к старухе, вытащил правый наушник и громко потребовал ключ. В связке было 4 штуки. Бойцы быстро преодолевали пространство, и добрались до дверей в спортзал. Главный жестами приказал выбить створки тараном, похожим на небольшой черный газовый баллон, и приступить к штурму.

Третий ключ подошел. Мишаня вошел в фитнес-зал. Слегка охренев, он остановился у входа. Что-то лязгнуло за спиной. «Наверное, бабка ведро уронила» — подумал он. Кузнецова начала отдавать ему команды, и Мишаня зашевелил шарнирами. Он подбежал к Джонни стараясь развязать узлы. Маленький складной нож он оставил в номере. И сейчас сильными привычными таскать большую камеру руками он вытягивал узел, но тот не поддавался.

— Штангу снимай, — крикнул Джонни.

— Ни в коем случае, верёвки запараллелены, убьешь Наташу, — кажется, Сибирский впервые назвал ее по имени и сам понял, что покраснел.

Мишаня пытался сорвать узел, который приковал Джонни, Кузнецова пыталась разрезать толстую веревку, а Сибирский с криком ломал толстый болт, который приковал эллипс к полу.

Хлопок. Деверь не открылась. Ее вышибло на пол. Веревки ослабли. Гриф качнулся и покатился по согнутым ушкам и слетел вниз. Мишаня подставил руки и крепко зажал тяжелую штангу.

Денис закрыл глаза и оторвал эллипс от пола. Кузнецова рванула руку с трезубцем, но последние несколько ниток удержали ее на месте. Она закричала, пытаясь всей силой порвать верёвку. Гриф облизал ушко и полетел вниз.

Сибирский всегда с изумлением изучал какие-нибудь технические детали дела. Усталость металла. Ему нравилось сочетание этих слов. Человеческое. Даже самые смелые и сильные устают. Выкрутив один болт, он начал раскачивать тренажер в надежде сорвать второе крепление. Он ждал, когда шляпка отвалится и освободит тренажер от пола. Услышав, что в здание работает ОМОН, он рванул на излом не только металл, но и все свое тело. Получилось. Рука все равно не освободилась, но можно подползти с тренажером к штанге, одна рука свободна. Надо было преодолеть 5 метров с сорокакилограммовой бандурой.

Во время падения двери он был в полуметре от Кузнецовой. Сибирский на лету поймал штангу свободной рукой, со всей силы потянул ее на себя, так что гриф штанги прижался к стойкам и временно прекратил падение. Связки на предплечье в момент напряглись и начали лопаться. Держать. Верёвка, которую дернула Кузнецова, порвалась, Наташа пулей слетела со скамьи убрав голову от гильотины. Штанга рухнула на пустое место вместе с рукой, кажется, сломав Сибирскому кисть. Лишь когда штанга подпрыгнула вверх, Денис с криком вытащил руку.

Чужие документы/День 10/Томск. 31 декабря/Побег/Файл 90009

Алина пила чай одна утром 31 декабря. Она была в приятном приподнятом одиночестве. Грустила по усопшему мужу лишь чуток, после садистских выходов он всегда был лапочкой по утрам и приносил десерты, но лучше пить голый чай без привкуса засохшей крови. Звонок разбудил ее. Вытащил в реальность. Сегодня не должно быть никого. Вика чмокнула в щеку и сразу зашла в квартиру.

— Блин, кажется, меня вычислили. Мне нужна твоя помощь. Не бойся, я тебя за собой не потяну. Если прижмут, на суде скажешь, что я угрожала тебе.

Алина захлопала глазами и получила смачный удар в челюсть. Знакомый вкус крови. Черт. Может быть в следующем году ее не будут бить, но этот заканчивался так как прошел. Алина присела и сжалась в комок. Вика обняла и чмокнула в щеку.

— Это, если к тебе придет полиция. Для подтверждения алиби. Слышишь? Скажешь, что я тебя ударила, заставила. Понимаешь? А сидеть тебе не за что. Мужа твоего убила я. Запомнила? Ау, Алиночка?

Четыре дня назад Алина застучала мужа с Викторией. Дверь как будто специально не закрыли. Гримерша сделала два шага в квартиру и наблюдала за происходящим через щель в двери ведущей в зал. Она не решалась войти, только смотрела, как муж оприходовал какую-то женщину. Лицо показалось ей знакомым, но Алина никак не могла вспомнить. Кровь пульсировала в голове в такт движениям мужа. Вика стояла на коленях и отчаянно кричала. «Сейчас он начнет хлестать ее по заднице, рвать волосы на голове, душить и бить по почкам», — начала предсказывать Алина, основываясь на собственном опыте. Так и пошло, намотав волосы на кулак, он шлепнул Вику по жопе. Больно со звоном. Та крикнула, но на мгновение Алине показалось, что любовница тоже знала все действия наперед. Вика дернула головой, и рыжий парик соскочил с ее головы. Прилизанные белые тонкие волосы сразу напомнили Алине, кто она такая. Бывшая подружка Дениса и помощница Крапивиной. «Как все связано», — подумала она в этот момент. Вика в это время выскочила из объятий садиста Романа. Тот попытался вмазать ей пощечину, но промахнулся. Алина засмеялась, но опасаясь себя обнаружить, зажала рот. Она впервые увидела растерянность в глазах злобного супруга. Он как зверь накинулся на Вику, но та ловко пяткой в челюсть отправила его в нокаут. Она быстро скользнула с дивана, подошла к сумке и достала нож. Роман оправился от удара, встал, заржал и расставил руки. Он прокричал Вике, что придушит ее и изнасилует во все места. Но бравада быстро закончилась. Вика увернулась от захвата, прощмыгнула за спину и всадила нож. Маска садиста застыла на лице, и все тело повалилось на ковер. Точно в сердце — мгновенная смерть. Алина стояла и не могла вымолвить ни слова.

— Входи, — скомандовала голая Вика. — Будешь соучастницей. Тебе же говорили — разводись. Ну вот и развелась считай.

Алина бросилась бежать, но Вика догнала. Она прижала Алину к своему голому телу, поцеловала и потащила в квартиру к трупу мужа. Они уселись на пол, обнялись и так сидели

еще долго. Вика утешала Алину, говорила, что теперь она заживет счастливо. Предсказывала нового мужа и детей. Когда Алина успокоилась, Вика вложила нож в ее руку, подвела к трупу и заставила совершить повторное убийство. На всю жизнь.

Вика передела Романа в заранее приготовленные бомжовские вещи. Пописала на труп, сняла кольцо, надела на лицо Романа мешок и принялась методично бить молотком по лицу. Хруст, треск. Алину вывернуло. Когда она вернулась из туалета, Вика и труп Романа испарились. К счастью. К страху. К кошмарным снам.

Все три следующие дня каждый звонок с неизвестного номера наводил ужас. Она ждала, когда позвонят из полиции и попросят прийти на освидетельствование. Видеть труп ей не хотелось, да и сама мысль о допросах наводила тремор на весь организм. Через три дня Алина успокоилась. Утром 31 налила себе чай. У нее был опыт, она умела держать удар, терпеть боль. Хуже уже не будет.

Исходники/День 10/ Томск. 31 Декабря/Сломанный безымянный палец/ Файл 90010

ОМОН уложил всех на пол. Главный достал из кармана Кузнецовой удостоверение, прочитал и извинился. Следом зашли сотрудники ФСБ. Устроили допрос на месте. Подоспел Серов, принес два стакана кофе из вендингового аппарата. Пить его было невозможно, но стресс снять было необходимо.

— Где она может быть? — этот вопрос подполковник ФСБ Гришин повторял каждую минуту. Но ответа ни у кого не было. Денис обозначил всех знакомых Вики, которых он вспомнил.

Джонни смеялся, и прибывшие доктора вкололи ему успокоительное. Мишаня подошел с телефоном и передал Денису. Звонила Ольга. Оставалось 9 часов до свадьбы. Сибирский взял трубку, но молчал. Ждал. Кусал губу. Изменился в лице и заговорил, как будто брал заведомо ненужное для фильма интервью. Выражал неискреннюю заинтересованность.

— Да, конечно. Мы почти закончили. Через три часа буду, если отпустят сотрудники ФСБ, если нет — приеду прямо к ЗАГСу. Они обещали и всех друзей я туда и позвал. Все ок Единственное, я потянул правую руку и мне необходимом заехать в травмпункт. Безымянный палец, возможно, будет загипсован, — пауза. — Нет, это ничего не меняет.

Джонни в подавленном состоянии увезли в больницу, где обещали обколоть его успокоительными и дать ему выспаться пару суток. Кузнецова не хотела больше видеть мужа. Стыд, вина, разрушенный образ. Полный переворот сознания. Вика добилась своего. Кузнецова поняла, насколько по-разному они видели супружескую жизнь.

Дело, как и договаривались, она передала сотрудникам ФСБ, ее отправили на все новогодние каникулы в отпуск. Остались формальности — написать отчеты о всех происшествиях. Ноутбук Джонни был под рукой.

В очереди в травмпункте сидели, точнее — спали персонажи огненных корпоративов. Казалось, они были настолько пьяны, что о своих переломах узнают только после новогодней ночи. Сибирский вышел из кабинета рентгенолога со снимком руки. Фаланги среднего и безымянного пальца были разъединены и требовали длительной фиксации. Надо было гипсовать. Локтевой сустав зафиксировали эластичным бинтом и специальным налокотником.

— Кольцо теперь не надеть. Может на другую руку? Нельзя? — спросил Денис.

— По-моему, на левой руке вдовцы носят.

— Я не суеверный, да и вообще — это все детали бытия, мелочи, суть в другом.

— Ты боишься? Или передумал?

— Знаешь, кажется все эти события не случайны, и теперь я думаю, стоит ли мне жениться. А если не получится..., — он осекся.

— Разводиться сложно, но иногда необходимо. Но как это понять заранее? Сейчас мне все очевидно, нас с Джонни ждет развод, но тогда, 2 года назад. Он был красавчиком и интеллектуалом, — она поняла, что следующие слова вызовут у нее слезы. А ей железной майорше пора бы уж перестать плакаться журналисту в жилетку. — Пораскинь мозгами куда могла подеваться Вика. Может мы ее найдем.

Сибирский почувствовал прилив сил. Охота продолжалась, ранения не в счет.

— Боюсь, она затаилась и теперь ждет новостей.

— Это хорошо, но где? Ее квартиру, фитнес, друзей прихватили. Я думаю, ФСБшники напрягли всех, от ППС до ГИБДД. Пасут все адреса. Родственники?

— Брат на севере работает в Нефтеюганске, остальные в Казахстане.

— Вот здесь и надо искать.

— В Казахстане или на севере?

— В условную Москву сбегать куда сложнее, можно нарваться на ментов случайно, а в родном Казахстане, там международные соглашения, тяжело, да и затеряться гораздо проще.

Сибирский полез в интернет.

— Посты на выезд выставили и, я так понимаю, досматривают чуть ли не каждую вторую машину.

— Все, кто попадает по ориентировкам. Проскочить в багажнике можно, но и их выборочно досматривают.

— Если исключить машины, то добраться можно двумя способами. Поезд через Новосибир или автобус. Он отходит через полчаса. Впрочем, их же тоже будут досматривать. И билет по паспорту продают.

Вышел врач, посмотрел на спящих в очереди и позвал Дениса.

— Я позвоню в транспортную полицию на случай, если наши помощники из ФСБ прокакали этот момент.

Сибирский встал и пошел. Кузнецова смотрела ему вслед. Ей нравились дурные привычки Дениса: легкое хамство и умение лавировать во вранье ради нужных слов на камеру. Кузнецова была сделана из такого же теста, на работе ее поведение ничем не отличалось. Только вместо интервью были допросы, вместо оператора — старлей Серов, вместо сценария — нудные протоколы, вместо монтажа — суд.

Он возбуждал в ней интерес, но теперь все завершалось, их больше не связывало общее дело. Майорша погрузилась в смартфон и просматривала карту проезда автобуса от Томска до Павлодара.

Через 10 минут появился Сибирский.

— Наташка, ты идешь ко мне на свадьбу? — Сибирский показал лангетку, которой пальцы были зафиксированы, но не загипсованы. — Доктор сказал, на обезболивающих протяну до 6 вечера, а там на такси скатаюсь, загипсую без очереди. Новый год все дарят друг другу подарки! Мне надо забрать костюм. Да и тебе переодеться не помешает. У меня есть знакомая гримерша Алинка, помнишь, она меня ходячим мертвецом гримировала. Поможет, если попросить.

Кузнецова встала и поцеловала Дениса в щеку.

— Я пас. Пропущу. Не с кем пойти, да и не люблю я церемонии. Новый год на носу, а муж в больнице. Может, вытащу его. Или в палате отпразднуем.

Позвонил старлей. Сибирский прижался к Наташе и ее телефону, чтобы слышать доклад. Серов по дружбе сообщил, что автобус на Павлодар на 11 утра был чист. Видеоассистент Виктор и ГИБДД смогли оперативно проследить движение Вики. След обрывается у Китайской стены, так называли длиннющий 12-подъездный дом на Алтайской.

Когда-то это был край города, криминальный район, но уже лет 5-10 как все наладилось, и наркопритоны оттуда удалось вытравить. Интересно, что Китайская стена находилась в районе, который называли «Париж», по названию небольшого кафе. А по соседству с французской столицей располагался район «Лондон». Англо-французская война началась в 70-ых и закончилась уже в нулевые. Банды подростков и молодежи регулярно устраивали схватки толпа на толпу. Применялись заточки, велосипедные цепи, кастеты. В 90-ые эти боины переименовали в «стрелки», которые проходили в период распределения сфер влияния. Порой под раздачу попадали обычные люди. Увидеть Париж и умереть, можно было и в Сибири.

Звонок закончился, а Сибирский все еще прижимался к Кузнецовой. Майорша обвила его шею руками, поцеловала в губы, со всей силы. Не почувствовав ответной реакции, она ступсывалась, отстранилась и пошла прочь, чтобы никто не видел ее боль.

— Постой. Алина гримерша, она же в Китайской стене живет. Мы тусовались там с Викой, когда встречались. Алина и Роман И. Иванцовы. Это последняя неопознанная пара.

Кузнецова собралась с мыслями, притормозила. Слегка повернула голову.

— Я сообщу Серову, они проверят ее и ее мужа.

— Ты не поняла, надо еще раз проверить автобус. Она заgrimировалась и по поддельным документам уехала. ППС-ники ее профукают сто процентов.

Кузнецова воротом кофты вытерла слезы, посмотрела на часы.

— Автобус ушел 3 минуты назад. Бегом. Перехватим на Лагерном. Погнали.

Они побежали по коридорам 3-ей городской больницы. Игра продолжалась.

Документы Ольги /День 10/ Томск. 31 Декабря/Обман/ Файл 90011

— Ты сообщишь о своей беременности до или после свадьбы? — Геля смущала Ольгу, которая в платье сидела на табурете перед зеркалом.

Стилисты все оказались заняты — новый год, поэтому макияж невесте делала Геля, своими силами. Сама она пребывала еще в халате. Голубое платье подружки висело рядом. Соседка няня уже нарядила старшего. И тот как фронт ходил в костюме с бабочкой и бесконтрольно поедал мандарины. Мать умоляла не заляпать белую рубашку, но тот будто и не слышал, словно в берушах. Дочка суетилась рядом, брала тушь, помаду, тени и копировала движения матери, ее манеру поведения и даже слова. Малой двухлетка капризничал и отказывался от нарядов. Он искренне не понимал, зачем это все, когда с голым задом гораздо удобнее.

— Я решила, когда приеду в Москву, сходить на УЗИ, по итогам сообщить. Так честнее, тесты ненадежны.

Если бы Геля знала все обстоятельства, то заметила бы как Ольга быстро мельком кинула взгляд на сумку, где лежал красный маркер, которым она подрисовала вторую полоску на тесте на беременность.

Геля поцеловала Ольгу в макушку.

— Дети это наше все.

Мои документы /День 10/ Томск. 31 Декабря/Ожидание/ Файл 90012

Денег было мало, кофе был черным как гудрон, но в тюрьме и такого достать нельзя. Он

ушел подальше от вокзалов, чтобы лишний раз не нарваться на ментов. Добрел до южки и нашел круглосуточную пиццерию. Студенты — любители автопати — молчаливо ждали, когда энергетические вливания в организм ослабнут, и сон заставит их идти в ненавистные клетки общаг.

Аромат кофе разбудил желание покурить. Он и забыл, что в кафе теперь нет места для тех, кто смолит. Достал пачку — осталась одна сигарета. Оставив куртку, он вышел на улицу. Потеплело. В минус 5 можно было долго стоять в одной кофте. Он смотрел на противоположную улицу, где когда-то был завод, а сейчас находился жилой дом. Город расстроился за эти 20 лет. Только красные старые трамваи все также скрипели по кривым рельсам и не давали забыть о прошлом.

В 10 утра он набрал номер домашнего телефона Гели. Трубку взял пацан. Он понял, что это старший. Геля присылала ему письма, точнее сообщала в колонию, что у него родился внук — она понимала, что ему дадут какие-то послабления в эти дни. Так он и узнал, что у Гели трое детей. Имена ему не говорили, поэтому по телефону попросил Ангелину. Старший сообщил, что его мать занимается нарядами, потому что дядя Денис сегодня женится. Дальше послышался голос Гели, которая готова была подойти к телефону. Страх сковал голос. Он нажал отбой. Позвонил в ЗАГС и выудил у секретаря точное время регистрации Дэнчика. Хотя бы одним глазком.

Исходники /День 10/ Томск. 31 Декабря/Схватка/ Файл 90013

Джип Кузнецовой вылетел на Нахимова и помчался в сторону Лагерного сада. Они нагнали автобус на светофоре. Майорша, как и положено, набрала подполковника ФСБ, быстро наговорила свои выводы и, не спрашивая разрешения, сообщила, что намерена задержать Вику своими усилиями. Злобный крик она приглушила красной кнопкой отбоя вызова. Они не обязаны были брать Вику, это выходило за рамки логичного и ставило под угрозу их жизни и жизни пассажиров. Автобус можно было тормознуть позже на посту ГИБДД, но Кузнецова не могла поступить иначе, это было уже личное дело.

Джип обогнал автобус. Майорша достала "синее ведерко", включила сирену, и, мягко подрезая, показала водителю, что ему надо свернуть на остановку. Большой старый, но комфортабельный автобус притормозил. Наверху горела надпись: «Павлодар». В 11 он вышел из Томска и через 11 часов должен был прибыть в пункт назначения. Каждая остановка грозила задержкой и празднованием Нового года в автобусе.

Кузнецова выскочила из машины и вошла в открытую водителем переднюю дверь. Она показала удостоверение и пояснила, что другие двери открывать нельзя.

— Уже проверяли, — возмутился второй водитель. — Если будет плохая дорога, к празднику можем опоздать. Давайте быстрее.

Кузнецова достала ТТ, и крикнула, чтобы все оставались на своих местах. Денис вошел следом стал вглядываться в салон.

— Приготовить паспорта, это обычная проверка, у кого есть наркотики или оружие просьба сдать сейчас. По собственному желанию.

Пару студентов зашевелились, Сибирский подумал, что Кузнецова зря внесла суматоху в ряды казахстанских студентов, которые решили длинную дорогу скоротать марихуаной. Так и произошло. Двое бросились ко второй двери, нажали на кнопку автоматического открытия и пулей вышмыгнули из салона. Кузнецова бросилась их догонять. Денис последовал за ней. Лишь взглядом он заметил короткостриженного молодежого парня в очках. Снегопад закончился полчаса назад, засветило яркое зимнее солнце. Окна оттаивали. Парень сидел

неподвижно. Сибирский продолжал медленно шагать между кресел. Мозг заработал на узнавание. Теменной отдел сканировал воображаемую страницу друзей в соцсетях головного мозга. Пока не нашел нужный. Андрей — брат Вики. Денис уже был в конце салона, когда нейроны связали Андрея с гримершей Алиной. Она загримировала ее под брата.

— Она здесь, Кузнецова, она здесь, — заорал он, но майорша была занята студентами с марихуаной.

Вика ловко перемахнула через соседку. Она была одета в мужской пуховик и подвернутые широкие джинсы. В сочетании с камелотами создавался типичный образ студента, какого-нибудь физфака. Но лицо. Алина в очередной раз отлично поработала. Короткая прическа с небрежным на первый взгляд пробором и падающей челкой. Подкрашенные темные брови, но главное еле заметная накладная борода и усики.

Она юркнула в открытую возле водителя дверь. Сибирский последовал за ней. Обогнув автобус, он увидел, как танцовщица Вика, ловко вальсируя между машинами, пересекает дорогу по направлению к Лагерному саду.

— Кузнецова, — заорал Сибирский и побежал на свой страх и риск сквозь машины. Повезло.

Тренированная Вика бежала к памятнику и вечному огню. Денис следовал за ней. Он никогда не был спринтером, но отлично бегал стайерские дистанции 3–5 километров. Так бежал и сейчас: выбрал ритм, при котором пульс не уходит в красную зону и сердце не выпрыгивает из груди, и чеканил шаг за шагом. Выпавший утром снег создавал сопротивление, но журналист методично продолжал забег, не ускоряясь и не пытаясь догнать Вику на первой сотне метров. Мозг прогнозировал результат забега. У Вики не было шансов, но опасность для жизни самого Сибирского была серьезна. Эта чокнутая вполне могла захватить Дениса с собой, на тот свет.

Вика пролетела мимо скульптурной композиции Родины-матери, вручающей оружие Сыну, у подножия которой горит вечный огонь. Сибирский приближался. Высокие ботинки Вики на 5 размеров больше мешали ей, разъезжались в рыхлом снегу. Кузнецова дождалась зеленого сигнала светофора и ринулась в погоню. Она отставала от Дениса на добрую сотню метров.

Впереди был обрыв с ингредиентом в 30 градусов под толстым снежным покрывалом. Внизу в 100–150 метрах замершая река Томь.

Наверху как всегда играл ветер. Он подхватил большую в размере куртку Вики и надул ее парусом. Бежать было некуда только за смертью к реке. Вика глянула на преследователей и махнула с горы, съезжая на попе вниз.

Сибирский знал, что есть способ скатить быстрее. Как в детстве. Опаснее и быстрее. Он разбежался и нырнул в снег головой вперед, в полете развернулся боком и бухнулся в сугроб. Инерция развернула его и швырнула вниз, он приземлился спиной, вновь крутанулся и плюхнулся лицом в снег. Сибирский выставил руку, чтобы уцепиться за снежные края, но тело набрало скорость и летело с обрыва.

Вика почти добралась до первого пологого выступа с укатанной пешеходной дорожкой. Снег забился под куртку, вся спина намокла и промерзла. Ботинки 44 размера соскакивали с ног. План сбежать по реке был героическим и утопическим. Как-то в ленте новостей она наткнулась на статью, в которой ученые, возможно британские, утверждали: «Наш мозг всячески блокирует мысли о том, что смерть существует. Для главного органа нашего тела — смерти просто нет. Мозг ее отрицает, как таковую». Есть только страх смерти, от которого

Вика и гнала на полную мощь.

Блокируя свой страх смерти, Сибирский сжался в комок и подготовлено принимал все удары. Он докрутился до первого уступа и остановился. Вика уже летела вниз, приближаясь к большим ледяным глыбам реки. Денис вновь разбежался и полетел боком. Успеть, догнать. Перекат, удар, перекат. Последний удар пришелся на почки, он врезался в огромный кусок льда и остановился. Сибирский находился у самого подножья горы на берегу замерзшей реки. Вика была в 3 метрах, на ней не было одного ботинка, лицо стало красным, усы отклеились и потерялись в сугробах. Разъяренная подрванная волчица.

Кузнецова прыгнула в снег, там, где был след от тела Вики, и постепенно спускалась вниз. Где-то вдалеке заиграли полицейские сирены.

«Главное, что Джонни сдох, — подумала Вика, увидев майоршу. — Свадьба Сибирского на волоске. Еще одна душа спасена. Кузнецова точно будет счастливее, чем прежде, не сейчас, через пару лет. А значит, дело сделано. Все идет, как и запланировано. Пора сделать следующий шаг».

Сибирский долго не решался нападать. Он ждал майоршу. Вика сбросила второй ботинок, чтобы стать проворней. Она посмотрела на часы.

— Твоя свадьба через 5 часов. Успеешь залечить ранение?

— Подождут немного.

— Нет, Дениска, дамы не ждут.

— Тогда сдавайся быстрее, я еще успеваю.

— Брось нож, я буду стрелять, — закричала Кузнецова и встала на колени, готовясь к выстрелу. Шмальнула в воздух.

— Ветер, склон. Шансов мало.

Вика сделала выпад и Сибирский отступил. Кузнецова не решалась стрелять. Денис был слишком близко к цели. Еще выпад. Инстинктивно Сибирский выставил сломанную руку, нож ударил по лангете. Боль прошла по всему телу и сосредоточилась в черном ногте безымянного пальца. «Если она его отрежет, жениться действительно не стоит». Одежда мешала Вике. Она отскочила, сняла пуховик. Майорша уже была ближе. Выстрел зацепил руку Вики, нож выпал. Сибирский воспользовался моментом и набросился на нее. Повалил ее на снег, всем телом навалился на грудь, захватил правую руку и шею, так борцы кладут соперника на лопатки.левой рукой Вика лупила по ребрам, но Сибирский не чувствовал боли. Победа. Ему не верилось, что все вот-вот закончится, месть, ярость, усталость последних 10 дней, все закончилось. Он посмотрел в сумасшедшие глаза Вики:

— Джонни остался жив. Мы его спасли, — мстительно и победоносно прорычал Сибирский в ухо убийце.

Вика взревела, и со всей силы саданула свободной рукой по лангетке, на мгновение от боли Сибирский потерял контроль, но этого хватило, чтобы Вика скинула его с себя, перевернулась дважды и дотянулась до ножа. Она встала на ноги и прыгнула на лежащего Дениса, она целилась в сердце. Сибирский выставил руку, сместил нож, так что лезвие оказалось возле глаза.

Заиграла музыка. Звонила Ольга. Сибирский резко дернулся, нож выпал из рук Вики. Сибирский согнул колено, выпрямил ногу и отбросил Вику. Он хотел броситься на нее, но так ловко из-за пояса достала украденный у Кузнецовой ТТ. Денис поднял руки.

Вика подставила ствол к горлу Сибирского. Перевернулась, так чтобы Денис находился на линии огня. Кузнецова опустила табельный Макаров.

— Я готова сдать, если ты отменишь свадьбу, — прошептала Вика. — Я сдамся, если ты отменишь свадьбу. Ради себя сделай это, — Сибирский услышал, как она заплакала. — Я тоже не хочу умирать.

Она ревела. Тихо как тогда, когда он пришел к ней 14 февраля и отменил праздник, точнее предложил отпраздновать расставание. Казалось, слезы не катились с ее глаз. А растворялись. Потеплело.

— Отмени, пока вы не убили друг друга. Тут же очевидно. Вы не подходите друг другу. Лучше вон с Кузнецовой. И то крепче союз будет. Ты, может, этого сейчас не видишь, но со стороны все ясно.

Тогда 14 февраля она не душила его разборками и не устраивала скандал, а тихо приняла отставку. Занялась прощальным сексом и удалила Сибирского из друзей. Навсегда.

— Хорошо, только опусти ствол и сдайся, пока они тебя не застрелили.

— Ты не женишься?

Сибирский хотел соврать ради цели, но остановился.

— Обещаю, что теперь обо всем подумаю. У меня еще есть длинных 5 часов.

Сибирский ухмыльнулся, посмотрев на Кузнецову. И заговорил, всю правду.

— Обещай не чудить и просто поднять руки. Я не хочу, чтобы тебя убили, я запишу с тобой интервью. Получу премию, и может быть даже стану директором программы. А вот про женитьбу, я действительно не решил. Спасибо.

— Да. Давай поговорим.

Она кинула пистолет. Подняла руки вверх, так высоко чтобы у Кузнецовой не возникли сомнения. Короткостриженная в черном мужском худи, она смотрелась молодым птенцом, запутавшимся в силке. Бабочкой, которая пьет слезы птиц. Но в глазах сожаления не было. Будто она вновь придумала себе очередную цель, сумасшедшую.

Хлопья снега опять повалили, словно кто-то вытряхивал перьевую подушку с неба. Каша на дорогах заставляла машины вилять задом, словно манекенщиц. АВС-ка то и делц отстукивала страшные ритмы, жестянщики потирали руки, в ожидании большого приплыва народа.

Таксист довез до ЗАГСа за несколько минут до церемонии. Денис, как и обещал, долго думал над словами Вики, но не мог решиться. Неуверенность, порожденная трагедией в семье, обычно решалась с помощью фантазерства и вранья. Теперь врать было нельзя. Некому. Только себе. Сибирский поручкался с Лириком у входа и тот проводил его в комнату, где висел костюм. Ни сказав ни слова он жестами выгнал всех и остался один. Скинув мокрую одежду, он надел белую рубашку. Натянул черный, слегка блестящий, модный по провинциальным меркам костюм. Обреченно посмотрел на фиолетовый галстук, стянул его с вешалки, подошел к зеркалу, которое было между окнами.

Под окном затарахтела старая «классика». Дэнчик выглянул из-за шторки. Седовласый короткостриженный высохший старик вылез из передней двери, наклонился, что-то сказал водителю. Выпрямился и оперся на дверь, собираясь ее захлопнуть. Но не спешил. Он посмотрел вверх откуда на него глядели глаза сына.

Сибирский узнал отца. Узнал добрый строгий взгляд, крепкие руки, которые держали его тогда, когда он был готов упасть и разбить голову. Вспомнил голос, который всегда требовал говорить и делать только то, что считаешь правдой.

— Пора, — раздался голос сестры.

ИНТЕРВЬЮ

Писать фильм не пришлось, канал заказал только 48 минут интервью с убийцей. Сказали, что остальной видеоматериал используют после приговора. Мишане пришлось арендовать еще три камеры и позвать стрингера. Сибирский был полноценным участником шоу. Камеры выставили восьмеркой, поставили свет. Алина подбежала, чтобы промокнуть пот. Свадебный костюм, уже без галстука, сидел на Денисе презентабельно.

Завели Вику. Она заулыбалась, подмигнула Алине и уселась на кресло, звякнув наручниками. Она внимательно наблюдала за Мишаней и ничего не говорила, хотя по глазам было видно, как ее распирает от той язвительности и сексуальности, к которой она привыкла. Свет скрыл ее появившиеся первые морщины возле глаз, Алина припудрила щеки, чтобы они совсем не выглядели впалыми и бледными. Подмазала губы помадой. Можно было начинать и Мишаня сделал три хлопка возле камеры.

— Спасибо, что согласилась поговорить, я тебе честно скажу, было не легко. Поначалу я обрадовался, но вспомнив, как ты меня три, нет— четыре раза чуть не убила, разозлился. Я был зол.

— Я не хотела лишних жертв. Ни смерти Кузнецовой, ни твоей, ни еще чьей-либо. Вот Мишаниной, например. Ты, как Пучков, как и Снегирев, мешали мне довести дело до конца. Их я убила. Тебя, к сожалению, не смогла. Извини.

— Нет.

— Ты так и не поумнел, я смотрю.

Кисть Сибирского была загипсована, и он не смог сжать ее в кулак.

— Лучше помолчи. Я все расскажу сама.

Вика посмотрела на Сибирского, на Алину и Мишаню. Серов стоял у двери, охраняя порядок.

— Мы познакомились с Крапивиной, когда я пришла на прием с бывшим мужем, гражданским, с Женькой Кузнецовым. Я сама была почти психологом. Три курса все-таки. И потащила Женьку, я никак не могла понять, почему у нас не складывалось. Но все оказалось, как и у всех, банально и универсально. Сам никогда не увидишь. Надо чтобы тебе показали. Понимаешь? Живет пара, но они не видят очевидных вещей, которые из раза в раз не дают им страстно заниматься любовью. У всех свои тараканы, но они есть, а пары их не видят. Для меня вот этим бревном в глазу оказалась боль, которую я подавляла.

— История, которую ты мне рассказала, про шрам Крапивиной и ее изнасилование, это же твоя боль?

— Отчим воспользовался мной, когда мне было 14. Аборт. В 16 я училась в колледже. Трое из общаги. Аборт. Кузнецов заставил сделать меня уже третий — последний.

— Мне кажется, тебя трудно заставить.

— Ты прав, уговорил, он же и Кузнецову как-то уговорил, и еще наверняка кого-то. Он умел убеждать. А я умела подчиняться, да и знала, что такое аборт. Думала еще раз прокатит, но... Мне было страшно рожать. Страшно, что я стану такой же плохой матерью, как моя.

— Сестра, у тебя была сестра. Ты и ее убила?

— Крапивина убедила меня, что я не должна чувствовать за это вину. Мне было 12 лет, когда мать оставила меня, брата и младшую сестру на пляже в Иртышке. А сама ушла с отчимом. Мы заплыли на матрасе слишком далеко. Крапивина объяснила мне, что вина за такое всегда на взрослом, поэтому я себя не виню. И тебе не советую. Понял?

— Хорошо. Я тебя не виню. Что было после аборта?

— Нам хватило ума расстаться с Женькой, понимаешь, Сибирский? Нам хватило ума убежать друг от друга, но только после того как мы исцарапали друг другу души. Не знаю кто из нас оказался решительным, но факт остался таковым. И знаешь, я же стала встречаться с другими и поняла, что моя жизнь бессмысленная. Сначала я боялась стать плохой матерью, но став бездетной поняла, как глупо жить на этом свете без детей. Крапивина говорит, что любовь можно почувствовать только когда к тебе прижимается ребенок, он любит искренне и без каких-либо условностей. Не то, что мужчины, взрослые. И я решила спасти других мужчин и женщин. Спасать их пока они не уничтожили свои жизни. Крапивина шутила, когда я нашла у нее черную папку с безнадежными клиентами. Она говорила, что их только гроб разлучит. Так и будут мучать друг друга пока не помрут. И ты знаешь, я подумала, что могу им помочь. Я не хотела убивать Эльвиру. Сделала поддельную справку про СПИД, чтобы они поссорились, рассказали об изменах друг другу, разошлись. Эскалация семейного конфликта, достаточно было сдать повторный анализ и все. Мой план был бы разрушен. Но...

— Но, когда они вновь назначили встречу и собирались помириться, ты пошла на крайние меры?

— Я долго говорила с Эльвирой, но она не хотела меня слушать. Я не знаю, как это произошло. Я тогда тренировалась — бои на ножах. Я просто выхватила клинок и воткнула ей в сердце. Меня тошнило и колотило, я хотела сдаться. Но затаилась и стала ждать.

— Ждать, чтобы посмотреть что будет с мужем Эльвиры?

— Я была безумно счастлива, когда Вася пошел в бизнес и вообще преобразился. Понимаешь, Крапивина оказалась права. Гроб изменил их отношения. Как только брак распался, Вася зажил своей жизнью. Засуетился. Гордость города. Это и моя победа, — Вика улыбнулась. Она протянула скованными наручниками руки, ладонями обхватила пластиковый стаканчик, выпила воды.

— Отчим и те трое из общаги живы?

Вика прищурила глаза. Она не собиралась отвечать.

— Ты их убила до или после Эльвиры, или после жены художника?

— Я использовала яд. С женой художника Артамонова. Это было легче и не так страшно. Ты не видишь, как человек умирает. Они не занимались дочкой, она беспутной выросла. Да и талант надо было спасать от алкоголизма. Жена паразитировала, не давала мужу творить.

— Иринка? Почему не ее муж, он же откровенный мудак?

— Она ничем не занималась, бесполезный человек. Муж мудак, но у него хоть хобби было. Профессия. До убийств мы обсуждали каждую пару и Крапивина тоже считала, что от развода больше выиграет Снегирев. После третьего убийства я за дипломную принялась, то что ты нашел в черной папке — это моя работа.

— И тебе захотелось ее опубликовать на весь мир?

— А ты думаешь, почему я тебя не убила и сижу здесь? — Вика захохотала, во весь голос. Прослезилась от смеха.

— Когда приехали мы, журналисты, ты решила сделать шоу, пиар-кампанию своему научному труду.

— Да, — она кивнула, — Ты же сам видел сколько народу в ЗАГС повалило. Разводись или смерть разлучит вас. Так это правда. Цель была достигнута, осталось просто завершить дело.

— Ты следила за ходом следствия в том, числе и с нашей помощью.

— Сибирский. Ты тоже был целью. Только убивать тебя было необязательно. Пока ты спал, я читала твой телефон, открывала его отпечатком пальца, даже трусы с тебя стянула, чтобы замаскировать истинную цель. Я читала все твои переписки. В том числе и с твоей невестой. Я все проанализировала все твои действия, частоту звонков. Я знала о тебе все. Даже когда вы мастурбировали с ней по видео звонку, а следом обменивались влажными подробностями. И тогда я поняла: Вы друг другу не подходите.

Сибирский покраснел и съехал с темы.

— Бомбу в ЗАГСе сделал Пучков или ты?

— Адвокат был извращенцем, 50 оттенков темно-серого.

— Но ты могла удовлетворить его желания, сфотографировала, шантажировала.

— Он все выполнял. Четко как военный. Но не сдюжил, решил все тебе рассказать. Мне, если честно, тогда повезло. Я была в шаге от провала. Хорошо, что он не Кузнецовой позвонил, а тебе.

— Как ты определяла кого из пары убить?

— Я смотрела на перспективы. Прогнозировала, у кого больше мужества, кто переживёт смерть легче, кто был более зависим. Ну и освобождала от этого тягла. Катя, фотограф. Она работала на корпоративах, там чаще были зажиточные мужики, легче ипотеку покрыть. А Егор пффф... Интересно, его и в гроб с телефоном в руке положили? — Вика посмеялась своей шутке. — Игорь жил с мамой, этого без всякой жены надо было пристрелить. Своим контролем мать сделала его бессмысленным существом, своей прислугой, а он еще и жену в эту секту притянул. Его я больше всех ненавидела. Хотя нет. Садист Роман. Тут и объяснять нечего.

— Владимир и Елена. Ты убила двоих.

— Они оба запутались.

— Наши криминалисты говорят там была борьба и ты убила, потому что защищалась. Владимир мог тебя опознать.

— Это уже не важно. Крапивина была у вас на крючке, — Вика опять кричала. Больные темы вводили ее состояние аффекта, она теряла контроль. Серов в такие моменты, напрягался и готов был в один прыжок оказаться рядом с журналистами, чтобы отбить нападение. Вика порывав успокаивалась и продолжала интервью, словно вспоминала что выполняет миссию.

— Мы чуть подробней поговорим о каждом убийстве. Но попозже. Сейчас мне важно знать вот какую вещь. У них был шанс спастись?

— Да. Мы с Крапивиной долго обсуждали эти пары. И вот что она сказала. Порой чтобы разойтись или спасти брак, необходимо просто поговорить по душам. Не скандалить, не обвинять друг друга. А спросить супруга: «Ты чего хочешь? Честно. Ах, этого». Не поверишь, но, если говорить чистую правду, ты узнаешь о супруге такое. И про детей, и про секс, и про родителей, и про деньги, и про квартиру. Про все. И тогда после откровенного разговора надо решить, стоит ли жить вместе. Не надо убивать. Надо просто, вот так как мы, сесть друг напротив друга и сказать: «Давай поговорим!»

ЗА КАДРОМ

Сибирский долго убеждал руководство канала не выпускать интервью с Викой, ему казалось, давать рупор маньяку не этично. Кроме того, Вика так и не раскаялась. Получилась не исповедь серийного убийцы, а декламация сумасшедших идей Вики. Фильм был бы более

объективным, но руководство канала считало иначе. Сибирский, как будущий руководитель программы о самых громких преступлениях России, благоразумно не вступил в открытый конфликт и согласился с доводами начальников. Материал, который привез Сибирский, поднял его акции. Интриганка с канал Инга Алексеевна, узнав, что свадьба Дениса расстроилась, принялась активно продвигать его, и после праздников Сибирского назначили новым руководителем. Машке-продюсеру предложили менее привлекательный пост в соседней редакции. Сибирский оказался более удачлив. В работе, с личным было все наоборот.

Прямо перед свадьбой, увидев отца в окне, Сибирский застыл. Галстук так и остался не завязанным. Флешбэки с похорон матери пронеслись в мыслях Дениса. Знак. Свадьба была ему не нужна. Все события, которые происходили с ним, словно предупреждали его о том, что он выбрал неправильный путь. Крапивина была права, он знал ответ заранее. Вика была права, он женат на работе. Кузнецова была права, жить с Ольгой долгие годы, и врать на вопрос об изменах — это обман. Сибирский, не завязывая галстук, пошел к невесте. Он отвел ее в сторону и рассказал ей правду. Всю. Свадьбу отменили, договорились обсудить все позже, хотя было ясно, что теперь отношениям конец. Ольга не собиралась его прощать, Сибирский сильно и не раскаивался. Используя служебный выход, он исчез из ЗАГСа, и поехал в травмпункт, где ему загипсовали пальцы. Он отправился в гостиницу и принялся составлять план интервью с Викой, учился печатать на ноутбук одной левой.

Геля бросилась отцу на шею. Она плакала и убеждала его погостить у нее. Отец не согласился. Он внимательно оглядел внуков, спросил, как найти могилу жены, покурил и исчез. Чтобы никому не мешать жить.

Кузнецова сидела в палате рядом с мужем. Он спал. Она писала отчеты. Когда Джонни проснулся, то вновь стал взволнованным, кричал, проклинал жену, Вику, Сибирского и весь белый свет. Медсестры вкололи ему очередную порцию успокоительного. Кузнецова не знала что делать, стрелки часов приближались к 12. Тремя этажами выше лежала Крапивина. Майорша побрела к ней. Ей не давал покой один факт. Весь план Вики был слишком изящным, а сама Вика показалась ей немного глуповатой.

Психолог была подключена к множеству аппаратов. Медсестра сказала, что мозг серьезно поврежден, левая сторона тела полностью отказала. Вчерашняя десятичасовая операция прошла в целом успешно, но многое зависит от того, переживет ли она эту ночь. Кузнецова села рядом, включила телевизор без звука. Президент вот-вот должен был начать свою речь.

— С новым годом, — медленно проговорила Кузнецова.

— Извиняться пришли, — Крапивина открыла глаза. — Спасибо, что включили телевизор.

— Вику поймали. Вы же знали, что это ее рук дело. Я все проанализировала, составила картину преступления. Она просто не могла так изящно все придумать, у нее мозгов бы на это не хватило. А вот исполнитель она прекрасный. У меня нет фактов, но я уверена, вы кукловод. Это ваша черная папка, это ваши методы.

— Она ловко водила вас за нос. Жалко не удалось ей сбежать. Алина талантливая гримерша, кто из вас раскрыл план с автобусом?

— Зачем вы ей помогали?

— Значит, журналист. Беспокойный парень этот Сибирский.

— Зачем?

— Я не могла иметь детей, а Вика приبلудилась. Как кот несчастный сидит возле подъезда, пищит. Ты прекрасно знаешь, что если возьмешь, то намучаешься. Он будет срать по углам, болеть всем подряд, и при первой возможности сбежит. Вот Вика такой сумасшедший бездомный кот. Я не смогла пройти.

— Но вам удалось ее приручить, с человеком это сделать легче, достаточно дать ему веру во что-то. Так работают сектанты.

— Манипуляция сознанием человека в пограничном состоянии. Когда Вика убила первую жертву, я стала наблюдать за Васей. Класно он тогда пошел в гору.

— Убивать ради счастья другого человека?

— Я никого не убивала.

— Вы помогали спланировать дальнейшие убийства.

— Выключи диктофон, сотри все что записала. И продолжим.

Крапивина сильно вздохнула и едва не потеряла сознание. Датчики пикнули, линия пульса на кардиомониторе скаканула и успокоилась. Кузнецова достала телефон и показала, что не записывает ничего. Огляделась, нашла взглядом небольшую подушку и посмотрела на Крапивину.

— Мы разобрали все пары. Кому лучше жить, а кому время умереть. А далее я разругалась с Викторией намерено и только подкидывала ей идеи. Я сама ей рецепт антидепрессантов пробила, через знакомых. Они влияют на память. И я этим пользовалась. Если вы найдете ее записную книжку в телефоне, там весь план убийств, который написала я. Она же думала, что это озарение, в периоды амнезии. Смешно. Но я подчеркиваю, я не заставляла ее что-то делать. Она сама по зову, так сказать, сердца убивала этих несчастных людей, но в пользу счастья других. Это был удачный эксперимент. Я поправлюсь и продолжу его. Без убийств. На разводе буду настаивать.

— Врач сказал, что вы можете и не пережить эту ночь.

— Кузнецова, я живучая.

Кузнецова взяла подушку. Крапивина посмотрела на нее и закрыла глаза.

— Я очень надеюсь, что ты не переживешь эту ночь, — Кузнецова выдохнула.

Майорша прижала плотно подушку к груди и долго смотрела на засыпающую Крапивину. Пугачева появилась на экране телевизора. Скоро Новый год. Кузнецова посмотрела на аппараты, отслеживающие состояние пациента. Несмотря на современные технологии, лучший способ проверить, жив ли человек после операции на головном мозге, не произошло ли кровоизлияние — будить его каждые 15 минут. Кузнецова проверила пациента — жива. Майорша встала и собиралась уходить, когда на аппарате сердечного ритма кривая последний раз подпрыгнула. Красная линия на кардиомониторе выровнялась, аппарат тихо запищал. Кузнецова еще немного посмотрела на умирающую Крапивину, не было ни радости, ни сострадания, казалось, так справедливо. Она неспешно подошла к кнопке вызова реанимационной бригады и с силой на нее надавила. Те примчались быстро. Вкололи лекарство, зарядили дефибриллятор. Разряд. Куранты на телевизоре били полночь, медсестра отсчитывала время между зарядами. Еще разряд. Бесполезно. Врач посмотрел на часы. «Время смерти 1 января 0 часов 0 минут».

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net